

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Выпуск № 3 / 2021

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2021

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

К. Р. Амбарцумян – кандидат исторических наук

Редакционный совет

Исмаил Тогрул Рафик оглы – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор (Турция); **Карасик В. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Крюссман Т.** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **Крючков И. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Мамонов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мелконян А. А.** – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Мюллер В.** – д-р ист. наук, профессор; **Репина Л. П.** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Саваи Ф.** – д-р ист. наук, профессор (Венгрия); **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Фролов Д. Д.** – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии.

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор; **Анисимов А. П.** – д-р юрид. наук, профессор; **Бакаева О. Ю.** – д-р юрид. наук, профессор; **Беликов А. П.** – д-р ист. наук, доцент; **Бредихин С. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Булыгина Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Гладышев А. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Грушевская Т. М.** – д-р филол. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Демченко Т. И.** – д-р юрид. наук, доцент; **Дроздова А. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клычников Ю. Ю.** – д-р ист. наук, профессор; **Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор; **Краснова И. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Кузьминов П. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Ласкова М. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Манаенко Г. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Мехди Хоссейни Тагиабад** – директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (Иран); **Мирошниченко Н. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Позднышев А. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Попов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Рыженков А. Я.** – д-р юрид. наук, профессор; **Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Сумской Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Ходус В. П.** – д-р филол. наук, профессор; **Цихорацкий П.** – профессор Вроцлавского университета (Польша); **Цыбенко В. В.** – к-т ист. наук, доцент; **Чаннов С. Е.** – д-р юрид. наук, профессор; **Чичман Л.** – д-р полит. наук, профессор Будапештского университета «Корвинус» (Венгрия); **Шаронов С. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Шварц И.** – д-р филос. наук, профессор Венского университета (Австрия); **Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Шевчук С. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор; **Щербакова Л. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Яценко Т. С.** – д-р юрид. наук, доцент.

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес редакции и издателя:
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский
федеральный университет», 2021

HUMANITIES AND LAW STUDIES

Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education
«North-Caucasus Federal University»

Editor-in-Chief

Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor

Vice Editor-in-Chief

Smirnov D. A. – Doctor of Law, Professor

Executive editor

Ambartsumyan K. R. – PhD in History

Editorial Council

Ismail Togrul – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor (Turkey); **Karasik V. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Krüssmann T.** – Doctor of Law, Professor (Austria); **Kryuchkov I. V.** – Doctor of History, Professor; **Mamonov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Melkonyan A. A.** – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia; **Müller W.** – Doctor of History, Professor; **Repina L. P.** – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; **Szávai F.** – Doctor of History, Professor; **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Frolov D.D.** – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland.

Editorial Board

Apryschenko V. Yu. – Doctor of History, Professor; **Anisimov A. P.** – Doctor of Law, Professor; **Bakaeva O. Yu.** – Doctor of Law, Professor; **Belikov A. P.** – Doctor of History, Associate Professor; **Bredikhin S. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Bulygina T. A.** – Doctor of History, Professor; **Gladyshev A. V.** – Doctor of History, Professor; **Grushevskaya T. M.** – Doctor of Philology, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Demchenko T. I.** – Doctor of Law, Associate Professor; **Drozdo-va A. M.** – Doctor of Law, Professor; **Klyukovskaya I. N.** – Doctor of Law, Professor; **Klychni-kov Yu. Yu.** – Doctor of History, Professor; **Kolesnikova M. E.** – Doctor of History, Professor; **Krasno-va I. A.** – Doctor of History, Professor; **Kuzminov P. A.** – Doctor of History, Professor; **Lasko-va M. V.** – Doctor of Philology, professor; **Manaenko G. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Miroshnichenko N. V.** – Doctor of Law, Professor; **Mukhachev I. V.** – Doctor of Law, Professor; **Hosseini Mehdi** – Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Iran) Professor; **Navasardo-va E. S.** – Doctor of Law, Professor; **Pozdnyshov A. N.** – Doctor of Law, Professor; **Popov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Ryzenkov A. Ya.** – Doctor of Law, Professor; **Serebriako-va S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Hodus V. P.** – Doctor of Philology, Professor; **Sumskey D.** – Doctor of Law, Professor; **Tsikhovatskii P.** – Doctor of History, Professor (Poland); **Tsybenko V. V.** – PhD in History, Associate Professor; **Channov S. E.** – Doctor of Law, Professor; **Chichman L.** – Doctor of Political Sciences, Professor of Budapest University «Corvinus» (Hungary); **Sharonov S. A.** – Doctor of Law, Professor; **Schwartz I.** – Doctor of History, Professor (Austria); **Shebzukhova T. A.** – Doctor of History, Professor; **Shevchuk S. S.** – Doctor of Law, Professor; **Shibkova O. S.** – Doctor of Philology, Professor; **Shcherbakova L. M.** – Doctor of Law, Professor; **Yatsenko T. S.** – Doctor of Law, Associate Professor.

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

Address of the editorial office and the publisher:

1, Pushkin Street, Stavropol 355017.

Telephone: +7 (8652) 75-28-64

ISSN 2409-1030

© FSAEI HE "North-Caucasus
Federal University", 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

(Россия и Армения: перекрестки историй и культур)

Акопян В. З. Отражение в этнических топонимах Юга России имен известных деятелей армянского происхождения.....	8
Амбарцумян К. Р. Армянский вопрос в советско-турецких отношениях в 1921 гг.	18
Батиев Л. В. Последний магистрат Нахичевани-на-Дону (1865–1870 гг.).	26
Величко Л. Н. Позиции лидера партии кадетов П. Н. Милюкова по армянскому вопросу	37
Казаров С. С. Нахичевань-на-Дону в 1915–1919 гг.: в тисках продовольственного кризиса.....	43
Крючков И. В. Британский фактор в развитии национального движения армян Западной Армении в последней трети XIX в. в оценке полковника Д. В. Путяты	48
Назарьян И. Н. Информационные возможности интернет-ресурсов для изучения истории армянской диаспоры Ирана.....	55
Пантюхина Т. В. Американская гуманитарная интервенция во время армянского кризиса в конце XIX – начале XX вв.	63
Папазян К. Л. Деятельность Г. Х. Чалхушьяна на педагогическом поприще	69
Чориян С. К. Нахичеванская-на-Дону духовная семинария и её роль в воспитании и образовании армянского юношества	74
Шагиданова К. И. Роль армянского торгового капитала в экономике российского государства второй половины XVII века.	79

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Добрецов Б. Г. Событие и состав административного правонарушения: различие дефиниций на примере ответственности за нарушения при выборе способа закупки.	86
Колесников А. В. Перманентная минимизация организационной самостоятельности муниципалитетов как имманентная черта российской модели публичной власти.	96
Навасардова Э. С., Захарин А. Н. Правовая регламентация обращения с отходами в странах Евразийского Экономического Союза.....	106
Постульга Л. В. О недостатках правового регулирования государственного программирования как инструмента осуществления плановой политики государства.	113
Рукавишников С. М. Проблемы совершенствования системы подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре.	120
Шаповалов Я. А. Становление и динамика антитеррористической защиты объектов: частноправовой аспект	124

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бирюкова П. С. Оценочный компонент англоязычных неологизмов в кинодискурсе и его манипулятивный потенциал.	131
Фанян Н. Ю. Специфика репрезентации аргументативного дискурса в предисловии повести Андре Жида «Имморалист».	140
Храбскова Д. М., Томичева И. В. Использование жанра пастиш в интертекстуальной практике рекламного медиа-дискурса.....	149
Царева Н. А. К вопросу о специфике поэтического идиостиля Б.Л. Пастернака.	155

РЕЦЕНЗИИ

- Беликов А. П.** Книга о забытом учёном [Рец. на: Казаров С.С. Профессор Ростовского Педагогического института Алексей Иванович Иванов: жизнь и творчество. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. – 96 с.] 162

ЮБИЛЕИ

- Колесникова М. Е., Терещенко Н. В.** Университет как судьба: к 75-летию со дня рождения профессора Владимира Александровича Шаповалова 169
- Тельменко Е. П., Крючков И. А.** Медиевистика как призвание: к юбилею профессора Ирины Александровны Красновой. 177

CONTENTS

HISTORY

(Russia and Armenia: crossroads of histories and cultures)

Akopyan V. Reflection of the names of famous figures of Armenian origin in the ethnic toponyms of the South of Russia.	8
Ambartsumyan K. Armenian issue in Soviet-Turkish relations in 1921.	18
Batiev L. Last magistrate of Nakhichevan-on-Don (1865–1870).	26
Velichko L. The attitude of the Cadet party leader P.N. Milyukov to the Armenian issue.	37
Kazarov S. Nakhichevan-on-Don in 1915-1919: in the grip of the food crisis.	43
Kryuchkov I. The British factor in the development of the national movement of Armenians of Western Armenia in the last third of the XIXth century in the assessment of colonel D.V. Putyata.	48
Nazar'yan I. Information possibilities of internet resources for studying the history of the armenian diaspora in Iran.	55
Pantyukhina T. American humanitarian intervention during the Armenian crisis in the late XIX – early XX centuries.	63
Papazyan K. G.H. Chalkhushan`s activities in the pedagogical field.	69
Choriyan S. Hakhichevan-on-Don theological seminary and its role in the upbringing and education of Armenian youth.	74
Shagidanova K. The role of Armenian trade capital in the economy of the Russian state in the second half of XVII century.	79

LEGAL SCIENCES

Dobretsov G. Event and composition of an administrative offense: difference of definitions on the example of liability for violations when choosing a procurement method.	86
Kolesnikov A. Minimizing the organizational independence of municipalities as an immanent feature of the Russian model of public power in Russia.	96
Navasardova E., Zaharin A. Legal regulation of waste management in the countries of the Eurasian Economic Union.	106
Postulga L. On the disadvantages of legal regulation of state programming as a tool for the implementation of the planned policy of the state.	113
Rukavishnikov S. The problems of the training system of scientific and teaching staff in postgraduate school.	120
Shapovalov Y. Formation and dynamics of anti-terrorist protection of objects: private law aspect.	124

PHILOLOGICAL SCIENCES

Biryukova P. Evaluative component of English neologisms in cinematic discourse and its manipulative potential.	131
Fanyan N. The specifics of argumentative discourse representation in the preface to a short novel by Andre Gide “the immoralist”.	140
Khrabskova D., Tomicheva I. Usage of pastiche genre in intertextual practice of advertising media discourse.	149
Tsareva N. On the specific features of the poetic idiostyle of B.L. Pasternak.	155

REVIEW

- Belikov A.** A Book about the Forgotten Scientist [Review: Kazarov S.S. Professor of the Rostov Pedagogical Institute Alexey Ivanovich Ivanov: life and work. Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University, 2019. – 96 p.]162

ANNIVERSARIES

- Kolesnikova M., Tereshchenko N.** University as destiny: to the 75th birth anniversary of professor V.A. Shapovalov.....169
- Telmenko E. Kryuchkov I.** Medieval studies as vocation: on the anniversary of professor I. A. Krasnova177

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ (Россия и Армения: перекрестки историй и культур)

УДК 323.1:94:008 (=19)
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.1

В. З. Акопян

ОТРАЖЕНИЕ В ЭТНИЧЕСКИХ ТОПОНИМАХ ЮГА РОССИИ ИМЕН ИЗВЕСТНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ АРМЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

История армянского народа, с давних времен терпящего притязания на свои территории со стороны соседних государств, представляет собой бесконечную цепь трагических событий и остродраматических ситуаций. Под ударами кочевых варварских орд в Армении разрушались города и села, уничтожались исконные жители, а земли становились достоянием захватчиков. Спасавшие жизни армяне большими и малыми группами покидали родину и расселялись в других странах, в частности на Юге России (Дон и Северный Кавказ). Значительная часть армян, оказавшихся за пределами родины – в диаспоре, теряла свою этничность в результате ассимиляции. Многие теперь находятся под угрозой потери своей национальной идентичности.

Важнейшим фактором, влияющим на сохранение национального самосознания в диаспоре, выступает историческая память о покинутой родине. В свою очередь на сохранение исторической памяти оказывают влияние национальные топонимы, в частности ойконимы – названия населенных пунктов.

В статье приводится авторская классификация армянских топонимов (ойконимов). Третью группу ойконимов, самую многочисленную, составляют населенные пункты, названные в честь известных деятелей армянского происхождения, а также основателей населенных пунктов. Эти топонимы стали объектом рассмотрения данной статьи.

В советский период, особенно в предвоенные десятилетия, преимущество отдавалось только революционным или советским по содержанию топонимам. Большая часть из них посвящена армянам – советским общественно-политическим деятелям. Многие армянские населенные пункты по разным причинам или прекратили свое существование, или были переименованы.

Автор выражает уверенность в том, что на современном этапе положения Конституции Российской Федерации создают благоприятную основу для восстановления утраченных национальных топонимов.

Ключевые слова: Юг России, армянские поселения, диаспора, историческое сознание, национальная идентичность, топонимы, ойконимы.

Victor Akopyan

REFLECTION OF THE NAMES OF FAMOUS FIGURES OF ARMENIAN ORIGIN IN THE ETHNIC TOPONYMS OF THE SOUTH OF RUSSIA

The history of the Armenian people, which has long suffered claims to its territories from the neighboring states, is an endless chain of tragic events and dramatic situations. Under the blows of the nomadic barbarian hordes in Armenia, cities and villages were destroyed, the original inhabitants were destroyed, and the lands became the property of the invaders. The Armenians who saved their lives left their homeland in large and small groups and settled in other countries, in particular in the South of Russia (the Don and the North Caucasus). A significant part of Armenians who found themselves outside their homeland – in the Diaspora, lost their ethnicity because of assimilation. Many are now in danger of losing their national identity.

The most important factor affecting the preservation of national identity in the diaspora is the historical memory of the abandoned Homeland. In turn, the preservation of historical memory is influenced by national toponyms, in particular oikonyms – the names of settlements.

The article presents the author's classification of Armenian toponyms (oikonyms). The third group of oikonyms, the most numerous, consists of settlements named after famous figures of Armenian origin, as well as the founders of settlements. These toponyms have become the object of consideration of this article.

In the Soviet period, especially in the pre-war decades, the advantage was given only to revolutionary or Soviet toponyms in terms of content. Most of them are dedicated to Armenians-Soviet public and political figures. Many Armenian settlements either ceased to exist or were renamed for various reasons.

The author expresses confidence that at the present stage, the provisions of the Constitution of the Russian Federation create a favorable basis for the restoration of lost national toponyms.

Key words: South of Russia, Armenian settlements, diaspora, historical consciousness, national identity, toponyms, oikonyms.

История армянского народа представляет собой бесконечную цепь трагических событий и остродраматических ситуаций. Под ударами кочевых варварских орд разрушены тысячи городов и сел, уничтожены сотни тысяч и миллионы исконных жителей страны, а ее земли стали достоянием захватчиков. Спасшиеся от геноцида армяне покидали родину и расселялись в других странах, в частности, на Юге России образовав диаспору (по-арм. – спюрк). Многие армяне ассимилировались, другие в настоящее время находятся под угрозой потери своей национальной идентичности.

В сохранении национального самосознания в диаспоре играют роль различные объективные и субъективные факторы, обуславливающие друг друга. К первым относятся: 1) существующая в данной стране политическая, социально-экономическая, этноконфессиональная ситуация; 2) имеющиеся традиции межэтнических отношений как в стране в целом, так и в конкретном регионе; 3) компактность проживания этнодисперсной группы; 4) близость к региону нахождения общины ее исторической родины и наличие благоприятных условий для тесных связей с ней; 5) наличие у «метрополии» (в данном случае материнского государства) экономических и иных возможностей для поддержки своей национальной диаспоры; 6) существование (или же отсутствие) у этнодисперсной группы страны и региона исторических традиций общинной жизни и наличие действующих на современном этапе таких сегментов общин, как национальная церковь, общественные объединения (благотворительные и иные общества), учебные заведения на армянском языке и культурные учреждения с общением на родном языке и т. д.

Важнейшим фактором, влияющим на сохранение национального самосознания в диаспоре, выступает историческая память о покинутой по разным причинам родине. В свою очередь на сохранение исторической памяти оказывают влияние национальные топонимы¹.

Причем в рамках данного исследования рассматриваются только те армянские топонимы на Юге России, которые связаны с названием населенных пунктов, – ойконимы. И в этом комплексе групп топонимов мы более подробно остановимся только на одной, третьей, группе ойконимов из нашей классификации, которая приводится ниже. Рассмотрение всех остальных топонимов, например, гидронимов (названия улиц), урбонимов (городских объектов), агоронимов (площадей), гидронимов (водных объектов), оронимов (возвышенностей) [11; 17], так же, как и других групп

ойконимов, или уже получили освещение в опубликованных наших работах [7; 8; 9; 10; 11], или являются темой следующих публикаций.

Не претендуя на универсальную классификацию национальных ойконимов на Юге России, выделим следующие группы названий населенных пунктов.

Первая группа армянских ойконимов региона связана с эндоэтнонимом (самоназванием этноса) и экзоэтнонимом (названием этноса, которое ему дали другие народы). С учетом того, что большинство российских армян русскоязычны, слово «армянин» для них является и первым, и вторым.

Большинство ойконимов с наименованием «Армянская» (с приставкой или без нее) сохранились в Краснодарском крае. В их числе: хутор Армянский Крымского района; х. Армянский Апшеронского района; х. Староармянский Тбилисского района; хутор Трудовая Армения Каневского района; села Верхне-Армянское Лоо, Верхне-Армянская Хобза, Нижне-Армянская Хобза (Лазаревский район г. Сочи), Краевско-Армянское (Хостинский район Сочи) и др. К этой группе топонимов относились десятки ойконимов на Юге Дагестана и в горах Черкесии.

Единственный населенный пункт, содержащий в своей основе эндоэтноним «hАй» («Հայ»), точнее «hАйк» («Հայր»), расположен на Кубани. Это самое крупное армянское село Краснодарского края – Гайкадзор (Հայկաձոր), или Гай-Кодзор (в переводе с армянского – Армянское ущелье) Анапского района. Ныне Гайкодзор является центром сельского округа, входящего в состав муниципального образования город-курорт Анапа Краснодарского края, расположенного в предгорьях, в 15 км к юго-востоку от Анапы, на северо-западной оконечности Главного Кавказского хребта. Население села – 2968 чел. (2010 г.) [5; 13, с. 107–110].

Вторая группа содержит названия городов, сел и других географических названий исторической Армении, нередко с добавлением приставки «новый» (по арм. – нор): г. Новая Нахичевань (Нор-Нахичеван, Нахичевань-на-Дону); г. Армавир; с. Эдиссия; несколько сел с названием Арапат (сохранилось только одно); хутора и станицы с российским названием армянской столицы: ст. Эриванская и х. Эриванский; х. Карс, х. Карский, х. Новокарский; х. Новый Ардаган; х. Ван (упразднен); Муш (ныне – ст. Тоннельная); Эрзинджан (ныне п. «Победа»); х. Эрзинджан (упразднен); Эрзерум (упразднен) и др. Все названные населенные пункты находятся или находились в пределах Краснодарского края.

Третью группу ойконимов, самую многочисленную, составляют населенные пункты, названные в честь известных деятелей армянского происхождения, а также основателей сел или хуторов, владельцев поместий.

1 Топонимы (по-арм. – տեղանունը – теһанунэ) – название стран и географических областей, городов и сел, улиц и площадей, континентов и океанов, рек и озер, природных объектов и т. д. [11; 17; 19].

Четвертая группа национальных ойконимов, преимущественно советского периода, несет идеологическую нагрузку. Например: х. Кармир-Астх (Красная Звезда) в Адыгее; х. Новый Мир (Нор Ашхарн) и с. Новая Жизнь (Нор Кянк) в Краснодарском крае и др. К ним также относятся и упоминавшиеся выше топонимы третьей группы, по фамилиям советских деятелей армянского происхождения.

К пятой группе армянских топонимов относятся те из них, которые имели «чисто» религиозное содержание: город Сурб Хач (Святой Крест), нынешний город Буденновск Ставропольского края; х. Хачивань (Хачиван) Лабинского района Краснодарского края и др.

К шестой группе мы относим те из них, которые не имели изначально армянского происхождения, но со временем их жителями стали осознаваться в качестве своих, национальных названий.

Как уже отмечалось выше, в данной статье более подробно рассматривается третья группа ойконимов – названия населенных пунктов в честь известных деятелей армянского происхождения, а также основателей сел или хуторов, владельцев поместий. Большая часть из них появилась в советский период и посвящена армянам – общественно-политическим деятелям советского периода. В этом плане количественно преобладают топонимы, названные в честь известного политического деятеля, социал-демократа Степана Георгиевича Шаумяна (1878–1918), которого при жизни называли Кавказский Ленин. Его именем названы преимущественно армянские населенные пункты. Менее «значимым большевикам», например, грузинского происхождения, повезло больше. Их именами называли города и села. В этом плане Орджоникидзе, Буачидзе и другие соотечественники Сталина и Берия «оставили» Шаумяна далеко позади себя. Назовем несколько населенных пунктов (сел, хуторов, поселков) Юга России, носящих фамилию известного революционера – армянина.

1. Село (поселок городского типа) Шаумян в Туапсинском районе Краснодарского края (1603 чел.), бывшее до 1953 г. административным центром Армянского района (упраздненного в 1953 г.). До 1936 г. село называлось Елизаветпольское.
2. Хутор Шаумяновский Егорлыкского района Ростовской области (1875 человек, 2010 г.).
3. Хутор Шаумян Майкопского района Адыгейской республики (386 чел., 2018 г.).
4. Поселок Шаумяновка в Лазаревском районе Сочи (ныне городской микрорайон), в 3 км от моря, в 12 км к северо-западу от Центрального Сочи. Поселок основан в начале XX века спасшимися от геноцида западными армянами. Через поселок проходит

федеральная автотрасса «Джубга-Адлер». Шаумяновка расположен в горной (400 м над уровнем моря) лесистой местности. Микрорайон делится на Верхнюю Шаумяновку и Нижнюю Шаумяновку.

5. Село им. Шаумяна в Кизлярском районе Дагестанской республики, в двух км от города Кизляр (1204 чел., 2010 г.). В советский период армянское село. В настоящее время преобладают народы Дагестана (аварцы, лакцы и др.).
6. Поселок Шаумяновский Георгиевского района Ставропольского края (3119 чел., 2010 г.). Более 90% русские, остальные армяне и представители других национальностей.

Целый ряд топонимов посвящены известному советскому государственному, военному и партийному деятелю, литератору Александру Федоровичу Мясникову (настоящая фамилия Мясникян, литературный псевдоним – Мартуни). Он родился 28 января 1886 г. в г. Нахичевани-на-Дону. Его фамилией названы армянский национальный Мясниковский район в Ростовской области, улица в Пролетарском районе города Ростова-на-Дону, поселок Мясникован на р. Темерник, ставший микрорайоном в составе Ворошиловского района г. Ростова. К поселку примыкает остров на р. Темерник, на котором расположена церковь Сурб Хач (в советский период – Музей русско-армянской дружбы) – все, что осталось от монастырского комплекса Сурб Хач, уничтоженного в 1920-е гг. советской властью. Здание церкви – старейшее в Ростове-на-Дону. В приходском училище при монастыре Сурб Хач Мясникян обучался до 12-летнего возраста. В период учебы Александр освоил литературный армянский (до этого, кроме русского языка, он говорил на нахичеванском диалекте). По окончании училища учился в нахичеванской армянской семинарии, по окончании которой продолжил обучение в гимназических классах Лазаревского института в Москве. Прекрасно владея восточноармянским языком, он не испытывал языковых проблем в Советской Армении, куда был направлен в начале мая 1921 г. решением ЦК РКП(б). Здесь он работал председателем Совнаркома и наркомом по военным делам, одновременно заместителем председателя СНК ЗСФСР и членом Кавбюро ЦК РКП(б). Через своих представителей вступил в переговоры с Гарегинном Тер-Арутюняном, дав ему понять, что сделает все возможное, чтобы армянские области, включая Сюник (Зангезур), не перешли под контроль Азербайджана [6]. В связи с этим Александр Федорович оказался в числе немногих политических деятелей Советской Армении, чье имя не было стерто из названий городов, улиц и населенных пунктов Третьей республики и Республики Арцах.

А. Ф. Мясников погиб 22 марта 1925 г. в авиационной катастрофе вместе с Георгием Атарбековым, с 1921 г. – нарком почт и телеграфа Закавказья, заместителем наркома РКИ и членом Президиума Закавказской партийной контрольной комиссии, и С. Могилевским, с 1922 г. – председателем Закавказского ГПУ. Ряд историков считают катастрофу несчастливой.

В память о Г. Атарбекове (1892–1925) были названы: микрорайон Атарбеково, входящий в состав Лазаревского района г. Сочи (микрорайон находится на правом берегу реки Уч-Дере, в 1 км от берега моря), улицы в Москве, Краснодаре, Сочи, Ростове-на-Дону, Пятигорске и др. В 1993 г. в Пятигорске улицу Атарбекова переименовали в ул. Широкую. В то же время не изменились названия всех остальных топонимов на основе фамилий революционеров, все распоряжения которых добросовестно выполнял Атарбеков. Такую же избирательную, одношаговую топонимическую «десоветизацию» провели в Краснодаре в отношении ул. Шаумяна, одной из самых длинных улиц, параллельной главному проспекту столицы Кубани – Красной. Улицу Шаумяна переименовали в Рахпилевскую. Восторжествовала историческая память? Избирательно – да. И самое главное – город, построенный по указу Екатерины Великой, по-прежнему остается топонимически «красным». Но это уже другая тема.

Такая избирательность встречается, извиняюсь за фразеологизм, сплошь и рядом. Возьмем, например, фигуру советского государственного и политического деятеля Анастаса Ивановича Микояна (1895–1978).

Неоднозначное отношение к личности Микояна сложилось в армянском обществе. Признавая за ним огромную роль в качестве советского политического и государственного деятеля, некоторые историки считают, что ради политической карьеры он не занял принципиальную позицию по вопросу возвращения Нагорного Карабаха и Нахичевана в состав Армянской ССР. Но его имя, активного участника строительства государственности Советского Азербайджана, как и других политических деятелей армянского происхождения, подвергается шельмованию в «азербайджано-турецкой» историографии.

Однако в российской истории (пусть в советском временном отрезке) роль Микояна огромна, и она весьма созидательна. Подтверждением является и северокавказский временной период (1922–1926) в его политической карьере, когда в 1922 г. Микоян, только избранный в состав ЦК РКП(б), был направлен в Ростов-на-Дону, где возглавил Юго-Восточное бюро ЦК (с 1924 г. – Северо-Кавказский крайком). При нем самый сложный регион РСФСР в условиях нэпа быстро оправился от разрухи и вновь стал житницей страны. Микоян предпринял решительные шаги по превра-

щению «казачества в опору советской власти». Он требовал от коммунистов гибко относиться к религии, соблюдать экономические права, предоставленные зажиточным крестьянам и нэпманам. Национальные споры и трения преодолевались на основе компромисса. По инициативе Микояна был построен административный центр Карачаевской АО – Микоян-Шакар (ныне Карачаевск).

А. И. Микоян так же, как и другие советские руководители в окружении Сталина, несет ответственность за репрессивную политику. Но он после кончины диктатора много сделал для десталинизации советского общества, реабилитации невинно репрессированных советских людей и целых народов. В начале 1960-х гг. ему принадлежала решающая роль в урегулировании Карибского кризиса, когда мир стоял на грани термоядерной войны. На фоне масштабной личности Микояна весьма «серо» выглядело новое поколение советских руководителей во главе с Л.И. Брежневым. Эта ревность проявилась в обозначении топонимов.

Выдающаяся личность (подчеркнем для всего СССР, РСФСР и в частности для Юга России) была вознаграждена названием его именем двух небольших донских хуторов. Первый, хутор Микоян, был основан в 1929 г. в пустынной и безводной степи Мечетинского (с 1935 г. – Егорлыкского) района беженцами из села Серпацор Карсской области, но почему-то записанными в качестве «турецкоподанных». За короткое время хутор превратился в относительно крупный населенный пункт. В 1932 г. здесь был создан колхоз «Победа», занимавший по выращиванию зерновых передовые позиции в районе. В х. Микоян была построена школа, где обучение велось на родном языке, имелся свой национальный сельсовет. Начавшиеся в 1950-х гг. реорганизации колхозов привели к упадку хозяйства. Начинается массовый исход населения преимущественно в Краснодарский край и в города Ростовской области. Большой хутор постепенно пришел в упадок, колхоз был упразднен. Осталось около десяти-пятнадцати дворов с населением не более 50 человек и кладбище, которое до настоящего времени остается самым ухоженным местом на хуторе. Кончина А.И. Микояна была ознаменована ликвидацией последнего топонима, сохранявшего его имя. Хутор Микоян был переименован в хутор Советский, хотя жители по-прежнему называют его изначальным именем.

Второй хутор с названием Микоян располагался в Орловском районе, ранее входившем в Сальский округ. В 1958 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР он был переименован в хутор Таловый. Несколько оставшихся в живых жителей, проживающих по ул. Микояновской, вряд ли вспоминают старое название своего умирающего хутора. И это переименование

произошло при жизни члена Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя главы правительства СССР, председателя Верховного Совета СССР [5].

И еще более обидную оплеуху получил Анастас Иванович при жизни. Ему принадлежит заслуга строительства административного центра для Карачаевской АО, выделенной в 1926 г. из состава Карачаево-Черкесской АО. Карачаевские руководители, ссылаясь на то, что в Карачае нет города, предъявляли претензии на Кисловодск, рядом с которым они временно разместились (в селе Учкёкен). Строительство города для АО, начавшееся в 1926 г., нейтрализовало эти претензии на курортный город, в котором карачаевцев можно было встретить только на городском рынке. 17 июля 1927 г. вторая сессия Карачаевского облсовета депутатов трудящихся, проходившая в с. Учкёкен, постановила присвоить новому городу имя Микоян-Шахар (с карач. – город Микояна). 7 ноября 1927 г. состоялось торжественное открытие города. С августа 1942 до 18 января 1943 г. Микоян-Шахар находился под немецкой оккупацией. Карачаевцев обвинили в коллаборационизме и в этой связи в октябре 1943 г. Карачаевская АО была ликвидирована, а в начале ноября осуществлена депортация карачаевцев. Постановлением Совнаркома СССР от 6 ноября 1943 г. Микоян-Шахар переименован в Клухори, а большая часть территории АО отнесена к Грузинской ССР. 14 марта 1955 г. указом Президиума ВС СССР Клухорский район передан в состав Ставропольского края, а 12 января 1957 г. указом Президиума ВС СССР город Клухори переименован в Карачаевск. Вот такую благодарность получил активный участник начавшейся в стране «оттепели».

Анонсируем еще один топоним краткой биографией известного советского военного и политического деятеля, в честь которого на Ставрополье была названа станица Гаевская. Гая Дмитриевич Гай (настоящее имя – Гайк Бжишкянц) (1887–1937) – известный военный деятель, участник Первой мировой и Гражданской войн, родился в центре иранской провинции Атрпатакан Тавризе в семье учителя. В 1901 г. он переехал в Тифлис, где учился в армянской духовной семинарии. С 1903 г. принимал участие в революционном движении. Состоял в армянской социал-демократической партии Гнчак (основана в 1887 году), воевал в отряде партизан-фидаинов. В период I Мировой войны после окончания школы инструкторов и офицеров в Тифлисе добровольно отправился на фронт. Командовал ротой армянских добровольцев в шестой дружине, воевавшей на Кавказском фронте. За боевые заслуги получил чин штабс-капитана, генералом Юденичем был награжден тремя Георгиевскими крестами. После октябрьского переворота вступил в РКП(б). Во время Гражданской войны во главе сформиро-

ванных им частей вел борьбу против белочехов и армии генерала Дутова. В июле 1918 г. руководил обороной Симбирска, после оставления которого командовал (июль – ноябрь) 1-й Симбирской пехотной дивизией, взявшей Симбирск и получившей наименование «Самаро-Ульяновская Железная дивизия». Бжишкянц отправил находившемуся на излечении после ранения Ленину известную телеграмму: «Взятие вашего родного города – это ответ за одну вашу рану, а за другую рану будет Самара». (В этой дивизии служил и получил первое «боевое крещение» Г. К. Жуков, который в своих мемуарах с большим уважением отзывался о Гае, как о выдающимся военачальнике. По его инициативе Жуков в 1924 г. поступил в Высшую кавалерийскую школу в Москве). С декабря 1918 г. по август 1920 г. командовал 1-й армией в составе Восточного фронта РККА; 42-й с/д Южного фронта; 1-й Кавказской «дикой» кавалерийской (кав.) дивизией Южного фронта; 2-м Кавказским кав. корпусом Юж. фронта; 3-м кав. корп. во время советско-польской войны. Был дважды награжден орденом Красного Знамени. В 1922 г. Бжишкянц – военный нарком Советской Армении. В 1924–1925 гг. – начальник военного гарнизона Минска. В дальнейшем занимался военно-педагогической и научной работой. В 1926–1927 гг. учился в Военной академии им. М. В. Фрунзе. По ее окончании в 1927 г. заведовал там кафедрой и защитил диссертацию. В 1933–1935 гг. он профессор и начальник кафедры истории войн и военного искусства в Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского. В июне 1935 г. снят со всех постов, уволен из армии, исключен из партии. 3 июля арестован по обвинению в «создании военно-фашистской организации в РККА». В письме Г. Ягоде из следственного изолятора признал, что, «будучи выпивши, в частном разговоре с беспартийным сказал, что „надо убрать Сталина, все равно его убьют“». 15 октября был приговорен ОСО при НКВД СССР по обвинению в причастности к контрреволюционной группе к 5 годам лагерей. При пересылке в Ярославскую тюрьму 22 октября бежал, но уже через несколько дней был задержан. Два года находился в заключении. В конце 1937 г. расстрелян [1]. После смерти Сталина реабилитирован и восстановлен в партии (посмертно). Г. Бжишкянц имеет многочисленные награды. В честь него названы улицы, населенные пункты, в Ереване его именем назван проспект, а также поставлен памятник.

А в Изобильненском городском округе Ставропольского края, в 68 км от краевого центра, в степной зоне по берегу запруженной балки в бассейне Егорлыка расположена станица Гаевская. Станица основана в 1860 г. как хутор отселившимися казаками из станицы Новотроицкой. В 1916 г. хутор получил статус казачьей станицы, названной Николо-Романовской в честь дяди

императора – Вел. князя Николая Николаевича. В 1925 г. станица была переименована в Гаевскую, по имени известного командира Железной дивизии Гая, в рядах которой служили многие станичники. Таким образом, станица Гаевская в числе немногих «неармянских» населенных пунктов России, названная в честь известной личности армянского происхождения. Увы, краевые СМИ называют станицу умирающей, так как численность ее населения из года в год сокращается. В 1989 г. в станице проживало 435 человек, в 2010 – 388. Из-за отсутствия контингента закрыт детский сад, а в 2011 г. – школа. Одна из причин «умирания» станицы – проблема водоснабжения. До 2014 г. она обеспечивалась за счет подачи технической воды по линии мелиорации. И только с 23 июня 2014 г. жители Гаевской впервые получили качественную питьевую воду из Новотроицкого водохранилища [15; 21].

Еще один, вполне по-армянски звучащий ойконим – Ленинаван, поселок (1741 чел., 2010 г.) Мясниковского района Ростовской области.

Еще больше национального в названии другого армянского села на Дону, основанного в 1785 г. крымскими армянами, переселенными на Дон. Это армянское село, не входившего в состав Мясниковского района, было названо в честь императрицы Екатерины II – Катеринавн. Катеринавн – родина выдающегося живописца Мартироса Сарьяна. Село располагалось на берегу р. Самбек. По мере «интернационализации» населения в обиход сельчан начинает входить второе название – Екатериновка, и советские власти, не мудрствуя лукаво, переименовали Катеринован в с. Самбек Неклиновского района.

Ряд названий армянских населенных пунктов имели т.н. «отфамильное» происхождение – от фамилии или прозвища основателя, как черкесогайское селение Карабета Талдустына, образованное рядом с будущим Армавиrom.

Таких небольших селений и хуторов с названиями, наряду с арменизированными местными топонимами или по названию оставленных селений на родине в Западной Армении, или в Амшене, было достаточно много в досоветский период вдоль всего Черноморского побережья. Так, например, во второй половине XIX в. в Джубском округе, который армяне из Амшена (ныне Черноморское побережье Турции) называли Шапшука, рядом с военными поселениями Шапсугского берегового батальона Кубанского казачьего войска сложилось несколько поселенческих районов армян из Джаника¹ с небольшими хуторами (в соответствии с амшенским диалектом – цец): Дживелекцец, Авджицец, Бостикцец, Демирчи, Наонцец

(Наонли), Сялвицец, Ампарцец (Амбарцумцец), Тусмасцец, Мгрли, Саркисцец, Курбетчи, Гомпикцец, Боладцец, Эксузцец, Бедросцец, Монуд, Тоштуд, Каваклуг, Яйлицец (ныне поселок Подхребтовое), Хазарцец, Магулцец, Базны, Дудукли, Мадилцец, Ожгинка (Ольгинка), Полковничка (Полковничье), Анни, Пилосцец, Хачикцец, Верин Козонли, Неркин Козонли, Вартыкцец, Шешба, Гулгулцец, Морозово-Аведли и др [20, с. 21–30]. Такого типа названия встречались в Армянском районе (более 60 сел и хуторов) [4] и в районе Большого Сочи.

По фамилии своего родоначальника назывался хутор Алабердова, основанный в Кубанской области до 1882 г. на левом берегу р. Уруп. Земля хутора принадлежала черкесого подпоручику Алабердову. На хуторе проживало 33 человека, имевших статус иногородних [26].

Кроме того, десятки небольших населенных пунктов, в официальных документах называвшихся «плантациями», носили имена собственников земли. Наиболее крупные из них нередко называли хуторами. Одно их перечисление займет значительное место. Приведем только несколько примеров таких «плантаций» по бывшей Кубанской области (нынешние Краснодарский край и Республика Адыгея – РА).

Плантация Авакимова Ивана, основанная в 1901 г. в 42 км от Екатеринодара на территории нынешней Адыгеи. В бывшем населенном пункте в 1926 г. проживало 64 жителя (все амшенские армяне), занимавшихся выращиванием табака, производством сыра и т.д. Интересно, что в 20-е годы этот населенный пункт входил в группу из 14 аналогичных плантаций при ауле Джиджихабль [25].

В плантации Аракелова Аксана, располагавшейся в 56 км от Краснодара (ныне территория РА), в 1926 г. проживало 43 человека – все армяне. К этому населенному пункту примыкали плантации: Аракелова Иосифа (43 чел.), Аракелова Ариса (43 чел.), Аракельяна Адама, Богосова, Демерьяна Киркора, Демерьяна Моисея, Кабасакельяна Сергея, Каваджана Ивана, Каведжьяна Татаса, Каведжьяна Арсения, Каведьяна Вагана, Модиляна Сергея, Муратова Вартаана, Сарьяна Богоса, Сарьяна Никиты, Чолакьяна Ервана, Чолакьяна Задыка, Узульяна Моисея, Чиникьяна Евсея, Эксузьяна Бедроса, Янукияна Минаса, Янукияна Сергея и др. [25].

К плантации Аракелова Ардаваста, основанной в 1900 г. (территория РА), на 1926 год примыкали плантации Кочикьяна Богоса и Малхасова Карпа. В трех плантациях проживало 37 человек [25].

В небольших населенных пунктах Кубанской области в Темрюкском уезде на 1882 г. числились плантации, носившие имена хозяев: Аракел-Мигира (Аракел Мгера), Аракела Йора, Аракел-Оглу [25] и др.

Большинство названных сел, хуторов и других населенных пунктов ныне не существуют. Они или переименованы, или ликвидированы, в том

¹ Джаник – западная часть исторического княжества Амшен и название гор, входящих в состав Понтийских гор, в районе города Самсун (совр. Турция). В XIX в. Амшен входил в Трабзонский (Трапезундский) вилайет.

числе путем объединений нескольких населенных пунктов, присоединением к другому иномациональному городу, хутору и селу, сопровождавшимся ликвидацией армянского топонима.

Немногие из населенных пунктов Кубани, носящие имена своих основателей, сохранились до наших дней.

На левом берегу реки Кубани расположен армянский хутор Богдасаров (66 чел., 2010 г.) Ольгинского сельского поселения Абинского района. Административный центр поселения расположен в 3 км на северо-запад от хутора. Нам неизвестно происхождение названия этого населенного пункта, производного от армянской фамилии, так же как и небольшого хутора Каспаровского (12 чел., 2010 г.), входящего в состав Новосельского сельского поселения Новокубанского района.

Больше информации о селе Терзиян Туапсинского района. Село расположено на левом берегу верхнего течения реки Пишиш, в 6 км от с. Гойтх, в 59 км от города Туапсе. До 1953 г. ранее крупное село, основанное амшенскими армянами в 1868 г., входило в состав Армянского автономного района. Хутор назван по фамилии первого переселенца Акопа Терзияна. Из года в год численность населения села сокращается. Еще в 2002 году в нем проживало 247 человек, а по переписи 2010 г. – 203.

Не сохранилось досоветское название нынешнего села Гражданского Минераловодского городского округа Ставропольского края. Оно вначале именовалось поселком Мирзоевых, а затем Софиевкой.

После завершения Кавказской войны в 1864 г. земли будущего поселка были пожалованы царским чиновникам, у которых их в 1871 г. приобрели братья Мирзояны (Мирзоевы) – предприниматели, проживавшие в Тифлисе.

Ованес Минасович Мирзоян первым основал в Сураханах два завода по производству керосина (1860-е гг.) и поставил в Балаханах первую буровую (1871 г.). По праву они считаются пионерами бакинскими нефтепромышленности. После кончины О.М. Мирзояна, в 1885 г. его прямые наследники – сыновья Григор и Мелкон, а также дочь княгиня Мария Аргутинская-Долгорукая в 1886 г. основали нефтепромышленное и торговое товарищество «Братья Мирзоевы и Ко» с грандиозным капиталом в 2,1 млн. руб. Фирма «Братья Мирзоевы и К°» оставалась одной из лучших компаний Баку вплоть до трагедии 1918 г., когда в отношении армян Баку турецкие интервенты вместе с турками города осуществили геноцид [18].

В приобретенном имении (9954 дес.) Мирзояны основали поселение, получившее название «поселок Мирзоевых» (в 1873 г. – 65 чел.) [27]. В честь дочери одного из братьев Н. М. Мирзоева Софьи село стало именоваться Софиевкой. Имение постоянно расширялось и в начале XX в. составляло 18,5 тыс. дес. – одно из крупнейших в регионе

Кавминвод. В поселении в 1909 г. проживало 310 человек, в большинстве – батраки. После того как Софья вышла замуж за В. П. Глебова, имение стало общей собственностью. Супруги проживали в Москве, а всеми делами заведовал управляющий. В списках населенных мест Терской области за 1909 г. поселение называлось «имением Софьевка помещиков В. П. и С. Н. Глебовых» [17; 21].

После установления советской власти, 1 апреля 1920 г. Пятигорский ревком издал постановление «Об организации в имении Софиевка советского хозяйства». Часть земель Софиевки было выделено совхозу им. К. Маркса, а часть роздана батракам. В 1922 г. был образован Гражданский с/с, куда и вошел совхоз. Постепенно название «Софиевка» было вытеснено новыми: с/х им. К. Маркса Гражданского сельсовета. В сельсовете зарегистрировано 4420 чел. (2010) с этническим составом 75 % – русские, 15 % – армяне и др. [19].

Нынешнее армянское население – в основном из Гандзака (Гянджи) и Арцаха. Основная масса поселилась в 60–80-х гг. XX в. и особенно в период антиармянских погромов в Азербайджане.

Уникальным явлением можно считать воссоздание старого названия населенного пункта в честь графа, генерала М. Т. Лорис-Меликова. Речь идет о поселке Лорис в Карасунском внутригородском округе города Краснодара, в составе Пашковского сельского округа, в восточной части городского округа Краснодара (3565 чел., 2010 г.; русские и армяне). С северо-запада поселок примыкает к железной дороге Краснодар – Кореновск. Поселок Лорис был основан в 1888 г. и назван в честь выдающегося российского военачальника и государственного деятеля, генерал-губернатора, министра внутренних дел империи – М. Т. Лорис-Меликова. В 1977 г. Лорис получил статус поселка и был переименован в п. Зональный и представлял собой научно-производственную базу аграрного комплекса. Возвращение наименования Лорис п. Зональному произошло по постановлению Правительства РФ от 6 июля 2011 № 534 «О переименовании географического объекта в Краснодарском крае» [23].

В 1869 г. в качестве награды за заслуги перед государством граф получил в Сукко 6000 десятин земли. В имении были заложены виноградники. Граф Т.М. Лорис-Меликов сделал свое имение, особенно полуостров Утриш и расположенное рядом озеро, местом, куда приезжали многочисленные туристы. В 1913 г. получил разрешение на строительство в своем имении небольшого порта. После кончины Лорис-Меликова имение в наследство получил его сын Таризл Михайлович. Несмотря на официальное наименование поселения при имении Сукко, жившие там люди именовали его по фамилии владельца.

Несколько населенных пунктов, названных по армянским фамилиям их основателей, сохранились в регионе Нижнего Терека.

Вокруг Кизляра, самого старого российского города на Северном Кавказе, находились имения, принадлежавшие крупнейшим землевладельцам армянского происхождения: Хастатовы (2 тыс. дес. земли), Арешевы (более 11 тыс. дес.), Аглицовы (6,1 тыс. дес.), Вагановы (4,3 тыс. дес.), Серебряковы (4,4 тыс. дес.), Ахвердовы, Балусовы, Калантаровы, Качкаевы, Ходжаевы, Калустовы (Галустовы), Тавакеловы, Тарумовы, Бурджаловы, Мишвеловы, Петросовы и др. Как правило, рядом с их имениями располагались населенные пункты, названные по фамилиям землевладельцев [2].

Несмотря на произошедшие изменения в топонимах (особенно в советский период), ныне сохранились некоторые названия населенных пунктов, носящие имена бывших землевладельцев: Большая Арешевка, Малая Арешевка, Серебряковка, Ростовановская и др.

В заключение приведем несколько констатаций.

1. «Топонимическая политика» на Юге России в царский период, особенно в период освоения региона и продолжавшихся войн с «непримиримыми горцами» и ази-

атскими соседями, в известной степени не препятствовала инициативе армянской общественности по присвоению своим населенным пунктам национальных названий.

2. В советский период, особенно в предвоенные десятилетия (в частности в период либерального нэпа), преимущество отдавалось только революционным или советским по содержанию топонимам.
3. Как в имперский (царский) период, так и в первое советское десятилетие названия населенных пунктов если и присваивались по инициативе местного армянского населения, то проходили через мощный барьер согласований с государственными органами, которые могли отвергнуть предложение как несовместимое с господствующей в тот момент доктриной.

На современном этапе, конституционные положения, гарантирующие равенство общероссийской и национальной идентичности, создают основу для восстановления утраченных национальных топонимов.

Источники и литературы

1. Айрапетян Г.А. Железный Гай. М.: Воениздат, 1980. 124 с.
2. Акопян В.З. Карабаглы на Тереке: страницы истории (1797–2002). Ростов н/Д: Изд-во РГУПС, 2002. 48 с.
3. Акопян В.З., Казаров С.С. Армяне // Энциклопедия культур народов Юга России. Главный редактор член-корреспондент РАН Ю.А. Жданов. Том I. Народы Юга России. Ростов н/Д, 2005. 244 с. С. 55–58
4. Акопян В.З. Армянский национальный район на Кубани // Armenological issues. Bulletin. Ереван: ЕрГУ, 2015. № 2(5). С. 31–46.
5. Акопян В.З. Образование национальных сельских поселений дисперсных этносов на Юге России в 20–30-е годы XX в. Пятигорск: ПГЛУ, 2015. 202 с.
6. Акопян В.З. Его именем назван национальный район на Дону (Александр Федорович Мясников) // Социально-экономическое и политическое развитие народов Северного Кавказа (XIX – начало XXI вв.) Сборник материалов Всероссийской научной конференции (г. Грозный, 19–20 декабря 2017 г.). Грозный, 2017. 512 с. С. 41–47.
7. Акопян В.З., Янукиан Т.Г. Армянская топонимика Северного Кавказа // Топонимика и ономастика Северного Кавказа. Тезисы I общекавказской конференции 16–18 апреля. Пятигорск: Издательство ПГЛУ, 1997. С. 9–12.
8. Акопян В.З. История прихода Армянской Апостольской Церкви города Пятигорска. Пятигорск: ПГЛУ, 2005. 176 с.
9. Акопян В.З. Город Святой Крест: между прошлым и настоящим, 1799 – 2009. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. 360 с.
10. Акопян В.З. Арарат // Армяне Причерноморья: энциклопедия / И.В. Кузнецов, сост. Том 1. М.: УП ПРИНТ, 2020. 492 с.
11. Армяне Ставрополя и Терека / под общ. ред. В. З. Акопяна. Пятигорск: ПГЛУ, 2007. 264 с.
12. Армяне Причерноморья: энциклопедия. Под редакцией И.В. Кузнецов. Том 1. М.: УП ПРИНТ, 2020. 492 с.
13. Атабекян Н.В., Григорян К.З. и др. Армяне села Гайкодзор (этнографические заметки). Центр понтийско-кавказских исследований Краснодар, 1995. С. 107–110.
14. Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 1. Таблица 4. Численность городского и сельского населения по полу по Краснодарскому краю. URL: [https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/pub-04-04\(1\).pdf](https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/pub-04-04(1).pdf)
15. Гаазов В.Л., Лец М.Н. Город Ставрополь и его окрестности. Ставрополье в названиях. М.: Изд. Надыршин, 2006. 716 с.
16. Географический энциклопедический словарь: Понятия и термины. М.: «Советская энциклопедия». 1988. 432 с.
17. Гриценко В.Б. История земли Минераловодской. Минеральные Воды, 1998. 512 с.
18. Дадаян Х. Армяне и Баку (1850–1920 гг.). Ереван: НОФ «Нораванк», 2007. 208 с.
19. Коряков Ю.Б. База данных «Этно-языковой состав населенных пунктов России» // Linguarium: интернет-проект. URL: <http://www.lingvarium.org/russia/settle-database.shtml> (Дата обращения: 21.08.2021)
20. Кузуб М.В. Расселение армян в Джугбском округе // Амаинк. Историко-культурный журнал Юга России / Ред. В.З. Акопян. Выпуск десятый. 2000. С. 21–30.
21. Макагонова Н. Большой юбилей маленькой станицы // Ставропольские губернские ведомости. 2014. 16 июля.
22. Никонов В.А. Введение в топонимику. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2011. 184 с.
23. О переименовании географического объекта в Краснодарском крае. Постановление Правительства РФ от 6 июля 2011 № 534. URL: <http://archive.government.ru/gov/results/15849/>
24. Словарь топонимов Армении и прилегающих областей / Т.Х. Акопян, С.Т. Мелик-Бахшьян, А.О. Барсегян. Т. 1. Ереван: Издательство Ереванского университета, 1986. 992 с. (на арм. яз.).

25. Список населенных пунктов Адыгейской автономной области по состоянию на 1-е января 1927 года (Составлен по сборным материалам Статотд. АЧАО). Краснодар: Адыгейск. област. стат. отд., 1927. 40 с.
26. Списки населенных мест Кубанской области по сведениям на 1882 год. Составлены Е.Д. Фелициным // Сборник сведений о Кавказе. Том VIII. Тифлис, 1885.
27. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1861–1885. Вып. 61: Ставропольская губерния: ... по сведениям 1873 года / сост. И. Бентковский; Ставрополь, 1874. 158 с.

References

1. Ajrapetyan G.A. ZHeleznyj Gaj (Zhelezny Guy). Moscow: Voenizdat, 1980. 124 p. (In Russian).
2. Akopyan V.Z. Karabagly na Tereke: stranicy istorii (1797 – 2002) (Karabagly on the Terek: pages of history (1797 – 2002)). Rostov-on-Don: RSUPS publ., 2002. 48 p. (In Russian).
3. Akopyan V.Z., Kazarov S.S. Armyane (Armenians) // Enciklopediya kul'tur narodov Yuga Rossii. Glavnyj redaktor chlen-korrespondent RAN Y.A. Zhdanov. Vol. I. Narody Yuga Rossii. Rostov-on-Don, 2005. 244 p. P. 55–58. (In Russian).
4. Akopyan V.Z. Armyanskij nacional'nyj rajon na Kubani (The Armenian National district in the Kuban) // Armenological issues. Bulletin. Yerevan: ErGU, 2015. No. 2(5). P. 31–46. (In Russian).
5. Akopyan V.Z. Obrazovanie nacional'nyh sel'skih poselenij dispersnyh etnosov na Yuge Rossii v 20-30-e gody XX veka (Formation of national rural settlements of dispersed ethnic groups in the South of Russia in the 20-30s of the XX century). Pyatigorsk: PSLU publ., 2015. 202 p. (In Russian).
6. Akopyan V.Z. Ego imenem nazvan nacional'nyj rajon na Donu (A.F. Myasnikov) (It is named after the national district of the Don (A. F. Myasnikov)) // Social'no-ekonomicheskoe i politicheskoe razvitie narodov Severnogo Kavkaza (XIX – nachalo XXI vv.) Sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii (g. Grozny, 19–20 dekabrya 2017 g.). Grozny, 2017. 512 p. P. 41–47. (In Russian).
7. Akopjan V.Z., Janukjan T.G. Armjanskaja toponimika Severnogo Kavkaza (Armenian toponymy of the North Caucasus) // Toponimika i onomastika Severnogo Kavkaza. Tezisy I obshhekavkazskoj konferencii 16-18 aprelja. Pjatigorsk: PSLU publ., 1997. P. 9-12. (In Russian).
8. Akopjan V.Z. Istoriya prihoda Armjanskoj Apostol'skoj Cerkvi goroda Pjatigorska (History of the parish of the Armenian Apostolic Church in the city of Pyatigorsk). Pjatigorsk: PSLU publ., 2005. 176 p. (In Russian).
9. Akopjan V.Z. Gorod Svjatoj Krest: mezhdru proshlym i nastojashhim, 1799-2009 (The City of Holy Cross: between the past and the present). Pjatigorsk: PSLU publ., 2009. 360 p. (In Russian).
10. Akopjan V.Z. Ararat (Ararat) // Armjane Prichernomor'ja: jenciklopedija / ed by I.V. Kuznecov. Vol 1. Moscow: UP PRINT, 2020. 492 p. (In Russian).
11. Armjane Stavropol'ja i Tereka (Armenians of Stavropol and Terek) / ed by V. Z. Akopjana. Pjatigorsk: PSLU publ., 2007. 264 p. (In Russian).
12. Armyane Prichernomor'ja: enciklopediya (The Armenians of the Black Sea: an encyclopedia) / ed by I.V. Kuznecov. Vol 1. Moscow: UP PRINT, 2020. 492 p. (In Russian).
13. Atabekyan N.V., Grigoryan K.Z. i dr. Armyane sela Gajkodzor (etnograficheskie zametki) (Armenians of the village of Gaykodzor (ethnographic notes)). Krasnodar: Centr pontijsko-kavkazskih issledovanij, 1995. P. 107–110. (In Russian).
14. Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010 goda (All-Russian Population Census of 2010). Tom 1. Tablica 4. CHislennost' gorodskogo i sel'skogo naseleniya po polu po Krasnodarskomu krayu. URL: [https://krstdstat.gks.ru/storage/mediabank/pub-04-04\(1\).pdf](https://krstdstat.gks.ru/storage/mediabank/pub-04-04(1).pdf) (In Russian).
15. Gaazov V.L., Lec M.N. Gorod Stavropol' i ego okrestnosti. Stavropol'e v nazvaniyah (The city of Stavropol and its surroundings. Stavropol region in names). Moscow: Nadyrshin, 2006. 716 p. (In Russian).
16. Geograficheskij enciklopedicheskij slovar': Ponyatiya i terminy (Geographical encyclopedic dictionary: Concepts and terms). Moscow, 1988. 432 p. (In Russian).
17. Gricenko V.B. Istoriya zemli Mineralovodskoj (History of the Mineralovodsk Land). Mineralnyye Wody, 1998. 512 p. (In Russian).
18. Dadayan H. Armyane i Baku (1850–1920 gg.) (Armenians and Baku (1850-1920)). Yerevan: Noravank, 2007. 208 p. (In Russian).
19. Koryakov Yu.B. Baza dannyh «Etno-yazykovyj sostav naselennyh punktov Rossii» (Database Ethno-linguistic composition of settlements in Russia) // Linguarium: internet-proekt. URL: <http://www.lingvarium.org/russia/settlem-database.shtml> (In Russian).
20. Kuzub M.V. Rasselenie armyan v Dzhubgskom okruge (Settlement of Armenians in the Dzhubga district) // Amajnk. Istorko-kul'turnyj zhurnal Yuga Rossii / ed by V.Z. Akopyan. Vypusk desyatyj. 2000. P. 21–30. (In Russian).
21. Makagonova N. Bol'shoj yubiley malen'koj stanicy (The big anniversary of a small village) // Stavropol'skie gubernskie vedomosti. 2014. July 16. (In Russian).
22. Nikonov V.A. Vvedenie v toponimiku (Introduction to toponym science). Moscow: LKI publ., 2011. 184 p. (In Russian).
23. O pereimenovanii geograficheskogo ob'ekta v Krasnodarskom krae (On renaming a geographical object in the Krasnodar Territory). Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 6 iyulya 2011 No. 534. URL: <http://archive.government.ru/gov/results/15849/> (In Russian).
24. Slovar' toponimov Armenii i prilgayushchih oblastej (Dictionary of toponyms of Armenia and the adjacent regions) / T. H. Akopyan, S.T. Melik-Bahsh'yan, A.O. Barsegyan. T. 1. Yerevan: Erevan university publ., 1986. 992 p. (In Armenian).
25. Spisok naselennyh punktov Adygejskoj avtonomnoj oblasti po sostoyaniyu na 1-e yanvarya 1927 goda (The list of settlements of the Adyghe Autonomous Region as of January 1, 1927) (Sostavlen po sbornym materialam Statotd. ACHAO). Krasnodar: Adygey region statistical department publ., 1927. 40 p. (In Russian).

26. Spiski naselennyh mest Kubanskoj oblasti po svedeniyam na 1882 god (Lists of settlements of the Kuban region according to information for 1882). Sostavleny E.D. Felicinym // Sbornik svedenij o Kavkaze. Vol. VIII. Tiflis, 1885. (In Russian).
27. Spiski naselennyh mest Rossijskoj imperii, sostavlennye i izdavaemye Central'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennih del (Lists of populated places of the Russian Empire, compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs). St. Petersburg, 1861–1885. Vol. 61: Stavropol'skaya guberniya: ... po svedeniyam 1873 goda / compiler I. Bentkovskij; Stavropol, 1874. 158 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Акопян Виктор Завенович – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / zaven2005@yandex.ru

Information about the author

Акопян Виктор – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / zaven2005@yandex.ru

УДК 94(470)»19+94(479.25)
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.2

К. Р. Амбарцумян

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС В СОВЕТСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1921 ГОДУ¹

В статье автор обращается к проблеме развития советско-турецких отношений в связи с советизацией Армении и попытками большевиков урегулирования территориальных проблем на бывших имперских окраинах. Исторически Россия и Турция являются соперниками и Кавказ всегда был ареной активного противостояния. В данном исследовании автор наглядно показала, что даже в 1921 г. в связи с подписанием Московского договора «О дружбе и братстве» противостояние перешло в новую плоскость и было не таким открытым как ранее. Неразрешенность армянского вопроса стала одним из препятствий для полного включения Закавказья в сферу влияния большевиков. Кемалистское и большевистское правительства не могли приступить к полноценному государственному строительству не разрешив конфликты на национальных окраинах. В армянском вопросе Советская Россия оказалась более уступчивой, нежели в других кавказских противоречиях. Важно было сохранить влияние в советском Азербайджане, укрепиться в Грузии и не уступить Батум Турции. С другой стороны, Турция отказалась от реализации Александропольского договора, так как нуждалась в российской помощи в борьбе за независимость.

Новизной исследования стало изучение армянского вопроса в советско-турецких отношениях в международном и региональном контекстах внешней политики обоих государств. Автором были введены в научный оборот архивные документы Архива внешней политики Российской Федерации и Российского архива социально-политической истории. На неопубликованном материале показано дипломатическое закулисное, которое сопровождало внешне мирное взаимодействие Турции и РСФСР. Впервые последовательно изучен ход событий 1921 г., который стал переломным в разрешении армянского вопроса. Армения, оказавшись объектом соперничества двух довольно молодых государств с неустойчивой позицией, потеряла ряд территорий и шансы на восстановление в границах, определенных Севрским договором. Данный исход оказался возможен еще и в связи с позицией ведущих мировых держав, которые фактически отказались от всего Кавказа как сферы влияния и были увлечены разрешением других проблем послевоенного мира.

Ключевые слова: армянский вопрос, Московский договор 1921 г., Карсский договор, советизация, международные отношения.

Karine Ambartsumyan

ARMENIAN ISSUE IN SOVIET-TURKISH RELATIONS IN 1921

The article studies Soviet and Turkish approaches to Armenia and its territorial problems after Sovietization of the republic. Traditionally Russia and Turkey were adversaries and the Caucasus was the main area of their active rivalry. The research shows that Moscow Treaty on Friendship and Brotherhood signed in 1921 was as not the final point of geopolitical contest. It proceeded after the treaty but was not as apparent as in the past. The unsolved Armenian issue became one of the obstacles to the full inclusion of the Transcaucasia into the Bolsheviks sphere of power. The Kemal and Bolshevik governments weren't able to begin state building without getting over conflicts in the national peripheries. In the Armenian question, Soviet Russia turned out to be more compliant than in other Caucasian contradictions. It was important to maintain influence in Soviet Azerbaijan, to gain a foothold in Georgia and not to cede Batum to Turkey. On the other hand, Turkey refused to implement the Treaty of Alexandropol, as it needed Russian assistance in the struggle for independence.

Раннесоветская история остается одним из востребованных направлений современной истории. Особенно остро стоит вопрос о внешней политике тех лет, тогда как международный контекст советской истории носил сложный характер.

The novelty of the research lies in the study of Armenian issue as a part of Soviet and Turkey within international and regional framework of both governments policy. The author introduced into scientific use the archival documents of the Foreign Policy Archive of the Russian Federation and the Russian Archive of Social and Political History. The unpublished material shows the diplomatic backstage that accompanied the seemingly peaceful interaction between Turkey and Soviet Russia. First, the order of events in 1921 was studied consistently, which became a turning point in the solution of the Armenian question. Armenia, having found itself an object of rivalry between two quite young states with an unstable position, lost a number of territories and the chances for restoration within the boundaries defined by the Treaty of Sevres. The denouement was also possible in connection with the position of the leading world powers, which actually left the Caucasus as a sphere of influence and were keen on resolving other problems of the post-war world.

Key words: Armenian question, Moscow Treaty of 1921, Treaty of Kars, Sovietization, international relations.

Укрепление большевистской власти внутри страны во многом зависело от налаживания отношений с окружающим миром и, конечно, с ближайшими соседями, к коим относилась Турция. Как большевистская Россия, так и кемалистская

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-59-05002 Арм_а

Турция оказались политически изолированными от мирового сообщества и пребывали в состоянии внутренней революционной борьбы. После подписания Мудросского перемирия в 1918 г. державы-победительницы приступили к фактическому разделу бывшей Османской империи. В 1920 г. был оккупирован Константинополь, затем военные действия против Турецкого государства при поддержке Великобритании начала Греция. В августе 1920 г. Антанта и константинопольское правительство подписали Севрский договор, среди условий которого было присоединение Западной Армении к Республике Армения. В это время в Турции создавалось национально-освободительного движения под руководством генерала Мустафы Кемаля-паши. В Анатолии в Ангоре (Анкаре) в 1920 г. было открыто Великое национальное собрание Турции (ВНСТ), образовавшее национальное правительство. Новая турецкая власть, равно как и большевистская в России, не признавались международным сообществом. Таким образом, традиционные геополитические соперники оказались союзниками поневоле.

В историографии советско-турецкие отношения освещены как советскими учеными, так и современными исследователями. Наиболее полной работой по восточной политике большевиков является монография А.Н. Хейфеца [21], в которой трудности достижения компромиссов между большевиками и кемалистами объясняются проблемами «империалистов». Что касается Кавказа, то ситуация вокруг армянских территорий и порта Батума, освещены историком критически, он негативно оценивает политику Ангоры и турецкого командования. Что касается самой категории «армянский вопрос» применительно к данному периоду, удачную формулировку предложила российская исследовательница Н. Е. Шутова, которая под ним понимает борьбу армянского народа за сохранение национальной самобытности, проживание на исторической территории и создание на ней собственной государственности. При этом армянский вопрос прочно вписан в международный контекст, так как ход борьбы и ее результативность определялась главным образом политикой России и Турции в Закавказье [22]. Интересы Турции в Армении после ее советизации Н.Е. Шутова определяет, как захватнические. Турецкий исследователь М. Озтюрк, напротив, утверждает, что Анкара советизацию Закавказья принимала, но при условии того, что большевизм не пересечет границ Анатолии [14]. Если А. Н. Хейфец рассматривает Московский и Карсский договоры, как дипломатическую победу, то для современной историографии эти соглашения далеко неоднозначны. Есаян Н. К. расценивает их как уступку, сделанную советским правительством и фактическое выполнение ряда положений Брестского договора [8]. Историк П. В. Густерин рассматривает

данные договоры, как целесообразный с точки зрения восточной политики РСФСР, кроме того он полагает, что они учитывали реальное положение дел на Кавказе [7].

Целью данной статьи является изучение армянского вопроса в советско-турецких отношениях в 1921 г., когда советизация Кавказа становилась реальностью и процесс возвращения региона Россией являлся делом ближайшего будущего. Представляется целесообразным рассмотреть, как региональный, так и международный контекст заключения Московского и Карсского договоров, приведших к утрате Арменией своих исторических территорий.

4 декабря 1920 г. было обнародовано заявление наркома по делам национальностей И. В. Сталина об установлении советской власти в Армении [9]. Однако армянский вопрос в советско-турецких отношениях нельзя считать полностью урегулированным только в связи с завершением процесса советизации. Территориальные споры на армяно-турецкой границе по-прежнему оставались неурегулированными. 2 декабря 1921 г. дашнакское правительство подписало Александропольский договор, согласно которому Шарур, Шахтахты, Нахичевань отдавались под турецкий протекторат. Далее планировалось проведение референдума, в рамках которого население определило бы свое будущее. Свержение дашнакского правительства и стремительное провозглашение советской власти ставили под сомнение легитимность Александропольского договора, большевики отказались его признавать. Когда с дашнаками представитель РСФСР Б.В. Легран подписал соглашение об объявлении Армении Социалистической Советской Республикой, официально власть в республике перешла к Военно-революционному комитету. Согласно соглашению, территория Армении определялась следующими границами: Эриванская губерния, часть Карсской области, Зангезурский уезд, часть Казахского уезда и те части Тифлисской губернии, которые находились во владении Армении до 28 сентября 1920 г. [10]. В июле 1921 г. было заключено соглашение с Азербайджаном о Нагорном Карабахе, который включался в состав Советской Армении [2, с.732]. 4 июля состоялось заседание Пленума Кавбюро, на котором обсуждался вопрос Карабаха. Орджоникидзе, Мясников, Фигатнер, Киров, Назаретян образовали большинство, проголосовавшее за оставление Нагорного Карабаха в составе Армении и проведении референдума среди армянского и мусульманского населения. Однако, уже 5 июля было принято решение об включении Карабаха в состав Азербайджана в качестве автономии и никакого плебесцита уже не предусматривалось [12, с.649 – 650]. Если о Нахичевани договаривались в рамках Московского и Карсского соглашений, то Карабах ни в одном из документов не упоминался.

Официальное провозглашение советской власти не означало завершение фактической советизации Армении. В феврале 1921 поднялось антисоветское восстание, только 2 апреля 1921 г. была отбита у дашнаков Эривань, а оставшиеся силы сосредоточились в Зангезуре. 12 июля части Красной армии вытеснили их на территорию Персии. Данный акт заставлял опасаться реставрации прежней власти в уже советизированной республике и еще больше консолидироваться с Турцией.

В Москве Наркомат иностранных дел (НКИД) и его глава Г.В. Чичерин рассчитывал на легкое урегулирование турецко-армянских отношений. Инструктируя члена Кавбюро Г.К. Орджоникидзе, он просил подтолкнуть Армению сделать первый шаг и пригласить турецкую делегацию на закавказскую конференцию. В начале 1921 г., когда турецкие представители вели переговоры с большевиками в Москве, Г.В. Чичерин настаивал на обращении армянского правительства с нотой к одному из участников Юсуфу Кемалю с тем, чтобы начать переговоры с последующим заключением договора [4, л.61]. Турция, имея сложные отношения с Арменией, даже в лице новой кемалистской власти по-восточному требовала повиновения и дипломатических шагов навстречу первой делать не желала. НКИД РСФСР и Кавбюро фактически становились посредниками между этими государствами. Понимая всю глубину противоречий, большевики форсировали достижение любой, даже декоративной, договоренности, чтобы повысить престиж советской власти и в Армении, и в Закавказье, в целом.

Первоначально Г.В. Чичерин перед Кавбюро ставил задачу подчеркивать дружелюбное отношение к туркам, но не идти на уступки во всем и не поддаваться на шантаж. Наоборот, он призывал торговаться: «Надо им выяснить, что у нас вовсе нет какой-то особой слабости к армянам... Сам факт советизации Армении имеет для нас серьезные политические последствия, ибо престиж советской власти не позволяет нам бросить на произвол судьбы братскую советскую республику» [4, л.14]. Реальность сильно отличалась от ожиданий советского наркома, так как конфликт между Арменией и Турцией был намного острее и противоречия глубже, нежели их представляли в Москве. Турецкое военное присутствие в Армении не устраивало Кавбюро. Г.К. Орджоникидзе полагал, что развитие успехов кемалистами может свести на нет советизацию и препятствовать дальнейшему продвижению Красной Армии в Закавказье: «Армянский вопрос является самым большим местом турецкой политики. Турки живут успехами в Армении. Многолетняя ненависть к армянам несмотря на некоторые старания со стороны высшего командования не в состоянии предотвратить те эксцессы, которые очень силь-

но преувеличиваются и раздуваются тов<арищами> армянами» [20, л.3]. В феврале 1921 г. когда турецкая делегация находилась в Москве, советское правительство и Кавбюро были одержимы одной целью – любой ценой довести дело до подписания российско-турецкого соглашения. Так как Г. К. Орджоникидзе работал непосредственно в регионе и видел реальную ситуацию, он призвал подписать любой договор «чисто агитационного характера», дабы Ангора не переметнулась на сторону Антанты. Зная настроение турецкого командования, он еще на стадии советско-турецких переговоров предупреждал о целесообразности отстаивать Александрополь, тогда как отстаивать Карс смысла не было [20, л.8 – 10].

Традиционное российско-турецкое соперничество за Кавказ никуда не ушло, но оно имело завуалированный характер, так как на конфронтацию кемалистская Турция и Советская Россия тогда не были способны. Иллюзий относительно прочности дружбы с Анкарой не было, и опасения по поводу стабильной позиции кемалистов открыто высказывались большевиками. В частности, о возможном «правом уклоне» правительства М. Кемалья высказывал нарком по делам национальностей И. В. Сталин: «Борьба кемалистов с Антантой и усилившееся на этой почве брожение в колониях Англии, с одной стороны, разгром Врангеля и падение Венизелоса в Греции — с другой, заставили Антанту значительно смягчить свою политику в отношении кемалистов. Разгром Армении кемалистами при абсолютном «нейтралитете» Антанты, слухи о предполагаемом возвращении Турции Фракии и Смирны, слухи о переговорах между кемалистами и султаном, агентом Антанты, и о предполагаемом очищении Константинополя, наконец, затишье на Западном фронте Турции, – всё это симптомы, говорящие о серьёзном заигрывании Антанты с кемалистами и о некотором, пожалуй, сдвиге позиции кемалистов вправо» [15].

Несмотря на напряжённое отношение, необходимость поддерживать благоприятные отношения и для Турции, и для Советской России была очевидна. Оба государства были фактически непризнанными и имели статус своего рода изгоев в международном сообществе. Ведущие державы не признавали ни кемалистского, ни большевистского правительств, что неизбежно толкало два молодых и неокрепших правительства навстречу друг другу. Для большевиков добрососедские отношения с Турцией позволяли контролировать традиционного соперника и упрочить свои позиции на Кавказе. Правительство М. Кемалья в свою очередь нуждалось в советской помощи деньгами и оружием. Все силы Ангоры были направлены на борьбу за независимость и сохранение целостности Турции, поэтому потребности в средствах были огромными. Греческая армия

успешно наступала в сторону Ангоры, продвижение было успешным и в конце августа – начале сентября 1921 г. бои шли уже непосредственно у города. Только к 18 сентября 1922 г. была освобождена Анатолия. В этой связи помощь большевиков была важным подспорьем в этой борьбе и заставляла считаться с Россией. Москва всячески стремилась удерживать Ангорское правительство на своей стороне, поэтому снабжая его деньгами и оружием отчасти покупала союзника. Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин прямо указывал И. В. Сталину на необходимость продолжения данной политики, так как сближение с турками было бессмысленным и бесперспективным, если не оказывать ощутимой помощи: «Если им не помочь, они могут фактически увидеть себя вынужденными изменить свою политику» [6, с.192].

Успехи дашнакских сил в Эривани, осложняли задачи советской власти в деле определения границ с Турцией. Первоначально речь шла об участии представителей Армянской АССР в работе конференции, но после захвата власти в Эривани представитель дашнакского правительства С. Врацян заявил по радио, что нарком иностранных дел А. Бекзадян не является уполномоченным представителем Армении. В свою очередь турки заявили, что не будут вести переговоры с Арменией. Таким образом конференция в Москве была сведена к формату российско-турецких переговоров [21, с.92–94].

16 марта 1921 г. в Москве Г. В. Чичерин и турецкий министр иностранных дел Юсуф Кемаль подписали долгожданный договор. Большевики пошли на следующие территориальные уступки: Карс, Ардаган, Артвин отошли Турции, Батум¹ – к Грузии, Нахичевань в качестве автономной области передавалась под протекторат Азербайджана. Относительно Нахичевани Чичерин планировал формальную передачу, а фактически она должна была остаться под контролем Красной армии [3, л. 4]. Достижение компромисса не было полным и для большевиков не означало установления полного контроля над Закавказьем, в том числе и над Батумом, который турецкий командующий Восточным фронтом Кязим Карабекир не спешил уступать Красной армии. Он утверждал, что порт когда-то принадлежал Турции и теперь он справедливо возвращен ей грузинскими меньшевиками [5, с.32].

В момент самой конференции в Москве гораздо более болезненным вопросом для большевиков, чем армянский, был Батум. Кемалисты активно на него претендовали, большевики ни при каких условиях отдать город не могли, так как дальше открывался путь по железной дороге на Баку. Утрата Батума наносила бы серьезный удар по нефтяной отрасли и по ее экспортным

возможностям. 17 марта 1921 г. Кязим Карабекир провозгласил себя генерал-губернатором Батума и издал указ о его присоединении к Турции. Командующий турецкой армии воспользовался заминкой, пока происходило падение грузинских меньшевиков, и решил захватить жизненно важный для всего Кавказа порт.

Советско-турецкие переговоры в Москве осложнялись не только наличием неразрешенных территориальных споров в Закавказье, но и плохо налаженными коммуникациями. И большевистская, и кемалистская стороны были как власть молодые и пока непрочны стояли у руля. Например, турецкая делегация в Москве постоянно испытывала трудности в сношениях с Ангорой и с Кязим Карабекиром. Вскоре после подписания Московского договора, народный комиссар иностранных дел Турции Ахмед Мухтар, вернее временно исполняющий обязанности в связи с отъездом Бекира Сами Кундуха на Лондонскую конференцию, возражал против очищения турками Александрополя, Ахалциха, Ахалкалаки и Батума. В своей телеграмме на имя Г.В. Чичерина он требовал освободить эти территории от частей Красной армии. Однако 19 марта 1921 г. дивизия под командованием Д. П. Жлобы вступила в Батум. В это же время Г. К. Орджоникидзе приказал временно приостановить отправку оружия в Турцию. И уже 22 марта 1921 г. Карабекир начал эвакуацию турецких частей. Кавказские события периода московских переговоров определили расстановку приоритетов, Батум был гораздо более значим с точки зрения экономики и геополитики, чем армянские территории, частью которых можно было пожертвовать.

С делегацией Турции в Москву прибыл азербайджанский политик Бехбуд Шахтахтинский, который информировал Ахмед Мухтара о подписании договора и об определении границ на Кавказе, что и вызвало резкие возражения: «Мы утверждаем, что известие об очищении нами Александрополя совершенно ложно, равно как и известие о нашем соглашении с грузинами и дашнаками. Что же касается договора, заключенного нашими делегатами в Москве, мы об его существовании ровно ничего не знаем, так как не получали никаких телеграмм от нашей делегации» [19, л.7]. Возможно действительно телеграммы доставлялись с опозданием, поэтому Ангора, делегация в Москве и Кязим Карабекир не успевали согласовать свои действия. Однако, можно и предположить, что так как Бекир Сами Кундух находился на конференции с европейскими державами в Лондоне, более того, султанский представитель Тевфик-Паша признал за ангорской делегацией право представлять всю Турцию, то отступление с Кавказа можно было затягивать на фоне данного успеха и надеяться на договоренность с Францией и Великобританией.

1 Турция предоставлялась право свободного транзита товаров через Батумский порт.

Лондонская конференция показала, что Севрский мир Антанта пересматривать не намерена. Бекир Сами возложенных надежд не оправдал, достигнутые договоренности не устроили М. Кемаля. Например, в соглашении с англичанами не все турецкие пленные подлежали обмену. Те, которые обвинялись в жестоким обращении с армянами и пленными англичанами домой не возвращались. Французам обещались концессии и сохранение их жандармерий в оккупированных районах. Такого рода уступки ради мира любой ценой Кемаль не устроили [11, с.14 – 16]. Поэтому ставки на союз с большевиками только усилились, и поэтому конференция в Москве завершилась договором.

В армянском вопросе Советская Россия не действовала решительно еще и потому, что были непредсказуемы турецко-грузинские отношения. Представитель РСФСР в Турции Б. Мдивани телеграфируя Г.К. Орджоникидзе и Г.В. Чичерину незадолго до подписания Московского договора в феврале 1921 г. предупреждал: «События в Грузии развили аппетиты Ангорского правительства. По всем данным оно не ограничится Ардаганом и Картвином, о чем я сообщал Вам вчера, а будут стремиться занять Батум. Подозрительны также отношения турок к перевороту в Армении, заметна тенденция уговориться и поддержать всплывшее Дашнакское правительство в расчете легче сломать Армению при Дашнаках, чем Советскую при поддержке России. В правительственных сферах ставится вопрос захочет ли Россия снова советизировать Армению находя этакое желание большой ошибкой» [18, л.2].

Г. В. Чичерин продолжал настаивать на необходимости первого шага со стороны Армении, о чем писал представителю РСФСР в советской Армении Б. В. Леграну даже в августе 1921 г.: «Юсуф Кемаль ожидает, чтобы Армения первая высказалась о своем желании участвовать в конференции Турции с кавказскими республиками. Еще в период наших московских переговоров Турция считала Александропольский договор оставшимся в силе и после его отмены посредством нашего договора он в отношениях между Турцией и армянами ничем не был заменен» [4, л.66].

Послом Турции в Москве был назначен Али Фуад-паша, полпредом в Турцию от РСФСР был направлен С. П. Нацаренус. Далее началась дипломатическая борьба вокруг выполнения статей Московского договора. Однако, турецкая армия, несмотря на достигнутые договоренности и подписанный договор, покидать Закавказье отказывалась. Выше были описаны перипетии с Батумом, который Карабекир не желал оставлять.

Али Фуад в ноте Г. В. Чичерину подчеркивал, что военные силы Турции ставили своей целью служить элементом равновесия. В то время как советская власть считала Александропольский

договор недействительным, турецкий посол ссылался именно на него, когда речь шла об оккупации Армении. Кемалисты заявляли, что освободят армянскую территорию только в случае введения в действие Александропольского договора. Данное положение было заложено в самом договоре, учитывая кабальность его статей, их соблюдение продлеvalo пребывание турок в Армении до бесконечности. По договору помимо территориальных потерь, предусматривалась утрата Арменией фактического суверенитета. Например, Турция получала право контролировать железные дороги, армянские представители отзывались из стран Европы. Учитывая провозглашение советской власти, возникал конфликт российских и турецких интересов, так как реализация договора сводила на нет все усилия большевиков и отдавала Армению Турции.

Настойчивость кемалистов расценивалась НКВД РСФСР как попытка аннулировать Московский договор [13]. Позиция турок была довольно уклончивой, так Али Фуад в одной из нот писал о возможности отхода турецких войск в случае прихода к власти в Эривани «подлинно Советского Армянского Правительства» [13, с. 53]. Ангора, посол в Москве и Кязым Карабекир всячески затягивали время отхода, последний занимал наиболее твердую позицию и не давал команды отступления. Ангора и турецкое посольство в Москве отвечали уклончиво, ссылаясь то на плохо налаженную связь, то на самостоятельность Карабекира. Ахмед Мухтар продолжал отправлять ноты в НКВД РСФСР, в которых не было четких сроков выхода турецких войск из Александрополя. Тогда решительность проявил Г.К. Орджоникидзе, 11 апреля 1921 г. он снова потребовал прекратить поставки боеприпасов и золота в Турцию. Вслед за ним командующий XI армией А. И. Геккер пригрозил Карабекиру вводом красных частей в оккупированные турками районы Армении. А.И. Геккер, докладывая Г.В. Чичерину о ситуации на месте давал неприглядную характеристику действиям турецкой армии: «Турецкое командование требует от дашнаков большевиков. Турецкое командование приказало снять все красные нашивки и если у кого-либо обнаружили, то расстреливали» [2, л. 36].

Турецкие части вынуждены были отступить, но для населения их уход обернулся новой катастрофой. Председатель СНК АрмССР А.Ф. Мясников в записке Г. В. Чичерину описал следующие последствия: «После очищения Александрополя на территории Александропольского района была обнаружена масса трупов вырезанных женщин и детей из ряда армянских сел. Комиссии расследования этого закончили свою работу. Комиссия для погребения в Акбулогском и Джаджурском районах насчитала 12 тысяч 50 трупов, имеется масса трупов молодых девушек и женщин» [2, л.52].

В свете налаживания советско-турецких отношений и того, что в Азербайджане советская власть имела наибольшие успехи, вопрос о спорных территориях решался не в пользу Армении, где сохранялась угроза возвращения дашнаков или их поддержки со стороны Антанты. Кроме того, решения, принимаемые в пользу Азербайджана, повышали престиж советской России в глазах Турции и всего мусульманского Востока, на который в этот период ориентировалась внешняя политика большевиков. Именно на это упирал представитель АССР Б. Шахтахтинский, начиная с 1920 г. Он обращался к Г. В. Чичерину и его заместителю Л. М. Карахану, настаивал на необходимости сохранить за Азербайджаном Закатальский округ¹, Карабах и Нахичеванский край: «Означенные выше территории при Муссаватском Правительстве и всегда составляли его органическую часть...» [1, л. 2]. Большевики, стремясь сохранить Турцию как союзника на Востоке, старались не ущемлять территориальные претензии Азербайджана, поэтому вопрос о Нахичевани был решен не в пользу Армении. Кавбюро имело по этому вопросу свое мнение. Г.К. Орджоникидзе призывал НКВД РСФСР не отдавать Нахичевань, Карабах, Зангезур ни Азербайджану, ни Армении, а сохранить их под протекторатом советской оккупационной власти [17, л.18 – 19]. Но в конечном итоге, решение вопроса не зависело ни от местного населения, ни от местных советов.

На Кавказе в это время Армения, с пока еще неустоявшимися границами, активно вовлекалась в орбиту влияния РСФСР. В своем обращении к коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской Республики в апреле 1921 г. В. И. Ленин соединил все советизированные территории в общий ареал доминирования советского влияния. Армения мыслилась как часть общего советского Кавказа, региона на который делалась ставка как на канал налаживания «товарообмена с капиталистическим Западом» [14]. Ставя перед собой столь масштабные задачи, советское руководство закономерно стремилось урегулировать все разногласия по армянскому вопросу. Не имея возможности мирно разрешить все этнотерриториальные конфликты в Закавказье, Москва брала курс на объединение всех республик. Технически этому процессу начало было положено в апреле 1921 г. объединением железных дорог в одну Закавказскую сеть под руководством одного управления, локализованного в Тифлисе. Вся система функционировала по правилам и положениям железных дорог, утвержденных в РСФСР. Структурно Управление было включено в состав Кавказского округа путей сообщения, а отдельные комиссариаты путей сообщения в закавказских республиках ликвидировались [4, л.64]. Сам по себе факт ничего неговорящий, если его не со-

отнести с определенным контекстом советско-турецких отношений. Примерно в это время еще шли споры по поводу очищения от турецких войск Закавказья, дискуссии о легитимности Александропольского договора и подписании Турцией соглашения с Арменией, Грузией и Азербайджаном. Конкурентное преимущество большевиков сказалось в умении мыслить ситуативно, не дожидаясь окончательного дипломатического урегулирования. Они взялись за установление экономического контроля и налаживание хозяйственной жизни в Закавказье, включая Армению. Прежде чем установить контроль «сверху», большевики закрепились «снизу».

По мере укрепления советской власти принадлежность тех или иных территорий какой-либо закавказской республике имела второстепенное значение, так как Кавказ должен был вернуться целиком с его ресурсами и инфраструктурой в состав российской государственности. Переговоры о заключении тремя закавказскими республиками договора с Турцией по модели Московского были еще в разгаре, и в это же время НКВД РСФСР инициировал экономическую интеграцию. Так, 2 июня 1921 г. Грузия, Армения и Азербайджан заключили договор об объединенном Внешторге [10, с.732]. Следующим шагом по закреплению пока экономического, но не дипломатического успеха, накануне Карсского договора стало соглашение между РСФСР и советской Арменией по финансовым вопросам, подписанное 30 сентября 1921 г. В результате проводимой политики и подписанных соглашений все три республики Закавказья лишились права на внешнеэкономическую деятельность, даже торговые договоры или о предоставлении концессий могли быть подписаны после согласования с РСФСР.

Дальнейшие действия НКВД РСФСР были направлены на форсирование процесса подписания договоров Турции с Арменией, Азербайджаном и Грузией. В их основе предположительно должен был лежать Московский договор. Договор с Арменией был первоочередной задачей, так как нужно было дезавуировать Александропольский договор, который турецкую сторону устраивал, но не мог быть принят большевиками.

По сведениям Б.В. Лигана поведение турок на Кавказе непредсказуемо, и перспективы подписания договора с тремя закавказскими республиками весьма туманны. В июне 1921 г. он докладывал Г.В. Чичерину о попытках турок влиять на Азербайджан и их недовольстве зависимостью республики от РСФСР. Так же из наблюдений Б. В. Лигана следовало, что турецкие представители по пути в Москву на переговоры встречались членами партии «Иттихат», боровшейся против большевиков. Кроме того, предпринимались попытки «расшатывания престижа советской власти в мусульманских массах» в Аджарии [3, л.29 об – 30].

1 Спорный с Грузией.

26 сентября 1921 г. начала свою работу Карсская конференция. НКВД РСФСР удалось отстоять именно Карс, при том что турецкая сторона предлагала местом встречи Анкару. Однако, к греческая армия к концу августа 1921 г. вплотную подошла к городу, соответственно о проведении конференции здесь речи идти не могло. Главой турецкой делегации был назначен Карабекир. Примечательно, что РСФСР представлял Яков Ганецкий – полномочный представитель советской России в Литве, кандидатуру Б.В. Лёграна отклонила турецкая сторона, под предлогом того, что он чрезмерно благоволил к армянам [3, л.55]. Накануне Б.В. Лёгран был проинструктирован о том, что необходимо информационно поддерживать Ганецкого и предоставлять ему необходимые материалы. В ходе конференции Ганецкий фактически не советовался с Лёграном. Кроме двух телеграмм несущественного содержания никаких других сведений он Лёграну не предоставил. Армянская ССР была представлена А. Мравяном и П. Макинцянцян, Азербайджан направил Б. Шахтахтынского, Грузия – Ш. Элиаву и А. Сванидзе. В советской историографии ход конференции идеализировался и представлялся как пример единения всех трех республик [См., например: 20, с.164]. Однако, по сведениям Б.В. Лёграна, который старался все-таки вникать в ход конференции, каждая из республик перетягивала переговоры в свою сторону. НКВД отдельных республик ограждали себя от вмешательства российской миссии, в лучшем случае обращались напрямую в Москву, минуя представительство: «Я полагаю, что настало время провести через ЦК РКП постановление, обязывающее Наркоминдел и Центральные Комитеты независимых

республик не предпринимать никаких шагов в иностранной политике без предварительного осведомления представительства РСФСР» [3, л.87].

Радикально ничего нового в сравнении с Московским Карсским договор предложить не мог. Турция по-прежнему находилась в трудном военном положении и нуждалась в российской помощи, а советское правительство ставило задачей повысить свой престиж у народов Востока. В этой связи Г.В. Чичерин призывал не давить на Турцию, не пытаться воспользоваться ситуацией и тем самым потерять поддержку всех восточных народов [3, л.56].

13 октября был заключен четырехсторонний договор о дружбе между Армянской, Азербайджанской и Грузинской Советскими Социалистическими Республиками, с одной стороны, и Турцией – с другой. Как и предполагалось, текст повторял Московский договор, и Нахичеванская область оставалась в качестве автономии Азербайджану.

Таким образом, советизация Армении не стала последней точкой в урегулировании армянского вопроса в российско-турецких отношениях. Турция упорно не желала сдавать позиций по Александропольскому договору и колебалась, пока окончательно не убедилась в невозможности договориться с Антантой и обойтись без советской помощи. Со своей стороны, большевики, не упрочив позиции в Закавказье, не решались действовать радикально и предпочли пойти на уступки в вопросе армянских территорий, при этом сохранить Батум и не оттолкнуть мусульманское население региона. Кроме того, дружба с Турцией была важна в свете провала большевистской идеи революции в Европе и переориентировки на страны Востока.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф.04. Оп. 51. Папка 321. Д.54859.
2. АВП РФ. Ф. Референтура по Турции. Оп.4. Папка 5. Д.10.
3. АВП РФ. Ф.04. Оп.51. Папка 321 а. Д.54877.
4. АВП РФ. Ф.04. Оп.51. Папка 322. Д.54908.
5. Аралов С.И. Воспоминания советского дипломата. 1922-1923. М.: Изд-во ИМО, 1960. 222 с.
6. Г. В. Чичерин – И. В. Сталину. 10 марта 1921 г. // Большевистское руководство. Переписка. 1912 – 1927 / сост. А. В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 1996. С.190 – 192.
7. Густерин П.В. Заключение Советско-турецкого договора 1921 года URL: <https://proza.ru/2017/04/26/630> (Дата обращения: 21.08.2021).
8. Есаян Н. К. Брестский мир (1918) и его последствия для армянского народа в борьбе за национальное единство: дисс. канд. ист. наук. СПб., 2004. 172 с.
9. Заявление Народного Комиссара по Делах Национальностей о победе Советской власти в Армении // Документы внешней политики СССР. Т.4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. С.366 – 367.
10. Из годового отчета Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР к IX Съезду Советов (декабрь 1920 – декабрь 1921 гг.) // Документы внешней политики СССР. Т.4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. С.727 – 767.
11. Кемаль М. Путь новой Турции: [В четырех томах]. Т.IV. Победа новой Турции. 1921 – 1927. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 571 с.
12. Нагорный Карабах в 1918–1923 гг.: Сборник документов и материалов / отв. ред. В.А. Микаелян. Ереван: АН Армении, 1992. 756 с.
13. Нота Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Послу Турции в РСФСР Али Фуаду. 8 апреля 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. С.52 – 53.
14. Обращение В. И. Ленина к коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской Республики. 14 апреля 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. С.64 – 66.

15. Озтюрк М. Взаимные сомнения и недоверие между большевиками и кемалистами в период становления советско-турецких отношений в 1920 – 1922 гг. // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. №5 (84). С.181 – 190.
16. Правда. 1920. 30 ноября.
17. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.64. Оп.1. Д.17.
18. РГАСПИ. Ф.85. Оп. С - Турция. Д. 40.
19. РГАСПИ. Ф.85. Оп. С/Турция. Д.79.
20. РГАСПИ. Ф.85. Ф.85. Оп. С/Турция. Д.3.
21. Хейфец А. Н. Советская дипломатия и народы Востока. 1921 – 1927. М.: Наука, 1968. 326 с.
22. Шутова Н. Е. Армянский вопрос в российско-турецких отношениях: 1911 – 1921 гг.: дисс. канд. ист. наук. Владимир, 2006. 197 с.

References

1. Archive of Foreign Policy of Russian Federation (AVP RF). F.04. Inv. 51. Papka 321. D.54859. (In Russian).
2. AVP RF. F. Referentura po Turtsii. Inv.4. Papka 5. D.10. (In Russian).
3. AVP RF. F.04. Inv.51. Papka 321 a. D.54877. (In Russian).
4. AVP RF. F.04. Inv.51. Papka 322. D.54908. (In Russian).
5. Aralov S.I. Vospominaniya sovetskogo diplomata. 1922-1923 (Memoirs of a Soviet diplomat. 1922-1923). Moscow: IMO publ., 1960. 222 p. (In Russian).
6. G.V. Chicherin – I.V. Stalinu. 10 marta 1921 g. (G.V. Chicherin - I.V. Stalin. March 10, 1921) // Bol'shevistskoe rukovodstvo. Perepiska. 1912 – 1927 / A.V. Kvashonkin, O.V. Khlevnyuk, L.P. Kosheleva, L.A. Rogovaya. Moscow: ROSSPEN publ., 1996. P.190 – 192. (In Russian).
7. Gusterin P.V. Zaklyuchenie Sovetsko-turetskogo dogovora 1921 goda (Conclusion of the Soviet-Turkish Treaty of 1921) URL: <https://proza.ru/2017/04/26/630> (Accessed: 21.08.2021). (In Russian).
8. Esayan N.K. Brestskiy mir (1918) i ego posledstviya dlya armyanskogo naroda v bor'be za natsional'noe edinstvo (The Brest treaty (1918) and its consequences for the Armenian people in the struggle for national unity): thesis. St. Petersburg, 2004. 172 p. (In Russian).
9. Zayavlenie Narodnogo Komissara po Delam Natsional'nostey o pobede Sovetskoy vlasti v Armenii (People's Commissar for Nationalities Affairs declaration on the victory of Soviet power in Armenia) // Dokumenty vneshney politiki SSSR. Vol.4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury publ., 1958. P.366 – 367. (In Russian).
10. Iz godovogo otcheta Narodnogo Komissariata Inostrannykh Del RSFSR k IX S'ezdu Sovetov (dekabr' 1921 gg.) (From the annual report of the People's Commissariat of Foreign Affairs of the RSFSR to the IX Congress of Soviets (December 1920 - December 1921) // Dokumenty vneshney politiki SSSR. Vol.4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1958. P.727 – 767. (In Russian).
11. Kemal' M. Put' novoy Turtsii: [V chetyrekh tomakh]. Vol.IV. Pobeda novoy Turtsii. 1921 – 1927 (The Way of the New Turkey: [In four volumes]. T.IV. The victory of the new Turkey. 1921 - 1927). Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1934. 571 p. (In Russian).
12. Nagornyy Karabakh v 1918–1923 gg.: Sbornik dokumentov i materialov (Nagorno-Karabakh in 1918 – 1923: Collection of documents and materials) / ed by. V.A. Mikaelyan. Erevan: Armenian SA publ., 1992. 756 p. (In Russian).
13. Nota Narodnogo Komissara Inostrannykh Del RSFSR Poslu Turtsii v RSFSR Ali Fuadu. 8 aprelya 1921 g. (People's Commissar for Foreign Affairs of the RSFSR note to the Ambassador of Turkey in RSFSR Ali Fuad. April 8, 1921) // Dokumenty vneshney politiki SSSR. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1958. P.52 – 53. (In Russian).
14. Obrashchenie V. I. Lenina k kommunistam Azerbaydzhana, Gruzii, Armenii, Dagestana, Gorskoy Respubliki. 14 aprelya 1921 g. (Lenin's appeal to the communists of Azerbaijan, Georgia, Armenia, Dagestan, the Mountain Republic. April 14, 1921) // Dokumenty vneshney politiki SSSR. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1958. P.64 – 66. (In Russian).
15. Ozturk M. Vzaimnye somneniya i nedoverie mezhdubol'shevikami i kemalistami v period stanovleniya sovetsko-turetskikh otnosheniy v 1920 – 1922 gg. (Mutual doubts and mistrust between the Bolsheviks and the Kemalists during the formation of Soviet-Turkish relations in 1920 – 1922) // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2010. No.5 (84). P.181 – 190. (In Russian).
16. Pravda. 1920. November 30. (In Russian).
17. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F.64. Inv.1. D.17. (In Russian).
18. RGASPI. F.85. Inv.S - Turtsiya. D. 40. (In Russian).
19. RGASPI. F.85. Inv. S/Turtsiya. D.79. (In Russian).
20. RGASPI. F.85. F.85. Inv. S/Turtsiya. D.3. (In Russian).
21. Kheifets A.N. Sovetskaya diplomatiya i narody Vostoka. 1921 – 1927 (Soviet diplomacy and the peoples of the East. 1921 – 1927). Moscow: Nauka, 1968. 326 p. (In Russian).
22. Shutova N.E. Armyanskiy vopros v rossiysko-turetskikh otnosheniyakh: 1911 – 1921 gg. (The Armenian Question in Russo-Turkish Relations: 1911 - 1921): thesis. Vladimir, 2006. 197 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Амбарцумян Каринэ Размиковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / karina-best21@mail.ru

Information about the author

Ambartsumyan Karine – PhD in History, Associate Professor, Chair of Foreign History, Political Studies and International Relations, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / karina-best21@mail.ru

УДК 94(47)
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.3

Л. В. Батиев

ПОСЛЕДНИЙ МАГИСТРАТ НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ (1865-1870 гг.)¹

К середине XIX в. потенциал полуавтономной системы самоуправления Нахичевани-на-Дону с селами, основанной на пожалованной в 1779 г. при переселении армян из Крыма на Нижний Дон грамоте Екатерины II, был фактически исчерпан. Магистрат, городской голова и другие органы общественного самоуправления избирались на три года в полном соответствии с российским законодательством. Последовательное наступление на права и привилегии армянского городского самоуправления, а также подготовка и проведение в общероссийском масштабе целого ряда буржуазно-демократических реформ наложились на внутренний кризис нахичеванской системы самоуправления. К середине XIX в. служба на выборных должностях в Нахичевани-на-Дону (как и других российских городах) воспринималась не как почетный долг, а как тягостная обязанность, которой стремились избежать всеми законными способами. В связи с этим состав магистрата и других органов самоуправления постоянно нуждался в обновлении и пополнении путем новых выборов и замещения должностей кандидатами. Последний магистрат Нахичевани-на-Дону,

избранный в 1865 г. (на трехлетие с 1866 по 1868 гг.), в связи с общероссийскими реформами утратил полицейские, судебные и другие функции. Выборы в состав нового магистрата, на очередное трехлетие, начиная с 1869 г., в связи с общим решением об упразднении в России магистратов, не проводились. Небольшая часть полномочий Нахичеванского магистрата была сохранена за его Хозяйственной частью. В таком усеченном виде последний магистрат просуществовал дольше положенного законом срока. В ноябре 1870 г. Хозяйственная часть магистрата была подчинена городскому голове с приданными ему четырьмя помощниками. Исправляющий должность председателя магистрата и его заседатели пытались выполнять свои функции и далее. Нахичеванский магистрат был упразднен окончательно 1 июля 1871 г. Таким образом, Нахичевань-на-Дону, утратив статус колонии с дарованной автономией, превратилась в заштатный российский город.

Ключевые слова: магистрат, председатель, заседатели, выборы, уклонение от службы, функционал заседателей.

Levon Batiev

LAST MAGISTRATE OF NAKHICHEVAN-ON-DON (1865-1870)

By the middle of the XIX century the potential of semi-autonomous self-government system of Nakhichevan-on-Don with villages, based on the letter of Catherine II, granted in 1779 during the resettlement of Armenians from the Crimea to the Lower Don, was practically exhausted. The magistrate, the mayor and other bodies of public self-government were elected for three years in full accordance with Russian legislation. A consistent attack on the rights and privileges of the Armenian city government, as well as the preparation and implementation of a number of bourgeois-democratic reforms on a national scale, were superimposed on the internal crisis of the Nakhichevan self-government system. By the middle of the XIX century, the service in elective positions in Nakhichevan-on-Don (as in other Russian cities) was perceived not as an honorable duty, but as an onerous duty, which they tried to avoid by all legal means. In this regard, the composition of the magistrate and other self-government bodies constantly needed renewal and replenishment through new elections

and the replacement of posts by candidates. The last magistrate of Nakhichevan-on-Don, elected in 1865 (for a three-year period from 1866 to 1868), in connection with the all-Russian reforms, lost police, judicial and other functions. Elections to the new magistrate for the next three years, starting in 1869, in connection with the general decision to abolish magistrates in Russia, were not held. A small part of the powers of the Nakhichevan magistrate was retained by its economic part. In such a truncated form, the last magistrate existed longer than the statutory period. In November 1870, the economic part of the magistrate was subordinated to the mayor with four assistants attached to him. The president of the magistrate and his assessors tried to fulfill their functions further. The Nakhichevan magistrate was finally abolished on July 1, 1871. Thus, Nakhichevan-on-Don, having lost the status of a colony with the granted autonomy, turned into an ordinary Russian city.

Key words: magistrate, chairman, assessors, elections, evasion from service, assessors' functionality.

В 1779 г. на Нижнем Дону переселенцами из Крыма была создана армянская колония, которая включала в себя г. Нахичевань и пять окрестных сел, составивших Нахичеванский округ. Жалованной грамотой Екатерины II от 14 ноября 1779 г. [12] им было даровано право самоуправления на основе армянских обычаев. Созданная переселенцами самобытная организация самоуправления,

будучи встроена в общероссийскую систему, просуществовала с 1780 г. до начала 1870-х гг. Все это время Нахичеванский армянский магистрат – главный орган самоуправления, в котором были сосредоточены вопросы управления, полиции и суда, – сохранял свой статус, несмотря на утрату некоторых полномочий и периодические попытки его реформирования [2].

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. Проекта АААА-А19-119011190185-9.

Переустройство всей организации нахичеванского самоуправления на общероссийских основаниях в эпоху «великих реформ» 1860 – 1870-х гг. стало результатом сложения многих факторов. К этому времени компактная и самодостаточная армянская этнокультурная общность подошла к определенному рубежу в своем развитии. В середине XIX в. отмечается определенный внутренний кризис в организации самоуправления колонии. Он выразился в сосредоточении власти в руках купеческой верхушки и, непосредственно, городского головы. Нахичеванский аналог городской думы – совет двадцати четырех – перестал созываться. Сократились реальные полномочия магистрата по судебным и финансовым делам. Характерным стало уклонение горожан от участия в городском самоуправлении, которое воспринималось уже не в качестве почетного права, а как обременительная повинность.

Очевидным становится отставание Нахичевани-на-Дону в демографическом и социально-экономическом развитии от Ростова-на-Дону. Меняется национальный состав города – ранее этнически однородная Нахичевань-на-Дону все более пополняется русскими переселенцами [1, с. 94; 5, с. 12, 126, 341; 11, с. 73, 189; 20, с. 37]. И это обстоятельство отмечалось в 1860-гг. как требующее учета при определении статуса города и организации самоуправления [6, с. 202; 11, с. 189–194, 198–202; 17, с. 57]. Примерно с этого же времени начинается переход нахичеванцев от традиционной культуры, привезенной из Крыма, и этнокультурной замкнутости к большей открытости и восприимчивости европейских нравов [4, с. 123–126].

В данной статье на основе ранее неиспользованного архивного материала подробно прослежено каким образом в истории Нахичеванского армянского магистрата проявился характерный для всех российских городов кризис городского управления, завершившийся инициированным центральной властью переходом на новую модель самоуправления.

Трехлетний срок службы действующего состава Нахичеванского армянского магистрата (председатель и четыре заседателя), как и других выборных лиц заканчивался к 1 января 1866 г., поэтому, в соответствии со ст. 403, 404, 409 Устава о службе по выборам городских обывателей [19], магистрат 11 августа 1865 г. запросил у начальника Екатеринославской губернии разрешение «о собрании нахичеванского городского общества для выборов из среды их городского голову, председателя и членов магистрата и других лиц на будущее с 1866 года трехлетие» [7, л. 17].

Положительный ответ был дан 20 августа 1865 г. Нахичеванскому городскому голове и 25 августа 1865 г. магистрату [7, л. 19].

Выборы начинались избранием городского головы под председательством прежнего, а после утверждения нового головы, избирательное собрание под его председательством приступало к выборам на прочие должности. Избрание городского головы происходило 15 сентября 1865 г. в доме Нахичеванского уездного училища. Перед выборами коллегия выборщиков принесла присягу в соборной церкви Нахичевани [7, л. 25 – 26 об.]. Для соблюдения тишины, благочиния и порядка при приводе к присяге и производстве выборов по просьбе городского головы магистрат командировал полицейского заседателя Н. Бабасинова [7, л. 24].

Новым городским головой был избран купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин Карп Гайрабетов, кандидатом – купец первой гильдии Савелий Каялов, которые 19 октября 1865 г. были утверждены в должности губернским правлением [7, л. 20 – 20 об.].

При вступлении в должность приносилась присяга («клятвенное обещание») установленного образца [15, с. 56]. В Нахичевани-на-Дону она записывалась на двух языках: в левом столбце – на русском языке, в правом – на армянском, и подписывалась всеми участниками и присутствующими [7, л. 18 – 18 об, 77 – 78, 374 – 375]. Кандидаты приносили присягу лишь при замещении ими бывших или уволенных от службы заседателей.

10 ноября новый (он же и старый) городской голова К. Гайрабетов известил председателя Армянского магистрата и исправляющего должность стряпчего по Нахичевани о выборах 15 ноября председателя и четырех заседателей нахичеванского армянского магистрата с кандидатами к ним, а также двух присяжных попечителей по делам лиц, вставших в несостоятельность, и двух присяжных оценщиков. Председатель и члены магистрата вместе с стряпчим по г. Нахичевани-на-Дону приглашались «для присутствия как при приводе к присяге в здешней соборной церкви избирателей, так и при производстве выборов» в помещении нахичеванского уездного училища. Для обеспечения порядка следовало командировать полицейского заседателя магистрата [7, л. 22–22 об.]. Баллотировку шарами производили выборные от всех сословий нахичеванского городского общества и от обществ пяти армянских селений нахичеванского округа и поселения города Нахичевани.

Результаты выборов 15 ноября 1865 г. в виде таблиц были отосланы на утверждение в Екатеринослав (таблица 1).

Таблица 1

Избирательный список 15 ноября 1865 г.

«Балатированный список			
Лицам в следующие должности по городу Нахичевану на Дону, а именно: в председатели Нахичеванского армянского магистрата, в заседатели оного же магистрата, в кандидаты по ним, в присяжные оценщики и в попечители над несостоятельными должниками на трехлетие с 1866 по 1869 год. Учинено 15 ноября 1865 года			
№№ по порядку	Звание, имена, отчества и фамилии	Число шаров	
		избирательных	неизбирательных
а., В председатели Армянского магистрата			
1.	Состоящий ныне в сей должности из дворян коллежский секретарь Даниил Тарасьевич Каракаш	229.	33.
2.	Нахичеванский 2й гильдии купец Татиос Келле-Шагинов	108.	154.
3.	Нахичеванский 1й гильдии купец Иван Маркович Попов	115.	146.
4.	Нахичеванский 2й гильдии купец Багдасар Балиев	150.	111.
5.	Нахичеванский 2й гильдии купец Маниель Минас Попов	188.	74.
б., в заседатели магистрата			
6.	Нахичеванский 2й гильдии купец Христофор Мануйлович Бахчисарайцов	175.	86.
7.	Нахичев. 2й гильдии купец Мелкон Тохов	139.	123.
8.	Нахичев. 2й гильдии купец Егор Кирилич Салтыков	183.	79.
9.	Нахичев. 2й гильдии купец Бедрос Чугаев	182.	79.
10.	Нахичев. 2й гильдии купец Кероп Чернышев	171.	90.
11.	Нахичев. 2й гильдии купец Михаил Попов	160.	101.
12.	Нахичев. 2й гильдии купец Каспар Маркович Попов	138.	123.
13.	Нахичев. 2й гильдии купец Агоп Оберов	140.	122.
14.	Нахичев. 2й гильдии купец Никита Муратханов	93.	168.
15.	Нахичев. 2й гильдии купец Богос Хирмаджев	82.	180.
16.	Нахичев. 2й гильдии купец Андреас Титров	109.	153.
17.	Нахичев. 2й гильдии купец Сероп Налбандов	197.	64.
18.	Нахичев. 2й гильдии купец Карабет Хайзерциев	122.	139.
в., в присяжные городские оценщики			
19.	Нахичев. мещанин Агоп Чахиров	218.	44.
20.	Нахичев. 2й гильдии купец Киркор Царуков	217.	44.
21.	Нахичев. 2й гильдии купец Никогос Михитаров	222.	39.
г., В попечители над несостоятельными должниками:			
22.	Нахичев. 2й гильдии купец Микаел Ходжаев	228	33.
23.	Нахичев. 2й гильдии купец Минас Чапхунов	229	32.
24.	Нахичев. 2й гильдии купец Степан Туцузов	224	37.

«Всего шаров было двести шестьдесят два. Разница одним шаром менее у 15 ти балотировавшихся лиц показанных по этому списку лиц №№ 3, 4, 6, 9, 10, 11, 12, 14, 17, 18, 20, 21, 22, 23 и 24 произошла по неучастию их в собственной балатировке согласно 142 и 410 статей т. III. Чин. о службе по выбору (изд. 1857 г.)» [7, л. 27-28]. Избранными считались лица, набравшие большинство «избирательных» баллов. Указом от 31 декабря 1865 г. Екатеринославское губернское правление утвердило председателем магистрата Д. Каракаша, кандидатами – М. Попова и Б. Ба-

лиева. Заседателями магистрата были утверждены купцы С. Налбандов, Х. Бахчисарайцев, К. Чернышев и М. Тохов, присяжными городскими оценщиками – купец Н. Михитаров, мещанин А. Чахиров и кандидатом купец К. Царуков, попечителями над несостоятельными должниками – купцы М. Чапхунов, М. Ходжаев и кандидатом С. Туцузов [7, л. 40-42].

Но история формирования последнего Армянского магистрата только начиналась. Уже вскоре после выборов проведены дополнительные выборы «на второго кандидата по городском голо-

ве и по два кандидата к заседателям» [7, л. 112]. Причиной этому было устойчивое нежелание нахичеванских купцов служить по выборам на общественных должностях. К рассматриваемому периоду уклонение от исполнения обязанностей заседателей магистрата под разными предлогами (болезнь и необходимость отлучек по торговым делам – наиболее распространённые из них) стало обычным делом. Уже в декабре 1865 г. Екатеринославским губернским правлением была удовлетворена соответствующая просьба некоторых нахичеванских купцов – Михаила и Каспара Поповых и Бедроса Чугаева – по болезни, подтверждаемой медицинскими свидетельствами, Егора Салтыкова вследствие занятости по контракту, мещанина Агопа Оберова, «потому еще, что торговля его производится не в Нахичевани» [7, л. 38-38 об., 40].

Но в таком составе магистрат так и не собрался. С прошением об увольнении по болезни от службы заседателем магистрата 23 ноября 1865 г. обратился к городскому голове второй гильдии купец Сероп Хазаров Налбандов. В обоснование своего прошения он представил свидетельство вольнопрактикующего врача Берберова, из которого следовало, что пациент более двух лет страдает эмфиземой легких. Поскольку описание болезни было составлено вольнопрактикующим врачом без присутствия полиции, то по решению магистрата нахичеванскому городской врач Герревин повторно, в присутствии полицейского заседателя Бабасинова освидетельствовал состояние здоровья Налбандова. Бабасинов при рапорте от 4 декабря 1865 г. представил в магистрат новый акт о болезни Налбандова. Соответствующий рапорт был направлен Нахичеванским городским головой в Екатеринослав [7, л. 35 – 37]. Указом Екатеринославского губернского правления от 22 января 1866 г. заседатель магистрата

купец С.Х. Налбандов был уволен от службы по болезни [7, л. 41, 62]. До этого, правда, его, как и остальных избранных на должности, успели вызвать повесткой 1 февраля к 9 часам утра для следования в соборную церковь к принятию присяги на верность службе [7, л. 47].

В итоге армянский магистрат, не успев собраться, оказался в усеченном составе. По справке, учиненной магистратом, по состоянию на 9 февраля 1866 г. оказалось: «из числа утвержденных на трехлетие с 1866 г. заседателями, купец Бахчисарайцев в настоящее время находится в отпуске, присяжным городским оценщиком Агоп Чахиров волею божьей умер. Председатель магистрата коллежский секретарь Каракаш, и попечители над несостоятельными должниками: Минас Чапхунов и Маниел Ходжаев, состоят в сих должностях» [7, л. 41]. По этому поводу 31 декабря 1865 г. губернское правление предписало проведение новых выборов в магистрат и на иные должности [7, л. 51].

Потребовалось также избрание второго кандидата на должность городского головы в связи с тем, что К. Гайрабетов вследствие болезни не всегда мог отправлять свою должность, и поэтому на его место очень часто заступал первый кандидат С. Каялов в качестве исправляющего должность.

Производство по дополнительным выборам было начато городским головой Гайрабетовым января 1866 г., [7, л. 48-49 об.] а выборы состоялись 1 февраля 1866 г. под председательством городского головы и в присутствии председателя Нахичеванского армянского магистрата и исправляющего должность стряпчего по городу. В списке избирателей было 187 человек, принеших присягу, но в выборах приняли участие 182 человека. Никто из баллотировавшихся не получил больше половины неизбирательных шаров (таблица 2).

Таблица 2

Результаты дополнительных выборов 1 февраля 1866 г.

«Балатированный список			
Лицам в должности кандидатов по городском голове и заседателям Нахичеванского армянского магистрата, на трехлетие с 1866 по 1869 год.			
Учинено 1 февраля 1866 года			
№№ по порядку	Звание, имена, отчества и фамилии	Число шаров	
		избирательных	неизбирательных
По городскому голове			
1.	Нахичеванский 1й гильдии купец Карабет Когбетов	137.	45.
По заседателям магистрата			
2.	Нахичеванский 2й гильдии купец Кероп Чарыхчиев	118.	63.
3.	Нахичеванский 2й гильдии купец Арютюн Хопчоров	146.	36.
4.	Нахичеванский 2й гильдии купец Сергей Шоршоров	122.	60.
5.	Нахичеванский 2й гильдии купец Хачерес Садетов	130.	51.
6.	Нахичеванский 2й гильдии купец Артем Чахиров	113.	68.

«Балатированный список			
Лицам в должности кандидатов по городском голове и заседателям Нахичеванского армянского магистрата, на трехлетие с 1866 по 1869 год.			
Учинено 1 февраля 1866 года			
№№ по порядку	Звание, имена, отчества и фамилии	Число шаров	
		избирательных	неизбирательных
7.	Нахичеванский 2й гильдии купец Никита Бутков	112.	70.
8.	Нахичеванский 2й гильдии купец Киркор Асвадуров Донников	107.	74
9.	Нахичеванский 2й гильдии купец Агоп Баликов	104.	78

«Всех шаров было сто восемьдесят два. Разница одним шаром менее у 4х балатированных лиц, показанных по этому списку лиц № 2, 5, 6 и 8 произошла по неучастию их в собственной балатировке согласно 142 и 410 ст. т. III. Уст. Службе по выбору (из. 1857 г.). Балатировку производили выборные от нахичеванского городского и от общества пяти армянских селений Нахичеванского округа и поселян Нахичевана» [7, л. 50–50 об.].

9 февраля 1866 г. «балатированные списки о произведенных выборах на второго кандидата по городском голове на два кандидата к заседателям» были направлены Нахичеванским городским головой на утверждение губернского правления [7, л. 29], а в связи с увольнением от службы по болезни купца Серопа Налбандова, он просил также утвердить на освободившееся место заседателя магистрата, ранее избранного нахичеванского второй гильдии купца Арютюна Хайзерчиева [7, л. 51 – 52].

9 февраля 1866 г. всем вновь избранным и утвержденным губернским правлением лицам, а также ранее избранным заседателям К. Чернышеву и М. Тохову, присяжному городскому оценщику Н. Михитарову и кандидату К. Царукову были разосланы повестки о приведении их к присяге 10 февраля 1866 г. в присутствии городского головы. 10 февраля они были приведены к присяге армянским священником в помещении магистрата в присутствии городского головы К. Гайрабетова, председателя магистрата Д. Каракаша, кандидата Бриллианщикова. Заседатель Бахчисарайцев находился в отлучке. От принятия присяги освобождались уже присягнувшие ранее на должности попечителей над несостоятельными должниками Минас Чапхунов и Мануэл Ходжаев [7, л. 42 об. – 43, 47, 66]. Купцы Д. Ходжаев, М. Чапхунов и М. Ходжаев, мещанин А. Чихиров были извещены о необходимости прибыть в магистрат для вступления в должность [7, л. 67 – 69]. Н. Бутков был приведен к присяге 26 февраля 1866 г. А. Чахиров – 11 мая 1866 г., Яков Беликов (Агоп Баликов) – 10 июня 1866 г. [7, л. 113–114].

Новоизбранные кандидаты также не проявили служебного рвения. Кандидат на должность городского головы Когбетлиев (Когбетов) и кандидаты на должности заседателей Шоршоров,

Хандзоров и Садетов пожаловались губернскому начальству нарушения при производстве выборов. Суть претензий Когбетлиева заключалась в следующем: «Выборы произведены не всем обществом г. Нахичевана и не уполномоченными от общества, как это требуется законом, а лицами, назначенными городским головою, и так как к балатированию никто не был допущен кроме одного, то один он и остался вторым кандидатом по городском голове, тогда как при балатировании других лиц положительно можно было бы определить по большинству шаров кто из них избран в кандидаты, а между тем по разным неприятным отношениям к членам магистрата, он не желал быть кандидатом» [7, л. 29 об.]. Шоршоров, указывал, что «по расстроенному здоровью не может исполнять служебных обязанностей и в действительности болезни представил медицинское свидетельство», Хандзоров и Садетов – «что, производя торговлю в разных местах вне г. Нахичевана, они по своим коммерческим делам имеют постоянные отлучки из города». Все эти лица «просили о неутверждении в избранных должностях» [7, л. 29 об. – 32].

Разбирательство затянулось до конца 1866 г. [7, л. 136 – 137, 29 – 30, 137 – 141, 159 – 160]. Нахичеванский Армянский магистрат и городской голова представили по требованию губернского правления от 13 апреля 1866 г. объяснения [7, л. 112]. Из них следовало, что «что Шоршоров не подвержен вовсе такому болезненному состоянию, которое решительно препятствовало бы ему отправлять службу, тем более что он «свободно производит торговлю свою лично как в самом Нахичеване, так и отъезжая на некоторое время из города» [7, л. 30 об.]. А у Хандзорова и Садетова постоянная торговля сосредоточена в самом Нахичеване, где они почти большую часть года производят ее, имея лишь кратковременные отлучки из города, как и прочее купечество, по делам коммерческим. Губернское правление, посчитав, что жалобы Когбетлиева, Хандзорова и Садетова опровергаются объяснениями городского головы и армянского магистрата, 12 декабря 1866 г. постановило «просьбы этих лиц оставить без последствий» [7, л. 30 об. – 31 об.]. Указ Екатеринославского губернского правления об

утверждении жалобщиков в избранных должностях был объявлен им в магистрате 31 декабря 1866 г., в чем они и расписались, обязуясь «не отлучаться никуда из Нахичевана впредь до дальнейшего распоряжения магистрата» [7, л. 32].

Постоянный недостаток сотрудников вынуждал руководство города проводить все новые выборы на городские должности. В 1867 г. 21 июля Екатеринославское губернское правление вновь вынуждено было по просьбе Нахичеванского магистрата дать согласие на дополнительные выборы «в должности заседателей магистрата или кандидатов, так как большая часть из сих лиц выбыла из должностей по торговым делам» [7, л. 268]. Выборы в обычном порядке были назначены и.д. городского головы Когбетлиевым на 23 августа 1867 г. [7, л. 271] 21 сентября 1867 г. городскому голове было направлено от Губернского правления извещение об утверждении с разрешения губернатора «по большинству избирательных баллов кандидатами по заседателям Армянского Магистрата Нахичеванского

2 гильдии купца Михаила Карабетова, коллежского асессора Степана Попова, Нахичеванских 2 гильдии купцов Мануела Ходжаева, Ивана Сермакешова, Мануела Хирмаджева, Карабета Хайсерчиева, Павла Хирмаджева и Богоса Баранова» [7, л. 292]. Исправляющий должность городского головы Когбетлиев 2 октября 1867 г. уведомил об этом магистрат [7, л. 379].

По всей видимости, устав от чехарды в исполнении обязанностей заседателей магистрата и других выборных должностей, Губернское правление 28 августа 1867 г. (получено в Нахичевани 5 сентября 1867 г.) затребовало от Нахичеванского армянского магистрата сведения том, кто именно исполнял обязанности заседателей и секретаря магистрата, начиная с 15 января 1865 г. [7, л. 273]. Ответная выписка, подготовленная магистратом, и приводимая ниже [7, л. 277 – 278 об.], достаточно показательна (таблица 3). По ней видно, насколько прерывистым было функционирование основного органа городского и одновременно окружного самоуправления.

Таблица 3

Выписка из журналов магистрата

Выписка, учиненная в Нахичеванском Армянском Магистрате из журналов о бывших в 3х летиях с 1864 и с 1866 годов по 15е сентября 1867 года членах, с объяснением в которое время кто присутствовал в Магистрате при слушании дел по 15е сего сентября 1867 года.	
Должности и звание членов	В которое время присутствовали
По выборам в трехлетие с 1864 по 1866 годы	
Председатель магистрата коллежский секретарь Данило Каракаш	С 15 января 1865 г. по 30е марта и с 1го апреля по 1е января 1866 года
Заседатели Нахичеванские купцы	
Мартын Мясников	С 15 января 1865 г. по 24е апреля, с 26 июня по 1е января 1866 года
Никита Бабасинов	С 15 января 1865 г. по 1е января 1866 года
Багдасар Балиев	С 10 февраля по 17е ноября 1865 года
Исправлявшие по разным случаям должности их заседателей кандидаты	
Мартын Бриллиантчиков	С 15 января 1865 года по 10е февраля, с 17 ноября по 1е января 1866 года
Федор Салтыков	С 26 апреля по 26 июня 1865 года
По выборам в 3хлетие с 1866 года по 1е сентября 1867 года	
Председатель магистрата коллежский секретарь Данило Каракаш	
Заседатели купцы	
Михаил Чернышев	С 11 февраля 1866 г. по 3е июня, с 6 июля по 21 октября и с 23 ноября 1866 года по 15 сентября 1867 года
Мелкон Тохов	С 11 февраля 1866 г. по 16 июня, с 12 го июля по 13е октября, с 20 ноября по 10 января 1867 г., с 14 го марта по 26 июня 1867 г. и с 11 по 15 сентября 1867 года
Христофор Бахчисарайцов	С 18 февраля по 6 декабря 1866 года
До вступления их в должности и по другим случаям исправляли их должности бывшие в прошлом трехлетии заседатели кандидаты настоящего 3хлетия, а именно Никита Бутков	Исправлял долж. заседателя с 3 июня по 6 июля, с 21 октября по 23 ноября 1866 г. и с 6 декабря 1866 го по 15е сентября 1867 должность председателя

Выписка, учиненная в Нахичеванском Армянском Магистрате из журналов оного, о бывших в 3х летиях с 1864 и с 1866 годов по 15 сентября 1867 года членах, с объяснением в которое время кто присутствовал в Магистрате при слушании дел по 15 сего сентября 1867 года.	
Должности и звание членов	В которое время присутствовали
По выборам в трехлетие с 1864 по 1866 годы	
Председатель магистрата коллежский секретарь Данило Каракаш	С 15 января 1865 г. по 30 марта, и с 1го апреля по 1е января 1866 года
Заседатели Нахичеванские купцы	
Мартын Мясников	С 15 января 1865 г. по 24 апреля, с 26 июня по 1е января 1866 года
Никита Бабасинов	С 15 января 1865 г. по 1е января 1866 года
Багдасар Балиев	С 10 февраля по 17е ноября 1865 года
Исправлявшие по разным случаям должности их заседателей кандидаты	
Мартын Бриллиантчиков	С 15 января 1865 года по 10 февраля, с 17 ноября по 1е января 1866 года
Федор Салтыков	С 26 апреля по 26 июня 1865 года
По выборам в 3хлетие с 1866 года по 1е сентября 1867 года	
Председатель магистрата коллежский секретарь Данило Каракаш	
Заседатели купцы	
Михаил Чернышев	С 11 февраля 1866 г. по 3е июня, с 6 июля по 21 октября и с 23 ноября 1866 года по 15 сентября 1867 года
Мелкон Тохов	С 11 февраля 1866 г. по 16 июня, с 12го июля по 13е октября, с 20 ноября по 10 января 1867 г., с 14го марта по 26 июня 1867 г. и с 11 по 15 сентября 1867 года
Христофор Бахчисарайцов	С 18 февраля по 6 декабря 1866 года
До вступления их в должности и по другим случаям исправляли их должности бывшие в прошлом трехлетии заседатели кандидаты настоящего 3хлетия, а именно Никита Бутков	Исправлял долж. заседателя с 3 июня по 6 июля, с 21 октября по 23 ноября 1866 г. должность заседателя и с 6 декабря 1866 го по 15е сентября 1867 должность председателя
Никита Бабасинов	С 1го января по 18 февраля 1866 года
Мартын Бриллиантчиков	С 1го января по 11 февраля 1866 года
Мартын Мясников»	С 1го января по 18 февраля 1866 года

Передача дел при смене заседателей магистрата и других выборных лиц, а также отбытии в отпуск по разным основаниям и возвращении из него фиксировалась письменно соответствующими рапортами в магистрат. Порой отпускники (будучи уже здоровыми) не спешили возвращаться к исполнению служебных обязанностей, и магистрату приходилось делать им замечание с предписанием незамедлительно «явиться к своей должности» [7, л. 70–71].

После приведения к присяге председатель магистрата Д. Каракаш должен был ввести в должность присягнувших и разделить между ними обязанности. Перечень обязанностей заседателей показывает основной функционал магистрата в полицейской сфере. На заседателя магистрата Чернышева возлагалось производство следственных и иных уголовных дел по преступлениям и проступкам, надлежащим рассмотрению судебных мест, и вся относящаяся к этим делам переписка. На заседателя М. Тохова возлагалось ис-

полнение дел по взысканиям частных долгов по векселям и другим долговым актам и обязательствам с описью имений должников. «Заведывание же по округу», (сельскому Нахичеванскому округу) оставлялось впредь до утверждения нового заседателя по выборам, произведенным 1 февраля на заседателя Салтыкова [7, л. 43–44 об.]. Заседатели Чернышев и Бахчисарайцев, независимо от производства и исполнения дел и бумаг, по возлагаемым на них отдельных частей, обязывались присутствовать постоянно в установленное законом время в магистрате [7, л. 44 об.].

Чернышев и Тохов дополнительно должны были: «сверх приема от предшественников своих дел и бумаг, принять от них буде у кого находятся имущества, бывшие у них в заведывании и хранении по долговым и иным делам по надлежащим описям, сверх того вменить им в обязанность по части полиции исполнять по очереди дежурства по тюрьмам по недельно каждому, иметь самое бдительное наблюдение за исправностью

караулов при тюрьмах в предупреждение побега арестантов и вообще наблюдать по городу за сохранением общей тишины и спокойствия, за чистотою улиц опрятностью домов и дворов, также за безопасностью от огня в предупреждение пожаров, преследуя вместе с тем бродяг, беглых и безписьменновидных (не имеющих документа на право отлучки из мест постоянного проживания – Л. Б.) [17] и вообще людей подозрительных и дурной нравственности» [7, л. 44об. – 45]. Бывших кандидатов на должности заседателей М. Мясникова и М. Бриллианщикова решено было не увольнять впредь до утверждения новых кандидатов и поручить принять «деятельные меры к взысканию недоимок» [7, л. 45]. Такое же решение было принято в отношении заседателя Бабашинова [7, л. 92 об.].

На место умершего городского присяжного оценщика Агопа Чахирова решено было «утвердить кандидата по нем купца Киркора Царукова, который допущен к исправлению этой должности», об утверждении чего и запросить предписание от Губернского правления [7, л. 45 об.].

Заседателю Х. Бахчисарайцеву (возвратясь из отлучки, он явился в присутствие магистрата и приняв присягу, вступил в отправление должности полицейского заседателя вместо заседателя из предыдущего состава Бабашинова) поручалась общая полицейская часть по городу Нахичевани, с соответствующим наставлением по должности [7, л. 44]. Ему поручалось: чтобы он «постоянно в установленное законом время присутствовал в магистрате и исполнял с прочими заседателями дежурства по мужской и женской тюрьмам по недельно каждому и иметь самое бдительное наблюдение за исправностью караулов при тюрьмах в предупреждение побега арестантов и вообще наблюдать по городу за сохранением общей тишины и спокойствия, за чистотою улиц и опрятностью домов и дворов, также за безопасностью от огня в предупреждение пожаров, преследуя вместе с тем бродяг, беглых и без письменновидных, да и вообще людей подозрительных и дурной нравственности. Кроме сего вменить в особенную личную обязанность его, чтобы он имел самое ближайшее и неупустительное наблюдение за точным исполнением всеми и каждым правил предписанных законом по предмету каждодневной продажи на базарах в городе и лавках съестных и всех вообще жизненных припасов и материалов, за исправностью м. весов и мер, за невозвышением произвольно цен на жизненные продукты, за качество и безвредность таковых и вообще за чистотою и опрятностью в мясных лавках и на базаре; сверх того велеть наблюдать строго, чтобы никто из жителей без надлежащего разрешения начальства не производил в городе произвольно никаких построек домов и других зданий без предварительного сведения городско-

го архитектора, преследуя и предупреждая кроме того неупустительно по всей строгости законов мерами и властью полиции всякие незаконные убийства, беспорядки и злоупотребления, клонящиеся к нарушению должного уважения к вере, или же общественного спокойствия, порядка, благочиния, безопасности личной и безопасности имуществ [18, ст. 1] подробности исчислены в своде Уставов о предупреждении и пресечении преступлений т. XIV (1857 г.) от 1 до 518 статьи включительно, настолько, насколько будет встречаться необходимость по должности полицейского заседателя; для чего и поручить ему чтобы он строжайше лично наблюдал, чтобы полицейская и пожарная команды, а также и вольнонаемная стража объездчиков были в должной исправности в своих обязанностях в каждую ночь постоянно имели бы тщательные разъезды по всем частям города для наблюдения за празднующимися и подозрительными людьми и вообще за тишиною и спокойствием и безопасностью в городе; если же он заседатель заметит, что ночные объездчики будут уклоняться от разъездов ночью по городу, то о таковых нерадивых тотчас доносить Магистрату для принятия мер о заменах другими более усердными и благонадежными» [7, л. 90 – 92].

К 1 января 1869 г. заканчивался срок службы всех выборных должностных лиц Нахичевани-на-Дону. Поэтому магистрат просил у Екатеринославского губернатора разрешения на проведение выборов на все выборные городские должности на новое трехлетие [9, л. 2–3]. В ответ на обращение исправляющий должность городского головы получил 5 сентября 1868 г. предписание Екатеринославского губернского правления «о собрании с 18 числа сего сентября городского общества для производства выборов на городские должности». 16 сентября предполагалось провести «собрание городского общества о выборе поверенных от общества для избрания Городского головы на будущее трехлетие» [9, л. 4]. Поэтому голова запросил у магистрата «список о купцах 1 й и 2 й гильдий, объявивших на 1868 год купеческий капитал и другой таковой о состоящих из них под судом и следствием». От мещанского старосты для этой же цели был затребован «именной список мещан г. Нахичевана: домохозяев и в особенности почетнейших, числом до 400 человек» [9, л. 5–7]. В итоге, в выборах городского головы участвовало 216 душ, и по большинству балов городским головой был избран коллежский асессор Артем Халибов, «кандидатами по нем потомственный гражданин Яков Хлытчиев, 1й гильдии купец Матвей Ерицпох-Плотников и 1й гильдии купец Илья Шагинов» [9, л. 9 об.]. Но Халибов отказался от должности в силу возраста (80 лет), 15 летнего стажа в должности головы и постоянного проживания в Таганроге; а Хлытчиев как состоящий в должности, которая освобождает

его от службы по общественным должностям, а также вследствие нахождения под следствием. Городским головой был утвержден Матвей Ерицпых-Плотников, а кандидатом Илья Шагинов [9, 9 об. – 10 об.].

Были также избраны четыре помощника городского головы: Каспар Салтыков, Михаил Попов, Минас Шапошников, вольнопрактикующий врач Герасим Халибов, кандидат по ним купец Михаил Карabetов. В качестве временной замены городской думы были избраны двадцать четыре опекуна по городскому хозяйству: коллежский ассессор Артемий Халибов, купцы Хачерес Сагиров, Мардирос Мясников, Семен Аладжалов, Каспар Салтыков и Егор Салтыков, коллежский секретарь Даниил Каракаш, почетный гражданин Яков Хлытчиев, Егор Хатранов и Карп Гайрабетов, Никогос Аджемов, Карп Когбетлиев, Илья Шагинов, Сероп Чорчопов, Григорий Салтыков, Асвадур Салтыков, Христофор Бахчисарайцев, Бедрос Чугаев, Михаил Трапизонцев, Минас Шапошников, вольнопрактикующий врач Герасим Халибов, коллежский секретарь Минас Халибов, и мещанам Христофор Хазызов и Роман Захаров и кандидаты по ним купцы Багдасар Балиев и мещанин Крикор Налбандов. Кроме этого, также были выбраны присяжные городские оценщики: купцы Тарас Миганаджиев и Манук Чубаров; и попечители над несостоятельными должниками: мещанин Бедрос Кечеджиев и купец Назарет Хаджибаронов. В апреле 1869 г. на их имя было предусмотрено подготовить повестки о необходимости прибыть в присутствие магистрата, чтобы принять присягу и вступить в должности.

Сведений об избрании нового состава магистрата не имеется. И это неудивительно. В 1865 г. Нахичеванский армянский магистрат полностью утратил полицейские полномочия, переданные полицейскому управлению Ростова-на-Дону. Окончательно передача была закреплена 27 февраля 1868 г. [14]. 13 апреля 1866 г. Александр II подписал «Правила об упразднении магистратов и судебных ратуш» и потребовал повсеместного упразднения магистратов и судебных ратуш в течение 1866 г. Летом 1866 г. в соответствии со ст. 1 названных «Правил» [13] в Нахичевани было введено временное упрощенное общественное управление по заведыванию городским хозяйством под руководством городского головы – Нахичеванское хозяйственное управление [8, л. 26; 10, л. 46]. 30 апреля 1869 г. с введением в действие в Екатеринославской губернии Судебных уставов 1864 г. Нахичеванский армянский магистрат утратил и судебные полномочия [10, л. 24, 45]. От магистрата осталась лишь Хозяйственная часть. Бывший председатель магистрата Д. Каракаш был утвержден в марте 1869 г. мировым судьей в г. Нахичевани [10, л. 23]. Исправляющим должность пред-

седателя стал Х. Бахчисарайцев, председателями оставались М. Чернышев, М. Хирмаджев и А. Чахиров [10, л. 23–24]. Штат Хозяйственной части магистрата включал в себя исправляющего должность секретаря и двух столоначальников (Светцов и Кононович), архивариуса (Минас Абрамов). Функции магистрата ограничивались выдачей паспортов мещанам, гильдейских и промысловых свидетельств, взысканием денег по государственным повинностям, отчетностью по налогу с недвижимых имуществ, находящихся в заведывании мещанского старосты [10, л. 2, 31]. Кроме того, к ведомству магистрата относились сиротский суд и мещанский староста.

По ходатайству городского головы Хозяйственная часть магистрата решением губернского правления (решение принято 3 марта 1870 г., предписание сделано 19, получено в Нахичевани 30 марта, но магистрату сообщено 29 июня в связи с пребыванием городского головы в отпуске в Одессе) [10, л. 88 об.] была переведена в дом Хозяйственного управления. 11 мая 1870 г. председатель Нахичеванского армянского магистрата и заседатели были уволены от службы за истечением срока, на который они были избраны обществом [10, л. 26, 46 об. 47]. До получения окончательного разрешения по вопросу о присоединении оставшихся неупраздненными частей магистрата к Нахичеванскому хозяйственному управлению, заведование ими по решению губернского правления от 11 июня 1870 г. [10, л. 7] было поручено одному из помощников городского головы Минасу Шапошникову [10, л. 46 об., 24–25]. Однако члены магистрата Чернышев, Хармаджиев и Чахиров уклонились от передачи ему оставшихся дел «под тем предлогом, что таковое распоряжение означает окончательное закрытие магистрата, что может последовать только с Высочайшего разрешения и не согласно с Высочайше дарованной им привилегией» [10, л. 28 об.]. Передача дел состоялась лишь в начале ноября 1870 г. [10, л. 31–44 об.]

Х. Бахчисарайцев, в середине июня 1869 г. ушел в месячный, а с августа в четырехмесячный отпуск (его замещал заседатель М. Хирмаджев) [7, л. 384–392]. Вернувшись в Нахичевань 12 декабря, он намеревался продолжить службу в роли исправляющего должность председателя магистрата. Указом Екатеринославского губернского правления он по собственному прошению был отставлен от службы с 13 июня 1870 г. [10, л. 54–57]. Тем не менее «остался продолжать службу и присутствовал в Магистрате по всем делам оного» [10, л. 55], затем ушел в отпуск на два месяца, и с 12 сентября вновь «опять вступает в отправление своей должности, и затем присутствовал постоянно с того времени по 27 октября 1870 года» [10, л. 55 об.]. В августе 1871 г. по этому поводу Нахичеванский городской голова пишет отношение

Ростовскому полицеймейстеру, а в мае 1872 г. отправляет копию в Екатеринославское губернское правление [10, л. 54-56].

Последнее распоряжение Екатеринославского губернского правления об окончательном упразднении магистрата с 1 июля 1871 г. и присоединении неупраздненной части магистрата, находящийся уже под управлением помощника городского головы М. Шапошникова, к нахичеванскому городскому хозяйственному управлению состоялось 19 июня 1871 г. [10, л. 45-49 о., 50-51]. Но в отношении последнего исправляющего должность председателя магистрата дело о незаконном осуществлении полномочий продолжалось, по крайней мере, до конца августа 1872 г. [10, л. 54-57].

Так закончилась затянувшаяся на три лишних года история последнего магистрата Нахичевани-на-Дону. На его долю пришлось такие испытания, как создание совета двадцати четырех опекунов (взамен городской думы) с четырьмя помощниками городского головы, избрание городской (шестигласной) думы, утрата полицейских, судебных и смежных функций, создание временного упрощенного общественного управления по заведыванию городским хозяйством, в рамках которого для магистрата уже не оставалось реального места. В 1872 г. в Нахичевани-на-Дону стала действовать общероссийская модель местного общественного самоуправления, началась новейшая история уже не армянской колонии с дарованной автономией, а заштатного российского города с армянским населением.

Источники и литература

1. Бархударян В. Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван: Айастан, 1996. 528 с.
2. Батиев Л. В. Трансформация органов самоуправления Нахичевани-на-Дону в 1860-е годы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: история России. 2020. Т. 19. № 1. С. 155-173.
3. Городские поселения в Российской империи. Т. II. СПб. Тип. Товарищества «Общественная польза», 1861. 600 с.
4. Донско-Азовский календарь на 1887 год. Ростов-на-Дону: Типо-лит. Тер-Абрамиан, 1886. 194 с.
5. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Екатеринославская губерния. СПб.: Тип. департамента Генерального штаба, 1862. 396 с.
6. Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах Империи. (Городовое положение 16 июня 1870 г.). Том I. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1877. [2], XV, [3], 564 с.
7. Национальный архив Армении (НАА). Фонд 139, опись 1, Д. 191.
8. НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 197.
9. НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 243.
10. НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 249.
11. Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1864 год. Екатеринослав: Типография Я. Чаусского, 1864. 388 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. (ПСЗ-I). Т. 20. № 14942. СПб.: Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. 1041 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. (ПСЗ-II). Т. 41, отд. I, № 43183. СПб., Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии. 1873. 1081 с.
14. ПСЗ-II. Т. 43. СПб.: Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1868. 942 с. № 45541.
15. Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. Основные государственные законы. Раздел I-II. Приложение V. СПб., Изд. Канцелярии Е.И.В. 1857. 1026 с.
16. Свод уставов о паспортах и беглых. Раздел первый. Гл. 6. Отд. I. Ст. 112-117 // Свод законов Российской империи. Т. 14. Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражей, и о ссыльных. СПб.: В Типографии Второго отделения ЕИВ Канцелярии, 1857. 909 с.
17. Судебно-статистические сведения и соображения о введении Судебных уставов 20-го ноября 1864 года (по 32 губерниям). Ч. I. СПб. Тип. при Правит. сенате, 1866. 454 с.
18. Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи. Т. 14. Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражей, и о ссыльных. СПб.: В Типографии Второго отделения ЕИВ Канцелярии, 1857. С. 1 - 222
19. Устав о службе по выборам городских обывателей // Свод законов Российской империи. Т. III. СПб.: В Типографии Второго отделения ЕИВ Канцелярии, 1857. 1416 с.
20. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861-62 г. Часть первая. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863. 917 с.

References

1. Barhudarjan V.B. Istorija armjanskoj kolonii Novaja Nahichevan' (1779–1917) (History of the Armenian colony of New Nakhichevan (1779-1917). Erevan: Ajastan, 1996. 528 p. (In Russian).
2. Batiev L.V. Transformacija organov samoupravljenja Nahichevani-na-Donu v 1860-e gody (Transformation of self-government bodies of Nakhichevan-on-Don in the 1860s) // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: istorija Rossii. 2020. Vol. 19. No. 1. P. 155 – 173. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-155-173>. (In Russian).
3. Gorodskie poselenija v Rossijskoj imperii (Urban settlements in the Russian Empire). Vol. II. St. Petersburg: Tip. Tovarishhestva «Obshhestvennaja pol'za», 1861. 600 p. (In Russian).
4. Donsko-Azovskij kalendar' na 1887 god (Don-Azov calendar for 1887). Rostov-on-Don: Tipo-lit. Ter-Abramian, 1886. 194 p. (In Russian).

5. Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba (Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff). Ekaterinoslavskaja gubernija. St. Petersburg: Tip. departamenta General'nogo shtaba, 1862. 396 p. (In Russian).
6. Materialy, odnosjashiesja do novogo obshhestvennogo ustrojstva v gorodah Imperii. (Gorodovoe polozenie 16 ijunja 1870 g.) (Materials related to the new social order in the cities of the Empire. (City status June 16, 1870). Tom I. St. Petersburg: Tipografija ministerstva vnutrennih del, 1877. [2], XV, [3], 564 p. (In Russian).
7. National Archives of Armenia (NAA). F. 139. Inv.' 1, D. 191. (In Russian).
8. NAA (NAA). F. 139. Inv. 1. D. 197. (In Russian).
9. NAA (NAA). F. 139. Inv. 1. D. 243. (In Russian).
10. NAA (NAA). F. 139. Inv. 1. D. 249. (In Russian).
11. Pamjatnaja knizhka Ekaterinoslavskoj gubernii na 1864 god Commemorative book of the Yekaterinoslav province for 1864. Ekaterinoslav: Tipografija Ja. Chausskogo, 1864. 338 p. (In Russian).
12. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoe imperii. Sobranie pervoe. (PSZ-I) Complete collection of laws of the Russian Empire. First meeting. (PSZ-I). Vol. 20. No. 14942. St. Petersburg: Tip. II Otdelenija sobstvennoj ego imperatorskogo veličestva kanceljarii, 1830. 1041 p. (In Russian).
13. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2-e. (PSZ-II) Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. (PSZ-II). Vol. 41, Dep. I, No. 81 p. (In Russian).
14. PSZ-II (PSZ-II). T. 43. St. Petersburg, 1868. 942 p. № 45541. (In Russian).
15. Svod zakonov Rossijskoj imperii (Code of laws of the Russian Empire). Vol. 1. Part. 1. Osnovnye gosudarstvennye zakony. Razdel I-II. Prilozhenie V. St. Petersburg, Izd. Kanceljarii E.I.V. 1857. 1026 p. (In Russian).
16. Svod ustavov o pasportah i beglyh (Code of Charters on Passports and Fugitives). Razdel pervyj. Gl. 6. Otd. I. St. 112-117 // Svod zakonov Rossijskoj imperii. Vol. 14. Ustavy o pasportah, o preduprezhdenii prestuplenij, o cenzure, o soderzhashhijsja pod strazhej, i o ssyl'nyh. St. Petersburg: V Tipografii Vtorogo otdelenija EIV Kanceljarii, 1857. 909 p. (In Russian).
17. Sudebno-statisticheskie svedenija i soobrazhenija o vvedenii Sudebnyh ustavov 20-go nojabrja 1864 goda (po 32 gubernijam) (Judicial-statistical information and considerations on the introduction of the Judicial Charters on November 20, 1864 (for 32 provinces). Part. I. St. Petersburg: Tip. pri Pravit. senate, 1866. 454 p. (In Russian).
18. Ustav o preduprezhdenii i presechenii prestuplenij (Charter on the prevention and suppression of crimes) // Svod zakonov Rossijskoj imperii. Vol. 14. Ustavy o pasportah, o preduprezhdenii prestuplenij, o cenzure, o soderzhashhijsja pod strazhej, i o ssyl'nyh. St. Petersburg: V Tipografii Vtorogo otdelenija EIV Kanceljarii, 1857. P. 1 – 122. (In Russian).
19. Ustav o sluzhbe po vyboram gorodskih obyvatelej (Charter on the service for the elections of urban inhabitants) // Svod zakonov Rossijskoj imperii (izd. 1857 g.). vol. III. St. Petersburg: V Tipografii Vtorogo otdelenija EIV Kanceljarii, 1857. 1416 p. (In Russian).
20. Jekonomicheskoe sostojanie gorodskih poselenij Evropejskoj Rossii v 1861-62 g. (The economic state of urban settlements in European Russia in 1861-62) Chast' pervaja. St. Petersburg: Tip. K. Vul'fa, 1863. 917 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Батиев Левон Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политологии и права Южного научного центра Российской академии наук (Ростов-на-Дону) / lbatiev@yandex.ru

Information about the author

Batiev Levon – PhD in Law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Political Science and Law of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don) / lbatiev@yandex.ru

УДК 94(47).084.1
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.4

Л. Н. Величко

ПОЗИЦИИ ЛИДЕРА ПАРТИИ КАДЕТОВ П. Н. МИЛЮКОВА ПО АРМЯНСКОМУ ВОПРОСУ¹

В статье раскрывается позиция партии конституционных демократов П.Н. Миллюкова на одну из актуальных в начале XX в. для России внешнеполитических проблем – армянский вопрос. Поскольку представители кадетской партии являлись депутатами Государственной Думе четырёх созывов, а её представители, прежде всего Миллюков, занявший пост министра иностранных дел Временного правительства в 1917 г. оказывали влияния на действия правительства и императора, то характеристика его взглядов является ключевой в понимании внешнеполитического курса России в первой трети XX в. Проблема проливов, не сходявшая с внешнеполитической повестки дня со времен возникновения «Восточного вопроса», проявление внутриполитического кризиса в Османской империи, повлекшего за собой обсуждение её территориальной целостности, стал контекстом для «армянского вопроса», который также рассматривался Миллюковым неразрывно с внутренней политикой и проблемой национально устройства российского государства.

Исследование построено на обращении к историческим источникам различного типа: официальным заявлениям, указам и постановлениям государственных

органов управления; публицистике, данным периодической печати и воспоминаниям самого П. Н. Миллюкова. Их анализ позволяет увидеть представление кадетов о том, что внешняя политика является продолжением внутренней, что выразилось в формировании идеи национального устройства государства на принципах национально-культурной автономии, и определило понимание кадетами места и роли России в геополитическом пространстве. Автор сделала попытку показать, как программные требования кадетской партии, проходя жёсткую внутрипартийную дискуссию, находили воплощение в реальных политических мероприятиях благодаря усилиям её лидера – П. Н. Миллюкова. Его позиция имела противоречивый характер, что выражалось в определении послевоенного статуса Польши, Финляндии, а также понимании судьбы Западной Армении. Однако его публичная деятельность оказывала влияние на общественное восприятие проблемы и принятие внешнеполитических решений.

Ключевые слова: армянский вопрос, партия конституционных демократов, национальный вопрос, национально-культурная автономия, Временное правительство, П.Н. Миллюков.

Ludmila Velichko

THE ATTITUDE OF THE CADET PARTY LEADER P. N. MILYUKOV TO THE ARMENIAN ISSUE

The article reveals the attitude of the leader of the party of constitutional democrats P.N. Milyukov to one of the most relevant at the beginning of the XX century for Russia, foreign policy problems, namely an Armenian question. Since representatives of the Cadet Party were deputies of the State Duma of four convocations, and its representatives, above all Milyukov, who took over as Minister of Foreign Affairs of the Provisional Government in 1917, influenced the actions of the government and the emperor, an account of his views is key in understanding Russia's foreign policy in the first third of XX century. The problem of the straits, which was on the foreign policy agenda since the emergence of the «Eastern Question», the manifestation of the internal political crisis in the Ottoman Empire, which entailed a discussion of its territorial integrity, became the context for the «Armenian question», which was also considered by Milyukov inseparably with domestic politics and the problem of national structure of the Russian state.

The research is based on various types of historical sources: official statements, decrees and resolutions of state governing bodies; journalistic sources, data

from periodicals and the memoirs of P.N. Milyukov. Their analysis allows us to see the idea of the cadets that foreign policy is the continuation of the internal one, which was expressed in the formation of the idea of a national structure of the state on the principles of national and cultural autonomy, and determined the cadets' understanding of the place and role of Russia in the geopolitical space. The author made an attempt to show how the program requirements of the Cadet party, passing through a tough internal party discussion, were embodied in real political events thanks to the efforts of its leader, P.N. Milyukov. His position was controversial, which was expressed in determining the post-war status of Poland, Finland, as well as understanding the fate of Western Armenia. However, his public activities influenced the public perception of the problem and the adoption of foreign policy decisions.

Key words: Armenian question, party of constitutional democrats, national question, national-cultural autonomy, Provisional government, P. N. Milyukov.

В начале XX в. одной из острых проблем внешней политики Российской империи являлся «дальневосточный вопрос», на решение которого

были брошены основные военные и дипломатические силы. Поражение в русско-японской войне в 1905 г., изменения геополитической ситуации

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-59-05002 Арм_а

и произошедшие в России политические перемены, привели к смене внешнеполитических стратегий, что не могло не найти отражение в программных документах политических партий и в публичных выступлениях их лидеров. Вышедшая в 1908 г. статья П. Б. Струве «Великая Россия» стала теоретическим основанием для разработки внешнеполитической части программных требований партии конституционных демократов. По мнению Струве, следовало сменить ориентацию: от Дальнего Востока перейти к Черноморскому бассейну, в котором существовала надежная материальная база и где можно было подтвердить реальное доминирование России. Кадетами были инициированы обсуждения актуальных внешнеполитических вопросов на страницах печати, в частности, партийной газеты «Речь». Им принадлежит инициатива встреч с европейскими парламентариями, особенно активно проходивших в период 1909–1916 гг. Руководство партии полагало, что залогом успеха политики законодательной и исполнительной власти является её обращение к общественному мнению, возможность диалога с обществом по актуальным политическим проблемам, в том числе и по внешнеполитическим. По убеждению П. Н. Милюкова внешняя политика являлась продолжением внутренней, прежде всего, в национальном вопросе. Именно он стал одним из ключевых в программных требованиях партии и активно поднимался в период работы III Государственной Думы. Кадеты видели Россию унитарным государством, союзом культурных автономий, с элементами законодательной и административной децентрализации. Местное управление было основано на том, что национальные территории государства объединялись в территориальные союзы, являющиеся самостоятельными юридическими институтами с выборной администрацией, но подчиняющейся центральной власти. Предполагалось, что территориальные союзы будут иметь собственные законодательные органы власти, которые будут обладать правом принятия законов местного значения, но не противоречащим центральному законодательству. Члены кадетской партии, «армянское крыло», в лице А. К. Дживелегова, М. С. Аджемова и М. И. Пападжанова ставили на повестку дня вопрос «наступления на армянскую автономию» в Восточной Армении, начатую главноначальствующим гражданской частью на Кавказе Г. С. Голицыным ещё в 1903 г., выразившуюся в переводе обучения в армянских школах на русский язык, конфискации имущества армянской церкви, цензуре армянской печати. Они выступали сторонниками культурно-национальной автономии в составе Российской империи, на основе принципа национального участкового земства. В этой связи, на фоне продолжающихся фактов перехода российской границы армян-

скими беженцами, спасающимися от этнических чисток, проводимых правительством турецкого султана Абдул-Хамида II, в повестку дня кадетской партии вошло обсуждение судьбы Западной Армении и «армянского вопроса».

В период 1914–1917 гг. кадетами была организована комиссия по «армянскому вопросу», в которую входили П. Н. Милюков, А. К. Дживелегов, М. С. Аджемов и М. И. Пападжанов. Её задачей являлось представление партией кадетов проекта разрешения этой внешнеполитической проблемы, которая вновь актуализировалась после провала политики младотурок по реформированию управления государством и дипломатического вмешательства России в подготовку проекта реформ армянских вилайетов в 1912 г.

18 ноября 1913 г. лидер кадетов принял участие в работе конференции комитетов друзей армянского народа, собравшуюся в Париже под председательством Богоса-Нубар-паши, чтобы обсудить вопросы проектов реформирования вилайетов Западной Армении. Вероятно, к этому периоду относится статья П. Н. Милюкова «Армянский вопрос» и русская дипломатия» [2], в которой он проводит исторический экскурс, объясняя причины, по которым Россия вмешалась в его решение. Эмоциональная риторика лидера кадетской партии относилась к тому, что европейские державы после Берлинского конгресса оказались не в состоянии повлиять на турецкого султана, проводившего политику истребления в отношении армян и принудить его провести реформы управления армянским вилайетами. По мнению лидера кадетов без участия российской дипломатии, этот вопрос неразрешим, поскольку Россия в долгу у своего надёжного и активного, практически, единственного союзника на юге. В воспоминания он писал так об отношении армян к России: «Из всех кавказских народностей армяне, несмотря на жестокие обиды, наносившиеся старой русской администрации их национальному сознанию, остались наиболее верны России. Они участвовали активно во всех русских войнах с Турцией» [6, с. 365]. Милюков являлся последовательным сторонником прямого участия России в делах Западной Армении, критикуя действия официальных властей, в частности представителей Генерального штаба и высших офицерских чинов русской армии на Кавказе, а именно, генерала Николаева, о чем подробно писал в статье «О верности армян России и несправедливом отношении к ним со стороны русских властей» [1]. По его убеждению, политика российских властей на занятых турецких территориях носила открытый прокурдский характер и могла иметь опасные последствия. Называя армян единственными верными и постоянными сторонниками России, политик видит в них силу, способную оказать не только реальную военную помощь и, но стать

опорой в продвижении пророссийской политики не только на Кавказе, но и на Ближнем Востоке. Курды не только не могли стать союзниками России, но, наоборот, представляли собой скрытую угрозу, а лояльное отношение к ним русского командования могло повлечь за собой недовольство армян, которые не раз доказывали свою преданность. Этому он посветил статью.

За подобного рода риторикой лидера партии конституционных демократов стояли определённые политические цели. Основной задачей внешней политики России кадеты видели её утверждение в статусе великой державы, достигнуть которого невозможно без приобретения сфер влияния, используя такие методы как мирная экономическая, политическая и культурная экспансия народов, живущих по границам империи, без прямого включения территорий их проживания в состав государства. На заседании Центрального комитета кадетской партии 2 ноября 1914 года, Милюков заявил: «В последнее время англичане серьезно высказываются за раздел Турции, причем от Турции осталась бы небольшая провинция на Малоазийском побережье с чисто турецким населением, Аравию с Месопотамией взяла бы под свой протекторат Англия, а Сирию – Франция. Какой же смысл при этом имело бы оставлять маленькой Турции суверенитет над Арменией? А для России аннексия Армении представляла бы тот реальный интерес, что нам надо иметь армян вместе, иначе они будут игрищем и орудием против нас, как и поляки до сих пор» [11, с. 423].

Среди кадетов не было единства в видении будущего Турецкой Армении. Очередной раз это проявилось на заседании ЦК партии кадетов 16 ноября 1914 г. А. К. Дживелегов и М. С. Аджемов высказывались о территориальной автономии Армении, в которую должны входить 6 армянских вилайетов, но только с территориями проживания армянского населения, а также к ним следовало присоединить Киликию (Малую Армению) с выходом в Средиземное море через Александретту, и прибрежную полосу по Черному морю с Трапезундом. Милюков же полагал, что европейские государства смогли бы согласиться с аннексией Армении на условиях объединения народа и защиты его от турецкого произвола, но не станут мириться с контролем Россией Черного моря, проливов и Восточного Средиземноморья. Он считал, что, во-первых, позиция партии по «армянскому вопросу» должна быть согласована с действиями правительства, поскольку в сложившейся внешнеполитической обстановке, в условиях войны, нельзя оказаться в числе тех, кто расшатывает ситуацию и мешает дипломатам вести диалог с союзниками, прежде всего с Великобританией; во-вторых, он полагал, что мнение, бытующее среди российской общественности относительно желания турецких армян присое-

динить вилайеты к Российской империи преувеличены. Армянская интеллигенция, которая поддерживалась кадетами как сила, борющаяся за демократические права и свободы в Османской империи, не стремится к тому, чтобы армянские вилайеты перешли под юрисдикцию России. По его мнению, армянские лидеры желают создать собственную государственность и больше всего опасаются, чтобы «не получилась из нее обычная российская губерния». Лидер кадетов полагал, что для России этот вопрос не может ограничиться только спасением армян от турецкого произвола, а должен пониматься как вопрос о статусе России на Ближнем Востоке. Поэтому определение территорий армянских вилайетов, а тем более присоединение к ним портов Трапезунда и Александретты, это вопрос геополитический, который столкнёт интересы России и Великобритании. Кроме того, объявление Армении независимой под протекторатом России неизбежно поднимет вопрос о создании «Великой Армении» среди армянской интеллигенции, а затем «придется [решать] вопрос и обо всех других народах Кавказа», что обязательно актуализирует национальный вопрос в рамках всей империи, а это также пагубно в условиях военного времени [11, с. 444]. Тем более, что среди российской общественности распространяется «агитация против армян как трусов и предателей», которую активно через свой печатный орган «Голос Кавказа» ведёт черносотенное офицерство [11, с. 452]. С другой стороны, оставлять её в составе Турции, с широкими правами автономии, означало оттолкнуть от себя исторического союзника. По его мнению, оптимальным являлось аннексировать Турецкую Армению, и уже в составе России решать вопрос о её автономии.

Несмотря на имеющийся авторитет Милюкова, его позиция не всегда имела поддержку. Заседание ЦК партии кадетов 21 декабря 1914 г. закончилось занесением в протокол решения, согласно которому к армянским вилайетам следовало присоединить территории Киликии и порт Александретты, а самим вилайетам следовало предоставить автономию под покровительством России, но без включения их в состав Восточной Армении [11, с. 480-482]. В начале 1915 г. армянский вопрос вновь был поднят на заседании ЦК партии и опять вызвал живую дискуссию. М. С. Аджемов и М. И. Пападжанов видели будущее армянских вилайетов под протекторатом Турции, но расширившиеся за счёт присоединения к ним порта Александретты, П. И. Милюков по-прежнему видел 6 вилайетов Западной Армении свободными от Турции, но под протекторатом России. Он настаивал на том, что «армянский вопрос» это не только проблема сохранения национальной и культурной идентичности народа и христианский долг России, но и вопрос о её статусе как мировой

державы, имеющей, среди прочего желание контролировать проливы Босфор и Дарданеллы. Поэтому безответственно принимать позицию Аджемова и Пападжанова, поскольку у России нет возможности закрепить контроль над территориями, примыкаемыми к указанным вилайетам, в частности Багдадской железной дорогой и участком Средиземного моря в районе Александретты, но это создаст конфликтную ситуацию в отношениях с Францией и Великобританией. Он считал возможным присоединение Трапезундского вилайета непосредственно к России, поскольку он населён не армянами, а отуреченными грузинами и турками [8, с. 60-61]. «Эта война должна перестроить Европу и разрешить вековые претензии, она должна открыть нам [России] выход из Черного моря и дать нам проливы», – говорил Милюков о целях российского руководства [12, с. 52]. Тяжёлое положение армянских территорий Турции повлекло за собой открытое высказывание Милюкова на заседании Государственной Думы в пользу предоставления Армении автономии под протекторатом России. «Армянский вестник» приводит выдержку из речи, в которой он настаивает на смене «прокурдского» покровительства «проармянским» и высказывается за создание Армении в её этнических границах [4]. Глава кадетской партии озвучил её и во время зарубежной поездки российских парламентариев в Европу. Во время встречи с британскими либеральными деятелями Дж. Брайсом и Н. Бакстоном, он вновь обозначил свою позицию по Армении, указав на её автономию под протекторатом России. Но, поскольку, англичан интересовали «границы протектората», то он высказал личную точку зрения, полагая, что они не должны включать Киликию и Александретту. Он огласил свою позицию члену палаты лордов, бывшему министру иностранных дел Э.Грэю [6, с. 423-426].

Взгляды, которые отстаивал П. Н. Милюков не находили широкой общественной поддержки в России, поскольку с одной стороны, он был поборником культурной автономизации в национальном вопросе, противником насильственной русификации, а с другой, последовательным сторонником единой и неделимой России. В условиях назревания внутреннего кризиса правыми силами его позиция рассматривалась как поощрение сепаратизма, а националисты видели в ней «половинчатые меры», не способные решить национальные проблемы. В этом же его обвиняли и оппозиционные, критикующие за излишнюю осторожность. Особенно это проявилось в позиции по Армении, которую высказывал А.К. Дживелегов. Он видел в решении «армянского вопроса» два возможных исхода. Первый проект – создание на территории трёх автономных образований Сирии, Аравии с Месопотамией и Армении, организация которых санкционировалось Антантой. Турция

при этом сохранялось как государство, а новые автономные территории соединялись с центром по принципу сюзеренитета. Второй проект – в результате полного поражения Турции от неё отторгались Сирия, Аравия, Месопотамия и Армения, которая с согласия Антанты переходила под протекторат России [5, с. 18]. П. Н. Милюков полагал, что оба эти варианта не могут удовлетворить ни Армению, ни Россию, ни Турцию. Он считал, что с точки зрения разрешения «восточного вопроса» как международной проблемы, самым благоприятным исходом было бы возвращение Турции в её этнические границы с отторжением от неё территорий с нетурецким населением. Автономия Армении не может быть под контролем Турции, поскольку это не решит проблему, а наоборот, усилит противоречия. Чтобы они не возникли нужна однозначность, которая представляется Милюкову в полном протекторате России над армянскими вилайетами [10].

Успехи русского оружия на Кавказском фронте, особенно взятие Эрзерума в феврале 1916 г. и переход под контроль России армянских вилайетов, привели к утверждению императором Николаем II «Временного положения по управлению территориями Турции, занятых по праву войны» 5 июля 1916 года. По существу, оно представляло собой систему военно-гражданского управления переходного периода до того момента, пока не будет создана система гражданского управления. «Положение» рассматривало занятые территории не как автономные, а как составная часть Российской империи [13, л. 24-28.]. Будущее этих территорий должно было быть решено по окончании войны.

В ежегодном сборнике партийного издания кадетов «Голос» за 1916 г. П.Н. Милюков дал подробную характеристику международной ситуации второго года войны, отдельно уделив внимание «армянскому» вопросу. Начав с исторической характеристики проблемы, он подробно остановился на будущем устройстве Армении, учитывая неизбежное поражение Турции. Во-первых, лидер кадетов определяет шесть армянских вилайетов (Эрзерум, Битлис, Ван, Харпут, Диарбекир и Сивас) и «Малую Армению» т.е. Киликию как территории, над которыми недопустим протекторат Турции. Во-вторых, «Россия должна вернуть себе со стороны Армении стратегическую границу, намеченную Сан-Стефанским трактатом, но урезанную по Берлинскому договору, вследствие протеста Англии. Сюда входили бы долины Баязета и Алашкерта и узкая полоса по р. Тортуму и по западному берегу Чороха в его верхнем течении. Остальная Армения должна была бы стать автономной провинцией под сюзеренитетом России». В-третьих, в армянские вилайеты не должны входить территории с мусульманским неармянским населением. В-четвёртых, чтобы

армянские вилайеты имели выход к морю, возможно присоединение к ним Трапезундского вилайета, но не Александретты и Мерсины, что не соответствует возможностям и интересам России в регионе. В-пятых, следует учитывать дипломатические соглашения с союзниками, в частности с Францией, за которой по обоюдному согласию с Россией закрепляется Сирия.

Несмотря на возможную дискуссионность представленной позиции, Милюков считал бесспорным тот факт, что турецкая Армения не может находиться под властью государства, ставившего своей задачей уничтожить армянский народ, а, следовательно, вопрос о предоставлении ей автономии под протекторатом России, это вопрос моральной и исторической справедливости [9, с. 44-46]. Это заявление было, скорее, упрёком в адрес европейцев, которые на протяжении практически столетия не предпринимали активных действий, чтобы предотвратить резню 1915 г. и обращено к широкому общественным кругам как в Европе, так и в России. Продвигая идею того, что внешняя политика является продолжением внутренней, Милюков считал, что «при объединении армян надо было бы позаботиться, чтобы это не было объединением на русском бесправии».

Февральские события 1917 г., произошедшие в России и приведшие к смене государственного строя, привели к формированию Временного правительства, в котором пост министра иностранных дел занял лидер партии конституционных демократов П.Н. Милюков. В заявлении, опубликованном в газете «Речь», он определил свою позицию относительно исхода войны (условия мира могут быть выработаны не иначе как с согласия с союзниками), указав, что как бы не относились к лозунгу «мир без аннексий» нельзя игнорировать признание всеми союзниками принципа воссоединения Польши, Армении и удовлетворение национальных стремлений австрийских славян [3].

26 апреля 1917 года министр-председатель кн. Г. Е. Львов, министр иностранных дел П. Н. Милюков и управляющий делами Временного правительства В. Набоков подписали постановление «Об управлении Турецкой Армении» [14, с. 45]. Во-первых, управление Турецкой Арменией переходило непосредственно Временному

правительству. Во-вторых, городскому и сельскому населению предоставлялось право самоуправления. В-третьих, Западная Армения признавалась самостоятельной административной единицей, подчинявшейся центральной власти, а не генерал-губернатору. Принципы самоопределения Западной Армении должны были быть основаны на международном праве, но уже в июле 1917 года была утверждена государственная граница России в Западной Армении, которая включала территории Алашкертской, Баязетской, Диадинской и Пассианской долины.

В 1917 г. политическая ситуация в России стремительно менялась. После знаменитой «Ноты», отправленной союзным государствам 18 апреля 1917 г. П. Н. Милюков оставил свой пост министра иностранных дел. Его позиция по «армянскому вопросу» оставалась неизменной до октябрьских событий 1917 г. Затем, эта проблема оказалась в тени внутренних политических процессов в России, выхода Советского государства из войны и начавшейся Гражданской войной. Уже в эмиграции лидер кадетов издал в 1925 г. работу «Национальный вопрос», в которой в очередной раз вернулся к «армянской проблеме». Он полагал, что ответственность за затягивание разрешения этого вопроса полностью лежит на британском правительстве, проводившем антирусскую политику [7, с. 157], отметив, что стремления армян, живших на турецкой территории к освобождению, было продиктовано тем, что национальные партии, такие как Дашнакцутюн, видели в России союзника в борьбе за независимость, а Закавказье они представляли как часть российской федеративной республики, имеющей широкую внутреннюю автономию, приверженцем которой был и сам Милюков. Он являлся последовательным противником как подписанного в 3 марта 1918 г. советским правительством Брест-Литовского мирного договора, по которому Западная Армения была оставлена Турции, так и идеи национального самоопределения, выдвинутой в качестве политического лозунга большевиками, полагая, что и то и другое прямой путь к распаду Российского государства. Но считал, что создание советской федеративной республики является шагом вперёд, средством разрешения национального вопроса.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 579. Оп. 1. Д. 1879.
2. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1957.
3. Заявление П. Н. Милюкова // Речь. 1917. 11/24 апреля
4. Из речи П. Н. Милюкова 11 марта 1916 г. // Армянский вестник 1916. №7.
5. Карапетян Л. А. К вопросу о политическом будущем армянского народа в идеологии конституционно-демократической партии России в начале XX в. в контексте международной политики европейских государств // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 1. С. 14 – 21.
6. Милюков П. Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 530 с.
7. Милюков П. Н. Национальный вопрос (Происхождение национальностей и национальный вопрос в России). Прага: Свободная Россия, 1925. 193 с.
8. Милюков П. Н. Территориальные приобретения России // Чего ждёт Россия от войны. Петроград: Прометей, 1915. 227 с.

9. Милуков П. Н. Цели войны: Армянский вопрос // Ежегодник газеты «Речь» на 1916 г. Петроград: Речь, 1916. 560 с.
10. Милуков П. Н. Судьба турецкой Армении // Приазовский край. 1914. 11 декабря.
11. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6-ти т. М.: Росспэн, 1998. Т. 3. 595 с.
12. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6-ти т. М.: Росспэн, 1997. Т. 2. 520 с.
13. Российский Государственный Военно-исторический архив (РГИВА) Ф. №2003, Оп. 2. Д. 540.
14. Тунян В. Россия и организация управления Западной Армении // Вопросы истории и историографии геноцида армян. 2001. №4. С.34–39.

References

1. State archive of Russian Federation (GARF). F. 579. Inv. 1. D. 1879 (In Russian)
2. GARF. F. 579. Inv. 1. D. 1957. (In Russian)
3. Zjavlenie P.N. Miljukova (Statement by P.N. Milyukov) // Rech'. 1917. April 11/24. (In Russian)
4. Iz rechi P.N. Miljukova 11 marta 1916 g. (From the speech of P.N. Milyukov March 11, 1916) // Armjanskij vestnik 1916. No. 7. (In Russian)
5. Karapetjan L. A. K voprosu o politicheskom budushhem armjanskogo naroda v ideologii konstitucionno-demokraticheskoj partii Rossii v nachale HH v. v kontekste mezhdunarodnoj politiki evropejskih gosudarstv (On the issue of the political future of the Armenian people in the ideology of the Constitutional Democratic Party of Russia at the beginning of the twentieth century in the context of international politics of European states) // Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. 2019. No. 1. P. 14 – 21. (In Russian)
6. Miljukov P. N. Vospominanija. (Memoirs). Moscow: Politizdat, 1991. 530 s. (In Russian)
7. Miljukov P.N. Nacional'nyj vopros (Proishozhdenie nacional'nostej i nacional'nyj vopros v Rossii) (Nationality question (Origin of nationalities and nationality question in Russia). Praga: Svobodnaja Rossija, 1925. 193 p. (In Russian)
8. Miljukov P.N. Territorial'nye priobretenija Rossii (Territorial acquisitions of Russia) // Chego zhdjot Rossija ot vojny. Petrograd: Prometej, 1915. 227 p. (In Russian)
9. Miljukov P.N. Celi vojny: Armjanskij vopros (War goals: the Armenian question) // Ezhegodnik gazety «Rech'» na 1916 g. Petrograd: Rech', 1916. 560 p. (In Russian)
10. Miljukov P.N. Sud'ba tureckoj Armenii (The fate of Turkish Armenia) // Priazovskij kraj. 1914. December 11. (In Russian)
11. Protokoly Central'nogo Komiteta i zagranichnyh grupp konstitucionno-demokraticheskoj partii (Protocols of the Central Committee and foreign groups of the Constitutional Democratic Party). In 6 Vols. Vol. 3. Moscow: Rosspjen, 1998. 595 p. (In Russian)
12. Protokoly Central'nogo Komiteta i zagranichnyh grupp konstitucionno-demokraticheskoj partii. (Protocols of the Central Committee and foreign groups of the Constitutional Democratic Party). In 6 Vols. Vol. 2. Moscow: Rosspjen, 1997. 520 p (In Russian)
13. Russian State Military and Historical Archive (RGIVA) F.2003. Inv. 2. D. 540. (In Russian)
14. Tunjan V. Rossija i organizacija upravljenija Zapadnoj Armenii (Russia and the Organization of Governance of Western Armenia) // Voprosy istorii i istoriografii genocida armjan. 2001. No. 4. P.34 - 39. (In Russian)

Сведения об авторе

Величко Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ludku@yandex.ru

Information about the author

Velichko Lyudmila – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / ludku@ yandex.ru

УДК 338.124.4. (460.61) «1915-1919» (047)
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.5

С.С. Казаров

НАХИЧЕВАНЬ-НА-ДОНУ В 1915 – 1919 гг.: В ТИСКАХ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КРИЗИСА

В статье рассматривается процесс постепенного ухудшения продовольственного положения г.Нахичевани-на-Дону в ходе первой мировой, а затем революции и гражданской войны. До сих пор период самостоятельного существования Нахичевани-на-Дону не стал предметом специальных исследований, несмотря на то, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют это сделать. В данной статье автор впервые изменения экономического положения города из процветающего в критическое. Ухудшение ситуации вплотную зависело от положения в экономике страны в целом. В городе, который никогда не испытывал нехватку в какой-либо продукции, постепенно начал ощущаться дефицит хлеба, подсолнечного масла, сахара, а затем мяса и овощей. Продовольственный кризис, охвативший город в годы первой мировой войны и революции, дополнялся топливным кризисом, который выразился

в хронических недопоставках угля, нефти и керосина. В этих тяжелейших условиях городское управление Нахичевани-на-Дону использовало не только свои старые торговые связи с отдельными регионами и поселениями страны, но проявляло поистине чудеса находчивости в поисках жизненно необходимой для города сельскохозяйственной продукции. Нахичеванские купцы, представлявшие в своем большинстве городские органы власти, активизировали все свои старые торговые связи, что способствовало поставкам в город необходимых продовольственных товаров. Одновременно городские власти старались навести порядок на рынках, борясь со спекулянтами и перекупщиками. Но и эти меры не всегда давали положительный результат.

Ключевые слова: продовольственная комиссия, карточная система, Нахичевань-на-Дону, революция 1917 г., Первая мировая война.

Sarkis Kazarov

NAKHICHEVAN-ON-DON IN 1915-1919: IN THE GRIP OF THE FOOD CRISIS

The article examines the process of gradual deterioration of the food situation in the city of Nakhichevan-on-Don during the First World War, and then the revolution and the civil war. Until now, the period of independent existence of Nakhichevan-on-Don has not become the subject of special research, despite the fact that the materials at our disposal allow us to do this. In this article, the author for the first time changes the economic situation of the city from a prosperous to a critical one. The deterioration of the situation closely depended on the situation in the country's economy as a whole. The city, which had never experienced a shortage of any product, gradually began to feel a shortage of bread, sunflower oil, sugar, and then meat and vegetables. The food crisis that gripped the city during the First World War and the Revolution was

complemented by a fuel crisis, which manifested itself in chronic shortages of coal, oil and kerosene. In these difficult conditions, the city administration of Nakhichevan-on-Don used not only its old trade relations with individual regions and settlements of the country, but showed truly miracles of resourcefulness in search of agricultural products vital for the city. Nakhichevan merchants, who represented the majority of the city authorities, intensified all their old trade ties, which facilitated the supply of necessary food products to the city. At the same time, the city authorities tried to put things in order in the markets, fighting speculators and second-hand dealers. But even these measures did not always give a positive result.

Key words: food commission, rationing system, Nakhichevan-on-Don, Revolution of 1917, World War I.

На всем протяжении своей относительно короткой истории Нахичевань-на-Дону – один из крупнейших торгово-ремесленных центров Юга России – не только никогда не испытывал каких-либо проблем со снабжением продуктами питания, но и был крупнейшим поставщиком всевозможной сельскохозяйственной продукции на российские рынки. Однако в годы первой мировой войны уже к 1915 г. ситуация с продовольствием в городе начала резко меняться. Основная цель данной статьи показать процесс вползания города в продовольственный кризис, который постепенно охватывал всю страну в годы Первой мировой войны, последующих революционных событий, и гражданской войны. Основным источником для нас послужили материалы, публиковавшиеся в

газете «Приазовский край», которые достоверно и подробно отразили динамику развития рассматриваемых событий.

Продовольственный кризис, который постепенно начал охватывать город, прежде всего, коснулся снабжения города мукой, из которой выпекался хлеб. Первые проблемы с этим продуктом первой необходимости начали проявляться уже в самом начале осени 1915 г. Так, уже в сентябре 1915 г. нахичеванские торговцы печеным хлебом заявили Городской Управе, что они поставлены в затруднительное положение, поскольку с мучных складов в Ростове мука отпускается им либо в ограниченном количестве, либо совсем не отпускается. По словам торговцев, в случае сохранения подобного положения население города

неизбежно должно было столкнуться с проблемой нехватки хлеба [1]. В этой тяжелой ситуации власти были вынуждены пойти на мобилизационные меры. Так, из учащих города была организована трудовая дружина для сельскохозяйственных работ [2].

Вслед за проблемой дефицита муки встала проблема нехватки сахара. По этой причине весной 1916 г. Нахичеванское потребительское общество обратилось к тайному советнику Семёнову с просьбой ходатайствовать о поставке для нужд нахичеванского населения двух вагонов сахара [3].

К лету 1916 г. со всей очевидностью встала необходимость введения карточной системы на основные продукты питания. В виду предложения Градоначальника Нахичевани ввести немедленно в городе карточную систему для отпуска населению некоторых продуктов, члены нахичеванской. Продовольственной комиссии обратились 25 июля 1916 г. к заведующему ростовским статистическим бюро А. А. Рази с просьбой к ростовскому городскому управлению взять на себя организацию карточной системы для обоих городов. А. А. Рази заявил, что со стороны статистического бюро препятствий к осуществлению совместной организации карточной системы не имеется [4]. И уже 29 июля Нахичеванская Дума рассмотрела вопрос о введении карточек на мясо.

Столь же оперативно Управой был выработан проект карточной системы, который был рассмотрен продовольственной комиссией. Было предложено разбить город на 4 пункта, где будут выдаваться боны. Первый – северо-западный пункт, а именно крытый балаган на базаре, второй – училище при Федоровской церкви, 3-й юго-западный пункт – мужская гимназия, и 4-й пункт – училище им. Святополк-Мирского (Вознесенская ул.). О начале выдачи карточек (бон) предлагалось объявлять через газеты. Было также предложено выдавать боны сроком на 1 месяц. Контроль над частными торговцами, которым отпущен сахар, предполагалось производить по этим же бонам. Раздача бон началась 18 июля 1916 г., однако при их распределении возникли проблемы и неточности [5].

Традиционным для Нахичевани-на-Дону со дня её основания было проведение сельскохозяйственных ярмарок, служивших стабильным источником обеспечения горожан продуктами. В декабре 1915 г. в виду наступления праздников на нахичеванских рынках начался привоз разных сельскохозяйственных продуктов. Однако по сравнению с прошлым годом привоз оказался значительно меньшим, причем цены на пищевые предметы выросли в 2-3 раза [6].

Вскоре дефицитом в городе стало и подсолнечное масло. Карточная система была введена и на подсолнечное масло. Нахичеванской продовольственной комиссией было внесено в депозит

казны 12000 руб. за 1200 пудов подсолнечного масла. Однако самого масла не было и перспективы его получения оказались весьма туманными [7].

С самого основания г. Нахичевани-на-Дону важную роль в экономической жизни города играл салотопный промысел. Во время массового забоя овец мясо животных отделялось от жира, жир закатывался в бочки и шел на экспорт, а мясо шло на изготовление различных мясных продуктов. В течение длительного времени этот промысел процветал. Это свидетельствовало о том, что дефицита баранины в городе не существовало никогда. Однако к концу 1915 г. в городе осталось всего лишь 4 завода. Владельцы последних подали в управу заявление, в котором указывая на бездоходность предприятия, просили понизить аренду за земли под заводы до 10 коп. за кв. сажень [8].

Одновременно цены на рынках повысились и на некоторые другие продукты. Так, десяток яиц продавался за 1 р.50 коп. - 1 р.60 коп. Поднялись цены на корм для скота и лошадей [9].

Продовольственный кризис, охвативший всю Область Войска Донского (ОВД), вызывал необходимость централизации и координации действий всех городов Области. С этой целью в канцелярии Градоначальника устраивались т.н. продовольственные совещания, на которых заслушивались отчеты их представителей. Так на одном из продовольственных совещаний, состоявшемся 15 января 1917 г., председатель продовольственной комиссии Нахичевани-на-Дону Иван Яковлевич Алексанов ознакомил присутствующих с мерами, которые предприняты в Нахичевани-на-Дону. В распоряжении города находилось 30 тыс. пудов пшеничной, 30 тыс. пудов пеклеванной и 60 тыс. пудов ржаной муки. Мука распределялась между пекарями по книжкам, под строгим контролем со стороны городских властей. И. Я. Алексанов выразил надежду, что до открытия навигации этого количества муки должно хватить для населения. Вместе с тем он выступил за расширение прав продовольственной комиссии, которые он считал слишком узкими. «Мы не можем действовать в полной мере, у нас нет ни сил, ни средств» – заявил в заключении И. Я. Алексанов [10].

На первом же заседании Нахичеванской Городской Думы 19 января 1917 г. был заслушан доклад продовольственной комиссии. Одним из средств разрешения продовольственного кризиса снова было названо введение карточной системы на печеный хлеб, муку и отруби. Но введение карточной системы посчитали возможным лишь в случае обеспечения города определенным запасом муки. Выступивший на заседании Думы гласный доктор Б. Г. Трапезонцев заявил, что нельзя осуществлять такие меры, которые должны привести к голоду среди населения, ибо это может послужить источником больших бедствий. Спутником голода яв-

ляется тиф и другие инфекционные заболевания. Поэтому предлагаемая норма, один фунт хлеба, по словам Б. Г. Трапезонцева, недопустима и нуждается в увеличении в два раза [11].

По распоряжению тайного советника Семенова сахар для населения Нахичевани по карточкам распределяется на 58 тыс. жителей, согласно последней переписи, но благодаря беженцам население значительно увеличилось (1 ½ фунта на человека) [12].

Не лучше обстояло дело и с обеспечением города картофелем. К январю 1917 г. все городские запасы картофеля иссякли, беднейшее население покупало его у приезжих торговцев, но и те прекратили свои поставки. В тоже время для бедноты города картофель являлся главным продуктом питания [13]. Продовольственная комиссия разрешила нахичеванским торговцам продавать картофель по 2 руб. за фунт. В виду повышения цены на мясо жители довели его потребление до минимума. Семья, покупавшая ранее по 5-6 фунтов, стала довольствоваться 2-мя фунтами. Благодаря этому не все заготавливаемое мясо торговцами распродавалось [14]. С 17 февраля продажа сахара и подсолнечного масла стала производиться по бонам продовольственной комиссии. На каждую бону выделялось 1 ½ фунта песка и 1 ½ фунта масла. [15].

В поисках необходимых продуктов членам городского управления приходилось выезжать далеко за пределы Области Войска Донского. Так, председатель продовольственной комиссии И. Я. Алексанов в начале марта 1917 г. выехал в Киев для закупки сахара [16].

Одновременно происходила реорганизация Городского Управления. Так, городская продовольственная комиссия свои дела ликвидировала. Вместо неё был избран отдельный продовольственный комитет, который начал действовать независимо от ростовского. Председателем комитета был избран И. Я. Алексанов и его товарищем – Косеневский [17]. К стати, имеющиеся в нашем распоряжении источники фиксируют полезную и бурную деятельность Иван Яковлевича Алексанова (1863–1929), в прошлом наборщика и корректора ряда местных газет, талант которого раскрылся на совершенно новом для него посту.

С 27 августа 1918 г. во всех пекарнях Нахичевани чистый пшеничный хлеб начал продаваться по 80 к. за фунт по продовольственным карточкам по одному фунту на порцию [18].

Из г. Азова, станиц Мечетинской и других станиц в Нахичевань-на-Дону была направлена огромная партия пшеничного зерна, которое было перемолото и передано хлебопекам, чтобы они продавали хлеб по продовольственным карточкам по 80 к. за фунт [19]. Продовольственный отдел Управы закупил в Сальском округе для нужд города партию зерновых продуктов [20].

Дефицит продуктов питания не мог не сказаться на работе предприятий общественного питания. Так, администрация нахичеванской гражданской столовой, ссылаясь на подорожание пищевых продуктов, просила Городскую Управу взять столовую в свое ведение или же дать ей субсидию. Причиной тому было отсутствие средств, которое вело к неизбежному закрытию столовой. Управа, приняв во внимание, что столовая обслуживает нужды беднейшего населения города и что закрытие её в холерное время может вызвать нежелательные последствия, оказало администрации столовой материальную поддержку [21].

В самом начале января 1918 г. в городе снова начал ощущаться дефицит подсолнечного масла. Городской Управе через своих агентов удалось закупить подсолнечное масло, в котором население начало испытывать большую нужду. Масло, закупленное в Кубанской области, было пущено в продажу по цене 2 руб. 50 к. за фунт. В том же месяце 1919 г. Нахичеванской Управой в Екатеринодаре снова удалось закупить два вагона подсолнечного масла, продажа которого производилась по январским карточкам [22].

В тоже самое время Продовольственная комиссия Управы зорко следила за тем, чтобы товары, предназначенные для жителей Нахичевани, не уходили в соседние города. Так, приняв во внимание, что владельцы хлебопекарен некие Шевченко, Бабков и Регулева, выпеченный ими хлеб из выданной городом муки, вывозили для продажи в Ростов, комиссия постановила лишить их выдаваемой муки [22].

Однако закупать продукты за пределами Нахичевани-на-Дону становилось все сложнее. В виду сокращения хлебных операций Управа сделала распоряжение об уменьшении состава агентов по закупке хлеба для нужд городского населения [23].

К середине января 1919 г. запасы городских хлебных и зерновых продуктов почти иссякли. Перед Городским управлением снова встал вопрос о приобретении хлеба для нужд населения. Порой при этом приходилось преодолевать различные бюрократические препоны. Так в начале января 1915 г. в распоряжении города поступило несколько тысяч пудов зерна, которое было отправлено на мельницу Ходякова для перемолва. 15 января на мельницу явился агент хлебного отделения Альзин и в присутствии понятых произвел подробный осмотр хлебных складов. Оказалось, что Нахичевани принадлежит 1661 пудов пшеницы, хлебному отделу – 2843 пудов ржи, пшеничной муки простого помола, как из реквизированного у Нахичеванской Управы зерна и потом перешедшего в распоряжение хлебного отдела 8550 пудов муки ржаной простого помола 81 пуд. Агент после осмотра хлебных продуктов заявил Ходякову, что все они взяты под учет и могут быть выпускаемы с мельницы не иначе, как с разрешения хлебного

отдела. Городская Управа возбудила ходатайство об отмене этого распоряжения [24]. В ответ на свои ходатайства Городская Управа получила от заведующего хлебным отделом телеграмму с извещением, что Городской Управе разрешено получать муку по ордерам из мельницы Ходякова ежедневно по одной тысячи пудов для раздачи местным пекарям. Кроме того, Управа была оповещена, что принадлежавшие ей 3000 пудов ячневой крупы, взятой на учет, были сняты с такового и поступили в распоряжение города.

В тяжелых экономических условиях городские власти попытались взять на учет весь скот, находящийся в городе. По данным на начало января 1919 г. в городе было зарегистрировано 2312 лошадей, 66 волов, 2481 корова. По сравнению с 1914 г. количество скота в Нахичевани уменьшилось почти в 10 раз [25].

К февралю 1919 г. в городе по причине истощения запасов зерна снова начала ощущаться острая нехватка хлеба. Этим снова воспользовались частные торговцы, которые взвинтили цены. Чтобы предотвратить дальнейшее повышение цен, Городская Управа вошла в соглашение с руководством Ставропольской губернии, предложив бартер: зерно в обмен на антрацит. Так 46 вагонов антрацита было обменено на 60 вагонов пшеницы [26]. На Кубани удалось закупить 2 вагона муки, которые 10 марта были отправлены в город со станции Тихорецкой.

По мере ухудшения ситуации с продовольствием в городе был отмечен рост спекуляции на городских рынках. Сельскохозяйственные продукты перекупались спекулянтами для перепродажи. Как выяснилось, штат агентов управы оказался недостаточен для сохранения порядка. Управа обратилась к начальнику стражи с просьбой оказать содействие городским комиссарам для установления порядка на рынке. Дело порой доходило до того, что между разными ведомствами и организациями возникала определенная путаница. Так, отдел продовольствия Всевеликого Войска Донского задолжал городу Нахичевани-на-Дону за реквизированные зерновые продукты 494500 р. Городской голова обратился к заведующему продовольственным отделом об уплате городу долга [27].

Наряду с этим неизбежно возникли проблемы со снабжением города мясом. Цена на мясо подскочила с 4 до 5 руб. за фунт. По мнению Городского Головы Закиева введение обязательной таксы не привело бы к желаемому результату — мясо просто исчезнет с рынка, его начнут продавать из-под полы спекулянты. Цены на хлеб в Нахичевани-на-Дону неуклонно росли. Так, 14 марта 1919 г. хлеб продавался по 2р.25 к. за фунт. Цены на макароны в лавках повысились до 4 р. за фунт. В этих тяжелых условиях Городская Управа закупила партию пшена, которое было решено продавать без карточек по 2р. 75 к. за фунт. Цены на картофель поднялись в Нахичевани-на-Дону по 2р.80 к. за фунт. В целом цены на остальные корнеплоды поднялись в 5 раз. [28]. Спекулянты за пуд пшеницы просили уже 140 руб.

Особым спросом в этих условиях пользовались коммерсанты, располагавшие обширными связями и обладавшие способностями раздобыть любой дефицитный товар. Так, Городская Управа заключила договор с коммерсантом неким Филиппидисом на закупку на Кавказе зерновых продуктов, нефти и керосина. При этом контрагенту были даны полномочия указанные товары обменивать на принадлежащий городу уголь. Продовольственным отделом Управы было получено 3 вагона подсолнечного масла. Оно было пущено в продажу по продовольственным книжкам по 3 р.80 к. за фунт. Жители предпочитали покупать мясо по цене 8 руб. за фунт и выше из-под полы [29].

В этих тяжелейших условиях городское управление умудрялось доставать экзотические и дефицитные товары. Так, в середине апреля 1919 г. Продовольственный отдел Городской Управы получил 1 тыс. фунтов цейлонского чая, который был передан кооперативам для продажи населению города [30].

Городские власти всеми силами пытались обуздать рост цен. Одной из мер стало установление фиксированных цен на ряд продовольственных товаров. Но и это в конечном итоге перестало приносить результат. Так 13 апреля 1919 г. исчезло мясо, и ни на базарах, ни в частных лавках его не было вообще. Это было связано со стачкой мясоторговцев, отказывающихся продавать мясные продукты по таксе [31].

При этом городские власти старались не забывать о неимущих. К 1918 г/в Нахичевани-на-Дону уже существовала городская столовая для беднейших слоев города. Возрождение цен на продукты питания не могло не отразиться и на её работе. В связи с этим администрация столовой обратилась в Городскую управу с просьбой взять столовую в свое ведение или же дать ей субсидию, в ином случае возникала реальная угроза её закрытия. Управа, приняв во внимание, что столовая обслуживает нужды беднейшего населения города и что закрытие её в это тяжелое для всех время может вызвать нежелательные последствия, оказало администрации столовой материальную поддержку [32].

За рамками данной статьи остался вопрос о топливном кризисе, который одновременно охватил город и тесно переплетался с кризисом продовольственным (он выразился в хронических недопоставках в город угля, нефти, керосина), но решение и этих первоочередных задач одновременно тяжелым бременем легло на плечи городского управления.

Таким образом, наступление продовольственного кризиса в Нахичевани-на-Дону в 1915-1919 г. было отражением ухудшения ситуации в стране в целом. Однако несмотря на это, Городское управление Нахичевани-на-Дону, используя свои старые торговые связи и проявляя чудеса изворотливости, добивалось снабжения города необходимыми продуктами питания.

Источники и литература

1. Приазовский край. 1915. 19 сентября.
2. Приазовский край. 1916. 12 февраля.
3. Приазовский край. 1916. 13 мая.
4. Приазовский край. 1916. 26 июля.
5. Приазовский край. 1916. 6 август.
6. Приазовский край. 1915. 20 декабря.
7. Приазовский край. 1916. 22 декабря.
8. Приазовский край. 1915. 11 декабря.
9. Приазовский край. 1917. 12 января.
10. Приазовский край. 1917. 16 января.
11. Приазовский край. 1917. 20 января.
12. Приазовский край. 1917. 26 января.
13. Приазовский край. 1917. 27 января.
14. Приазовский край. 1917. 7 февраля.
15. Приазовский край. 1917. 16 февраля.
16. Приазовский край. 1917. 3 марта.
17. Приазовский край. 1917. 8 июня.
18. Приазовский край. 1918. 8-10 сентября.
19. Приазовский край. 1918. 10-14 сентября.
20. Приазовский край. 1918. 27 сентября.
21. Приазовский край. 1918. 13-26 сентября.
22. Приазовский край. 1919. 4 января.
23. Приазовский край. 1919. 5 января.
24. Приазовский край. 1919. 18 января.
25. Приазовский край. 1919. 20 января.
26. Приазовский край. 1919. 24 февраля.
27. Приазовский край. 1919. 8 марта.
28. Приазовский край. 1919. 21 марта.
29. Приазовский край. 1919. 19 мая.
30. Приазовский край. 1919. 18 апреля.
31. Приазовский край. 1919. 14 апреля.
32. Приазовский край. 1918. 13-26 сентября.

References

1. Priazovskij kraj. 1915. September 19. (In Russian).
2. Priazovskij kraj. 1916. February 12. (In Russian).
3. Priazovskij kraj. 1916. May 13. (In Russian).
4. Priazovskij kraj. 1916. July 26. (In Russian).
5. Priazovskij kraj. 1916. August 6. (In Russian).
6. Priazovskij kraj. 1915. December 20. (In Russian).
7. Priazovskij kraj. 1916. December 22. (In Russian).
8. Priazovskij kraj. 1915. December 11. (In Russian).
9. Priazovskij kraj. 1917. January 12. (In Russian).
10. Priazovskij kraj. 1917. January 16. (In Russian).
11. Priazovskij kraj. 1917. January 20. (In Russian).
12. Priazovskij kraj. 1917. January 26. (In Russian).
13. Priazovskij kraj. 1917. January 27. (In Russian).
14. Priazovskij kraj. 1917. February 7. (In Russian).
15. Priazovskij kraj. 1917. February 16. (In Russian).
16. Priazovskij kraj. 1917. March 3. (In Russian).
17. Priazovskij kraj. 1917. June 8. (In Russian).
18. Priazovskij kraj. 1918. September 8-10. (In Russian).
19. Priazovskij kraj. 1918. September 10-14. (In Russian).
20. Priazovskij kraj. 1918. September 28. (In Russian).
21. Priazovskij kraj. 1918. September 13-26. (In Russian).
22. Priazovskij kraj. 1919. January 4. (In Russian).
23. Priazovskij kraj. 1919. January 5. (In Russian).
24. Priazovskij kraj. 1919. January 18. (In Russian).
25. Priazovskij kraj. 1919. January 20. (In Russian).
26. Priazovskij kraj. 1919. February 24. (In Russian).
27. Priazovskij kraj. 1919. March 8. (In Russian).
28. Priazovskij kraj. 1919. March 21. (In Russian).
29. Priazovskij kraj. 1919. May 19. (In Russian).
30. Priazovskij kraj. 1919. April 18. (In Russian).
31. Priazovskij kraj. 1919. April 14. (In Russian).
32. Priazovskij kraj. 1918. September 13-26. (In Russian).

Сведения об авторе

Казаров Саркис Суренович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории древнего мира Института истории и международных отношений Южного Федерального университета (Ростов-на-Дону) / ser-kazarov@yandex.ru

Information about the author

Kazarov Sarkis – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Archeology and History of the Ancient World, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / ser-kazarov@yandex.ru

УДК 94(479.25)
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.6

И. В. Крючков

**БРИТАНСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
АРМЯН ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В.
В ОЦЕНКЕ ПОЛКОВНИКА Д. В. ПУТЯТЫ¹**

Д. В. Путята известен в России как крупный востоковед, дипломат, путешественник и боевой офицер, его исследования Китая становятся в начале XX в. известными в нашей стране и за ее пределами. Однако Д. В. Путята оставил интересные записки о своем пребывании в Западной Армении летом 1895 г. К сожалению, эта работа автора практически не известна в современной историографии, что объясняет актуальность данной статьи.

Д. В. Путята в качестве одной из проблем, оказывавшей существенное влияние на положение армянского населения в Западной Армении, как и Османской империи, в целом, выделяет активное вмешательство Великобритании в решение армянского вопроса. Эта проблема вызывала оживленные дискуссии среди представителей правящей элиты России на рубеже XIX–XX вв., в советской и современной историографии. Поэтому обращение к работе Д. В. Путяты, с одной стороны позволит проанализировать один из каналов поступления в Санкт-Петербург информации о ситуации в Западной Армении, на основе которой правящие круги России формировали политику страны по армянскому вопросу, а с другой стороны получить интересный фактологический материал.

Следует отметить, что взгляды Д. В. Путяты на положение дел в Западной Армении не бесспорны и не всегда совпадают с позициями современных исследований. Но, это не умаляет ценность данного труда для востоковедов.

В заключении статьи подчеркивается, что Д. В. Путята, признавая объективные причины для восстания армянского населения в 1894–1896 гг., в тоже время акцентирует внимание на деятельности британских дипломатов, прессы и политиков, направленной на развитие национального самосознания армян и их национально-освободительного движения в Западной Армении. Д. В. Путята не одобрял такие действия Великобритании, полагая, что она, прикрываясь заботой об угнетенном христианском народе, стремится укрепить собственные позиции на Ближнем Востоке. Автор симпатизирует сторонникам умеренных реформ на основе компромисса с Портой, они постоянно дискредитировались британскими газетами и дипломатами.

Ключевые слова: Западная Армения, армянский вопрос, Османская империя, Великобритания, британские консулы, Д. В. Путята

Igor Kryuchkov

**THE BRITISH FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL MOVEMENT
OF ARMENIANS OF WESTERN ARMENIA IN THE LAST THIRD OF THE XIXTH
CENTURY IN THE ASSESSMENT OF COLONEL D.V. PUTYATA**

D.V. Putyata is known in Russia as a major orientalist, diplomat, traveler and military officer, his studies of China became famous in our country and abroad at the beginning of the XXth century. However, D.V. Putyata left interesting notes about his stay in Western Armenia in the summer of 1895. Unfortunately, that work of the author is practically unknown in modern historiography, which explains the relevance of this article.

D.V. Putyata, as one of the problems that had a significant impact on the position of the Armenian population in Western Armenia, as well as the Ottoman Empire, in general, highlights the active intervention of Great Britain in solution of the Armenian question. This problem caused active discussions among representatives of the ruling elite of Russia at the turn of the XIXth and XXth centuries, in Soviet and modern historiography. Therefore, paying attention to the work of D.V. Putyata, on the one hand, will make it possible to analyze one of the channels of information flow in St. Petersburg about the situation in Western Armenia, on the basis of which Russian establishment formed the country policy on the Armenian issue, and, on the other hand, get an appealing factual material.

It should be noted that D.V. Putyata's views on the position of affairs in Western Armenia are not indisputable and they are not always coincident with the positions of modern studies. But, it does not implore the value of this work for orientalists.

In the conclusion of the article, it is emphasized that D.V. Putyata, while recognizing the objective reasons for the uprising of the Armenian population in 1894–1896, at the same time the article focuses on the activities of British diplomats, the press and politicians oriented to developing the national identity of Armenians and their national liberation movement in Western Armenia. D.V. Putyata did not approve such actions of Great Britain, believing that it seeks to strengthen its own positions in the Middle East by hiding behind concern for the oppressed Christian people by hiding behind concern for the oppressed Christian people. The author has a fellow feeling for supporters of moderate reforms based on a compromise with the Porte, they were constantly discredited by British newspapers and diplomats.

Key words: Western Armenia, Armenian issue, Ottoman Empire, Great Britain, British consuls, D.V. Putyata.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-59-05002 Арм_а

Во второй половине XIX в. Россия прочно закрепилась в Закавказье, прежде всего, после успешного завершения русско-турецкой войны 1878-1879 гг. Однако военное ведомство и высшее политическое руководство страны понимали, что в любой момент, Россия могла вступить в новый конфликт с Османской империей. В результате чего, в качестве возможного театра боевых действий вновь попадала Западная Армения, входившая в состав Османской империи. Поэтому требовалось получить исчерпывающую информацию о возможном районе боевых действий, включая состояние транспортной инфраструктуры, запасах питьевой воды и продовольствия, этноконфессиональном составе населения, состоянии между населенными пунктами и т. д.

Данная информация представляла некоторый интерес и для экономической элиты России, занимавшейся организацией торговли с Турцией, хотя стоит отметить то факт, что Западная Армения весьма незначительно была включена в развитие торговых отношений с Россией, так как Порты весьма ревностно относилась к любому ее присутствию в этом регионе. Она создавала препятствия для развития трансграничного сотрудничества Западной Армении с российским Закавказьем [4, с.29]. Не стоит сбрасывать со счетов интерес научного сообщества России к изучению Западной Армении, которое интересовали различные аспекты географии, истории и этнологии данного региона. Очень часто российские исследовательские экспедиции в различные государства Азии возглавляли офицеры, что отчасти демонстрировало приоритеты России при изучении ряда стран Востока [1, с.105].

К таким исследователям по праву относится полковник, впоследствии генерал-лейтенант Д. В. Путята. Он родился в семье профессионального военного в 1855 г., окончил Александровское военное училище юнкеров, а затем Николаевскую академию Генерального штаба, участвовал в русско-турецкой войне 1878 – 1879 гг. С 1886 г. Д. В. Путята заместитель помощника Азиатской части Генерального штаба, а с 1898 г. он возглавил данный отдел. Он считался одним из опытных востоковедов, специалистом по Китаю, Корее, Туркестану и Малой Азии [11]. Не случайно, что с 1886 по 1889 гг. он являлся военным агентом России в Пекине, принимал участие в разработке плана по модернизации корейской армии и т. д. [8]. За участие в Хинганской экспедиции ему была пожалована пожизненная пенсия. Д. В. Путята анализировал не только возможный восточный театр боевых действий, что говорит о широте его взглядов [10].

Летом 1895 г. он посетил Западную Армению, где провел подробный анализ развития региона и деятельности на его территории британских дипломатов. Следует отметить, что везде на

Ближнем Востоке россияне пристально следили за действиями Великобритании, поскольку в ней они видели главного конкурента России на востоке Османской империи, в Персии и Афганистане [9]. В России решительные действия Великобритании в Западной Армении в 80-90-е гг. XIX в. воспринимались, как очередная попытка Лондона укрепить свои позиции на Ближнем Востоке за счет России и других европейских государств [6, с.87]. Поэтому Россия и Франция стремились перехватить инициативу у Великобритании и пустить решение армянского вопроса в угодном им направлении [2].

В 1896 г. Д. В. Путята подготовил большой материал о положении дел в Малой Азии и его прежде всего волновала ситуация в Западной Армении и положение местного армянского населения, которое потенциально могло выступить естественным союзником России в случае конфликта с Турцией. По мнению полковника, до трагических событий 1894 – 1896 гг. внешне ничто не предвещало начало большой трагедии для христианского населения. Он называл армян мирными тружениками, издревле живших на этой земле. Сама жизнь заставила их адаптироваться к суровому климату региона и к тому политическому режиму, который сложился после захвата Армении османскими султанами [7, с.1]. Армянское население в большей степени ориентировалось на повышение своего материального благополучия. Поэтому Порты получала определенную выгоду от армянского населения, так как местное мусульманское население не отличалось предпринимательскими качествами. Именно армяне вносили основной вклад в экономическое развитие региона и в выплату налогов в казну султана.

Д. В. Путята отмечал, что армяне и курды оказались в зависимости друг от друга. Курды выступали основными потребителями продукции, произведенной армянами. На крупнейших армянских базарах Курдистана и Западной Армении главными покупателями выступали курды-кочевники. В голодные годы курды особенно нуждались в продуктах, приобретаемых у армян. Следует отметить, что курды не только покупали товары армянских крестьян и ремесленников. У армянских банкиров (конечно, в данном случае не приходится говорить о крупных финансовых структурах в европейском понимании – прим. автор.) курды могли взять кредит у армян, при необходимости они могли поменять валюту разных государств [7, с.1].

В политическом отношении, на взгляд российского офицера, армянское население получило ряд существенных прав. Оно могло использовать в обиходе родной язык, исповедовать христианство, сохранять традиционный уклад повседневной жизни, иметь собственные школы и благотворительные организации. Армяне, как и большинство христиан империи, не несли воинскую службу, в чем было свое преимущество, так

как в последние десятилетия XIX в. в результате войн Турция несла большие людские потери. Полковник рисует почти идиллическую картину. Отсюда он задает закономерный вопрос о причинах выступлений армянского населения летом 1894 – осенью 1895 г., закончившихся большой резней в Западной Армении. Поскольку В. Д. Путята не видит объективных причин для недовольства армян, то он стремится объяснить всплеск насилия в регионе причинами иного плана.

Ответ для офицера заключался в деятельности британских дипломатов, прессы и политиков, заинтересованных в поднятии национального самосознания среди армян Западной Армении, чтобы использовать их в своих политических замыслах на Ближнем Востоке. Содержание британских газет через Стамбул довольно быстро распространялось среди местного армянского населения. В результате, в какой-то момент армяне начинают осознавать себя угнетенной нацией и требовать реформы для улучшения своего положения [7, с.2]. Часть из них требует полунезависимого государственного образования в рамках Османской империи, а некоторая часть даже восстановления независимого Армянского царства, которое могло претендовать на часть Османской империи, Персии и российского Закавказья. Однако все эти усилия не увенчались бы успехом, если не деятельность Великобритании.

Д. В. Путята возвращается к событиям 1878 г., когда Лондон на Берлинском конгрессе взял на себя обязательства по защите восточных границ и территории Османской империи, по сути, выступая в качестве ее союзника. Одним из инструментов проникновения Великобритании в Западную Армению явились статьи Берлинского трактата, предоставлявшие европейским дипломатам возможность осуществлять надзор за положением христиан [3, с. 205–206]. Страну «наводнили» британские дипломаты, в том числе в качестве глав разветвленной сети консульств Великобритании. Очень часто они имели офицерские должности. Полковник подозревал, что в Лондоне дипломаты получали секретные инструкции, которые шли в разрез выступлениям официальных лиц и всем заверениям Великобритании о верности союзническому долгу по отношению к Турции. После появления британских дипломатов, армянское население стало регулярно подавать им свои жалобы на султанскую администрацию. Отчасти данный факт, полковник объяснял, присущим армянам «суеязничеству», то есть склонности к выяснению отношений, подачи жалоб, судебным разбирательствам и т.д. [7, с. 5]. Весьма странный комментарий для этнографа-востоковеда.

Составляя свои отчеты, в том числе об экономическом положении населения Западной Армении, взаимоотношениях христиан и мусульман британские дипломаты и агенты опирались на

сведения армянских помощников. Вторым каналом информации выступали американские миссионеры-протестанты. В связи с тем, что США не имели в Восточной Анатолии своих дипломатических представительств, интересы миссионеров защищали дипломатические представительства Великобритании. Поэтому миссионеры охотно снабжали британцев необходимой информацией, в том числе о жизни в Западной Армении [7, с. 4]. Неслучайно, в предложениях о расширении численности представительств Великобритании в Западной Армении четко говорилось о необходимости использования миссионеров при организации их деятельности. Кстати свои услуги британцам сами миссионеры предлагали еще в 1878 г., в обращении одного из них к консулу Великобритании в Эрзеруме. При этом постоянно делались ссылки, что расширения числа представительств требовало само армянское население. В тоже время, британские дипломаты, работавшие в Турции, особо не афишировали своих агентов из числа армян и миссионеров.

Д. В. Путята в рамках собственной концепции развития Западной Армении, признавал дестабилизацию положения в регионе в годы русско-турецкой войны. Однако этот момент он объяснял действиями башибузуков, состоявших из иррегулярных отрядов курдской кавалерии, грабивших как армянские, так и мусульманские селения. Поэтому часть армянского населения уходила с отступающей регулярной турецкой армией, либо переселялась в Россию. Полковник признавал, что армянское население, оставшиеся на территории Османской империи подверглось погромам и убийствам, спровоцированным поражением страны во время войны с Россией [7, с. 5–6]. Однако этого, по его мнению, можно было не допустить, если бы по настоянию Великобритании и других европейских государств, российские войска не были срочно выведены из Западной Армении. Временное их присутствие после окончания боевых действий могло предотвратить погромы христиан. Лондон прекрасно это понимал, но решая собственные геополитические задачи, он во многом создал условия для погромов, и параллельно выдавая себя за «большого друга» армянского народа.

Еще одной причиной нарастания насилия в Западной Армении явился рост национального самосознания среди представителей армянской интеллигенции и духовенства. Не обошел стороной этот процесс даже армянскую патриархию в Стамбуле. Отдельной категорией сторонников национального движения становятся армяне, принявшие протестантизм. Они находились под особой защитой, поэтому у них было больше возможностей для проведения агитационной работы среди местного населения [7, с.21]. Поэтому они не раз попадали в поле зрения турецкой полиции.

По мнению полковника, большую роль в развитии национального самосознания играла армянская семья, которая в последней трети XIX в. прививала молодежи мысль о принадлежности армян к числу великих мировых наций.

Д. В. Путята поставил под сомнение, приходившие из Западной Армении сведения о масштабах погромов армянского населения. Во-первых, его смущали оценки материальных потерь. В жалобе, поданной одной из армянских деревень, в расчете на одну семью ущерб составлял 2 тыс. руб., что было немыслимой суммой для региона [7, с. 6]. Во-вторых, по его данным, все факты британские дипломаты получали из «вторых рук», то есть они сами не являлись свидетелями тех или иных злодеяний, опираясь на рассказы самих армян или миссионеров. Его удивляла анонимность большинства заявлений. В то же время автор очерка отмечал, что значительная часть реальных фактов, связанных со столкновениями курдов и армян, оказалась, скорее всего, вне поля зрения британских дипломатов, особенно если это касалось удаленных районов.

Полковник не соглашался, что в основе преступлений против армянского населения находилась «врожденная» склонность курдов к грабегам и насилию. Поэтому если исходить из этого факта, то курдские племена должны были уничтожить армян еще за долго до событий второй половины XIX в. Но этого не произошло [7, с. 8].

Он признавал, что во многом причины бедственного положения региона, ведущие к росту численности конфликтов между армянами и курдами заключались в катастрофической экономической и политической ситуации, в которой оказалась Османская империя в последней трети XIX в., что наиболее ярко проявлялось в Западной Армении, находившейся на периферии империи. Система органов государственной власти постепенно деградировала. Престиж судов упал, они не пользовались авторитетом у местного населения. Тотальная коррупция, в том числе в судах становится нормой жизни. Причем от судебного произвола страдали все слои населения. Судебные должности, по сути, продавались за немалые деньги, поэтому после их получения новоиспеченные судебные чиновники стремились не только вернуть потраченные средства, но и получить «прибыль» [7, с. 9].

Темой особых комментариев британских дипломатов являлось состояние полиции в Западной Армении, и с чем в принципе соглашался Д. В. Путята. Немногочисленная полиция была плохо одета и вооружена, она нерегулярно получала денежное довольствие. В то же время англичане допускали неточности в изложении событий. Когда один британский офицер говорил об изъятии в одном из селений ячменя для его лошади без расписки деревенскому старосте, то

по мнению Д. В. Путята, он должен был не сокрушаться по этому поводу, а просто заплатить за ячмень, причитавшийся его лошади, как того требовали местные традиции, а не винить во всем местного полицейского [7, с. 11–12].

Данные процессы ускорились в результате поражения Турции в войне 1877–1878 гг. Финансовое положение страны оказалось в состоянии коллапса, что не могло не сказаться на жизни жителей Османской империи, включая Западную Армению. Регион сильно пострадал во время боевых действий, к этому добавилась череда неурожайных лет. Однако сборщики налогов не учитывали данные обстоятельства, поэтому многие христиане оказались в тюрьме. Заявления Порты о желании помочь местному населению оказались на бумаге. Тем более, они полностью саботировались местными властями, хотя искренность действий самого правительства также вызывала большие сомнения.

По мнению полковника, настоящая трагедия в Малой Азии произошла зимой 1879–1880 гг., когда регион поразил страшный голод, особенно он, затронул районы, заселенные армянским населением [7, с. 9]. Ситуацию усугубили жаркое лето и нашествие саранчи. Одновременно турецкое правительство потребовало выплаты недоимок за последние три года. Более того, Порты затеяла реформу в сфере обращения металлических монет. От такой инициативы пострадали, прежде всего, крестьяне и мелкие торговцы. С 1881 по 1888 гг. ситуация на взгляд полковника в Западной Армении несколько улучшилась, что нашло отражение в снижении активности британских дипломатов, в том числе в регистрации фактов насилия по отношению к христианам.

Примерно с 1888 г., опять же ссылаясь на донесения британских дипломатов, Д. В. Путята отмечает стремление армянских патриотов развернуть агитацию среди местного населения в Западной Армении. Он приводит факты их проникновения в Османскую империю из-за пределов страны, возникновения первых подпольных организаций, аресты и суды над их членами. Данные события приводили к нарастанию брожения среди армянского населения региона. Причем сам посол Великобритании в Стамбуле У. Уайт полагал, что такие действия армянских патриотов были опасны и чрезмерны для стабильности в регионе, включая безопасность христиан [7, с. 13]. Особенно российский офицер выделял среди противников османской администрации учителей, которых не раз задерживали за антиправительственные действия. Впервые полковник фиксирует, стычки между армянами сторонниками решительных действий и теми, кто придерживался тактики постепенных реформ, на этой почве произошло несколько убийств.

В процесс развития национально-освободительного движения в Османской империи оказались вовлечены армяне, проживавшие на территории российского Закавказья. Д. В. Путята, ссылаясь на сведения британских дипломатов в данном случае консула в Батуми, отмечал всплеск деятельности различных армянских организаций в Закавказье, в том числе благотворительных по популяризации национальной истории и культуры с целью подъема национального самосознания у армян Закавказья, Персии и Османской империи. Литература и периодика, изданные в Тифлисе, Эчмиадзине нелегальным путем доставлялись в Западную Армению. При этом полковник обращал внимание на тот факт, что к сбору средств на подготовку различной печатной продукции были вовлечены все слои армянского населения, вне зависимости от социального происхождения [7, с. 16–17]. То есть, по его мнению, уже накануне трагических событий 1894–1896 гг. национально-освободительное движение охватило значительную часть армянского населения российского Закавказья, Османской империи и армянской диаспоры в Европе, включая создание тайных организаций, предполагавших использование насильственных методов борьбы против Порты.

Д. В. Путята явно не симпатизировал этой части армянских патриотов. Отчасти предсказывая взрыв ситуации в Западной Армении, в результате чего могли пострадать невинные люди. Он был на стороне тех лидеров армянской общины Турции, которые выступали за постепенные реформы и за отказ от эскалации отношений с Портой, исключавших привлечение помощи извне. В данной связи он обращал внимание на петицию жителей г. Вана от 8 июня 1889 г., подписанную 400 жителями города. Ее важность заключалась в том, что Ванский вилайет считался колыбелью развития армянской цивилизации, где армяне численно доминировали над мусульманами. В петиции горожане высказывали преданность султану и «разоблачали» проiski британской прессы, публиковавшей, по их мнению, недостоверную информацию, искажая реальную жизнь, включая «добрые» отношения между армянами и курдами. В этом же духе было выдержано обращение армянского архиепископа в Смирне. Британские дипломаты, на взгляд Д. В. Путяты, сделали все, чтобы дискредитировать эти обращения [7, с. 18]. Данный пример в очередной раз, продемонстрировав российскому офицеру, важную роль британской прессы и правящих кругов в разжигании страстей в Западной Армении и поражении сторонников умеренного курса в национальном движении армян.

Он постоянно подчеркивал передергивание фактов британской прессой, фальсификацию событий, с целью дискредитации курдского населения Западной Армении и Порты [7, с. 19]. Особо

пристальное внимание газет Великобритании к Западной Армении проявлялось в наличии практически у всех них рубрики «О притеснениях армян в Турции». Следует отметить, что полковник несколько не точен в выражении своей позиции, поскольку не только британская пресса проявляла интерес к положению армян в Османской империи, тем более к погромам 1894–1896 гг. [5, с. 155]. К тому же к изучению истории армян, положения Западной Армении подключились известные британские ученые и общественные деятели, которых трудно было заподозрить в политической ангажированности [12].

Сторонники активной линии среди армян не обращали внимание на все предостережения, продолжая свою деятельность. Д. В. Путята объяснял их поведение преследованием личных или политических целей. Проводниками жесткого курса становятся издательства ряда армянских газет, издаваемых в Лондоне, Нью-Йорке, Тифлисе и различные армянские организации, в том числе объединенные в «Англо-Армянскую ассоциацию». Полковник обращал внимание на состав ее руководства, где оказалось мало армян, но значительное количество англичан, выходцев из Кипра и Египта и даже турецких чиновников по тем или иным соображениям, покинувших родину. Всех их объединяло неприятие существовавшего режима в Османской империи. Поэтому легитимность данной организации на выражение мнения всего армянского народа вызвала у офицера большие сомнения. Он полагал, что Ассоциация во многом в своей деятельности зависела от позиции британского правительства. Среди других крупных организаций в Великобритании, стремившихся поддержать армянское население в Османской империи, Д. В. Путята выделял «Армянскую патриотическую лигу», «Общество по сбору пособий для армянских женщин», «Шотландское армянское общество» и «Гнчак».

Д. В. Путята внимательно рассматривал задачи, преследуемые этими организациями. Первые четыре общества в целом ориентировались на выработку программы национального действия с целью радикального изменения положения армян Западной Армении, оказания материальной помощи беднейшим слоям населения и пострадавшим от курдов и турецкой администрации. Партия «Гнчак» стремилась любыми путями распространять среди армян революционные взгляды, желая не только добиться независимости для Западной Армении, но и перестроить в ней жизнь на принципах социалистической идеологии. Данная партия не вызывала ни каких симпатий у полковника, не только из-за ее политических устремлений, но и выбранной тактики действий, включавшей шпионаж, подкуп, террористические акции и т.д. [7, с. 20]. Она для достижения основной тактической задачи – поднятие массового

восстания армян в Малой Азии готова была пойти на любые методы политической борьбы, включая временный союз с курдами и черкесами для свержения власти Порты. Следует отметить, что Д. В. Путята при всей неприязни к деятельности британской пресса и правящих кругов Великобритании признавал, что они не оказывали особой поддержке организации «Гнчак» [7, с.21].

Сасунская резня 1894-1896 гг., по мнению российского офицера, оказалась, кстати, для британского правительства. Разыгрывая «армянскую карту» Лондон ничего не терял, даже в случае провала своих намерений в Западной Армении. Она являлась существенным фактором оказания давления на Порту, чтобы ее сделать сговорчивой по другим проблемам, интересующим Великобританию. В случае успеха восстания в Западной Армении Лондон укреплял свои позиции не только в данном регионе, но и на Ближнем Востоке в целом. Кроме этого, он мог улучшить свое реноме на международной арене после непоследовательной позиции во время японо-китайской войны. Плюс Великобритания укрепляла образ защитницы угнетенных народов [7, с. 22].

Д. В. Путята отмечал, что во время трагических событий 1894–1896 гг. любые высказывания британских политиков и газет тиражировались в армянских деревнях и городах Западной Армении, создавая у людей иллюзии реальной поддержки их действий со стороны всего цивилизованного мира. В результате все закончилось трагически для мирных жителей Западной Армении, в том время как агитаторы из Великобритании и руководители «Гнчака» находились в безопасном месте.

Российского офицера еще волновал вопрос, кто стал инициатором восстания – британское правительство, подтолкнувшее «Гнчак» к восстанию или, наоборот, «Гнчак» начав борьбу в Западной Армении, тем самым втянул в водоворот событий правительство лорда Солсбери. Но на этот вопрос у него пока не было ответа.

Таким образом, Д. В. Путята постарался в рамках анализа политики Великобритании в Западной Армении определить свое отношение к

армянскому вопросу в Османской империи. Он негативно оценивал действия Лондона в этом направлении, полагая, что Великобритания стремится упрочить свое положение в Западной Армении за счет России, прикрываясь заботой об армянском населении. Д. В. Путята постоянно обвинял британских дипломатов, политиков и прессу в искажении фактов для достижения собственных политических целей. Такая точка зрения была присуща значительной части правящей элиты России. Именно в Великобритании российский офицер видел главный источник развития национального движения армян. Следует отметить, что, будучи носителем имперского самосознания Д. В. Путята с недоверием относился к национальному возрождению многих народов. Тем более, если данное обстоятельство угрожало единству Российской империи.

Однако, трудно согласиться с автором, поскольку значительная часть британской общественности искренне стремилась помочь армянскому населению Турции, не преследуя геополитические цели. Более того, рост национального движения армян развивался в русле общего национального возрождения народов в XIX в., еще раньше на этот путь вступили в Османской империи греки, южные славяне, позже турки и арабы. Признавая здесь важность внешнего фактора, все же следует отдавать приоритет внутренним процессам, развившимся в рамках армянского сообщества Османской империи и за ее пределами, способствовавшим развитию национального самосознания армян.

Весьма двойственной и противоречивой оставалась оценка Д. В. Путятой причин восстания армян в 1894–1896 гг. Он полагал, что оно было в основном спровоцировано действиями Великобритании и представителей радикального направления армянского национального движения. Полковник явно недооценивал влияние объективных причин, связанных с ухудшением экономического положения населения в Западной Армении, деградаций государственных институтов, нарастанием конфликтов между христианами и мусульманами в регионе.

Источники и литература

1. Андреев А. И. Российские экспедиции в Центральной Азии (1870 – 1920-е годы): научные и военно-политические аспекты // Общество. Коммуникация. Образование. 2012. №4. С. 103–109.
2. Арутюнян Г. М. Политика Англии в армянском вопросе в 90-х годах XIX века и позиция великих держав: (проблематика, источниковедческий и историографический. обзор) // Вестник Ереванского университета. Общественные науки. 1988. №2. С. 26–36.
3. Берлинский трактат 1/13 июля 1878 г. // Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 гг. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С.181–206.
4. Капангар А. Экономические перспективы Восточной Анатолии. Тифлис: Типография «Эпоха», 1913. 54 с.
5. Киркарасян А. Д. Великобритания и армянский вопрос. (90-е гг. XIX в.). Ереван: АЙАСТАН, 1990. 240 с.
6. Ламздорф В. Н. Дневник 1894 – 1896 гг. М.: Международные отношения, 1991. 456 с.
7. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXVI. Записки о Малой Азии. Полковника Генерального штаба полковник Путята. СПб.: Военная типография, 1896. 154 с.
8. Павлов Д. Б. Д. В. Путята и его военно-инструкторский проект в Корее и Китае // Труды Института российской истории РАН. 2019. №15. С.120–154.

9. Плеханов А. Е. Англо-русская политика в отношении Афганистана в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2021. №2. С. 56–64.
10. Путята Д. В. Австро-Венгрия. Краткий военно-географический обзор Галицийской области. По новой программе 1907 г. Одесса: Типография Штаба Одесского военного округа, 1909. 24 с.
11. Путята Д. В. Китай: очерки географии, экономического состояния, административного и военного устройства Серединой Империи и военного значения пограничной с Россией полосы. СПб.: Военная типография, 1895. 265 с.
12. Brent J. Travels Amongst the Armenian // The Contemporary Review. 1896. Vol. 70. P. 695–709.

References

1. Andreev A. I. Rossiiskie ekspeditsii v Tsentral'noi Azii (1870-1920-e gody): nauchnye i voenno-politicheskie aspekty (Russian expeditions in Central Asia (1870s - 1920s): scientific and military-political aspects) // Obshchestvo. Kommunikatsiya. Obrazovanie. 2012. No. 4. P. 103–109. (In Russian).
2. Arutyunyan G.M. Politika Anglii v armyanskom voprose v 90-kh godakh XIX veka i pozitsiya velikikh derzhav: (problematika, istochnikovedcheskii i istoriograficheskii. obzor) (The policy of England on the Armenian issue in the 90s of the XIX century and the position of the great powers: (problems, source study and historiographic review) // Vestnik Erevanskogo universiteta. Obshchestvennye nauki. 1988. No. 2. P. 26–36. (In Russian).
3. Berlinskii traktat 1/13 iyulya 1878 g. (Treaty of Berlin 1/13 July 1878) // Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami 1856–1917 gg. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1952. P. 181–206. (In Russian).
4. Kapangar A. Ekonomicheskie perspektivy Vostochnoi Anatolii (Economic Prospects for Eastern Anatolia). Tiflis: Tipografiya «Epokha», 1913. 54 p. (In Russian).
5. Kirkarasyan A. D. Velikobritaniya i armyanskii vopros. (90-e gg. XIX v.) (Great Britain and the Armenian question. (90s of the XIX century). Erevan: AIASTAN, 1990. 240 p. (In Russian).
6. Lamzdorf V. N. Dnevnik 1894–1896 gg. (Diary 1894–1896). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991. 456 p. (In Russian).
7. Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Issue. LXVI. Zapiski o Maloi Azii. Polkovnika General'nogo shtaba polkovnik Putyata (Collection of geographical, topographic and statistical materials on Asia. Issue LXVI. Notes on Asia Minor. Colonel of the General Staff Colonel Putyata). St. Petersburg: Voennaya tipografiya, 1896. 154 p. (In Russian).
8. Pavlov D. B. D. V. Putyata i ego voenno-instruktsionnyi proekt v Koree i Kitae (D.V. Putyata and his military instructor project in Korea and China) // Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN. 2019. No.15. P. 120–154. (In Russian).
9. Plekhanov A. E. Anglo-russkaya politika v otnoshenii Afganistana v kontse XIX – nachale XX vv. (English-Russian policy in Afghanistan in the late 19th – early 20th centuries) // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina. 2021. No. 2. P. 56–64. (In Russian).
10. Putyata D. V. Avstro-Vengriya. Kratkii voenno-geograficheskii obzor Galitsiiskoi oblasti. Po novoi programme 1907 g. (Austria-Hungary. Brief military-geographical overview of the Galician region. According to the new program of 1907). Odessa: Tipografiya Shtaba Odesskogo voennogo okruga, 1909. 24 p. (In Russian).
11. Putyata D. V. Kitai: ocherki geografii, ekonomicheskogo sostoyaniya, administrativnogo i voennogo ustroystva Seredinnoi Imperii i voennogo znacheniya pogranichnoi s Rossiei polosy (China: geography essays, economy, administrative and military structure of the Middle Empire and the military significance of the border strip with Russia). St. Petersburg: Voennaya tipografiya, 1895. 265 p. (In Russian).
12. Brent J. Travels Amongst the Armenian // The Contemporary Review. 1896. Vol. 70. P. 695–709.

Сведения об авторе

Крючков Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / igory5@yandex.ru

Information about the authors

Kryuchkov Igor – Doctor of History, Professor, Head of Chair of Foreign History, Political Science and International Relations, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / igory5@yandex.ru

УДК 94(44/99)
 DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.7

И. Н. Назарьян

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ ИРАНА¹

Переселение армян шахом Аббасом I в 1604 г. решающим образом отразилось на формировании крупной христианской группы Ирана. На протяжении XVII – XXI вв. армянская диаспора подвергалась влиянию политического курса центральной власти Ирана и за весь указанный период община имела главной необходимостью сохранение своей национальной идентичности. Так, например, победа Исламской революции 1978 – 1979 гг., подтолкнула представителей диаспоры армян и исламское правление к поиску компромиссов, которые позволили общине сохранить частично, либо в полной мере свою автономию. При этом армянское население Ирана, обладая высокой степенью организации и взаимодействия внутри диаспоры и связи с исторической Родиной, способствовало налаживанию всестороннего христианско-мусульманского взаимодействия.

Данное исследование рассматривает социальную, культурную и политическую деятельность армянской диаспоры Ирана, привлекая в качестве средства изучения веб-ресурсы общины. Подобная форма работы вы-

брана не случайно, сеть «Интернет» в настоящее время открывает доступ к широкой базе информации, которая способствует увеличению исследовательского потенциала. В связи с данным фактором, важной задачей является разработка наиболее эффективных методов и форм использования веб-технологий. Исходя из этого, автор статьи уделила внимание анализу преимуществ и недостатков интернет-ресурсов в целом, затем была проведена работа над выявлением политики иранского правительства в отношении сети «Интернет». Решение указанных задач способствовало изучению веб-страниц, содержащих информацию непосредственно касающейся армянской диаспоры Ирана.

Так путем «от общего к частному» удалось провести общий обзор развития армянской общины Ирана, выявить актуальные данные о формах деятельности и задачах диаспоры, оценить роль медиатехнологий в осуществлении коммуникации общины.

Ключевые слова: история армянской диаспоры, Иран, Нор-Джуга, веб-ресурс, интернет-источники.

Ilona Nazar'yan

INFORMATION POSSIBILITIES OF INTERNET RESOURCES FOR STUDYING THE HISTORY OF THE ARMENIAN DIASPORA IN IRAN

The relocation of Armenians by Shah Abbas I in 1604 formed a large Christian group in Iran. During XVII – XXI centuries the Armenian diaspora of Iran was influenced by the political course of the central government of Iran. Over the entire period of life in Iran, the Armenian community had a need to preserve its national identity. The victory of the Islamic Revolution of 1978-1979 forced the representatives of the Armenian Diaspora and the Islamic government to search for compromises. In consequence, the community retained its autonomy. The Armenian population of Iran has a high degree of internal organization and interaction with the historical Homeland, which contributes to Christian-Muslim cooperation in culture and economy.

This study examines the social, cultural and political activities of the Armenian Diaspora in Iran, using the community's web resources as a means of studying, this form of work was not chosen by chance. The Internet currently

provides access to a wide database of information that contributes to increasing research potential. In connection with this factor, an important task is to develop the most effective methods and forms of using web technologies. Based on this, the author of the article first focused on the analysis of the advantages and disadvantages of Internet resources in general. Then, the work was carried out to identify the policy of the Iranian government regarding the Internet. The solution of these tasks made it possible to study web pages containing information directly related to the Armenian Diaspora of Iran.

Thus, deductively it was possible to create a holistic picture of the development of the Armenian community of Iran, to identify relevant data on the forms of activity and tasks of the Diaspora, to assess the role of media technologies in the implementation of community communication.

Key words: history of the Armenian diaspora, Iran, Nor-Jugha, web resource, internet sources.

Армянская диаспора в Иране имеет давнюю историю. В 1604 г. шах Аббас I переселил большое количество армян с их родины на реке Аракс, где в пригороде Исфахана переселенцы основали Новую Джульфу (Нор-Джуга). Армяне стали основой внешней торговли Ирана и благодаря этому фактору армянам были предоставлены религиозные и культурные привилегии, в которых обычно отказывали другим немусульманским об-

щинам. Мусульманам было запрещено селиться в Новой Джульфе, что сделало пригород Исфахана фактически государством в государстве, где христиане могли уклоняться от исламских законов, применяемых в других местах Ирана.

На протяжении XVIII – XX вв. развитие и укрепление армянской диаспоры Ирана зависело от политического курса иранских правителей. Для середины XIX в. становится характерным

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. Проекта AAAA-A19-119011190185-9

открытие в Иране армянских школ и появление армянской периодической печати, начинается укрепление позиций армянской общины в Тегеране. Активизация роли армянской общины в политике Ирана началась в городе Тебризе, где вела деятельность «Армянская революционная федерация» и действовала «Ассоциация армянских женщин Тебриза». Во время правления Реза-шаха Пехлеви 1925–1941 гг. был введен запрет преподавания на армянском языке, в связи с этим возникла необходимость сохранения своей национальной идентичности путем политического участия под влиянием Дашнацтун. Новый виток возрождения армянской диаспоры в Иране начался, когда власть сосредоточилась в руках Мохаммеда Пехлеви. Возродился интерес к армянской культуре, в университете Исфахана была открыта программа по изучению армянского языка и истории.

Взаимодействие армянской диаспоры с центральной властью Ирана с момента победы Исламской революции 1979 г. по настоящее время можно охарактеризовать как период поиска компромисса в культурной и в религиозной сфере.

По рассмотренному пласту историографии, можно сделать вывод, что научное изучение армянской общины Ирана началось с 1970-х гг. Классификация исследований включает в себя проработку религиозных, культурных, политических процессов. Можно отдельно отметить изучение Новой Джульфы как центра армянской жизни в Иране: данной теме уделил внимание Вазкен Гугассян в монографии «Возникновение Армянской епархии Новой Джульфы в XVII веке» [21], которая является комплексным исследованием не только религиозной деятельности диаспоры, но и начального этапа расселения армян в пригороде Исфахана. Стоит также выделить диссертации отечественных исследователей по общине армян Новой Джульфы: Родионовой Е. М. «История развития армяно-иранских этнокультурных связей в XVII веке» [9], Степаняна А. В. «Роль армян Новой Джуги в русско-иранских культурных взаимоотношениях (XVII – XVIII вв.)» [10], Хачикян Ш. Л. «Армянское купечество Новой Джульфы и его роль в армяно-русских торговых отношениях (XVII – XVIII вв.)» [12]. В этих работах отражена важная роль армянской общины Новой Джульфы в укреплении торговых отношений между Востоком и Западом, связи мусульманского мира с христианским.

Сборник «Армяне Ирана: парадоксальная роль меньшинства в доминирующей культуре; статьи и документы» под редакцией Косро Чакеки [18], материалы сборника содержат в себе информацию о формировании и деятельности армянской диаспоры на протяжении XIX – XX веков истории Ирана и дают целостное представление о взаимодействии двух культур.

По периоду XX в. исследование Ури Берберян «Армяне и Конституционная революция в Иране 1905 – 1911 годов: Любовь к свободе не имеет Отечества» [16], где ставится акцент на политической активности армянской диаспоры на территории Восточного Азербайджана, которая в последующем определит недоверительное отношение власти Ирана по отношению к армянской общине.

Сложное взаимодействие в середине XX в. между армянской диаспорой и шахским правлением раскрывает обзорная статья Васико Папава «Иранские армяне в период династии Пехлеви» [7].

Барри Джеймс в своей монографии «Армянские христиане в Иране: этническая принадлежность, религия и идентичность в Исламской Республике» [24] исследует армянскую диаспору после победы Исламской революции в Иране, раскрывая отношения армянской общины и исламским режимом после победы революции 1979 г. и связи диаспоры с исторической Родиной.

Переселение армян в Иран и создание Новой Джульфы стало значительным периодом в армянской истории и нашло отражение в источниках того времени трудах хронистов и путешественников, к которым мы сегодня имеем доступ. В первую очередь это сочинение Аракела Тебризского (Даврижеци) «Книга историй» [3], оригинал которого был написан на армянском языке и издан в Амстердаме в 1669 г. Само переселение в Исфахан Аракел Даврижеци описывает как тягостное испытание и указывает категории армянского населения, которым оно давалось труднее. Из хроники возможно определить по каким причинам шах Аббас I стремился удерживать армян под своим контролем. Имеются также свидетельства о притеснении христиан, причем не только со стороны персов, но и со стороны армян вероотступников. Аракел Тебризский дает емкие описания не только переселению, но и дальнейшей жизни армян и взаимодействия с персами в Новой Джульфе, соответственно затрагивая все области жизнедеятельности.

Заметки иностранных путешественников, таких как Томас Герберт «Путешествие по Персии (1627–1629)» [22] и Жан Шарден «Путешествия господина дворянина Шардена, в Персию и другие места Востока» [11], имеют несколько иную наполненность, в отличие от хроники Аракела Даврижеци, который с состраданием описывает трагичность переселения армян в Новую Джульфу. Английские и французские путешественники воспринимали Восток как нечто дикое, и ставили перед собой задачу первичного сбора информации о стране. Поэтому в описаниях Томаса Герберта первого английского посла в Персию мы не находим упоминаний о трудностях взаимодействия армянского христианского меньшинства с персами мусульманами. Наоборот, Герберт подчеркивает зажиточность населения

Новой Джульфы, уважительного отношения шахской администрации к армянам. Такое же описание населения Новой Джульфы представлено в заметках французского путешественника Жана Шардена. Ценность европейских заметок состоит в полном описании политики, культуры, экономики крупных городов Персии, что предоставляет возможность выявить области жизнедеятельности, в которых было занято преимущественно армянское население.

Информация об армянах, проживающих на территории Персии в первой половине XIX века, содержится в воспоминаниях Бларамберга И. Ф. [2] российского посланника в Персию с 1837–1840 гг. Из источника мы узнаём о быте, роли армян в русско-персидской торговле и об антиармянской политике, проводимой Каджарами, получаем обширные сведения об армянах Тебриза, Тегерана, Бендер-Аббаса и численности армянского населения.

Армянская диаспора Ирана была вовлечена и в политику, активное проявление нашла в Конституционной революции 1905–1911 гг. Сведения об этом мы находим в периодической печати на армянском языке. Газеты «Дрошак» [1] и «Гахапар» [17], хотя их издательство не находилось на территории Ирана, незамедлительно освещали деятельность иранского отделения «Дашнакцутюн», таким образом представляя обзор политики Ирана и участия в ней армянских представителей.

Рассмотренные выше традиционные источники содержат большой пласт информации, но данный вид источников долгое время являлся труднодоступным и с момента появления сети «Интернет», возросла возможность повсеместно привлекать их к гуманитарным и социальным исследованиям. Теоретически «Интернет» – это открытый информационный ресурс, предоставляющий безграничную информационную сеть. Его открытая конструкция дает доступ к гораздо большему количеству информации, чем традиционные ресурсы. С появлением сети «Интернет» происходит расширение прикладных исследований в социальных и гуманитарных науках. Методология исследований, опирающихся на использование интернет-ресурсов, варьируется от общенаучных до специальных, характерно также применение междисциплинарного подхода.

Целью данного исследования является анализ веб-ресурсов как средства изучения социальной, культурной и политической деятельности армянской диаспоры Ирана. Для достижения указанной цели, необходимо:

1. Рассмотреть деятельность иранского правительства по отношению к сфере интернет-коммуникаций в целом и функционированию армянской общины на территории Ирана, в частности;
2. Выявить ресурсы, содержащие сведения о деятельности армянской диаспоре Ирана;

3. Категоризировать выявленные ресурсы и сделать анализ их содержания;

4. Оценить какую роль играют медиа технологии в объединении армянской общины Ирана.

Выделим новые возможности, которые предоставляет использование веб-ресурсов к исследованиям:

1. Привлечение ранее недоступных ценных источников информации и упрощение доступа к традиционным источникам: необходимые материалы появились на сайтах библиотек и архивов, страницах социальных сетей;
2. Анализ страниц социальных сетей, которые предоставляют доступ к повседневным обменам между участниками сообществ и генерируют данные по личным предпочтениям и мнениям пользователей;
3. Расширение возможностей проведения социологических опросов, так как Интернет предоставляет новые формы коммуникации с аудиторией: интерактивные анкеты, рассылка анкет электронными письмами необходимой социальной группе;
4. Упрощение взаимодействия исследователей, обмена информацией, обсуждения научных проблем, консультаций.
5. Поиск и просмотр фото-, видео-, аудиоматериалов.

Используя интернет-ресурсы в качестве источника, необходимо учитывать, что в современных условиях веб-страницы являются наиболее доступными для исследования и предлагают широкую информационную сеть, имеет возможность прямого взаимодействия с интернет пользователями. Наряду с возможностями, которые предоставляют веб-ресурсы они имеют и ограничения (недостатки) – прежде всего, используемую информацию необходимо подвергать тщательной проверке, так как встречаются вбросы недостоверных сведений; не являются редкостью редактирование сведений на сайтах, а также блокировка сайтов, соответственно впоследствии можно столкнуться либо с потерей, либо с изменением содержания материалов. Стоит учитывать, что оцифрованные источники из архивов и библиотек, попадая на интернет-ресурс, теряют свою уникальность. Однако, традиционные информационные ресурсы в отличие от интернет-ресурсов не смогут предоставить возможность активной дистанционной коммуникации, оперативного получения актуальных сведений, вплоть до возможности слежения за событиями по онлайн-трансляции, когда исследователь становится прямым наблюдателем событий.

Интернет стал частью иранской культуры с середины 1990-х годов и позволил пользователям вести свои блоги, в которых блогеры поднимали вопросы, посвященные построению гражданского

общества, реализации либеральных реформ. Блоги повлияли на политическую культуру Ирана, позволив взглядам, выступающим против правящей партии, появляться в Интернете. Начало общественно-политическому блогингу на персидском языке было положено Хоссейном Дерахшаном в 2001 году, его интернет-страница под названием «Редактор: я» побудила многих иранских активистов, студентов и журналистов реформистского крыла, живущих в Иране вести блоги.

Первыми использовать сеть «Интернет» для консолидации вокруг определенных идей стали использовать студенты. После внедрения информационно-коммуникационных технологий в университетах Ирана, они использовали Интернет для организации студенческих акций в поддержку протестов 2003 г., которые являются примером того, как антиправительственные силы в Иране эффективно использовали Интернет для мобилизации оппозиции и ее организации для публичных демонстраций. Затем, в течение нескольких месяцев после выборов 2009 г. и протестов, последовавших за ними, иранское правительство постепенно усилило мониторинг активности граждан в Интернете. Во время первого срока президентства Махмуда Ахмадинежада 2005 – 2009 гг. в онлайн-сети усилились действия политической оппозиции. Иранское правительство быстро пошло на ограничение свободы слова в Интернете [27, р. 67].

Оппозиционные протесты на выборах 2009 г. сформировали у иранского правительства понимание блогов и социальных сетей как новой формы организации народных масс. Данный вывод, побудил власть к внедрению технологий мониторинга социальных сетей, замедлению работы Интернета во время крупных публичных мероприятий. Был принят «Закон о виртуальной преступности» [5] в мае 2009 г. и создана Комиссия по определению преступного контента [4], и позже, в 2012 г. сформирован Высший совет по киберпространству [13], который усилил контроль за онлайн-деятельностью.

Поэтому при изучении иранских интернет-ресурсов стоит учитывать усиление цензуры со стороны правительства и соответственно оценивать политическую ориентацию применяемых ресурсов. Повышение цензуры в онлайн-пространстве иранскими властями прежде всего направлено на контроль оппозиционных настроений. Сайты национальных групп также подвергаются мониторингу со стороны правительственных ведомств.

История армянской общины в Иране позволяет сделать вывод о том, что с момента переселения в XVII в. армяне вносили значительный вклад в развитие культурной и экономической сферы Ирана. И сегодня армянская община в Иране существует как признанное конституцией этническое и религиозное меньшинство, имеет возможности для культурной, спортивной, поли-

тической и экономической деятельности. Важной целью общины остается сохранение национальной идентичности и привязанности к своей исторической родине.

Взаимодействие между этническими группами (диаспорами) и государством может быть до определенной степени разнонаправленным. Так, в отношениях между армянской диаспорой и иранским режимом можно проследить стремление армян сохранить свою автономию через язык, школы, религию и общинные центры вопреки политике исламского режима по ограничению свободы действий общины в культурной сфере. Этническое и религиозное разнообразие Ирана требует выстраивания общей государственной политики в отношении меньшинств с учетом их реакции. Понимание этого привело к тому, что конфронтационные действия режима 1980-х гг. постепенно сменились гибкими и менее жесткими методами в отношении армянской диаспоры. Иранские армяне стали конституционно признанным немусульманским меньшинством, по 13, 14, и 15 статьям конституции ИРИ [6], в связи с чем получили языковую, религиозную и культурную свободу. В настоящее время при изучении сайтов и страниц социальных сетей армянской диаспоры Ирана находим возможность просмотра веб-страниц на этническом языке группы, данный факт свидетельствует, что иранское правительство не пресекает использование армянского языка в виртуальном пространстве.

Среди веб-ресурсов по армянской диаспоре Ирана можно выделить следующие категории: группы социальных сетей «Facebook», «Twitter», «Youtube»; веб-страницы архивов, библиотек, социальных, политических и культурных организаций. Указанные ресурсы дают электронный доступ к письменным, кино- фото- фоно- документам. При этом письменные источники находящиеся на интернет-порталах можно разделить на:

- оцифрованные копии ранее напечатанных документов, которые зачастую загружаются в сеть Интернет в файловом формате и сохраняют сведения об авторе и издании оригинала;
- тексты, созданные на веб-сайтах, особенностью их является возможное отсутствие указания авторства и периода создания, поэтому требуют привлечения дополнительных материалов.

Интернет-ресурсы также предоставляют возможность использования гиперссылок, которые позволяют связать воедино данные с нескольких веб-страниц, что расширяет информационные сведения, содержащиеся в документе.

В первую очередь интерес представляют ресурсы, содержащие сведения о становлении организаций, находящихся в Новой Джульфе, так как она являлась главным центром формирова-

ния армянской общины в результате переселения армян в XVII в. шахом Аббасом I. Так как церковь в жизни армян играет важную роль, первые библиотеки создавались при религиозных учреждениях. На данный момент армянское духовенство Ирана имеет цель сохранения исторической памяти, потому в фондах библиотек сохранились источники периода нового и новейшего времени, доступ к которым имеет через интернет-ресурсы и соответственно нацелены на широкий круг заинтересованных пользователей.

Веб-сайт библиотеки святого Нерсеса Шнорали [25] включает в себя художественную литературу, прессу, энциклопедии, графические материалы, отражающие жизнь армянской общины Ирана с XVII в. по настоящее время. Сложность работы состоит в недостаточной проработанности навигации по сайту. Сайт не дает описания всех своих фондов, предлагая лишь запрашивать конкретные материалы в поисковой строке. Помимо материалов, изданных в Иране, библиотека также включает в себя тексты, изданные в СССР и переведенные на армянский язык.

Следующим немаловажным ресурсом является веб-сайт Национальной резиденции Армянской Епархии Исфахана [28]. Он наполняется сведениями об истории армян Новой Джульфы, культурной, религиозной и общественной жизни общины Исфахана, имеет раздел, в котором размещается еженедельный вестник общины Новой Джульфы [26], а также религиозные материалы. Сайт носит новостной характер и подходит для изучения жизни общины в XXI в. Обе перечисленные веб-страницы имеют ссылки на свои группы в «Facebook» в которых публикуют анонсы мероприятий, причем по комментариям на странице можно оценить личные отношения пользователей к публикациям, соответственно группы могут также играть роль источникового ресурса.

Армяне развивали книгопечатание в Иране с XVII в., соответственно практически сразу после переселения в Новую Джульфу [8, с. 310], но в последующем именно периодика общины займёт значительную роль в освещении деятельности диаспоры. С конца XIX в. среди армянского населения Ирана возникает потребность в создании периодического издания, отражающего политические инициативы общины, обусловлено это было необходимостью иметь армянского представителя в межджиесе (что и было достигнуто в результате Конституционной революции 1905–1911 гг.), а также возросшей активностью партии «Дашнакцутюн». Данные факторы породили множество еженедельников, которые, по сути, сменяли друг друга, но до XXI в. сохранили свою деятельность лишь единицы. Таковой является газета «Алик» [14], которая выходит в свет уже более ста лет и была первым крупным периодическим изданием диаспоры, печатающимся на армянском языке.

В настоящее время газета имеет действующий сайт, он представляет интерес тем, что наполняется актуальными новостями армянской общины; Республики Армения; анализом стороны иранских армян конфликта в Нагорном Карабахе и политической жизни Ирана.

Армянское население Ирана имеет своей основной целью сохранение национальной идентичности, на этой цели базируется образовательная программа общинных школ. Для этого после Исламской революции 1979 г. руководство диаспоры выступало за сохранение автономии учебных заведений общины, постреволюционное десятилетие прошло в попытке найти компромисс в сфере образования между общиной и исламским руководством. Армяне стремились сохранить школьные предметы необходимые подрастающему поколению общины – армянский язык, историю армянского народа и изучение христианской религии.

Анализ деятельности действующих армянских школ Ирана показал, что, подчиняясь министерству образования и воспитания Исламской Республики Иран, им удается проводить дополнительные занятия по армянскому языку, истории и религии. При изучении страницы «Facebook» армянской школы для мальчиков, расположенной в Новой Джульфе «Катаринян» [20], было установлено, что основой концепции данного учебного заведения является патриотическое воспитание армянской молодежи. Но стоит также отметить, что мероприятия проводятся на персидском языке, такие, например, как семинар «Фальсификаторы истории», посвященный конфликту в Нагорном Карабахе.

В системе высшего образования Ирана имеются учреждения, занятые исследованием армянских вопросов. Таковым является институт Хур [23], в котором проводятся совещания, конференции, но основная деятельность заключается в переводе и издании книг по истории и культуре Армении и Геноциду армянского народа. Таким образом, исламское руководство не препятствует исследовательской деятельности армянской диаспоры.

Помимо политических партий и представителей от общины в межджиесе интересы армянской диаспоры в Иране продвигают и защищают общественные, культурные и спортивные организации. Целью первых армянских объединений, возникших в конце XIX в., являлась благотворительная помощь нуждающимся из общины. Позднее, затем с учетом изменения политической обстановки в Иране, расширялся круг вопросов, которые необходимо было решать внутри диаспоры. Имея широкий охват среди армянского населения Ирана, общественные организации ставят перед собой задачи материального обеспечения армянских учебных заведений; проведения национальных праздничных мероприятий; организацию

дней памяти жертв Геноцида армян 1915 г.; сохранения культурного наследия иранских армян, а также популяризация армянской культуры в целом в Иране. Значительна роль армян в развитии иранского общества, потому важной целью организаций диаспоры является сохранение двустороннего культурного сотрудничества с представителями иранской интеллигенции, в связи с чем, возникают различные совместные проекты, например, издание и перевод книг, содержащих сведения о тесном взаимодействии армянской общины и иранского общества.

Крупной действующей культурно-спортивной организацией армян в Иране является клуб «Арагат», он создан в середине XX в. в Тегеране, имеет обширную материальную базу (стадион, футбольную команду, помещения для проведения мероприятий). Анализ веб-страницы организации «Арагат» [15] показал, что деятельность сосредоточена на пропаганде спорта среди диаспоры, проведении научных и творческих форумов, постановке спектаклей по произведениям армянских авторов. Сайт организации полезен тем, что имеет наполнение актуальными новостями и включает в себя архивные сведения о деятельности клуба, которые позволяют воссоздать путь создания и развития клуба «Арагат».

Армянская диаспора Ирана имеет распределение по провинциям на севере и юге страны, что обуславливает потребность в непрерывном взаимодействии между общинами и связях с исторической родиной. В данном отношении веб-ресурсы могут выступать в качестве эффективного средства коммуникации, которое позволяет объединить группы, не имеющие возможность живого общения, и вовлечь в информационный обмен большее количество людей, что является весьма важным фактором при широкой рассеянности армянской диаспоры. Карантинные меры, вызванные пандемией COVID-19, подняли спрос на платформы, использующие технологии видеосвязи и интерактивной работы. Так, библиотека святого Нерсеса Шнорали города Исфахан информировала подписчиков своей страницы «Facebook» о проведении молодежной конференции в Матенадара-не [19], формат участия предполагал применение платформы «Zoom», соответственно представить

свои доклады в дистанционном режиме могли и армянские студенты из Ирана. Это в свою очередь позволяет сделать вывод о том, что использование виртуальных сетей способствует расширению культурного и научного обмена между Арменией и иранской армянской диаспорой. Указанные выше примеры, иллюстрируют возникший после пандемии COVID-19 переход в онлайн-взаимодействие, повлекший за собой увеличение базы интернет-источников, которые в свою очередь способствуют детальному анализу жизнедеятельности армянской диаспоры Ирана для исследователя находящегося за пределами изучаемого региона. Также расширяется доступ к использованию прямых видеотрансляций, позволяющих стать очевидцем происходящих событий и тем самым получить объективную информацию.

Рассмотренные особенности информации, опубликованной в веб-пространстве позволяют сделать вывод, что при наличии положительных сторон (упрощение доступа к данным, появление новых видов источников (форумы, блоги, он-лайн трансляции) имеет и свои минусы в виде ограничения интернет-ресурса как с точки зрения содержательной стороны (вбросы недостоверных сведений, потеря и изменение опубликованных материалов.). Анализируя веб-ресурсы необходимо также уточнять их принадлежность. Официальные сайты церковных, культурных, образовательных и общественных учреждений имеют своей целью отразить полноту своей работы в настоящем, а также описать историю своего формирования и развития, сведения на данных ресурсах ограничиваются родом деятельности организации и разделены по категориям, в них содержится наиболее объективная информация о мероприятиях проводимыми армянской диаспорой Ирана. Личные веб-страницы отражают взгляды пользователей на те или иные события, содержат предельно субъективные сведения, а также зачастую не имеют строго ограниченной тематики.

Так, использование веб-ресурсов, включающих в себя разнообразные виды письменных источников, позволяют провести полноценное исследование истории и деятельности армянской диаспоры, проживающей на территории Ирана.

Источники и литература

1. Веб-архив газеты «Дрошак» 1890 – 2021 гг. URL: <http://tert.nla.am/mamul/Droshak-1890/Table.html> (Дата обращения: 05.03.21). (на арм. яз.).
2. Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, 1978. 357 с.
3. Даврижеци А. Книга историй. М.: Наука, 1973. 628 с.
4. Задачи и миссии комиссии по определению преступного контента. URL: <https://www.cyberpolice.ir/abouts#vzayef> (Дата обращения: 23.05.21). (на перс. яз.).
5. Закон о виртуальной преступности от 15.05.2009. URL: <https://internet.ir/law.html> (Дата обращения: 30.05.21). (на перс. яз.).
6. Конституция Исламской республики Иран от 24. 10. 1979 года (с учетом поправок, внесенных к Конституции ИРИ от 28.04.1989). URL: <https://dlp.msrt.ir/file/download/regulation/1497687031-.pdf> (Дата обращения: 07.02.21). (на перс. яз.).

- ## References

1. Veb-arkhiv gazety «Droshak» (Archive of the newspaper «Droshak») 1890–2021 rr. URL: <http://tert.nla.am/mamul/Droshak-1890/Table.html> (Accessed: 05.03.21). (In Armenian).
2. Blaramberg I.F. Vospominaniya (Memories). M.: Nauka, 1978. 357 p. (In Russian).
3. Davrizhetsi A. Kniga istorii (The Book of Stories). M.: Nauka, 1973. 628 p. (In Russian).
4. Zadachi i missii komissii po opredeleniyu prestupnogo kontenta (Tasks and missions of the Commission for the definition of criminal content). URL: <https://www.cyberpolice.ir/abouts#vzayef> (Accessed: 23.05.21). (In Persian).
5. Zakon o virtual'noi prestupnosti ot 15.05.2009 (The law on virtual crime of 15.05.2009). URL: <https://internet.ir/law.html> (Accessed: 30.05.21). (In Persian).
6. Konstitutsiya Islamskoi respubliki Iran ot 24. 10. 1979 goda (s uchetoм popravok, vnesennykh k Konstitutsii IRI ot 28.04.1989) (The Constitution of the Islamic Republic of Iran of 24.10. 1979 (with the amendments made to the Constitution of Iran of 28.04.1989)). URL: <https://dlp.msrt.ir/file/download/regulation/1497687031-.pdf> (Accessed: 07.02.21). (In Persian).
7. Papava V. Iranske armeyane v period dinastii Pekhlevi (1925 – 1978) (Iranian Armenians during the Pahlavi Dynasty (1925-1978)) // Karavan: elektronnyi zhurnal. 2019. № 72. P. 99 – 130. URL: https://www.academia.edu/41600878/Электронный_журнал_КАПАВАН_72 (Accessed: 25.04.21). (In Russian).
8. Pigulevskaya N.V., Yakubovskii A.Yu., i dr. Istoriya Irana s drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka (The history of Iran from ancient times to the end of the XVIII century). L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1958. 391 p. (In Russian).
9. Rodionova E. M. Istoriya razvitiya armyano-iranskikh etnokul'turnykh svyazei v XVII veke (The history of the development of Armenian-Iranian ethno-cultural relations in the XVII century). Sankt-Peterburg, 2010. 28 p. (In Russian).
10. Stepanyan A. V. Rol' armyan novoi Dzhugi v russko-iranskikh kul'turnykh vzaimootnosheniyakh (XVII – XVIII vv.) (The role of the Armenians of the New Jugha in Russian-Iranian cultural relations (XVII-XVIII centuries)). Erevan, 1990. 18 p. (In Russian).

11. Sharden Zh. Puteshestvie Sheval'e Shardeny po Persii i drugim stranam Vostoka (Chevalier Chardin's Journey through Persia and other Eastern countries). M., 1937. 29 p. (In Russian).
12. Khachikyan Sh. L. Armyanskoe kupechestvo Novoi Dzhul'fy i ego rol' v armyano-russkikh torgovykh otnosheniyakh (XVII–XVIII vv.) (Armenian merchants of New Julfa and their role in Armenian-Russian trade relations (XVII–XVIII centuries)). Erevan, 1984. 166 p. (In Russian).
13. Tseli i politika Vysshego soveta po kiberprostranstvu (Goals and policies of the Supreme Cyberspace Council). URL: http://majazi.ir/general_content/76436-یزاجم-یاضیف-یلم-زکرم-یاه-نتسایس-خاداد-یوموم-یاونتجم.html?i=یاونتجم (Accessed: 21.05.21). (In Persian).
14. Alikonline. Veb-arhiv gazety «Alik» (Archive of the newspaper «Alik»). URL: <https://alikonline.ir/fa/news/pdf/item/3953-18-مودو-داتفهدو-حص-مراهش-1396-دادرخ> (Accessed: 18.04.21). (In Persian).
15. Ararat.org. Ofitsial'nyi sait organizatsii «Ararat» (Official website of the «Ararat» organization). URL: <http://www.ararat.org.org/> (Accessed: 03.05.21). (In Persian).
16. Berberian H. Armenians and the Iranian Constitutional Revolution of 1905 –1911: «the Love for Freedom Has No Fatherland». Boulder, 2001. 226 p.
17. British Library. Arkhiv gazety «Gakhar» (Archive of the newspaper «Gahapar»). 1894. № 1. URL: <https://eap.bl.uk/archive-file/EAP613-2-3-16> (Accessed: 14.03.21). (In Armenian).
18. Chaqueri C. The Armenians of Iran, The Paradoxical Role of a Minority in a Dominant Culture: Articles and Documents. Cambridge, 1998. 409 p.
19. Facebook. Informatsionnoe pis'mo «6-ya molodezhnaya konferentsiya, posvyashchennaya 100-letiyu Gevorga Abgaryana. Erevan 28 – 29 sentyabrya 2020 g.» (Information letter «The 6th Youth Conference dedicated to the 100th anniversary of Gevorg Abgaryan. Yerevan, September 28 – 29, 2020»). URL: <https://www.facebook.com/library.newjulfa/posts/2839785269591288> (Accessed: 30.03.21). (In Armenian).
20. Facebook. Stranitsa feisbuk armyanskoi shkoly Katarinyan (Facebook page of the Katarinyan Armenian School). URL: <https://www.facebook.com/Կատարինեան-Katarinian-1742486675977527/> (Accessed: 13.04.21). (In Armenian).
21. Ghougassian V. S. The emergence of the Armenian Diocese of New Julfa in the seventeenth century. Atlanta, 1998. 326 p.
22. Herbert T. Travels in Persia 1627 – 1629. London, 1928. 122 p. URL: <https://archive.org/details/in.gov.ignca.33664> (Дата обращения: 12.03.21).
23. Hoosk. Ofitsial'nyi sait instituta perevoda i issledovaniy Hur (Official website of the Hur Institute of Translation and Research). URL: <https://hoosk.ir/> (Accessed: 17.05.21). (In Persian).
24. James B. Armenian Christians in Iran: Ethnicity, Religion, and Identity in the Islamic Republic. Cambridge, 2019. 312 p.
25. Lib.norjughha. Ofitsial'nyi sait biblioteki svyatogo Nersesa Shnorali (Official website of the Library of St. Nerses Shnorali). URL: <http://lib.norjughha.ir/opac/> (Accessed: 23.01.21). (In Persian).
26. Norjughha. Veb-arkhiv vestnika armyanskoi obshchiny «Nor-Dzhuga» (Archive of the bulletin of the Armenian community «Nor-Jughha»). URL: <http://www.norjughha.ir/տեղեկատու.html> (Accessed: 13.02.21.). (In Persian).
27. Parviz B., Kamal H. Access to information and rights of withdrawal in Internet contracts in Iran: The legal challenges // Computer Law and Security Review. 2015. Vol. 31. P. 59–83.
28. Vank. Ofitsial'nyi Sait Natsional'noi rezidentsii Armyanskoi Eparkhii Isfakhana (Official Website of the National Residence of the Armenian Diocese of Isfahan). URL: <http://www.vank.ir/> (Accessed: 27.01.21). (In Persian).

Сведения об авторе

Назарьян Илона Никитична – стажёр-исследователь лаборатории политологии и права Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук (Ростов-на-Дону) / Nazarjani@yandex.ru

Information about the author

Nazar'yan Ilona – intern-researcher of the Laboratory of Political Science and Law of the Federal Research Center of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don) / Nazarjani@yandex.ru

УДК 94(479.25):06
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.8

Т. В. Пантюхина

АМЕРИКАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ ВО ВРЕМЯ АРМЯНСКОГО КРИЗИСА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Статья посвящена истории американских гуманитарных организаций на этапе становления их деятельности, что является малоизученной проблемой отечественной историографии. В центре внимания находится их деятельность в связи с армянским кризисом в Османской империи. Преследования и массовые погромы армян, начавшиеся в 1894 г., вызвали широкий гуманитарный отклик в США. Благодаря средствам массовой информации движение в поддержку пострадавших приобрело общенациональные масштабы. Каждая новая вспышка кризиса (в 1909, 1912 и 1915 гг.) вызывала большой общественный резонанс в США. Три организации осуществляли гуманитарные операции в связи с армянским кризисом: Американский Красный Крест, «Помощь Ближнему Востоку» и «Американская Администрация Помощи». Все они работали в тесном сотрудничестве с правительством США, что является отличительной чертой американской гуманитарной деятельности. Наиболее плодотворным периодом их деятельности был 1915-1930 гг., когда американцы успешно реализовали

краткосрочные программы спасения в чрезвычайной ситуации, хотя программы строительства мирной жизни в послевоенной Армении достигли весьма скромных результатов из-за недостатка финансирования. В целом, кампания в поддержку армян знаменовала поворотный момент в истории американской благотворительности. Начавшись как спасательная операция скромных масштабов, она превратилась в первое в американской истории общенациональное благотворительное движение. Оно было беспрецедентным по степени вовлеченности средств массовой информации и участию известных личностей. Были собраны рекордные для истории американской благотворительности пожертвования. В то же время негативным аспектом кампании в помощь армянскому населению являлось патерналистское отношение американских благотворителей к спасаемым, убежденность в своей цивилизаторской миссии.

Ключевые слова: Армянский кризис, США, гуманитарная помощь, Американский Красный Крест, «Помощь Ближнему Востоку», «Американская Администрация Помощи».

Tat'yana Pantyukhina

AMERICAN HUMANITARIAN INTERVENTION DURING THE ARMENIAN CRISIS IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

The paper deals with the early history of American humanitarian organizations, which represents an understudied research area in Russian historiography. The paper features the activities of American humanitarian organizations in response to the Armenian crisis in the Ottoman Empire. The Armenian massacres, which started in 1894, aroused a mass humanitarian movement. Due to the broad use of mass media the movement became nationwide in its scope and achieved astounding financial success in terms of fundraising. Each outbreak of Armenian crisis (in 1909, 1912 and 1915) aroused mass public response in the USA. Three organizations were involved in relief work: the American Red Cross, the Near East Relief, and American Relief Administration. They were closely connected with the White House and the federal government. This was a characteristic of American humanitarianism. The most fruitful period of their activities was between 1915 and

1930, during which Americans successfully implemented short-term programs of humanitarian emergency, although medium-term programs of rehabilitation achieved small results due to financial obstacles. The conclusion is made that the Armenian campaign was a watershed in the history of American humanitarianism. Started as a small-scale relief operation, it turned into the first broad national appeal of its kind. It was unprecedented in its use of the media and support from celebrity spokespeople as well as volume of donations from American public, political and business elite. The negative aspect of the campaign was paternalistic attitudes. The confidence in their civilizing mission permeated humanitarian organizations' work with Armenians. Program to modernize the Armenians was essentially a project to „americanize“ them.

Key words: Armenian crisis, the USA, humanitarianism, the American Red Cross, the Near East Relief, and American Relief Administration.

For many years, the history of NGOs in general and humanitarian organizations in particular has been a subject of a sustained scholarly interest. Nevertheless, the history of early humanitarian organizations seems to represent an understudied research area. Traditional narratives surrounding their emergence are characterized by an overly positivistic and uncritical understanding of their activities and the sets of ideas they were founded upon. One of the reasons for that is the fact that historians often rely on biographers or papers of

members of the organizations in question, whose bias often prevent a thorough and critical historical analysis.

Historians have recently started engaging more thoroughly with the origins of NGO “precursors” with the objective of critically re-examining the early histories of international humanitarianism. Scholars such as S. Miglio, A.M. Wilson and D. Rodogno are good representatives of this trend through their work on the origins of the Red Cross and the Near East Foundation (Near East Relief) [14; 23; 12; 21].

As for Russian historiography, the early history of international humanitarianism has not been studied thoroughly yet. This paper is an attempt to analyze the relief work of American humanitarian organizations in Armenian crisis in the late XIX – early XX centuries. The focus is on three American organizations which operated in the territory of the Ottoman empire and modern South Caucasus: the American Red Cross (ARC), the Near East Relief (NER) and American Relief Administration (ARA). Their documents on field operations are scattered about a number of US archives. For instance, the papers of the Caucasus branch of the American Red Cross are kept in three different archives. American researchers have just started processing them, systematizing and preparing for publications [18].

The Near East aroused interest of Americans in the mid-1890s because of Armenian question. Armenian massacres in the Ottoman empire, which started in 1894, generated great sympathy and nationwide humanitarian movement in the USA. It is important to note that the 1890-s became a watershed decade for American international humanitarianism. Till then, humanitarian catastrophes in foreign countries attracted relatively limited attention of Americans. Sufferings of victims of natural disasters, political or religious persecutions in distant countries did not produce considerable humanitarian response in the USA. Americans made little effort to assist or intervene during the Greek struggle for independence in the 1820-s, or the great Irish famine of the 1840-s, or "Bulgarian Horrors" – Ottoman massacres of Bulgarians in 1876. Admittedly, this does not refer to Americans alone. As modern researcher Margaret L. Anderson justly points out, the difficulty to mobilize support to address "distant suffering" is a universal difficulty: "Our common humanity does not, in practice, compel action" [1, p.82]. International response towards Armenian massacres in Ottoman empire at the beginning of the tragedy is an illustration of such an attitude. British Prime Minister Salisbury, for example, who put a lot of effort to persuade the Great Powers to exert pressure on the Sultan, wrote that he did not believe that, outside England, "from Archangel to Cadiz there is a soul who cares whether the Armenians are exterminated or not" [5, p.120 – 121].

Eventually, Armenia's advocates succeeded in generating broad public backing. In Switzerland, Britain and the USA a mass movement was mobilized behind the Armenian cause.

In the United States the first people to direct their attention to "Turkish outrages" were Protestant missionaries. Americans had a long history of missionary activity in the Near East. The American Board of Commissioners for Foreign Missions (ABCFM) had been working in the Ottoman empire since 1819. By 1894, when Armenian massacres started, 112 churches, 15 mission stations and 268 outstations operated there, with 150 missionaries

employed by the ABCFM. With over 4 million dollars in property holdings, the American missionary presence in the region was much greater than that of any other European power [23, p.30]. Missionaries and their supporters helped to shape public opinion about violence in the Ottoman Empire. The most significant form of influence was information about the events. The ABCFM released missionary letters from Turkey, providing vivid, on-the-scene accounts to newspapers. The letters also circulated in many other printed forms like books, bulletins or pamphlets. Two important messages were formed. The first was religious nature of the conflict. The persecution of Christians in the Ottoman Empire was described as "the worst, the most cruel, the most barbarous religious persecution the world has ever seen" [23, p.33]. The other message was that Armenians deserved American sympathy for their long-standing devotion to Christ: Armenian monarchy was the first to adopt Christianity as its official religion in 301 AD. Missionaries reminded their fellow countrymen that Noah's ark had once rested atop Mount Ararat, that the Garden of Eden had once bloomed in Anatolia. The conclusion was to take action to rescue "innocent Christians" from "fanatical Muslims" [7, p.114 – 115].

Protestant missionaries were joined by other groups of Armenian advocates: Armenian immigrants in the USA, former abolitionists, woman suffragists, some others. These groups interpreted the events in secular terms. They believed that they defended "Christian civilization" from a "barbarous" other. This conviction helped sustain a nationwide humanitarian movement. At the same time, support for Armenia contributed to American self-understanding as a nation whose unique mission is to defend civilization itself [6].

In November 1895 the National Armenian Relief Committee (NARC) was established with its headquarters in New York City. It was presided over by Supreme Court Justice David J. Brewer, himself the son of missionaries. The NARC launched a major fundraising campaign on behalf of "Our Persecuted Fellow-Christians".

Both religious and secular Armenian advocates united their effort. They raised money for relief, published calls for aid, organized mass meetings and petitions to the Congress. Although the USA suffered severe economic depression at that time, 600 000 dollars had been raised for Armenian cause in 1897 [23, p.38].

However, material relief could not be delivered to suffering Armenian population as missionaries in Constantinople faced serious obstacles. The Turkish authorities restricted their movements around the empire as well as their financial transactions through Ottoman banks [2, p.95]. Their last resort for Armenian advocates was Red Cross as Turkey was one of the signature powers for the Red Cross Treaty of Geneva (1864), therefore, it had given its adherence to the concept of the international

organization [8, p.4]. The ABCFM and the National Armenian Relief Committee turned to the American National Red Cross for help. Its president Clara Barton wrote later in her memoirs: "The necessity for immediate action was urgent; human beings were starving and could not be reached... We had to open a door hitherto closed against the world" [3, p.276]. By that time the American Red Cross had gained valuable experience working with victims of natural disasters and wars both at home and abroad.

In February 1896 Barton and a small group of her colleagues arrived in Constantinople. Five relief expeditions were launched from Barton's headquarters. They provided sufferers, the majority of whom were farmers, with farming implements and material (plows, hoes, spades, seed-corn, wheat, sickles, scythes, etc.) and thus enabled them to feed themselves. They also provided for them cattle and other animals. The financial resources delivered by the Red Cross were spent on restoration of destroyed houses and construction of new ones. Medical relief was provided for the sick. Doctors managed to prevent the spread of contagious diseases (small pox, typhus, and dysentery). Taking into account the appalling conditions under which they had to work the doctors performed a heroic feat [10; 11; 22].

For a nine-month stay in Turkey (February-August 1896) the Red Cross accomplished a lot. Financially, 116 000 dollars were spent on relief of the sufferers [9]. It was a relatively small sum comparing with the money expended through Anglo-American missionaries. The difference is that missionaries' finances were used largely with the purpose "to save the hungry from starvation", whereas the relief through the Red Cross was devoted to "the putting of the poor sufferers on their feet again", and thus helping them to help themselves [3, p.317]. Reports on relief expedition of Clara Barton, the financial secretary and field agents were published in 1896 and are kept in the Library of Congress along with other papers relating to the expedition [20]. Some documents about the expedition are collected in C. Barton's book about the history of the American Red Cross [3].

The missionaries and the American Red Cross undoubtedly carried out a heroic service. However, relief workers could reach limited number of sufferers through the five Red Cross expeditions and scattered mission stations.

Americans did not lose interest in Armenian question later on, in the early XX-th century. Each new outbreak of the crisis – in 1909, 1912 and 1915 – captured attention of American public and provoked wide humanitarian response. The American press gave wide coverage of Armenian tragedy [19]. Although the modes of mass media at that time were rather limited as compared to today's channels of communication, the widespread use of print media (newspapers and religious journals, national

magazines and trade papers, posters) kept audience informed about the situation in the Near East and humanitarian relief in the region [13]. James L. Barton, the co-founder of American Committee for Armenian and Syrian Relief, wrote that he was unaware of any weekly or monthly periodical that had not published one or more special articles upon some "phase of the work in the Near East." [4, p.389].

The newspapers were major contributors to the dissemination of information. Editors, cartoonists, columnists with their persuasive commentaries were effective in rallying support. After the First World War, when the censorship barrier fell, the American press got access to overseas photographs. Also, doors opened for moving picture companies to capture the situation in the Near East. Many of the photographs and "moving pictures" taken of orphaned children and the starving helped mobilize favorable American opinion.

The New York Times published hundreds of photographs and overseas reports on the situation in the Near East. The coverage was highly emotional, news items were illustrated by photographs of atrocities and devastation in Armenian villages. The paper urged the American Government to intervene and the public to donate to relief funds. The New York Times interpreted Armenian crisis in secular terms. "A fundamental concept of civil and social justice stands as a foundation of modern civilization, – wrote J. Greelman, the paper's special reporter in the Near East. – A deliberate massacre of Christians is an affront to civilization, not to be forgotten or forgiven" [6].

Newspaper coverage in the United States raised national awareness of the plight overseas.

A new phase of American humanitarianism in the Armenian question started in 1915, in response to another outbreak of Armenian crisis. The new phase was marked by involvement of the American Government and governmental agencies in relief work. In 1915 a group of influential men with political and ideological ties to the Woodrow Wilson administration founded the American Committee for Armenian and Syrian Relief. The new organization was the brainchild of James L. Barton, a missionary, and philanthropist Cleveland H. Dodge [18]. James L. Barton was the foreign secretary of the American Board of Commissioners of Foreign Missions in Constantinople. Cleveland H. Dodge, originally from a family of missionaries, devoted his life to philanthropy. Dodge was also a Princeton classmate of Woodrow Wilson. Barton and Dodge organized a multi-million-dollar relief campaign. They raised millions of dollars through public rallies, church collections, and assistance from other charitable organizations and foundations. The raised funds were delivered through the American Embassy in Constantinople and distributed through missionaries and consuls.

In 1918-1919 Woodrow Wilson granted his support to the American Committee for Armenian and Syrian Relief. He encouraged the federal government to donate relief supplies to Committee and this remained unchanged under President Harding's administration. Wilson also urged Americans to donate money in his open letters to the US public.

In 1919 the US Congress incorporated the American Committee for Armenian and Syrian Relief and officially approved the Committee's efforts to organize food, medicine and refugee administration in the Near East. As the scope of the Committee broadened, it changed its name and became the Near East Relief committee (NER). Another favorable factor was the fact that Wilson was the president of the American Red Cross (ARC), which also helped to strengthen links between the American humanitarianism and the Government. The organizations were closely connected to the White House and the federal government, more specifically to the State Department. This was a characteristic of American humanitarian organizations [12, p.3].

Americans arrived in the South Caucasus after the end of World War I. The relief work in the region was taken over by Caucasus Branch of NER. The region was devastated by war, massacre, disease and starvation. The situation was aggravated by the influx of Armenian refugees from Turkey into Russian Armenia. According to expert evaluation, the scope of humanitarian catastrophe was so large that private donations from individuals could not resolve the crisis. An appeal was made to Herbert Hoover, president of the American Relief Administration (ARA), and to President Woodrow Wilson.

The collaboration of the three humanitarian organizations: the Near East Relief (NER), the American Red Cross (ARC) and the American Relief Administration (ARA) – with the federal government turned out fruitful. For a short period of time (January 1919 – July 1920) considerable funds were raised. 0,5 million dollars were raised by the American Red Cross while NER raised 10 million dollars. The Congress provided 50 000 tons of food supplies valued at 10 million dollars. Between January 1919 and July 1920, the total relief disbursed in Armenia and the Caucasus was valued at 28 785 426 million dollars [12, p.11].

One of main objectives for humanitarian organizations was to take care of children. The NER and the ARA cooperated with the European Children's Fund (ECF). The ECF asked Commonwealth Fund to assist in the feeding program of Armenian children. The British agreed to appropriate \$750 000 to the ECF for the purchase and transportation of food. The project was planned for a short period of three months (December 1919 – February 1920). After that, Americans hoped, the situation would improve and they could turn from relief work to rehabilitation.

The humanitarian organizations used modern scientific approach to their field operations. They thoroughly surveyed the region where aid was

supposed to be distributed and based their decisions how to allocate the resources on the results of the surveys. The territory was divided into 8 districts of Batoum, Borjom, Baku, Tiflis, Karaklis, Alexandropol, Kars and Erivan. The boundaries of the districts did not correspond to the administrative boundaries. The reports on relief operations do not indicate whether non-Armenian population was among recipients of feeding programs as NER statistics contains data relating to Armenians alone: their numbers, categories of the needy, their living conditions.

Modern scientific approach was also used in implementation of feeding program targeted at orphans. The relief workers strictly followed a caloric diet or daily menu of three full meals per day. The diet was balanced in accordance to the medical instructions and prepared under the supervision of specialists.

NER's top priority was children, particularly orphans. According to annual NER report of 1922 to the US Congress, 25 000 orphans were recipients of relief programs. Totally, between 1915 and 1930, NER took care of 132 000 orphans [18]. NER set up cocoa kitchens and soup kitchens for children. In February 1920, NER was operating a total of 47 soup kitchens in which 46 707 children were being fed [12, p.17]. NER opened milk stations for nursing mothers, newly born children and pregnant women.

NER documents imply that Armenian children were given priority over all other children. The reports are lacking information about the conditions of non-Armenian children or how many non-Armenian ones needed to be fed.

In refugee camps people were provided with tea or cocoa and bread in the morning and evening in addition to the noon meal. However, adult refugees were required to do some work in return. They repaired roads, built houses and did other manual jobs. This was not an exceptional requirement since humanitarian organizations based their work upon a popular Western concept of self-help, according to which idle recipients of charity could turn into "self-pitying parasites" and socially dangerous people.

NER also provided medical assistance. Hospitals for children, destitute inhabitants and refugees were opened. In all of the NER orphanages there were small infirmaries, which treated mild cases for a short period of time. Medical relief was extended to both children and adults through the NER free dispensaries or clinics. Patients were fed and clothed.

By 1925 an emergency phase of relief work was over. Many parents removed their children from the orphanages. In the districts of Alexandropol, Kars, and Erivan very few children were now seen on the streets. The number of children at hospitals went down. The effect of the feeding programs was already evident from a medical standpoint. As for programs for adult refugees, they were discontinued after 1924 due to a lack of funds. Under these circumstances

NER made decision to go from short-term programs of relief phase (food, clothing, provisional shelter and medical aid), to medium-term programs of rehabilitation phase. The purpose was to repair, rebuild and modernize Armenian society. The focus was supposed to be on health, education, economy and nation building.

However, NER faced financial obstacles at this stage of its work. It turned out that fundraising for medium-term programs was much more difficult than raising money for humanitarian emergency. Barclay Acheson, the NER leader in the interwar period, bitterly admitted in his report how difficult it was to persuade Americans to support constructive work: "Take the refugees out of those squalid camps and put them into pleasant villages, and the melodramatic tragedy that the public loved would be gone. Empty those barracks-like orphanages and place the children with simple, kindly, but crudely primitive foster-parents, and the satisfaction that both an individual and a nation derive from playing God disappears" [12, p.16].

To conclude, American humanitarian organizations must be credited for their heroic effort to alleviate the suffering of the Armenian people in the Ottoman empire and on its ruins in the aftermath of WWI. Started as a small-scale relief operation raising donations from the American public, the humanitarian campaign turned into the first broad national appeal of its kind. It was unprecedented in its use of the media and support from celebrity spokespeople. Nearly 1 000 men and women served overseas and thousands more volunteered throughout the United States.

The results were extraordinary: between 1915 and 1930, NER raised 117 million dollars, equivalent to 1,25 billion dollars today, to help Armenians. Hundreds of orphanages, hospitals and food distributions centers were opened, the lives of over one million refugees, including 132 000 orphans, were saved [14, p.20].

However, having said that, it is necessary to point out some negative aspects, namely paternalistic attitudes which permeated humanitarian organizations' work. The leadership of NER, ARC and ARA never suggested involvement of the sufferers in decision-making processes surrounding their own aid. In the case of the NER, the missionaries were to serve as moral and religious teachers, and technical

and political experts. The peoples they provided aid to were to play the role of the grateful pupil-recipients and nothing more. The NER experts believed in their own cultural superiority. Their "civilizing" perspective is visible in their reports and memoirs. As one NER article explained: "Having now saved them, it is up to us to make their lives for them. It is up to us to teach them how to take their places in the world and how to be good citizens" [21, p.60].

Another good example is attitude of Henry Morgenthau, the USA ambassador to the Ottoman empire from 1913 through 1916. He is known as the most vocal political figure who drew attention of American public, political and business elite to the Armenian Genocide by his publications [15; 16]. Yet, H. Morgenthau expressed his confidence in backwardness of Armenian people. "The Armenians are wholly unprepared to govern themselves or to protect themselves against their neighbors... What the Armenian state requires is a kind of receivership and we should take it over in trust and manage it until it is time to turn it over when it is governmentally solvent and on a going basis," he wrote in 1919 [17].

The confidence in their civilizing mission permeated humanitarian organizations' work with Armenians, especially at its rehabilitation phase. NER's program to modernize the Armenians was essentially a project to „Americanize" them. The motive for focusing programs on Armenian children was not compassion alone. According to James L. Barton and other NER board members, the time was now to help Armenians break free from the past and there was no better way to accomplish this than through educating Armenian children, especially orphans. Barton explained the need for "American-trained children who can be utilized as a mighty leaven to permeate society" [21, p.60]. Americanized Armenian children would alter the future course of politics and culture in the region. In other words, NER articulated an American exceptionalism in which American relief workers were transmitting to the next generation of Armenians the progressive, democratic ideals that made the United States a moral leader.

Although educational programs were not carried out on a large scale due to the lack of financial resources, their ambition was obviously paternalistic.

Источники и литература / References

1. Anderson M. L. "Down in Turkey, far away": Human Rights, the Armenian Massacres, and Orientalism in Wilhelmine Germany // *The Journal of Modern History*. 2007. Vol. 79, No. 1. PP. 80-111. URL: https://www.uio.no/studier/emner/hf/iakh/HIS4319/h16/margaret_javinia_anderson_down_in_turkey.pdf (Accessed 13.07. 2021).
2. Barton C. A Story of the Red Cross. NY.: D. Appleton and Co., 1904. 199 p. URL: <http://www.gutenberg.org/files/30230/30230-h/30230-h.htm> (Accessed 28.08.2016).
3. Barton C. The Red Cross in Peace and War. American Historical Press, 1906. 703 p. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/44202/> (Accessed 28.08.2016).
4. Barton James L. Story of Near East Relief. An Interpretation (1915-1930). New York: Macmillan, 1930. 479 p. URL: [https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.\\$b744679&view=1up&seq=10&skin=2021](https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.$b744679&view=1up&seq=10&skin=2021) (Accessed 13.07. 2021).
5. Douglas R. Britain and the Armenian Question, 1894-7 // *The Historical Journal*. 1976. Vol.19. No.1. PP.113-33. URL: <http://www.jstor.org/stable/2638357>. (Accessed July 13, 2021).

6. Creelman J. Meaning of the Massacres of Christians by Moslems – The Causes and Responsibility // New York Times. 1909. 25 July.
7. Greene F. D. The Armenian Crisis in Turkey. New York: G.P. Putnam's Sons, 1895. 180 p. URL: <https://archive.org/details/armeniancrisisin01gree> (Accessed July 13, 2021).
8. Executive Report of Clara Barton // Report: America's relief expedition to Asia Minor under the Red Cross. 1896. Meriden, Conn.: Journal Publishing Co., 1897. PP. 3–38. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=loc.ark:/13960/t6f19px0m&view=1up&seq=9> (Accessed: 28.05.2021).
9. Financial report of George H. Pullman, financial secretary of the American National Red Cross // Report: America's relief expedition to Asia Minor under the Red Cross. 1896. Meriden, Conn.: Journal Publishing Co., 1897. PP. 45–55. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=loc.ark:/13960/t6f19px0m&view=1up&seq=9> (Accessed: 28.06.2021).
10. First expedition report by Dr. J.B. Hubell // Report: America's relief expedition to Asia Minor under the Red Cross. 1896. Meriden, Conn.: Journal Publishing Co., 1897. PP. 59–72. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=loc.ark:/13960/t6f19px0m&view=1up&seq=9> (Accessed: 28.06.2021).
11. Fourth expedition report by Dr. Ira Harris // Report: America's relief expedition to Asia Minor under the Red Cross. 1896. Meriden, Conn.: Journal Publishing Co. 1897. PP. 92–98. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=loc.ark:/13960/t6f19px0m&view=1up&seq=9> (Accessed: 28.06.2021).
12. Gauthier S., Rodogno D. The Near East Relief's Caucasus Branch Operation (1919-1920). The Graduate Institute of International and Development Studies, Geneva, 2011. URL: <https://www.issuelab.org/resources/27910/27910.pdf> (Accessed 28.09. 2020)
13. Hofman A.H. A preliminary visual assessment of the Near East Relief posters // Journal of the Society for Armenian Studies. 2014. № 23. PP. 113–136. URL: https://www.researchgate.net/publication/330844665_A_PRELIMINARY_VISUAL_ASSESSMENT_OF_THE_NEAR_EAST_RELIEF_POSTERS (Accessed 28. 09. 2020).
14. Miglio S. America's Sacred Duty: Near East Relief and the Armenian Crisis, 1915–1930. Research report. P.20. University of Notre Dame, Indiana, 2009. URL: <http://rockarch.issuelab.org/resources/27766/27766.pdf> (Accessed 28. 09.2020)
15. Morgenthau H. The greatest horror in history // The Red Cross Magazine. March 1918. Vol. XIII. PP. 7–15. <https://scrapfromtheloft.com/2018/01/30/greatest-horror-in-history-henry-morgenthau-red-cross-magazine-1918/> (Accessed 28. 09. 2020)
16. Morgenthau H. Ambassador Morgenthau's Story. New York: Doubleday, Page&Company, 1919. 166 p. URL: <https://www.gutenberg.org/files/55343/55343-h/55343-h.htm> (Accessed 28.09. 2020)
17. Morgenthau H. Mandates or war? // New York Times. 1909. Nov. 9.
18. Near East Relief Committee Records, 1904 – 1950. The Burke Library at Union Theological Seminary, Columbia University in the City of New York. URL: https://library.columbia.edu/content/dam/libraryweb/locations/burke/fa/mlr/ldpd_10126110.pdf (Accessed 28.09. 2020)
19. Panken J. «Lest They Perish»: The Armenian Genocide and the Making of Modern Humanitarian Media in the U.S., 1915–1925. (2014). Publicly Accessible Penn Dissertations. 1396. URL: <http://repository.upenn.edu/edissertations/1396> (Accessed 28.09. 2020)
20. Report: America's relief expedition to Asia Minor under the Red Cross. 1896. Meriden, Conn.: Journal Publishing Co., 1897. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=loc.ark:/13960/t6f19px0m&view=1up&seq=9> (Accessed: 28.06.2021).
21. Rodogno D. Beyond Relief: A Sketch of the Near East Relief's Humanitarian Operations, 1918-1929 // Monde(s) 6. 2014. No. 2. URL: <https://www.cairn.info/revue-mondes1-2014-2-page-45.htm#> (Accessed 28. 09. 2020)
22. Special medical report by Dr. H. Hitlian // Report: America's relief expedition to Asia Minor under the Red Cross. 1896. Meriden, Conn.: Journal Publishing Co., 1897. PP. 73–74; URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=loc.ark:/13960/t6f19px0m&view=1up&seq=9> (Accessed: 28.06.2021).
23. Wilson A.M. In the name of God, civilization and humanity: the United States and the Armenian massacres of the 1890-s // Le Mouvement Social. 2009. № 2. PP. 27–44. URL: <https://www.cairn.info/revue-le-mouvement-social-2009-2-page-27.htm> (Accessed: 28.05.2021).

Сведения об авторе

Пантюхина Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / pantukhina@rambler.ru

Information about the author

Pantukhina Tat'yana – PhD in History, Associate Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / pantukhina@rambler.ru

УДК 930.24:929 Чалхушьян.06 (092)
 DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.9

К. Л. Папазян

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г. Х. ЧАЛХУШЬЯНА НА ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПОПРИЩЕ

Имя Григория Христофоровича Чалхушьяна – известного юриста, публициста, историка, гласного городской думы г.Нахичевани-на-Дону, родом из армянских крымских переселенцев, связано не только с законотворчеством и успехами в его профессиональной сфере, но и с областью воспитания и обучения подрастающего поколения. После окончания Лазаревского института поступил и окончил юридический факультет Московского университета. Здесь, на юридическом факультете, славившемся в этот период своими либеральными традициями, он познакомился со многими прогрессивными деятелями того времени и на всю жизнь впитал многие их идеи. Возвратившись в родную Нахичевань, активно включается в общественно-политическую деятельность. В Национальном архиве Армении (НАА) сохранился ряд дел, посвященных педагогической деятельности и педагогическим идеям Г. Х.Чалхушьяна. К сожалению, в отечественной и зарубежной историографии нет ни одной работы, полноценно анализирующей активную общественно-политическую и публицистическую деятельность выдающейся личности г. Нахичевани-на-Дону Григория Христофоровича Чалхушьяна. Получив достаточно консервативное армянское семейное воспитание, он с самого начала своей активной общественной деятельности отстаивал традиционные семейные ценности. Будучи гласным Нахичеванской-на-Дону Городской думы, он неоднократно выступал с различными предложениями, связанными с постановкой учебного дела в городе. Его педагогические идеи не нашли отражения в исследованиях историков и краеведов. Именно он стал председателем объ-

единения Родительских комитетов учебных заведений Нахичевани-на-Дону. Родительский комитет во главе с председателем – Г. Х.Чалхушьяном придавал серьезное значение для здоровья и успехов учеников. Также призывал обратить внимание на проблемы внешкольного надзора с целью организовать места для отдыха детей и молодежи. Внимание уделялось и питанию, и здоровью детей. Вопросы нравственного воспитания детей неоднократно отмечались в докладах Г. Х. Чалхушьяна. Одной из важнейших сторон воспитания подрастающего поколения он считал необходимость оградить детей от пагубного влияния улицы. Занимая должность гласного Городской Думы и отлично владея ситуацией, сложившейся в Нахичевани-на-Дону в сфере образования, он не мог не видеть, как отрицательно сказывается на процессе образования нахичеванской молодежи отсутствие гимназии. Занимая эту полуофициальную общественную должность – председателя Родительских комитетов, Григорий Христофорович Чалхушьян затрагивал очень важные вопросы, касающиеся не только педагогов и учеников, но и родителей и вообще всего, что может повлиять на духовное и физическое развитие детей и не раз удостаивался самых искренних слов признательности от местного армянского общества. Благодаря исследованию деятельности и трудов этой незаслуженно забытой личности, в научный оборот вводятся ранее не изученные исторические источники как на русском, так и на армянском языках.

Ключевые слова: Г. Х. Чалхушьян, Нахичевань-на-Дону, история педагогики, историческая биография, общественно-политическая деятельность.

Kristina Papazyan

G. H. CHALKHUSHYAN'S ACTIVITIES IN THE PEDAGOGICAL FIELD

The name of Grigory Chalkhushyan, a well-known lawyer, publicist, historian, speaker of the City Duma of Nakhichevan-on-Don, originally from Armenian Crimean immigrants, is associated not only with lawmaking and success in his professional field, but also with the field of education and training of the younger generation. After graduating from the Lazarev Institute, he entered and graduated from the Law Faculty of Moscow University. Here, at the Faculty of Law, famous during this period for its liberal traditions, he met many progressive figures of that time and absorbed many of their ideas for the rest of his life. Returning to his native Nakhichevan, he is actively involved in socio-political activities. A number of files dedicated to G.H. Chalkhushyan's pedagogical activity and pedagogical ideas have been preserved in the National Archive of Armenia. Unfortunately, there is not a single work in Russian and foreign historiography that fully analyzes the active socio-political and journalistic activities of the outstanding personality of Nakhichevan-on-Don Grigory Khristoforovich Chalkhushyan. Having received a fairly conservative Armenian family upbringing, he defended traditional family values from the very beginning of his active social activity. Being a member of the Nakhichevan-

on-Don City Duma, he repeatedly made various proposals related to the establishment of educational affairs in the city. His pedagogical ideas were not reflected in the studies of historians and local historians. It was he who became the chairman of the association of Parent Committees of educational institutions of Nakhichevan-on-Don. The Parent Committee headed by the chairman – G.H.Chalkhushyan attached serious importance to the health and success of the students. He also called for paying attention to the problems of extracurricular supervision in order to organize places for children and youth to relax. Attention was paid to both nutrition and children's health. The issues of moral education of children have been repeatedly noted in the reports of G. H. Chalkhushyan. One of the most important aspects of the upbringing of the younger generation, he considered the need to protect children from the harmful influence of the street. Holding the position of a public speaker of the City Duma and having excellent knowledge of the situation in Nakhichevan-on-Don in the field of education, he could not help but see how the lack of a gymnasium negatively affects the education process of Nakhichevan youth. Occupying this semi-official public position – chairman of Parents'

Committees, Grigory Khristoforovich Chalkhushyan touched upon very important issues concerning not only teachers and students, but also parents and in general everything that can affect the spiritual and physical development of children and more than once received the most sincere words of gratitude from the local Armenian society. Thanks to the research of the

Известный общественный деятель армянского города Нахичевани-на-Дону конца XIX – начала XX в. Григорий Христофорович Чалхушьян (1861–1939), имя которого было известно почти в каждом нахичеванцу, был родом из дворянской семьи, учился в московском Лазаревском институте восточных языков и Московском Государственном Университете, на факультете юриспруденции. Имея прекрасное образование, он вернулся в родной город и бросил все свои силы на участие в его жизни. Григорий Христофорович прославился не только на поприще публицистики, благотворительности, законотворчества, но и в области воспитания и обучения подрастающего поколения, хотя при этом сам лично учительской деятельностью непосредственно не занимался. Именно эта сторона его деятельности до сих пор не стала предметом исследования историков и краеведов.

Будучи впервые избранным гласным городской Думы, Григорий Христофорович бесценно избирался в городское управление практически в течение 30 лет. Будучи председателем Армянского благотворительного общества с 1887 г. и председателем Совета с 1894 г., гласным Нахичеванской на Дону городской Думы непрерывно с 1888 г., он всегда принимал живейшее участие во всех работах Городского общественного управления, обнаруживая стремление оказывать городу помощь при обсуждении всех сложных вопросов, возникающих в муниципальной практике города. Широким полем для него здесь служила думская арена. В Национальном архиве Армении сохранился ряд дел, посвященных педагогической деятельности и педагогическим идеям Г.Х.Чалхушьяна, которые в некоторой степени позволяют раскрыть данную тему.

В начале XX в. в отечественной педагогике был выдвинут ряд концепций, ориентированных на поиски новых путей образования, а самое главное воспитания ребенка. Именно вопросу духовно-нравственного воспитания уделяет большое внимание Г.Х. Чалхушьян.

Став председателем объединения Родительских комитетов учебных заведений Нахичевани-на-Дону, которое, по сути, носило нелегальный характер [4, л. 23]. Находясь на этой полуофициальной общественной должности, Григорий Христофорович Чалхушьян затрагивает очень важные вопросы, касающиеся не только педагогов и учеников, но и родителей и вообще всего, что может повлиять на духовное и физическое развитие детей.

activities and works of this undeservedly forgotten personality, previously unexplored historical sources in both Russian and Armenian are introduced into scientific circulation.

Key words: G.Kh. Chalkhushyan, Nakhichevan-on-Don, history of pedagogy, historical biography, social and political activity.

В конце XIX в. в Нахичевани не было выделено или построено здание под театр. Для театральных представлений использовались самые различные помещения: пьесы и представления ставились в помещениях учебных заведений – школ и гимназий. К городскому голове М. И. Балабанову обратилось общество любителей драматического искусства, располагавшееся в здании Зимнего коммерческого клуба, обратилось лично с соответствующим посланием: «Общее собрание членов Общества любителей драматического искусства в своем заседании 29 марта 1894 г. единогласно постановило: избрать И.С. Чарыхова, Г. Х. Чалхушьяна, Г. Х. Бахчисарайцева и Д. Е. Ходжаева депутатами к Вам, чтобы просить Вас, как учредителя Общества, принять близко к сердцу вопрос о постройке в городе нашего театра. Знаем, что Вы всегда сочувственно относились ко всем добрым начинаниям и уверены, что без Вашего участия и содействия театр у нас не осуществится, общество и на этот случай просит Вашего благословения». Городская Управа, отмечая, что действующим Городовым Положением на городское общественное управление возложена ответственность за обустройство библиотек, музеев, театров и других подобного рода учреждений, Нахичеванское городское управление в течение нескольких лет вносило в смету определенную сумму на образование т. н. «театрального фонда. Строительство здания завершилось в 1899 г. Появление здания театра положительно повлияло на развитие культуры и искусства в городе.

В обращении от 1 января 1907 г. Г. Х. Чалхушьян просит принять решительные меры по устранению такого нездорового явления, как выпустление гимназистов в ролях статистов, ибо это ведет к разврату [5, л. 21].

Так в обращении к судье от 15 января 1907 г. с жалобой по постановлению Ростовской-на-Дону Мужской гимназии и Нахичеванской Женской гимназии, Г. Х. Чалхушьян просит оказать помощь в борьбе с порнографией. 3 ноября 1907 г. в ответе на жалобу от родительских комитетов главный начальник края предложил Варшавскому Обер-Полицмейстеру безотлагательно принять самые строгие меры к обнаружению как главных руководителей тайной организации «Ренессанс» по торговле и сбыту порнографических изделий, так и ее агентов, и к привлечению названных лиц к самой суровой ответственности. Среди членов родительского комитета поднимался вопрос полового воспитания, после обсуждения члены комитета должны были указать в какой форме и

с какого возраста и класса и на сколько все это поможет предохранить детей от онанизма или венерических заболеваний [5, л.23].

Родительский комитет во главе с председателем – Г. Х. Чалхушьяном придавал серьезное значение для здоровья и успехов учеников в гимназии посещению классов во время уроков, но без права делать замечания в этих классах учащимся и преподающим, также борьбе с заболеваниями, например, скарлатиной, отмене занятий ввиду сильных морозов.

19 февраля 1907 г. Городской Думой было доложено отношение за № 3225, в котором говорилось, что если Нахичеванская Городская Дума желает иметь в попечителях совета Екатерининской женской гимназии 8 членов, то не встречается препятствий на место трех членов – г. Кечекьяна. Чубарова и Чалхушьяна избрать новых [1, с. 42–43]. Но по результатам закрытой баллотировки шарами 12 апреля 1907 года Городская Дума единогласно постановила членами попечительного Совета Нахичеванской-на-Дону «Екатерининской» Женской Гимназии на четырехлетие 1907–1911 гг. считать избранными Григория Христофоровича Чалхушьяна, Георгия Ивановича Чубарова и Федора Степановича Кечекьяна, которых и представить на утверждение Попечителя Харьковского Учебного Округа [1, с.19].

Также Г. Х. Чалхушьян в качестве председателя Родительского комитета просил Городскую Думу ассигновать 200 руб. для литературного утра в Женской гимназии, с таким ходатайством он выступил в Городской Управе. Гласный просил 200 руб. внести в смету будущего года и в счет этой ассигновки до 1 января 1908 г. выдать Комитету для этой цели 100 руб. Городская Дума ходатайство это уважила [1, с.65].

Г. Х. Чалхушьян предложил Городской управе расширение двора женской гимназии за счет прирезки части городского сквера, занятого коммерческим клубом, на что получил согласие.

Как видим, Нахичеванская Городская дума не оставляла без внимания ходатайства Родительского комитета, отмечая это Г. Х. Чалхушьян обратился с письмом на имя городского головы со словами благодарности Нахичеванского городской думе, по поводу сердечного отношения к нуждам учащихся, за интерес к делу образования и воспитания подрастающего поколения, внимание, которым окружает городское самоуправление свою гимназию, идя навстречу всем разумным желаниям родителей [1, с. 5]. Родители и председатель Родительского комитета были обеспокоены возможностями гимназии кормить всех учеников завтраками, для этого было предложено казначею комитета собирать по согласию родителей по 1 руб. 75 коп. за каждого учащегося ежемесячно, в этом случае будет возможность

кормить завтраками тех детей, чьи родители по бедности не в состоянии оплачивать завтрак своих детей [5, л.19].

Объединенный совет всех родительских комитетов города Ростова-на-Дону озабочен вопросами внешкольного надзора, так как ученики чаще всего свое воспитание получают вне стен гимназии, в лучшем случае – дома, в худшем – на улице. Поэтому совет обращается с просьбой в Ростовскую городскую думу для создания центрального пункта, где бы отдыхала душа молодежи, где были бы игры, бильярд, спорт и просит предоставить место в городском саду с готовым зданием – ротондой.

21 ноября на собрании родительских комитетов под председательством Г. Х. Чалхушьяна с докладами выступали М.Л. Сабсович, который доказывал необходимость создания зубной врачебной клиники для детей, врач В.Я. Браиловский прочел доклад о вредности скетинг-рингов [5, л. 33].

На собрании 12 декабря 1909 г. председатель родительского комитета обращает внимание присутствующих на такое нежелательное явление, как посещение ученицами танцевальных вечеров, театров, а после окончания поздно одни возвращаются домой. Поэтому собрание постановило посещать театральные и танцевальные вечера с родителями, быть в форме исключая каникулярное время, во время занятий не посещать танцевальные и театральные мероприятия. Г. Х. Чалхушьяном выражена благодарность гласным нахичеванской городской думы [6, л. 33 об].

Занимаясь проблемами женского образования возглавляемый Г.Х.Чалхушьяном Объединенный Родительский комитет уделял большое внимание состоянию здоровья воспитанниц учебных заведений города. Так, Родительский Комитет Нахичеванской Женской гимназии в январе 1908 г. обратился в Городскую Думу с заявлением следующего содержания: «Нахичеванская Городская Дума... рассмотрев ходатайство Родительского комитета о приглашении в помощь имеющемуся гимназическому врачу женщины-врача, признала это ходатайство заслуживающим уважения и предложила Городской Управе выработать условие службы женщины врача при Женской Гимназии. В связи с этим решением... в Городскую Управу поступило немало прошений женщин-врачей о зачислении их на указанную должность...» [2, с. 25–26]. Однако как следует из источника, в течение года дело так и не сдвинулось с мертвой точки, хотя требовалось безотлагательное решение данного вопроса. Отдавая себе отчет в том, что содержание двух врачей для городского управления будет весьма обременительно, Родительский комитет выступил с предложением передать надзор за здоровьем воспитанниц женских средних учебных заведений женщинам-врачам, учитывая то обстоятельство, что число жен-

щин-врачей в России заметно возросло. При этом Родительский комитет указал на одно важное обстоятельство: если девочки в самом раннем возрасте не делают различий между мужчинами и женщинами врачами, то мере взросления в случае недомогания девочки к врачам-мужчинам обращаются либо крайне неохотно, либо вообще стараются этих обращений избегать. Убедить учениц не делать различий между мужчинами и женщинами врачами не представлялось возможным, вследствие чего выпускницы нередко оканчивали гимназию с пошатнувшимся здоровьем. Так, у многих девочек при внешне нормальном внешнем виде обнаруживается искривление позвоночника, обнаружить которое возможно только при тщательном осмотре в «нагом виде». По этой причине мужчины врачи, к такого рода осмотрам никогда не прибегали, щадя свойственную девочкам стыдливость. В силу этих причин Родительский комитет полагал, что при наличии женщины-врача такая патология организма была бы обнаружена в самом начале и с ней было бы легко справиться. В виду вышеизложенного Родительский Комитет в лице своего президиума обратился в Городскую Думу с просьбой, направленной на охрану здоровья, о безотлагательном замещении уже учрежденной должности женщины-врача при Нахичеванской женской гимназии. В ответ на это обращение Городская Дума постановила предложить Городской Управе выработать условия службы для женщины-врача. В конечном итоге Городская Дума единогласно постановила предложение об учреждении женщины-врача при Женской гимназии передать на заключение Попечительского совета упомянутой гимназии.

Занимая должность гласного Городской Думы и отлично владея ситуацией, сложившейся в Нахичевани-на-Дону в сфере образования, он не мог не видеть, как отрицательно сказывается на процессе образования нахичеванской молодежи отсутствие гимназии. Стоит отметить, что в начале XX века существовала большая проблема отсутствия среднее специальных учебных заведений, о высших – речи и не шло. Это сказывалось не только на образовании подрастающего поколения, но в целом накладывало определенный отпечаток на формировании образованной элиты города.

Гласный Городской Думы Г. Х. Чалхушьян обратился на имя Городской Думы со следующим содержанием: «В нашем городе ощущается недостаток мужского среднего учебного заведения, об открытии которого мы не раз возбуждали ходатайство в установленном порядке. В Ростове, в Ставрополе и в других городах учится немало нахичеванцев, вдали от своих семей. Было бы безусловно желательно и своевременно и немедленно возбудить ходатайство об открытии реального училища или гимназии. Но для того, чтобы не сделать ошибочного выбора, я бы по-

лагал необходимым выбрать особую комиссию из гласных, которые могли бы обсудить зрело и решить, какой тип училища соответствует нашим потребностям. Быть может возможно даже было бы перевести одно из существующих уже в Ростове частных учебных заведений в Нахичевань. В виду сего если Дума принципиально согласна со мною, что среднее учебное заведение нам необходимо, я предлагаю немедленно собрать особую подготовительную комиссию для разрешения типа заведения и прочих могущих возникнуть вопросов» [2, с. 28].

По-видимому, этот вопрос уже настолько назрел, что Городская Дума единогласно определила для разработки возбужденного настоящим докладом Городской Управы вопроса образовать предварительную комиссию в составе гласных Е. Г. Шилтова, Г. Х. Чалхушьяна, А. И. Салтыкова, С. Ф. Асвадурова, И. М. Тикиджи-Хамбурова. [2, с. 28–29]. В 1908 году на средства Ягубьянца создали это заведение, которое торжественно открыли родители, учащиеся, нахичеванские власти, градоначальники Ростова и Нахичевани.

Даже не будучи учителем по специальности, Григорий Христофорович старался поддерживать живой контакт с учениками различных учебных заведений города.

В документах, отложившихся в НАА, содержится не совсем ясная информация о том, что Г. Х. Чалхушьян собирал фонды для армянских школ, которые преследовались правительством» [5, л. 23]. По всей вероятности, речь идет о печально известном законе от 12 июня 1903 г., предусматривающим конфискацию имущества Армянской Апостольской церкви и закрытии армянских церковно-приходских школ, сопровождавшегося преследованием армянских священников. Следовательно, перед нами раскрывается ещё одна ранее неизвестная грань деятельности Григория Христофоровича.

В 1910 г., когда отмечалось 25-летие адвокатской и общественной деятельности Г. Х. Чалхушьяна, он получил ряд поздравлений, в частности кондак Эчмиадзинского католикоса всех армян. Юбиляра также поздравили телеграммами константинопольский патриарх Туриан, другие князья армяно-григорианской церкви, многие видные деятели армянской и русской столичной общечечности.

В знак особых заслуг Григория Христофоровича на поприще воспитания подрастающего поколения решением городского головы Нахичевани-на-Дону М. И. Балабанова от 13 мая 1910 г. была учреждена в Екатерининской женской гимназии стипендии имени Г. Х. Чалхушьяна. Попечительскому Совету Духовной семинарии было решено выдать 3000 руб. на учреждение указанной стипендии [3, л. 23, 28].

В свою очередь Городская Управа ассигновала 3000 руб. на учреждение в армянской духовной семинарии стипендии имени Г.Х. Чалхушьяна в ознаменовании 25-летней его общественной деятельности [7]

Даже в суровые годы революции и гражданской войны в стране он не прекращал своей работы по патриотическому воспитанию армянского юношества. Так 9 сентября 1918 г. с разрешения Градоначальника Г. Х.Чалхушьян пригласил армян-учащихся города на свое выступление о газете «Скорбь Армении» и для выяснения степени возможного участия в доставке, распространении и продаже газеты. Судя по некоторым данным,

учащиеся отнеслись к этой идее весьма сочувственно [8]. Здесь наглядно прослеживается воспитательный прием Григория Христофоровича: воспитав у них глубокие убеждения и веру в свои идеалы нацелить их на осуществление практических задач.

Таким образом вся деятельность Г. Х.Чалхушьяна на ниве образования была пронизана беспокойством о подрастающем поколении и включала в себя заботы о здоровье, нравственном и культурном воспитании армянского юношества. И как мы видим, все его начинания находили горячую поддержку со стороны его коллег по городской Думе.

Источники и литература

1. Ведомости Нахичеваской-на-Дону городской думы. 1907. № 1–4.
2. Ведомости Нахичеванской-на-Дону городской думы. 1908. № 1.
3. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф.91. Оп.1. Д.1543.
4. Национальный Архив Армении (НАА). Ф.314. Оп.1. Д.1.
5. НАА. Ф.314. Оп.30. Д.1.
6. НАА. Ф.314. Оп.30. Д.18.
7. Приазовский край. 1916. 29 мая.
8. Приазовский край. 1918. 8–21 сентября.

References

1. Vedomosti Nahichevaskoj-na-Donu gorodskoj dумы. 1907. No. 1–4. (In Russian).
2. Vedomosti Nahichevaskoj-na-Donu gorodskoj dумы. 1908. No. 1. (In Russian).
3. State Archive of the Rostov region (GARO). F. 91. Inv.1. D. 1543. (In Russian).
4. National Archives of Armenia (NAA). F. 314. Op.1. (In Russian).
5. NAA. F. 314. Inv.30. D. 1. (In Russian).
6. NAA. F. 314. Inv.30. D. 18. (In Russian).
7. Priazovsky Krai. 1916. May 29. (In Russian).
8. Priazovsky Krai. 1918. September 8–21. (In Russian).

Сведения об авторе

Папазян Кристина Лерниковна – аспирант кафедры отечественной истории средних веков и нового времени Института истории и международных отношений Южного Федерального университета (Ростов-на-Дону) / Kristina-arm-1992@yandex.ru

Information about the author

Papazyan Kristina – postgraduate student, Chair of National History of the Middle Ages and Modern Times, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / Kristina-arm-1992@yandex.ru

УДК 37.078
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.10

С. К. Чориян

НАХИЧЕВАНСКАЯ-НА-ДОНУ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ И ЕЁ РОЛЬ В ВОСПИТАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ АРМЯНСКОГО ЮНОШЕСТВА¹

Данная статья посвящена Нахичеванской духовной семинарии и ее роли в воспитании армянского юношества в Нахичевани-на-Дону. История Нахичеванской духовной семинарии, насчитывающая около сорока лет своего существования, так и не стала предметом специальных исследований. В основе статьи лежат материалы Государственного архива Ростовской области, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. В работе рассматриваются как основные этапы становления и формирования самой духовной семинарии, так и проблемы подбора ее педагогического персонала. Особое внимание в статье уделяется тем проблемам, с которыми приходилось сталкиваться руководству духовной семинарии, а также решению тех трудностей, которые чинило правительством Российской Империи. В статье приводятся факты, свидетельствующие о той помощи, которую оказывали данному учебному заведению как городское управление, так и рядовые граждане. Свое основание Нахичеванская духовная семинария ведет с 1881 г., после того, как было закрыто армянское Халибовское училище в Феодосии. Примечательно, что

большинство предметов в духовной семинарии изучалось на армянском языке и лишь некоторые из них – на русском. Перед выпускниками семинарии вставал выбор: либо проложить свое духовное образование в Эчмиадзине, либо получить в дальнейшем светское образование. Именно за счет выпускников семинарии комплектовался весь штат священников г. Нахичевани-на-Дону и окрестных армянских сел. Кроме того, в статье акцент делается на тех сложностях и жизненных перипетиях, в той или иной степени, мешающих выпускникам духовной семинарии наладить жизнь и получить достойное высшее образование после революции 1917 года. Закрытие духовной семинарии после установления Советской власти происходило в русле той политики, которую проводили большевики по отношению в религии и церкви. Отмечается вклад семинарии в формировании интеллектуальной элиты и педагогических кадров, к подготовке которых данное учебное заведение имело непосредственное отношение.

Ключевые слова: духовная семинария, епархия, Нахичевань-на-Дону, попечительский совет, Городская Дума.

Stepan Choriyan

NAKHICHEVAN-ON-DON THEOLOGICAL SEMINARY AND ITS ROLE IN THE UPBRINGING AND EDUCATION OF ARMENIAN YOUTH

This article is devoted to the Nakhichevan Theological Seminary and its role in the upbringing of Armenian youth in Nakhichevan-on-Don. The history of the Nakhichevan Theological Seminary, numbering about forty years of its existence, has not become the subject of special research. The article is based on materials from the State Archives of the Rostov Region, many of which are being introduced into scientific circulation for the first time. The work examines both the main stages of the formation of the theological seminary itself, and the problems of selecting its teaching staff. Particular attention in the article is paid to the problems that the leadership of the theological seminary had to face, as well as to the solution of the difficulties that the government of the Russian Empire posed. The article provides facts that testify to the assistance that was provided to this educational institution by both the city government and ordinary citizens. The Nakhichevan Theological Seminary was founded in 1881, after the Armenian Khalibov School in Feodosia was closed. It is noteworthy that most of the subjects in the

theological seminary were studied in Armenian, and only a few of them in Russian. The graduates of the seminary faced a choice: either to build their spiritual education in Echmiadzin, or to receive a secular education in the future. It was at the expense of the graduates of the seminary that the entire staff of priests in the city of Nakhichevan-on-Don and surrounding Armenian villages was recruited. In addition, the article focuses on those difficulties and vicissitudes of life that, to one degree or another, prevent the graduates of the theological seminary from improving their lives and getting a decent higher education after the 1917 revolution. The closure of the theological seminary after the establishment of Soviet power took place in line with the policy pursued by the Bolsheviks in relation to religion and the church. The contribution of the seminary in the formation of the intellectual elite and teaching staff, to the preparation of which this educational institution was directly related, is noted.

Key words: theological seminary, diocese, Nakhchivan-on-Don, board of trustees, City Duma.

Практически все армянские учебные заведения г. Нахичевани-на-Дону на всем протяжении существования города испытывали одну постоянную проблему: недостаточность финансирования. Это понятно, ибо все они содержались либо на доходы,

поступающие от армянских церквей, либо на пожертвования благотворителей. В этом отношении единственным стабильно функционировавшим учебным заведением Нахичевани-на-Дону, являлась Нахичевано-Бессарабская духовная семинария.

¹ Исследование выполнено в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН № гр проекта AAAA-A19-119011190185-9.

История её основания связана с серией интриг, проявлением обид и честолюбия, в центре которых оказался бывший городской голова Нахичевани-на-Дону Артемий Павлович Халибов (1790–1871). Будучи обвиненным местным обществом в присвоении доверенных ему епархиальным начальством церковных сумм, образовавшихся с части доходов городских церквей, после ряда судебных разбирательств, открыл духовное училище в Феодосии, а не в родном городе. Однако, упомянутое училище, просуществовав чуть более десяти лет – с 1858 до 1871 г., было закрыто. Причиной тому во многом было неудачное руководство училищем его руководителя архиепископа Гавриила Айвазовского, который сам в этом признавался. Это тот случай, когда блестящий эрудит и прекрасный преподаватель оказался неудачным хозяйственником.

После упразднения Халибовского училища в Феодосии, городское собрание Нахичеванского общества 27 июля 1871 года единогласно постановило просить Католикоса Всех Армян о переводе епархиального училища в г. Нахичевань. Руководство города предложило для размещения семинарии принадлежащий ему двухэтажный дом со всеми пристройками, «обязательством приспособить его на городские средства и в случае недостаточности средств, необходимых на содержание семинарии, пополнить недостаток из средств города» [3, л. 1].

Получив заверение от нахичеванцев, Католикос, в свою очередь, возбудил ходатайство об утверждении Положения об упомянутой семинарии и открытии таковой перед вышестоящими властями. Ходатайство Католикоса увенчалось успехом и после получения, утвержденного по Высочайшему повелению Положения о Нахичеванской духовной семинарии, кондаком от 14 ноября 1880 года № 507 он поручил главе Нахичевано-Бессарабской епархии изыскать постоянные источники средств для содержания семинарии и открыть таковую в Нахичевани с нового учебного года. При этом епархиальный начальник архиепископ Макарий, со своей стороны, определив ежегодный расход семинарии в 15000 руб., обещал покрыть 7000 руб. из епархиальных средств [3, л. 2]. Таким образом, недостающая сумма исчислялась в 8000 тыс. руб.

В свою очередь, Городская Дума, решая данную проблему, на своем заседании от 15 мая 1881 г. определила: для содержания духовной семинарии назначить т.н. «индийский капитал», завещанный Масехом Бабаджаном, индийским купцом армянского происхождения. После открытия учебного заведения, на его содержание планировалось передать в распоряжение попечительского совета семинарии использование процентов с т.н. «индийского капитала». Однако, для того, чтобы данное решение было осуществлено,

было необходимо «Высочайшее соизволение», а проще говоря, ходатайство епархиального начальства перед вышестоящими инстанциями о разрешении покрытия недостающей суммы за счет процентов с т.н. индийского капитала. В случае же, если ходатайство не будет уважено, покрывать эту сумму за счет городского бюджета. Вплоть до 1892 года ходатайство в вышестоящие инстанции так и не было подано, и с 1881 по 1892 г. Городская Управа отпускала на семинарию не проценты с «индийского капитала», а эквивалентные ему суммы из городского бюджета [3, л. 4]. Таким образом, Нахичеванская Духовная семинария содержалась на средства от 1) доходов от армянских церквей Нахичевано-Бессарабской епархии; 2) на доходы с принадлежащими семинарии здания бывшего Халибовского училища в Феодосии и других имуществ; 3) на добровольные пожертвования в пользу семинарии, которые «...состоя под главным начальством Святого Патриарха-Католикоса, находятся в ближайшем ведении начальника Нахичевано-Бессарабской Армяно-григорианской епархии, на которого возлагается ответственность за её благосостояние» [5, с. 122].

Открытие семинарии состоялось 8 ноября 1881 г. Она была предназначена для подготовки армянского юношества к духовному званию и для обучения наставников в армянские церковные училища [5, с. 122].

Первыми попечителями семинарии стали городской голова Нахичевани Григорий Карпович Салтыков, представители городской элиты Иван Минаевич Берберов, Михаил Гаврилович Магдесиев, Серафим Хачатурович Арутюнов, Минас Александрович Халибов, Минас Ильич Баласанян, Сероп Арутюнович Аджемов, Хачерес Хачатурович Чалхушьян, Иван Тадевосович Келле-Шагинов, протоиерей Хачатур Зарифьян, Яков Матеевич Хлычиев и Гавриил Арутюнович Мелконян.

Курс семинарии был рассчитан на 6 лет и предполагал давать как общеобразовательные, так и богословские знания. Преподавание в семинарии производилось на армянском языке, но предусматривалось изучение русского языка, а также истории и географии России на русском языке [9, л. 195].

Из сообщений начальника Нахичеванской епархии в Департамент духовных дел иностранных исповеданий известно, что первоначально в семинарии обучалось 100 воспитанников из детей духовенства и светских сословий: 10 из них постоянно проживали в доме семинарии, 20 находились на положении приходящих, остальные из светского сословия по желанию родителей обучались за ежегодную плату в 150 руб. серебром. Начальник предполагал, что издержки на содержания семинарии будут исчисляться в сумме 13810 руб. серебром [9, л. 4].

За годы своего существования семинария постоянно расширялась, пополняясь учениками как из местных уроженцев из города и окрестных селений, так и других городов епархии. Постепенно она превратилась в учебное заведение с интернатом на 50 мест (для проживающих там постоянно), из которых 16 учеников из беднейших семей Нахичевани и окрестных селений воспитывались бесплатно. Всего же число приходящих бесплатных учащихся достигло к 1902 году 290 человек [4, л. 1].

Программа духовной семинарии предусматривала изучение таких языков как греческий, латинский, армянский, русский, немецкий и французский.

Блок наук общего образования давал возможность изучить логику и психологию, всеобщую историю и географию, историю и географию Российского государства, законоведение, историю и географию древней Армении, математику, физику, химию, естественную историю. Кроме этого, большое внимание уделялось изучению богословских наук: изучались история Ветхого и Нового Завета, Святое Писание, догматика, история христианской церкви, археология, христианская мораль, духовное красноречие. Учащиеся должны были также освоить пение и каллиграфию [4, л. 6–6 об].

К началу XX в. имеющихся в наличии и отпускаемых средств на содержание семинарии стало катастрофически не хватать. Председатель попечительского совета семинарии архимандрит Муше, обращаясь за материальной помощью в Городскую Думу, мотивировал свое ходатайство тем, что «семинария, широко открывая двери для жаждущих просвещения, приютила в своих стенах около 370 воспитанников, содержание которых стало ей далеко не по средствам. Ее скромный бюджет уже не покрывает обязательных расходов по содержанию семинарских классов; с каждым годом увеличиваются потребности, а с ними и расходные статьи, в то время, как доходные статьи постепенно уменьшаются, вследствие упадка экономического благосостояния граждан и других условий...» [4, л. 1–2]. Так, в 1895 г. в семинарии воспитывалось 250 учеников, из которых платных было 150, в 1896 г. число платных учеников упало до 120, в последующие же годы число платных учеников, имея постоянную тенденцию к понижению, дошло до 64 при общем числе учащихся 370. Заметное понижение платежеспособности о. Муше объяснял «не милостивым отношением к ним со стороны дирекции семинарии, а упадком экономического благосостояния граждан» [4, л. 2].

Объяснения викарного архимандрита о. Муше, хорошо знавшего жизнь своих прихожан, полностью подтверждаются данными других источников. Когда зимой 1900 г. члены некоторых благотворительных организаций совершили обход беднейших семейств Нахичевани, перед ними открылась поистине ужасающая картина, свидетельствующая об общем экономическом упадке

города. Главную причину тяжелейшего материального положения большинства горожан они увидели в полном отсутствии какой-либо работы. Особенно тяжелым было положение в зимнее время, когда шансы найти хоть какую-либо работу сводились к нулю. Совершавшие обход попечители натолкнулись на такой чудовищный факт, когда некоторые бедные семьи, чтобы как-то сводить концы с концами, за мизерную плату были вынуждены брать на содержание в семьи душевно больных, полоумных и сумасшедших из более зажиточных семей [7].

Согласно полученным сведениям, Церковное попечительство о бедных армянах было вынуждено снабжать одеждой и учебными пособиями 70 учащихся, а Благотворительное общество содержало на свои средства около 120 семинаристов.

К 1883 г. число учащихся в семинарии не превышало 170 человек, а плата за обучение с приходящих составляла в целом 5000 руб. С 1883 по 1902 гг. число учащихся увеличилось в 2,5 раза, в то время как плата за обучение сократилась на 75 % и в 1902 г. составила 1400 руб [4, л. 2]. Кроме того, был открыт интернат для беднейших сирот, для чего потребовалось достроить третий этаж семинарии. Все это, в конечном итоге, привело к тому, что долг семинарии к 1902 г. возрос до 8000 руб. На основании этого о. Муше в своем обращении просил Городскую Думу выделить из бюджета единовременное пособие в сумме 2000 руб. для погашения долга по постройке 3-го этажа. На своем заседании Дума принимает решение удовлетворить ходатайство попечительского совета семинарии и ассигновать сумму в 2000 руб. из городского бюджета, а также взять на счет города очистку помойных ям семинарии.

Кроме того, надо также учитывать и тот факт, что недостающая ранее сумма в 6875 руб. решением Думы от 15 января 1892 г. признавалась для города обязательной и в обязательном порядке ежегодно вносилась в городскую смету. Для того, чтобы как-то гарантировать семинарии хоть какой-либо постоянный источник дохода, было решено образовать комиссию для проработки этого вопроса в составе гласных И. М. Аладжалова, Г. Х. Чалхушьяна, священника Х. Зарифьяна и М. Я. Хлычиева [4, л. 6].

Однако и на этом материальные затруднения духовной семинарии не были устранены. 12 июня 1915 г. новый председатель попечительского совета семинарии викарный архимандрит Геворг (Чорекчиянц) обратился к городскому голове с напоминанием о созданной комиссии, «о результатах работы которой попечительскому совету так и неизвестно». Он вновь просил рассмотреть данный вопрос и изыскать меры по обеспечению каким-либо постоянным источником дохода, гарантирующим семинарию от обстоятельств, могущих затормозить и даже остановить нормальный ход

учебного процесса [4, л.9]. Городская Дума в ответ на это постановлением от 11 сентября 1915 г. вновь создает комиссию в составе шести человек (Г.Х. Чалхушьян, И.Э. Тикиджи-Хамбулов, А.И. Салтыков, Е. А. Шах-Азиз, И. Я. Алексанов, Х. Х. Чалхушьян) для проработки этого вопроса, но о результатах ее работы нам также ничего неизвестно.

Таким образом, как становится понятно, несмотря на постоянно растущие финансовые затруднения, Нахичеванская Городская Дума, заручившись одобрением всего нахичеванского общества, выкраивала необходимые средства на содержание семинарии из и без того скудного городского бюджета, тем самым обеспечивая ее постоянное и стабильное функционирование.

Семинария имела шестилетний курс. Учащиеся в 1 класс принимались до 14 лет, во 2-й – до 15 лет, в 3-й до 16, в 4-й – до 17, в 5-й – до 18 лет, в 6-й класс – по экзамену. По данным на 1914 год в состав попечительского совета входили М. И. Берберов, Г. Б. Реизов, А. М. Хамбулов, А. С. Дерезанов, Г. Х. Чалхушьян, М. В. Шаповалов. Секретарь – М. Н. Богданян. Штат семинарии состоял из 12 учителей [2].

Обучение в семинарии дополнялось серьезной воспитательной работой. Педагогическим коллективом семинарии устраивались литературные вечера, отмечались различные памятные даты, значимые религиозные праздники. Руководство семинарии зорко следило за нравственным воспитанием и дисциплиной учащихся.

Об ректорах семинарии известно, что первым инспектором был назначен Филипп Артемьевич Вартанян, но его кандидатура не была утверждена Католикосом, так как он уже занимал должность инспектора Геворгяновской гимназии в Тифлисе. Вместо него эту должность временно исполнял протоирей Хачатур Зарифян. В течение длительного времени ректором семинарии был выпускник Лазаревского института Калуст Карпович Чарыхов, затем его сменил не менее известный общественный деятель Нахичевани-на-Дону Ерванд Овагемович Шах-Азиз, после добровольной отставки которого с последующим отъездом в Ереван последним ее ректором вплоть до ее закрытия в 1920 году был выпускник юридического факультета Московского университета протоирей Рубен Варфоломеевич Бекгульянц.

Образовательный ценз, требуемый программой, – для ректора – высшее образование, для преподавателей – высшее, а за недостатком лиц с высшим образованием, допустимо и среднее. Преподаватели правами чиновников государственной службы не пользовались. По данным на 1893 г. в штате Духовной семинарии находилось 17 преподавателей, из них окончивших университет – 5 чел., Эчмиадзинскую академию – 2 чел., лицей Лазаревского института – 3 человека. Не окончивших университета – 1 чел., не окончивших

Академию – 1 чел., окончивших средние учебные заведения – 3 чел., не окончивших средние учебные заведения – 2 чел. [1, с. 1–2].

Какими правами обладали выпускники духовной семинарии? Окончившие курс в семинарии имели право на занятие наставнических должностей в церковных армянских училищах и на преподавание армянского языка и закона Божия в правительственных учебных заведениях, а также обладали правом вступать в духовное звание [1, с. 2].

Те из нахичеванских юношей, которые желали посвятить свою жизнь служению Богу, выбирали свой путь, который предполагал продолжение церковного образования. Речь идет о об открытой в Эчмиадзине Духовной Академии, в которой Католикос предложил нахичеванцам иметь там своих стипендиатов. В ответ на это предложение Нахичеванская Городская Дума на своем заседании 23 января 1873 года определила ассигновать на содержание в Академии пяти стипендиатов 1500 руб. в год, определяя на каждого воспитанника 300 руб. Отбор стипендиатов предлагалось предоставить руководству Академии, оставляя за нахичеванским обществом право направлять двух стипендиатов по выбору. Но по имеющимся в нашем распоряжении данным чисто духовную карьеру выбирали лишь единицы из выпускников Духовной семинарии.

Надо отметить, что местным начальством, время от времени, предпринимались попытки изменить статус семинарии. Так, в феврале 1916 г. викарный архимандрит Геворк возбудил перед вице-директором Департамента Министерства народного просвещения Н. И. Палечком ходатайство о предоставлении окончившим армянскую духовную семинарию тех же прав, которыми обладали выпускники ростовской классической гимназии. Условием поступления выпускников в университеты и другие высшие учебные заведения Империи Н. И. Палечек считал расширение общего курса семинарии до программ классических гимназий [8]. Но довести этот вопрос до конца вплоть до самого закрытия семинарии так и не удалось.

Как следует из документа под названием «Оценка недвижимых имуществ г. Нахичевани-на-Дону за 1915 год», Нахичевано-Бессарабская духовная семинария располагалась в двух зданиях – первое по 17 линии, № 5, и второе – по Базарной площади, № 1-2 [6, с. 91, 114]. При семинарии имелись физическая лаборатория, фундаментальная и ученическая библиотеки. В штате семинарии состоял также врач – Ф. Кечебян.

Историческое значение духовной семинарии, как нам видится, заключалось прежде всего в том, что это было учебное заведение особого типа, воспитывающее подрастающее поколение в духе высокой нравственности, уважении Божьих и человеческих законов, помогающее сохранить

у юношей интерес к истории и традициям своего народа. Готовя учителей для церковно-приходских школ, семинария тем самым способствовала повышению образовательного уровня армянского населения края. Нельзя забывать так же и о том, что многие выпускники семинарии стали священниками в армянских церквях Дона. Так, кадровый состав священнослужителей Нахичевани и армянских сел в 20-30-е гг. XX в. целиком состоял из выпускников Нахичевано-Бессарабской духовной семинарии. В этой связи нельзя не отметить такой факт: после закрытия духовной семинарии и почти полного уничтожения местных армянских священников, Эчмиадзин был вынужден присылать на Дон в качестве священников уроженцев Закавказья.

20 ноября 1919г. советскими властями здание школы было конфисковано. 3 декабря того же

года инспектор епархиальной школы священник Р. Бекгульянц обратился к председателю Попечительского совета церкви Св. Просветителя Е. Шахазизу, с просьбой разрешить проводить занятия в церкви (в дневные часы, когда церковь свободна). Однако, в конце декабря vikarий Нахичеванской армянской епархии архимандрит Усик и временно исполняющий должность епархиального начальника архимандрит Муше, отклонили просьбу, тем самым обрекая её на фактическое закрытие. Решение епархиального начальства можно понять: с приходом новой власти возникла реальная угроза не только закрытия духовных учебных заведений, но и самих церквей в независимости от конфессии.

Так или иначе, семинария оставила глубокий след в образовании и воспитании армянского юношества на Дону на рубеже XIX–XX веков.

Источники и литература

1. Ведомости Нахичеванской-на-Дону Городской Думы. 1893. №11.
2. Весь Ростов и Нахичевань-на-Дону. 1914 год. Харьков: изд-во Ф.С. Элькина и П.М. Кулькеса, 1914. 546 с.
3. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф.91, Оп.1. Д. 591.
4. ГАРО. Ф.91. Оп. 1. Д. 1144.
5. Донско-Азовский календарь на 1887 год. Ростов-на-Дону: Типо-лит. Тер-Абрамиан, 1886. 232 с.
6. Оценка недвижимых имуществ г.Нахичевани-на-Дону для взимания Городского сбора и для раскладки земских сборов за 1915 год. Нахичевань-на-Дону: тип. С. Я. Авакова, 1915. 74 с.
7. Приазовский край. 1900. №23.
8. Приазовский край. 1916. 7 февраля.
9. Российский Государственный исторический архив (РГИА) Ф.821. Оп.7. Д. 27.

References

1. Vedomosti Nahichevanskoj-na-Donu Gorodskoj Dumy. 1893. No. 11. (In Russian).
2. Ves' Rostov i Nahichevan'-na-Donu. 1914 god (All Rostov and Nakhichevan-on-Don). Har'kov: F.S.El'kin's and P. M. Kul'kesa, 1914. 546 p. (In Russian).
3. State archive of Rostov region (GARO). F.91. Inv.1. D.591. . (In Russian).
4. GARO. F.91. Inv.1. D.1144. . (In Russian).
5. Donsko-Azovskij kalendar' na 1887 god (Don-Azov calendar for 1887). Rostov-na-Donu: TerAbramian publ., 1886. 232 p. (In Russian).
6. Ocenka nedvizhimyh imushchestv g.Nahichevani-na-Donu dlya vzimaniya Gorodskogo sbora i dlya raskladki zemskih sborov za 1915 god (Valuation of real estate in Nakhichevan-on-Don for collection of the City tax and for the allocation of zemstvo fees for 1915). Nahichevan'-on-Don: S.Y. Avakova's publ. 1915, 74 p. (In Russian).
7. Priazovskij kraj. 1900. No. 23. (In Russian).
8. Priazovskij kraj. 1916. February 7. (In Russian).
9. Russian state historical archive. F.821. Inv.7. D.27. (In Russian).

Сведения об авторе

Чориян Степан Кеворкович – стажер-исследователь лаборатории политологии и права Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук (Ростов-на-Дону) / stepa.choriev@mail.ru

Information about the author

Choriyan Stepan – intern-researcher of the laboratory of political science and law, SSC of the Federal Research Center of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don) / stepa.choriev@mail.ru

УДК 93/94
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.11

К. И. Шагиданова

РОЛЬ АРМЯНСКОГО ТОРГОВОГО КАПИТАЛА В ЭКОНОМИКЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

В статье затронуты вопросы внедрения армянского торгового капитала в российскую экономику начиная со второй половины XVII в. Во времена царствования Алексея Михайловича армянские купцы из так называемой «Шахской области» развернули активную деятельность в Российском государстве, внедряя определенные элементы капитализма и способствуя реализации основных направлений внешней торговли России. Благодаря своей деятельности армянские купцы способствовали не только развитию внешнеторговых связей Российского государства, но и внесли свой вклад в развитие российской экономики, упрочив позиции армянских торговцев и предпринимателей.

В России на сегодняшний день проживает по разным оценкам около 2 миллионов армян. Начало армянским поселениям на территории Российской империи было положено еще несколько столетий назад и связано в том числе с активным налаживанием торговых связей и увеличением доли армянского капитала в российской экономике.

Российско-армянские отношения, имеющие богатую историю, на сегодняшний день продолжают активно развиваться и укрепляться, в частности, в торгово-экономической сфере. В этой связи представляется актуальным проследить истоки и динамику этих отношений,

продемонстрировать глубокие корни и успешный опыт торгового и финансового взаимодействия сторон, выявить роль армянского торгового капитала в развитии не только внутреннего рынка, но и внешнеторговой линии российского государства. Помимо этого, актуальность и новизна данного исследования обусловлена недостаточной разработанностью данной тематики в современной Армении, а также стремлением повысить осведомленность армянского и российского научных сообществ о роли армянских купцов и их взаимодействии с Россией начиная с XVII-XVIII вв. С этой точки зрения особого внимания заслуживает то обстоятельство, что именно армянские купцы стояли у истоков формирования и становления кредитной системы Российской империи. В результате их деятельности впервые в России была введена и активно применялась вексельная система.

В статье нами сделана попытка показать, что, благодаря богатому опыту, армянские купеческие сословия и отдельные торговцы гармонично вписались в основные внешнеторговые векторы, обозначенные Алексеем Михайловичем: западный и восточный, сыграв активную роль в их реализации.

Ключевые слова: армянские купцы, Россия, капитал, внешняя торговля, Джульфинская компания, капитализм, вексельная система.

Karine Shagidanova

THE ROLE OF ARMENIAN TRADE CAPITAL IN THE ECONOMY OF THE RUSSIAN STATE IN THE SECOND HALF OF XVII CENTURY

The article deals with the issues of introduction of the Armenian trade capital into the Russian economy in the end of the 17th century. Since the reign of Alexei Mikhailovich, Armenian merchants from the so-called «Shah region» were active in the Russian state, introducing certain elements of capitalism and contributing to the implementation of the Eastern and Western vectors of Russia's foreign trade. Thanks to their activities, Armenian merchants contributed not only to the development of foreign trade relations of the Russian state, but also to the development of the Russian economy and strengthening the positions of Armenian traders and entrepreneurs.

Russian-Armenian relations have a rich history. Today they continue to develop actively including the sphere of trade and the economy. There are approximately 2 million Armenians living in Russia. The beginning of Armenian settlements on the territory of the Russian Empire was laid several centuries ago and is also associated with the active establishment of trade ties and an increase of the percentage of Armenian capital in the Russian economy. In this regard, it seems relevant to trace the origins and dynamics of these relations, demonstrating deep roots and successful experience of trade and financial interactions

between the parties, and to identify the role of Armenian trade capital in the development both of the domestic market and the foreign trade strategy of the Russian state. In addition, the significance and novelty of this research are emphasized by an insufficient level of analyses of this topic in modern Armenia and an intention to raise the awareness of the Armenian and Russian scientific communities about the role of Armenian merchants and their interactions with Russia since the 17th-18th centuries. From this point of view, special attention should be paid to the fact that it was the Armenian merchants who stood at the origins of the formation and establishment of the credit system of the Russian Empire. Their activities resulted in the introduction of the bill system, for the first time in Russia.

In the article, we have made an attempt to show that due to their rich experience the Armenian merchant houses and individual traders harmoniously fit into the main foreign trade vectors designated by Alexei Mikhailovich: Western and Eastern, having played an active role in their implementation.

Key words: Armenian merchants, Russia, capital, foreign trade, Julfa company, capitalism, bill system.

Россия вступила в XVII в. в состоянии политической и экономической турбулентности. Пресечение династии Рюриковичей, народные волнения, польская интервенция, противоречия и бесконечные конфликты боярских группировок явились серьезной угрозой для российской государственности. Подъем национально-освободительного движения, гражданское единение смогли предотвратить падение государства. Россия достойно вышла из состояния турбулентности и в 1613 г. состоявшееся заседание Земского собора избрало нового царя. На троне воцарилась новая династия – династия Романовых, которой суждено было поднять страну на новый уровень развития, тем самым обеспечив ее международное признание. На долю первых из рода Романовых пришлось решение достаточно сложных задач: сохранить и укрепить политическое единство, дать импульс для развития экономического сегмента.

Основные и очень важные шаги в этом направлении предпринимались в правление Алексея Михайловича, которого характеризовали как практичного и прагматичного правителя. Историк Ключевский В.О. писал: «Нам остается взглянуть на людей, стоящих тогда во главе его. Из противоположных течений, волновавших русское общество, одно отталкивало его к старине, а другое увлекало вперед... В этом лице отразился разрыв со своим прошлым и ломая существующее, Алексей Михайлович одной ногой крепко опирался в родную православную страну, а другую уже занес было за ее черту...» [6]. Портрет Алексея Михайловича Ключевский В. О. представил предельно точно и лаконично, отметив «особенности» царя, которые найдут свою реализацию на протяжении всего периода правления с 1645 по 1676 гг.

Важно отметить следующее высказывание: «...а другую уже занес было за ее черту...». Эта заметка имеет достаточно глубокий смысл. Алексею Михайловичу принадлежит инициатива проецирования новых явлений в Европе на российскую действительность. Особенность данной политики заключается в сохранении устоев монархической власти. То есть с одной стороны не наносится ущерб сложившемуся российскому порядку, с другой начинается внедрение новых, более продвинутых явления в экономический сегмент.

Известно, что конец XVI – начало XVII вв. ознаменовались буржуазными революциями в Нидерландах и Англии, где свободно развивались капиталистические отношения. Подобные революции в условиях России на период XVII в. были нереальными в политическом аспекте. Но экономический сегмент нуждался в конкретных преобразованиях.

Как уже отмечалось, стратегия Алексея Михайловича заключалась в том, чтобы купировать резонанс революционных событий в Европе дабы сохранить устои самодержавия. Новые же яв-

ления в российской экономике проявились в виде мануфактур, открытия внутреннего национального рынка. Перед Российским государством стояла задача: создать условия для развития экономического сегмента. Отметим, что новые явления в экономике страны, получившие широкомасштабное применение и развитие, создали определенный фундамент, послуживший стартовой площадкой для более радикальных преобразований в XVIII в. Петром Великим.

Таким образом, мануфактуры стали выступать в качестве основы генезиса капитализма. Появление мануфактур как формы капиталистического производства явилось требованием времени. Утверждение о мануфактурах в качестве генезиса капитализма до сих пор является темой дискуссий. Но факт того, что именно появление мануфактур привнесло такие понятия, как разделение труда, наемный труд, специализация, неоспорим. Одновременно с мануфактурами в России формировался национальный рынок: Ирбитская, Макарьевская, Архангелогородская, Свитская ярмарки. В силу открытия ярмарок и развития внутренней торговли необходимо было определить и приоритеты внешней торговли. Внешняя торговля, прибытие иноземных купцов, естественно, оказали влияние на дальнейшее развитие России.

На протяжении всех лет правления Алексею Михайловичу удавалось балансировать между укоренившимся феодально-крепостническим строем и новыми явлениями в экономическом сегменте. Принцип централизованной власти по-прежнему оставался неизменным. Об этом наглядно свидетельствовало Соборное уложение 1649 г. Фактически Соборное уложение явилось кодексом феодального права. Таким образом, благодаря дальновидной политике царя удалось не только укрепить основы российской государственности и преемственности, но и встать на путь стабильного экономического развития с учетом мировых передовых тенденций.

Стабильно действующая политическая система российского государства позволяла делать достаточно смелые шаги в экономике, где наметились внешнеэкономические векторы на Восток и Запад. Рост экономики, проблемы с государственным бюджетом – эти задачи стояли на повестке дня. Решительные действия в области внешней торговли принесли внушительные дивиденды и послужили быстрому росту экономики страны. Открытие внутреннего рынка, обозначение векторов внешней торговли особую значимость придали купцам-торговцам. В этой связи определились основные принципы: протекционизм и меркантилизм. Протекционизм в качестве экономической политики государства гарантировал независимость от иностранного капитала. Это особенно важно, так как угроза для России была вполне реальной в силу экономической отсталости.

Российское государство, определив векторы внешней торговли, позаботилось о составлении законодательства, регулирующего внешнеторговые отношения. Государство поощряло внешнюю торговлю, так как понимало необходимость притока иностранного капитала. Иностранные купцы были заинтересованы в торговле с Россией – страной, обладающей богатыми ресурсами. Тем не менее, их деятельность должна была быть урегулирована с учетом интересов Российского государства.

Таким образом, внешнеторговые векторы на Восток и на Запад, привлечение иностранного капитала, создание конкретной законодательной базы, упорядочение пошлинных взиманий – это именно те задачи, решением которых пришлось заниматься Алексею Михайловичу. Отметим, что решение поставленных задач, их реализация сдвинули с точки стагнации экономику России. Наметилась достаточно многообразная палитра внешнеторговых сношений: Иран, Индия, Швеция, Англия, Китай. За короткое время была выработана законодательная база: Новоторговый устав 1667 г., Устав Таможенный 1653 г. В основу этой базы легли, прежде всего, национальные интересы государства. Новоторговый устав 1667 г., составленный А.Л. Ординым-Нащокиным, представил право транзита и привилегии армянам [4, с. 35–37], не делая при этом отступлений от меркантилистской политики и борьбы с иностранным капиталом. Новоторговый устав предусматривал ряд ограничений для иностранцев: без санкции государя они не могли ввозить товары в города и продавать в рознь (§ 87); иностранцам запрещалось вести торговлю между собой – в этом случае под защитой государства оказались русские купцы. Русским купцам позволялось вести торговлю на ярмарках с иноземцами (§ 61) [8].

Таким образом, Алексей Михайлович, придерживаясь позиций образования национального государства, создавал почву для развития товарно-денежных отношений и торгового капитала России.

Проводя аналогию с Европой, заметим, что Россия развивалась экстенсивно, что нельзя сказать о европейских странах. В Европе наблюдалось интенсивное развитие экономики. Экстенсивное развитие России было обусловлено своеобразием страны, где устои феодализма достаточно крепко сохранялись. Несмотря на ряд патриархальных основ, Россия с развитием внешней торговли становилась самодостаточным государством в международном сообществе.

Унифицированные торговые пошлины создали необходимую базу для развития внешней торговли. Фактически уникальность и особенность России заключалась в том, что торговый капитал пробивал дорогу в условиях феодализма, вотчинного хозяйства, втягивая таким образом в орбиту

всероссийской и международной торговли. В международной торговле наметилась магистраль товарообмена. Это маршрут Волжско – Каспийский.

Одной из важнейших социально-экономических задач во второй половине XVII в. явилось привлечение иностранного торгового капитала. В этом отношении деятельность Московской компании из Англии отвечала интересам России. Московская компания была образована в 1551 г. в Лондоне. Данная торговая компания долгое время обладала монопольным правом на торговлю с Россией. Этот факт был обусловлен серьезным опытом в торговых делах и отсутствием на данный период альтернативы.

Монопольные позиции англичан сохранялись до тех пор, пока не стали известны некие подробности деятельности, сочетаемые с торговлей. Вмешательство Московской компании в политическую жизнь страны, использование агентуры в определенных целях, не касающихся торговли, создали конкретную угрозу для безопасности России. Московская компания занималась побочной деятельностью, преследовала цель превратить Российское государство в придаток Англии по подобию Индии. Об «иной» деятельности Московской компании стало известно царю, после чего последовало конкретное решение: в 1649 г. вышел указ, согласно которому английские торговцы лишились права на розничную торговлю, осуществляли торговые сделки в пределах лишь Архангельска.

Указ царя устранил угрозу прямой зависимости от импорта английских товаров, одновременно оградив от каких-либо поползновений в политическую жизнь Российского государства.

Таким образом, торговая деятельность Московской компании была ограничена пределами Архангельска. В 1653 г. последовал Указ царя «О взимании таможенной пошлины с товаров в Москве и в городах, с показанием поскольку взято и с каких товаров». Данный указ ознаменовал введение единой таможенной пошлины и регламентировали нормы русского товарного права. Возможно, к формированию законодательной базы «подтолкнула» деятельность Московской компании и монополия ее в торговых отношениях, наносящих вред национальным интересам и государственной безопасности. Прецедент с английской торговой компанией подтолкнул не только к формированию законодательной системы, но и позволил российской торговой сфере появиться и достаточно серьезно о себе заявить.

Отношение России к армянским торговым компаниям было предопределено благодаря активности ее представителей в реализации международных торговых отношений с Ираном [7]. И во второй половине XVII в. торгово-экономические отношения между Россией и Ираном велись по конкретному направлению: маршруту Астрахань –

Архангельск по Волжско-Каспийскому тракту. Эта магистраль служила международному товарообмену. Армянские торговые компании выполняли роль посредника, активизировали экономические и торговые отношения между упомянутыми странами. Определив векторы внешней торговли, Россия рассматривала армянских купцов не только в качестве посредника, но и в роли прямого триггера в развитии торговли не только с Востоком, но и с Западом.

Инициатива динамичного проникновения армянского торгового капитала принадлежала Джульфинской компании Захара Сагратова [5]. Свою деятельность она развернула в колонии Новая Джульфа в районе Исфахана. Основная статья вывоза – это шелк – сырец. Джульфинская компания получила официальное разрешение на самоуправление в ряде городов России. По сути, армянские купцы явились связующим звеном России с Востоком и Западом. Позитивно армянские торговые компании заняли ключевые позиции во внешнеэкономических сношениях России.

Деятельность армянских купцов не выходила за рамки устоявшихся тенденций в социально-экономическом развитии России. Именно подобная позиция армян обеспечила динамику в торговых отношениях с Востоком и Западом, где интересы Российского государства имели приоритетное значение. Одновременно этот факт обеспечил и ускорил процесс интеграции армянского капитала в экономику России. Помимо торговой составляющей важно рассматривать привлечение армянских купцов в контексте международных отношений и дипломатии [3]. Оживленная, достаточно динамичная торговая деятельность армян способствовала сближению России со странами Востока и Запада.

Джульфинская компания явилась первой, получившей широкие льготы: право свободного проезда через Москву и в страны Европы, право не платить высокие пошлины за ввозимые товары, право платить установленную плату за перевозку. Ко второй половине XVII в. на долю армянского капитала приходилось 70–75 % от общей суммы оборотов российско-иранской торговли [1]. Астрахань стала транзитным пунктом в многочисленных торговых операциях армян. Россия получала бесперебойное поступление из восточных стран, в частности из Ирана через Астрахань шелка-сырца и иных шелковых изделий и товаров, вывозимых армянскими купцами транзитом через Дербент [11, 47–49].

Армянский капитал вкладывался в предпринимательство, что, в свою очередь, ускорило рост численности мануфактур. Получая покровительство со стороны государства, армяне открывали собственные торговые дворы.

Широкомасштабные, но заслуженные льготы, предоставленные армянским купцам, вызвали негативную реакцию со стороны русских торгов-

цев. Достаточно часто на имя царя поступали челобитные, где излагались негодования и возмущения с целью урезать привилегии армян. Царствующая династия понимала, что вопрос конкуренции торговых компаний является одной из составных элементов международной торговли. Многие челобитные оставались без ответа.

Джульфинская компания Захара Сагратова положила начало проникновению армянского капитала в экономику Российского государства. Делегация во главе с Григорием Лусиковым и Степаном Ромодамским будучи в Москве, провела переговоры на высшем уровне. В подтверждение сказанному представим отрывок: «... Вели, государь, нам возить через твое государство, Московское государство во Архангельский город тот шелк-сырец и иные кызылбашские товары...» [2, с. 44–45]. Григорий Лусиков неоднократно имел возможность обращаться к царю России с целью укрепления позиций армян. «Совершим это путешествие, пока очистится русская земля, и тогда приедем...» [2, с. 72–73]. Некие затруднения с приездом армянских купцов были связаны с восстанием Степана Разина, в ходе которого безопасность перевозки и сохранности товаров не была гарантирована.

Во время очередной встречи с царем Григорий Лусиков представил программу торговых сношений, которая в итоге была одобрена. Армяне закрепили за собой монополию в торговле с Востоком. Интенсивное проникновение армянского капитала в экономику России сопровождалось дипломатической миссией, что отвечало интересам обеих сторон. Активная деятельность армянских купцов упрочила армяно-русские отношения, способствуя развитию российской торговли в целом. На территории России процветали центры региональной и международной торговли: Астрахань, Кизляр, Дербент, расположенные вдоль берегов Каспийского моря, на Волжско-каспийском пути. Фактически, упомянутые города обеспечивали первоочередные потребности населения Прикаспия. Архивные документы Дербентской таможни указывают, что через Дербент и в Дербент и Астрахань со второй половины XVII в. и далее осуществляли торговлю ереванские, нахичеванские и джульфинские армяне [10, л. 2–4].

Динамичная торговля армян способствовала развитию интеграционных процессов. Экономический фактор стал своеобразным триггером в армяно-русских отношениях второй половины XVII в. Постепенно армяне проявили свои возможности и в иных, общественно-политических сферах Российского государства. Увеличился приток армян из Ирана в связи с гонениями в этой стране в конце XVII в. Отметим, что в последствии детерминантной в формировании российско-армянских отношений явилась именно торговая деятельность, что отвечало ключевым

интересам Российского государства. Армянские торговцы обладали достаточным коммерческим потенциалом.

Армянам принадлежит инициатива применения векселей. Интенсивная коммерческая практика позволяла им широко использовать векселя в торговле еще до приезда в Россию.

Богатый торговый опыт армян был отмечен и в Европе. В этой связи представляют интерес заметки об армянских купцах, оставленные английским коммерсантом Дж. Хэнвеем, совершившим торговое путешествие в Иран (Персию) через Россию: «Они... долгое время отличались как самые сообразительные торговцы по всей Азии, и, вынося на рынки изделия Востока, ввозили туда европейские товары» [12]. Высокой оценки армянские купцы удостоились со стороны шведского короля Карла XI. По специальному Указу короля пять армянских купцов получили право импортировать шелк в Швецию на льготных началах: Ануш Варданян, Марут Нерсисян, Меликназ Анумян, Марут Погосян, Ануш Погосян [9, л. 1–3].

Использование вексельных операций в торговле позже было закреплено в «Судебнике астраханских армян». Интересно, что в данном документе сочетались основы российского законодательства с практическими наработками армянских купцов. Впоследствии, во второй половине XVIII в., в практику российской внешней торговли вошло централизованное кредитование [1]. В 1779 г. был учрежден Астраханский Армянский банк. Заслуги армян и их внушительный вклад в экономическое развитие России был отмечен созданием в банке специального фонда, доступного только армянским торговцам. Привилегии, предоставленные армянам в России, были продиктованы интересами страны, получившей устойчивую экономическую базу. Армянским торговым компаниям удалось достаточно четко проводить политику протекционизма в России.

Благополучная деятельность армянских купцов подкреплялась дипломатией Армянской Апостольской церкви. Одним из очередных обращений с просьбой о содействии явилось письмо патриарха Петра из Гандзасара; «Христовоенчанный царь, благородный, сильнейший ко врагам самодержавец и благоверный благолюбивый Христо хранитель Алексей Михайлович... Молим у Господа Бога чтоб государства и хвалу твою умножил... и к нашему народу о заступлении, и чтоб мы меж нечестивыми без исцеления не оставались...» [10, л. 1–2]. Подобных писем было достаточно, они отвечали геэкономическим интересам Российского государства и всегда находили одобрение.

В подтверждение вышесказанного возвратимся к документу, составленному А. Ординым-Нащокиным, которым были предоставлены привилегии армянским купцам. Одним из основных

положений явилось вытеснение европейского капитала из Ирана. Помимо того, перед армянскими купцами стояла цель увеличить армянский торговый капитал, привлечь в русские торговые круги армян, укрепить связь с армянским народом. В данном документе представлены ключевые, принципиальные позиции, сложившиеся в России к армянским купцам. Армянский торговый люд фактически стал основным игроком на национальном и внешнем рынках России.

Возвращаясь к деятельности и дипломатической миссии Григория Лусикова, представим его очередное послание царю: «От привозу того шелку и иных товаров твоим государевым подданным всяких чинов людям учинится великая прибылька и иноземцы... все будут ездить к Архангельскому городу и от них великие пошлины учинятся и в твою государственную казну...» [2, с. 76–77]. Зачастую перед Российским государством стояла задача обеспечить безопасность торговой деятельности армян, в случае обострения политической ситуации с рядом европейских государств, прежде всего с Голландией, Швецией и Англией. Армянские торговцы, привнося в экономический сегмент львиную долю капитала, получали взаимовыгодные государственные гарантии безопасности. Таким образом, достаточно гибкая, не менее прагматичная политика России обеспечила активизацию и приток торговцев из Ирана, так называемой «Шахской области».

Армянским торговцам принадлежит заслуга в ограничении действий торгово-промышленного капитала Англии, Голландии и Франции в Иране. Благодаря конкурентоспособности армян вышеперечисленные страны не смогли установить прямую связь с Ираном, а также обеспечить широкое проникновение европейского капитала в Россию.

Учитывая опыт деятельности Московской компании английских торговцев, ведущих торговлю в России, сочетая ее с агентурным вмешательством в политическую сферу страны, можно сказать, что деятельность армянских торговцев, ограничивших поступление европейского капитала, отвечала интересам самой России.

Благосклонность Российского государства к торговым людям из «Шахской области» способствовала постоянному притоку армянских купцов. Покровительство России к армянским купцам имело свое естественное продолжение при наследниках Алексея Михайловича. В данном контексте документы Российского государственного архива древних актов представляют определенный интерес. Одним из документов, свидетельствующих о покровительстве, является «Отписка астраханского воеводы Ф.А. Пушкина о приезде в Астрахань из «Шахской области» армян – торговых людей Давида Аврамова и Семена Богданова с шелками-сырцами и другими «заморскими товарами»». Документ датирован 1681 г. и поступил

в Посольский приказ. Список товаров, представленный торговцами, впоследствии, в сентябре 1681 г., был отправлен «Приказу большой казны». Упомянутые торговцы прибыли из Амстердама («Немецкая земля») и желали продолжить путь. Но конечная цель заключалась в прибытии через Архангельск в Россию. И эту просьбу-обращение после рассмотрения боярином князем Голицыным была удовлетворена [9, л. 6–7]. Обратить внимание, что армянские торговые люди, согласно архивным документам, прибывали в Россию из Европы. Иначе, армянские купцы динамично действовали и в Европе, реализуя западный вектор внешнеэкономических отношений России.

Очередное послание поступает в январе 1684 г. на имя «архангельского воеводы боярину Н. К. Стремневу и дьяку М. Бурцеву о пропуске к Москве через Архангельск армянских купцов Ильяс Аввакова и Абдуллы Арапетова», возвращавшихся из Голландии в Россию. Интересно, что пошлины взимались «по жалованным грамотам, каковы даны Григорию Лусикову и всей их армянской компании...» [2, с. 92–93].

В октябре 1684 г. ранее упомянутые армянские торговцы Ильяс Авваков и Абдулла Арапетов подали челобитную, где выразили свою благодарность, закрепив ее подписями. Челобитные от армянских торговцев явились документальным свидетельством динамики проникновения армянского капитала в экономику Российского государства. Армянский капитал постепенно начал накапливаться в России, при этом стимулировал ее социально-экономическое развитие, создавая условия для возникновения и дальнейшего роста мануфактурного производства. В феодально-крепостнической России появились некие элементы

капиталистических отношений, выразившиеся в кредитно-банковской системе. Выше было упомянуто о создании Астраханского банка, где армянам был отведен специальный фонд. Таким образом, можно утверждать, что армянские торговцы из так называемой «Шахской области», доминируя во внешнеэкономических сношениях России, привнесли кредитно-денежные отношения в качестве реальной практики.

В упомянутом «Судебнике астраханских армян» имеются документы, в которых зафиксированы финансовые сделки, такие как «санад» – форма торговой долговой расписки; «контракт – договор»; «барат» – долговое обязательство. Интересно, что «барат» является формой переводного векселя. Это в очередной раз доказывает, что армяне стали «первопроходцами» в формировании в России кредитно-денежной системы.

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что в статье сделана попытка представить феномен деятельности армянских купцов. Армяне, обеспечив внешнеэкономические связи Российского государства на Востоке и на Западе, заручились доверием и поддержкой правящей династии. Армянский капитал обеспечил развитие экономики России, внося элементы капиталистических отношений. Интересно, что оживленная торговля, предпринимательская деятельность армянских купцов не затронули политический сегмент, его незыблемость. К месту будет заметить, что армянские торговые люди «верой и правдой» служили России. Сближение армянского купечества с российскими торгово-промышленными кругами как тенденция явилось практическим следствием формировавшихся на протяжении веков взаимоотношений и была выгодна для обеих сторон.

Источники и литература

1. Ананян Ж. А. Армянский торговый капитал в России (Конец XVII – начало XVIII в.). URL: [http://hpj.asj-oa.am/5452/1/1993-1-2\(43\).pdf](http://hpj.asj-oa.am/5452/1/1993-1-2(43).pdf) (дата обращения: 25.06.2021).
2. Армяно-русские отношения в XVIII веке. Сборник документов // Под ред. В.А. Парсамяна. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1953. 245 с.
3. Байбуртян В. А. Армянская колония Новой Джульфы в XVII веке. (Роль Новой Джульфы в ирано-европейских политических и экономических связях). Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1969. 167 с.
4. Восканян В. Ново-торговый устав и договор с армянской торговой компанией // Известия Академии наук Армянской ССР. 1947. №6. С. 29–43.
5. Иоаннисян А. Г. К вопросу о происхождении русской ориентации армян. Эчмиадзин, 1921.
6. Ключевский В. О. Русская история: ч. 1–3. URL: <https://www.prlib.ru/item/362437> (дата обращения: 01.06.2021).
7. Куканова Н. Г. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII – первой половине XIX века. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1977. 285 с.
8. Новоторговый устав 22 апреля 1667 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/novotorg.htm> (дата обращения: 30.05.2021).
9. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 100. Оп. 1. Д. 3.
10. РГАДА. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2.
11. Хачатурян В.А. Обозрение армянской колонии в Астрахани // Историко-филологический журнал АН Арм. ССР. 1983. С 44–57. URL: [http://hpj.asj-oa.am/3829/1/1983-4\(44\).pdf](http://hpj.asj-oa.am/3829/1/1983-4(44).pdf) (Дата обращения: 05.07.2021).
12. Hanway J. An historical account of British trade over the Caspian Sea: with a journal of travels from London through Russia into Persia, and back again through Russia, Germany and Holland, to which are added the Revolutions at Persia during the present century with the particular history of Nadil Koull. In 4 vols. London, 1753. 391 p.

References

1. Ananyan Zh.A. Armyanskij torgovyj kapital v Rossii (Konec XVII – nachalo XVIII v.) (Armenian trade capital in Russia in the end of XVII – beginning of XVIII centuries). URL: [http://hpj.asj-oa.am/5452/1/1993-1-2\(43\).pdf](http://hpj.asj-oa.am/5452/1/1993-1-2(43).pdf) (Accessed: 25.06.2021). (In Russian).
2. Armyano-russkie otnosheniya v XVIII v. Sbornik dokumentov (Armenian-Russian relations in 18th century) // Ed. by V.A. Parsamyan. Erevan.: AN Arm. SSR publ., 1953. 245 p. (In Russian).
3. Bajburtyan V. A. Armyanskaya koloniya Novoj Dzhul'fy v XVII veke. (Rol' Novoj Dzhul'fy v irano-evropejskih politicheskikh i ekonomicheskikh svyazej) (Armenian settlement of New Julfa in the XVII century. (Role of New Julfa in Iranian-European political and economic relations). Yerevan: AN Arm. SSR publ., 1969. 167 p. (In Russian).
4. Voskanyan V. Novo-torgovyj ustav i dogovor s armyanskoj torgovoj kompaniej (New trade charter and treaty with an Armenian trading company) // Izvestiya Akademii nauk Armyanskoj SSR. 1947. No. 6. P. 29-43. (In Russian).
5. Ioannisyan A. G. K voprosu o proiskhozhdenii russkoj orientacii armyan (On the origins of Russian orientation or Armenians). Echmiadzin, 1921. (In Russian).
6. Klyuchevskij V. O. Russkaya istoriya (Russian history). Part. 1-3. URL: <https://www.prlib.ru/item/362437> (Accessed: 01.06.2021). (In Russian).
7. Kukanova N. G. Ocherki po istorii russko-iranskih torgovyh otnoshenij v XVII – pervoj polovine XIX veka (Essays on the history of Russian-Iranian trade relations in the 17th - first half of the 19th century). Saransk: Mordovian book publishing house, 1977. 285 p. (In Russian).
8. New trade charter. April 22, 1667. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/novotorg.htm> (Accessed: 30.05.2021). (In Russian).
9. Russian state archive of ancient acts (RGADA). F. 100. Inv. 1. D. 3. (In Russian).
10. RGADA. F. 100. Inv. 1. D. 2. (In Russian).
11. Khachaturyan V.A. Obozrenie armyanskoj kolonii v Astrakhani (Review of the Armenian settlements in Astrakhan) // Istoriko-filologicheskij zhurnal AN Arm. SSR. 1983. P 44-57. URL: [http://hpj.asj-oa.am/3829/1/1983-4\(44\).pdf](http://hpj.asj-oa.am/3829/1/1983-4(44).pdf) (Accessed: 05.07.2021). (In Russian).
12. Hanway J. An historical account of British trade over the Caspian Sea: with a journal of travels from London through Russia into Persia, and back again through Russia, Germany and Holland, to which are added the Revolutions at Persia during the present century with the particular history of Nadil Koull. In 4 vols. London, 1753. 391 p.

Сведения об авторе

Шагиданова Каринэ Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Республики Армения (Ереван, Армения) / shagidanovak@mail.ru

Information about the author

Shahidanova Karine – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan, Armenia) / shagidanovak@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 658.7.011.1
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.12

Г. Б. Добрецов

СОБЫТИЕ И СОСТАВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ: РАЗЛИЧИЕ ДЕФИНИЦИЙ НА ПРИМЕРЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРИ ВЫБОРЕ СПОСОБА ЗАКУПКИ

Целью данного исследования является выявление отличия правовых последствий прекращения производства по делу об административном правонарушении по основаниям «отсутствие события правонарушения» и «отсутствие состава правонарушения». Задачи по достижению данной цели соответственно стали:

- 1) проанализировать схожесть и различия указанных дефиниций на примере ответственности за нарушения законодательства о контрактной системе при выборе способа закупки;
- 2) обосновать важность правильного их применения в административном процессе.

В работе применены общенаучные методы исследования сравнение и анализ и метод экспертных оценок. Автором с использованием примеров административной и судебной практики рассмотрена правоприменительная практика по оценке наличия или отсутствия события и состава административного правонарушения в конкретных делах. Впервые в условиях принятия оптимизационного пакета изменений законодательства о контрактной системе в сфере закупок рассматривается вопрос ответственности за нарушения при выборе способа определения поставщика (исполнителя, подрядчика). Актуальность работы заключается в том, что законодательство о закупках регулярно меняется, в основном в направлении либерализации, а нормы Ко-

декса об административные правонарушения с «жесткими» санкциями – стабильны, в связи с чем возникает необходимость анализа практики и выработки рекомендаций по предотвращению возможных ошибок. При этом следует учитывать и противоречивость правоприменительной практики по данной теме. Работа может быть полезна должностным лицам государственных и муниципальных заказчиков, сотрудникам контрольных органов, студентам юридических вузов, а так же всем, интересующимся административным правом. Цифровизация закупок выдвигает новые требования к уточнению зон ответственности должностных лиц за различные процедуры проведения закупок в рамках контрактной системы. Автором даются рекомендации о разработке локальных нормативных актов, регулирующих обязанности сотрудников контрактной службы, о действиях по предупреждению нарушений, за которые может быть применена административная ответственность, а также рекомендации должностным лицам, привлеченным к административной ответственности за нарушения при выборе способа закупки товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд о путях и способах правовой защиты. В работе использована Справочная правовая система КонсультантПлюс.

Ключевые слова: событие административного правонарушения; состав административного правонарушения.

Grigori Dobretsov

EVENT AND COMPOSITION OF AN ADMINISTRATIVE OFFENSE: DIFFERENCE OF DEFINITIONS ON THE EXAMPLE OF LIABILITY FOR VIOLATIONS WHEN CHOOSING A PROCUREMENT METHOD

The purpose of the work is to formulate a difference in the legal consequences of termination of proceedings in the case of an administrative offense on the grounds of «absence of an event of an offense» and «absence of an offense». The objectives of the study are to analyze the similarities and differences of these definitions on the example of responsibility for violations of the legislation on the contract system when choosing a procurement method and to justify the importance of their correct application in the administrative process. The paper applies general scientific methods of research comparison and analysis and the method of expert assessments. The author uses examples of administrative and judicial practice to consider law enforcement practice for assessing the presence or absence of an event and composition of an administrative

offense in specific cases. For the first time in the conditions of adoption of the optimization package of changes to the contract system in the field of procurement, the issue of liability for violations when choosing a method for determining the supplier (executor, contractor) is considered. The relevance of the work lies in the fact that the procurement legislation regularly changes, mainly in the direction of liberalization, and the norms of the Code of Administrative Offenses with «tough» sanctions are stable, in connection with which there is a need to analyze practice and develop recommendations to prevent possible errors. At the same time, it is necessary to take into account the inconsistency of law enforcement practice on this topic. The work can be useful to officials of state and municipal customers, an employee of control bodies, students of law schools, as

well as anyone interested in the administrative process. Digitalization of procurement poses new requirements for determining the areas of responsibility of officials for various procurement procedures within the contract system. Recommendations are given on the prevention of violations for which administrative responsibility can be applied, including through the development of local legal acts, as

Одним из принципов Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ [28] (далее – Закон) является принцип ответственности за результативность и эффективность осуществления закупок, согласно которому должностные лица заказчиков несут персональную ответственность за соблюдение требований, установленных законодательством РФ о контрактной системе в сфере закупок [28, ст. 12].

Лица, виновные в нарушении законодательства РФ и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок, несут дисциплинарную, гражданско-правовую, административную, уголовную ответственность в соответствии с законодательством РФ [28, ст. 107, ч. 1].

Административные правонарушения в сфере контрактной системы отнесены к главе 7 «Административные правонарушения в области охраны собственности» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП). Тем самым российский законодатель подчеркивает тот факт, что предметом такого рода правонарушений будет являться государственная или муниципальная собственность [1, с. 55].

Глава 7 КоАП содержит 11 статей, состоящих из 58 частей, предусматривающих ответственность за административные правонарушения в сфере закупок: статьи 7.29, 7.29.1, 7.29.2, 7.29.3, 7.30, 7.31, 7.31.1, 7.32, 7.32.1, 7.32.5, 7.32.6.

В их числе – ответственность за несоблюдение требований законодательства РФ о контрактной системе в сфере закупок при принятии решения о способе и об условиях определения поставщика (подрядчика, исполнителя), которая предусмотрена статьей 7.29 КоАП, содержащей пять частей. В настоящей работе рассматриваются вопросы применения ответственности в соответствии с частями 1 и 2 указанной статьи.

Часть 1 статьи 7.29 КоАП. Принятие решения о способе определения поставщика (подрядчика, исполнителя), в том числе решения о закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), с нарушением требований, установленных законодательством РФ о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, за исключением случаев, предусмотренных частями

well as officials brought to administrative responsibility for violations when choosing a method of procurement of goods, works, services for state and municipal needs on ways and methods of legal protection. The Reference Legal System ConsultantPlus is used in the work.

Key words: event of an administrative offense; composition of an administrative offense.

2, 2.1 и 4 настоящей статьи, – влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере 30000 руб.

Часть 2 статьи 7.29 КоАП. Принятие решения о способе определения поставщика (подрядчика, исполнителя), в том числе решения о закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), в случае, если определение поставщика (подрядчика, исполнителя) в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок должно осуществляться путем проведения конкурса или аукциона, – влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере 50 000 руб.

Законодательство РФ о контрактной системе в сфере закупок состоит из Закона 44-ФЗ и других федеральных законов, регулирующих отношения в сфере закупок.

Способ определения поставщика – совокупность операций, выполняемых в определенной последовательности с соблюдением установленных правил и имеющий цель выбрать из надлежащих поставщиков продукции лучшего, используя набор критериев, которыми располагает данный способ выбора поставщика (далее – способ закупки).

Заказчики при осуществлении закупок используют конкурентные способы закупки или осуществляют закупки у единственного поставщика. Конкурентные способы могут быть открытыми и закрытыми [28, ст. 24, ч. 1].

Конкурентными способами являются:

- 1) конкурсы (открытый конкурс в электронной форме, закрытый конкурс, закрытый конкурс в электронной форме);
- 2) аукционы (открытый аукцион в электронной форме, закрытый аукцион, закрытый аукцион в электронной форме);
- 3) запрос котировок в электронной форме [28 в ред. вст. 01.01.2022, ст. 24, ч. 2].

По делу об административном правонарушении в числе обстоятельств, подлежащих выяснению, на первом месте указано наличие события административного правонарушения, а также элементы состава административного правонарушения [2, ст. 26.1].

В настоящей работе рассматривается схожесть и различия дефиниций «событие административного правонарушения» и «состав административного правонарушения» на примере ответственности за нарушения законодательства

о контрактной системе при выборе способа закупки (части 1 и 2 ст. 7.29 КоАП) и обосновывается важность правильного их применения в административном процессе. Даются рекомендации заказчикам по предупреждению нарушений законодательства о контрактной системе, за которые может быть применена административная ответственность.

Событие административного правонарушения

Производство по делу об административном правонарушении не может быть начато, а начатое производство подлежит прекращению при наличии указанных в статье 24.5 КоАП обстоятельств, в том числе:

- 1) отсутствие события административного правонарушения;
- 2) отсутствие состава административного правонарушения [2, ст. 24.5, ч. 1].

При этом КоАП РФ не дает определения термину «событие административного правонарушения», однако изучение его содержания, а также судебной практики позволяет сделать вывод, что событие административного правонарушения – это состоявшийся факт нарушения каких-либо норм законодательства, за которое предусмотрена административная ответственность. Соответственно, отсутствие события административного правонарушения – это отсутствие факта нарушения норм законодательства, за которое предусмотрена административная ответственность.

Однако решение вопроса о наличии или отсутствии события административного правонарушения в действиях должностного лица заказчика при выборе способа закупки с точки зрения соответствия действий Закону нередко устанавливается субъективной оценкой контрольного органа.

Два похожих дела, но с различными результатами. Пример первый. Заказчиком в соответствии с пунктом 4 части 1 статьи 93 Закона и с соблюдением всех формальных требований Закона заключено два контракта на выполнение работ по благоустройству дворовой территории. По результатам прокурорской проверки сделан вывод о том, что, поскольку договоры имеют единый предмет (тождественность), работы проводятся в рамках одного мероприятия, то они должны рассматриваться как единый договор. «Дробление» сторонами общего объема работ, подлежащих выполнению на одном объекте, в короткий промежуток времени, расценено как свидетельство уклониться от процедуры торгов. Постановлением прокурора в отношении должностного лица заказчика возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 7.29 КоАП РФ, по факту ненадлежащего способа определения поставщика, принятия решения о закупке товаров для обеспечения муниципальных нужд у единственного поставщика с нарушением требований, установленных Законом,

а постановлением руководителя УФАС, оставленным без изменения решением суда, должностное лицо признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 7.29 КоАП РФ, и ему назначено административное наказание в виде административного штрафа в размере 30 000 руб. [12].

Другой пример, похожая фабула. Заказчиком в соответствии с пунктом 4 части 1 статьи 93 Закона и с соблюдением всех формальных требований Закона заключено два контракта на выполнение работ по привлечению специализированной техники для вывоза снега на автомобильных дорогах города. По результатам прокурорской проверки сделан вывод о нарушении заказчиком Закона о контрактной системе в связи с тем, что указанные контракты имеют единый предмет, содержат идентичные условия, направлены на достижение единой хозяйственной цели, образуют единую сделку, искусственно раздробленную и оформленную двумя самостоятельными договорами в целях осуществления закупки с единственным поставщиком. Постановлением прокурора в отношении должностного лица заказчика возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном частью 2 статьи 7.29 КоАП РФ. Однако, должностное лицо УФАС сочло вывод прокуратуры необоснованным на основании того, что в пункте 4 части 1 статьи 93 Закона отсутствует такое понятие, как одноименные товары, работы, услуги. Осуществление заказчиком по данному основанию закупок в пределах установленной суммы договора и в пределах годового лимита не содержит иных ограничений. Дело об административном правонарушении прекращено в связи с отсутствием события административного правонарушения [19].

При этом должностное лицо УФАС в качестве обоснования своей позиции сослалось на письмо ФАС России от 14.11.2019. Как считает ФАС России, само по себе неоднократное приобретение одноименных товаров, работ, услуг у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) с соблюдением требований, установленных пунктами 4, 5 части 1 статьи 93 Закона, не нарушают Закон, если такие действия не являются результатом антиконкурентного соглашения. Но заключение нескольких контрактов на основании пунктов 4, 5 части 1 статьи 93 Закона о контрактной системе в целях закупки работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объекта капитального строительства, выполнение которых предусмотрено единой проектной документацией, либо в рамках конкретного раздела проектной документации, фактически являются уклонением от проведения конкурентных процедур и нарушают требования Закона, а также могут быть квалифицированы как нарушение статьи 16 Федерального закона от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции» [5].

Поэтому одним из основных вопросов, подлежащим выяснению по делу об административном правонарушении является вопрос о наличии события административного правонарушения (факта).

Доказывание антиконкурентного соглашения, о котором говорится в письме ФАС, возможно при наличии совокупности косвенных доказательств. Одним из доказательств антиконкурентного соглашения может служить закупка Заказчиком товара у единственного поставщика в отсутствие подтверждения экономико-производственной целесообразности проводимых закупок, а также в отсутствие обоснования срочной потребности в товаре [3].

В этой связи представляется важным проанализировать понятие «дробление» закупки, ибо от его субъективного толкования зависит вывод о наличии или об отсутствии события административного правонарушения.

Под дроблением закупки понимается преднамеренная разбивка одного контракта на несколько мелких при условии, что заказчику заранее известна потребность в такой продукции (в объемах и сроках), и отсутствуют организационные, технологические или финансово-экономические причины, мешающие провести одну (единую) конкурентную процедуру.

В административной и судебной практике по состоянию на 2021 год сформировалось два диаметрально противоположных подхода к вопросу «дробления» закупок.

Первый. Привлечение исполнителя без соблюдения процедур, установленных Законом, противоречит требованиям законодательства о контрактной системе, приводит к необоснованному ограничению числа участников закупок и не способствует выявлению лучших условий поставок товаров, выполнения работ или оказания услуг. Искусственное «дробление» единой закупки на несколько мелких, - указал Суд, рассматривая конкретное дело, - имеет цель избежать конкурентной процедуры. Предусмотренные заключенными договорами работы являются идентичными, направлены на удовлетворение одной муниципальной потребности, территориально - в пределах одного населенного пункта, в один период времени. Доказательства, подтверждающие, что работы носили срочный, неотложный характер, являлись безотлагательными – отсутствуют [22].

Или как лаконично сформулировано Верховным судом РФ, доказательств, подтверждающих исключительность ситуации, когда заключение государственных контрактов с единственным поставщиком является единственно возможным и целесообразным, заказчиком не представлено, препятствий для своевременного проведения конкурентных процедур не имелось [4].

К этому можно добавить ссылку судов на статью 8 «Принцип обеспечения конкуренции» Закона. Суд разъяснил, что привлечение исполнителя без соблюдения конкурентных процедур противоречит требованиям законодательства о контрактной системе, приводит к необоснованному ограничению числа участников закупок и не способствует выявлению лучших условий поставок товаров, выполнения работ или оказания услуг [7].

Контрактная система в сфере закупок, – указано в Законе, – направлена на создание равных условий для обеспечения конкуренции между участниками закупок. Запрещается совершение любых действий, которые противоречат требованиям Закона, в том числе приводят к ограничению конкуренции, в частности к необоснованному ограничению числа участников закупок [28, ст. 8].

Второй подход. Само по себе неоднократное заключение заказчиком контракта с единственным поставщиком с соблюдением требований части 1 статьи 93 Закона № 44-ФЗ, – отметил Суд, – не является нарушением, если такие действия не связаны с результатом антиконкурентного соглашения и не посягают на публичные интересы и (или) права и законные интересы третьих лиц. Закон № 44-ФЗ не содержит ограничений относительно количества закупок, не превышающих установленную сумму, которые заказчик вправе осуществить у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя). В том числе, в случаях, когда предметом контрактов является приобретение одних и тех же товаров (работ, услуг) у одного и того же лица в течение какого-либо календарного периода времени (квартал, месяц, день). Ограничивается лишь годовой объем закупок и цена каждого отдельного контракта [6].

Представляется важным отметить, что в отдельных случаях контрольные органы и суды расходятся в понимании термина, что считать событием правонарушения, а что составом.

Так, постановлением руководителя УФАС прекращено производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 2 статьи 7.29 КоАП РФ в связи с отсутствием события правонарушения. Контрольный орган полагал, что факт заключения без проведения торгов двух контрактов на текущий ремонт помещений одного здания с разными подрядчиками исключает возможность признания данных контрактов единой сделкой. На основании этого сделал вывод, что событие вменяемого должностному лицу правонарушения отсутствует.

Областной суд, рассматривая жалобу, согласился с отсутствием в действии должностного лица административного правонарушения, однако те же самые факты квалифицировал иначе: вывод о том, что заключенные контракты являются единой сделкой, искусственно раздробленной

и оформленной самостоятельными договорами, неверен, соответственно, состав правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 7.29 КоАП РФ в действиях должностного лица отсутствует, что является основанием для прекращения производства по делу. Событие административного правонарушения, по мнению Суда, отсутствует лишь тогда, когда не было самого деяния, явившегося поводом для возбуждения дела об административном правонарушении и квалифицированного как правонарушение. В настоящем деле деяние – заключение должностным лицом контрактов – имело место, в связи с чем, вывод об отсутствии события правонарушения неверен. Суд отменил постановление о прекращении дела в связи с отсутствием события правонарушения, производство по делу прекратил в связи с отсутствием состава административного правонарушения [25].

Отметим, что вышеуказанные постановление УФАС и судебные акты были приняты после опубликования рекомендаций ФАС России о квалификации правомерности действий заказчиков по заключению нескольких контрактов на основании пунктов 4, 5 части 1 статьи 93 Закона в целях закупки работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объекта капитального строительства, выполнение которых предусмотрено единой проектной документацией, либо в рамках конкретного раздела проектной документации, однако, ни контрольный орган, ни суды не сослались на эти рекомендации (письмо ФАС России от 14.11.2019).

Другой пример. Суд отменил постановление должностного лица административного органа и прекратил производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 7.29 КоАП, в связи с отсутствием состава административного правонарушения. Прекращая производство по делу в связи с отсутствием состава административного правонарушения, Суд исходит из того, что должностное лицо руководствовалось нормами действующего законодательства и совершило действия в рамках Закона (то есть, событие есть, состава нет) [8].

Аналогичный пример. Контрольный орган, прекратил административное производство по делу, предусмотренному частью 2 статьи 7.29 КоАП, отметив, что должностное лицо правомерно выбрало способ закупки, а в качестве основания прекращения дела указал отсутствие состава правонарушения [17].

Событием правонарушения, предусмотренного статьей 7.29 КоАП при принятии решения о способе определения поставщика является факт совершения заказчиком действий, имеющих признаки административного правонарушения. При этом событие правонарушения не следует отождествлять с совершенным административным

правонарушением. В теории административного права под событием административного правонарушения понимается совершенное противоправное деяние физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность [27]. С нашей точки зрения, уместно говорить о противоправном деянии, содержащем признаки административного правонарушения. Ибо административным правонарушением признается деяние не только противоправное, но и виновное [2, ст. 2.1, ч. 1].

Таким образом, применительно к закупкам под событием административного правонарушения следует понимать факт совершения действий (бездействия), содержащих признаки деяния, за которое КоАП РФ установлена административная ответственность (например, закупка у единственного поставщика, в случае, когда в соответствии с Законом надо было закупать аукционным или закупка у единственного поставщика с нарушением годового лимита).

Состав административного правонарушения

Состав административного правонарушения – это совокупность установленных законодательством элементов – признаков, характеризующих действие (бездействие) как административное правонарушение. Отсутствие хотя бы одного из элементов означает отсутствие состава в целом. Юридический состав административного правонарушения состоит из 4 элементов: объект; объективная сторона; субъект; субъективная сторона. Рассмотрим описание составов правонарушений с привлечением конкретных примеров из административных дел.

Объектом правонарушения выступают конкретные нормы, регулирующие контрактную систему. Объектом правонарушения предусмотренного частью 2 статьи 7.29 КоАП являются отношения в сфере собственности и установленный порядок отбора поставщиков (подрядчиков, исполнителей) [21].

Объективная сторона – характеристика противоправного поведения: действие, бездействие лица, которое привело к вредным последствиям, за которые предусмотрена административная ответственность. Объективная сторона состава правонарушения, заключается в принятии решения о способе закупки, в том числе, у единственного поставщика:

- по части 1 ст. 7.29 КоАП – с нарушением требований, установленных законодательством РФ о контрактной системе,
- части 2 – в случае, если определение поставщика в соответствии с законодательством РФ о контрактной системе должно осуществляться путем проведения конкурса или аукциона [24].

Возникает вопрос, каким образом зафиксировать факт принятия решения должностным лицом? Если закупка предусматривает размещение извещения, то принятие решения о способе закупки указывается в извещении. Если извещения нет, то – заключением контракта. И в первом и во втором случае решение принимает должностное лицо, подписывающее документ. И здесь усматривается тесная связь объективной стороны правонарушения с субъектом правонарушения – должностным лицом.

Обратим внимание на то, что сам факт принятия решения о способе закупки уже достаточен для установления наличия объективной стороны правонарушения. Так, была признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 7.29 КоАП РФ, и подвергнута административному наказанию в виде административного штрафа в размере 50000 руб. контрактный управляющий заказчика О., Правонарушение, по мнению должностного лица УФАС, выразилось в том, что контрактным управляющим в нарушение положений Закона № 44-ФЗ избран способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя) путем проведения запроса котировок. То обстоятельство, что закупка была отменена на следующий день после размещения извещения (так указано в постановлении УФАС), контракты заключены не были, ущерб государственному учреждению не причинен, также не может являться основанием для признания деяния О. малозначительным [11].

Субъектом административного правонарушения выступает лицо (должностное в данном случае), виновное в его совершении.

Согласно примечанию к статье 2.4 КоАП РФ под должностным лицом следует понимать лицо, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных организациях.

Как правило, должностным лицом – субъектом рассматриваемого правонарушения выступает руководитель организации. Так, в рассмотренных 80 административных делах 80% должностных лиц, привлекаемых к ответственности, имели статус руководителя организации, 20% – должностные лица без указания должности.

Обоснование определения должностного лица, в большинстве случаев однотипное: поскольку «Н», в силу занимаемой должности директора организации исполняет организационно-распорядительные и административно-хозяйственные обязанности в организации, он (она) является должностным лицом в смысле придаваемом этому определению положениями статьи 2.4 КоАП, а, следовательно, является субъектом административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрено частью 2 ст. 7.29 КоАП [16].

Однако имеют место случаи неустраимых сомнений в определении субъекта административной ответственности в случаях, когда контракт подписан не руководителем, а иным лицом, а извещение не предусмотрено. Так, прокурором было возбуждено административное дело по части 2 статьи 7.29 в отношении должностного лица – руководителя заказчика. Должностное лицо УФАС, рассматривая дело, указало, что сам по себе факт замещения должности руководителя не свидетельствует о принятии указанным лицом спорного решения о способе определения поставщика. Должностное лицо УФАС сделало вывод о наличии неустраимых сомнений в виновности руководителя организации в совершении административного правонарушения и производство по делу было прекращено за отсутствием состава административного правонарушения [13].

В отдельных случаях имеющиеся, с точки зрения автора, неустраимые сомнения в определении субъекта административной ответственности контрольный орган не усматривает. Так, в соответствии с частью 2 статьи 7.29 КоАП была привлечена к административной ответственности контрактный управляющий заказчика О., Правонарушение, по мнению должностного лица УФАС, выразилось в том, что контрактным управляющим в нарушение положений Закона № 44-ФЗ неправильно избран способ определения исполнителя путем проведения запроса котировок. [11]. При этом контрольный орган не обратил внимание на то, что извещение о запросе котировок в Единой информационной системе подписано электронной подписью руководителя организации У, а не контрактным управляющим О., однако этот факт не рассмотрен ни контрольным органом ни судами, рассматривающими жалобы О.

Другое аналогичное дело. Контрольным органом на основании части 1 статьи 7.29 КоАП привлечена к административной ответственности и признана виновной с назначением административного наказания в виде административного штрафа главный врач учреждения здравоохранения. Но решением суда производство по делу об административном правонарушении прекращено за малозначительностью совершенного правонарушения, с объявлением главному врачу устного замечания. При этом в судебном акте сделана оговорка, которая не свидетельствует о снижении размера вреда и тяжести наступивших последствий, не влияет на нарушение охраняемых общественных правоотношений, но позволяет усомниться в правомерности определении должностного лица, совершившего правонарушение: «Кроме того, - указал Суд, - следует учитывать, что за совершение данного нарушения к дисциплинарной ответственности в соответствии с приказом по организации была привлечена контрактный управляющий - специалист по закупкам» [23].

Субъективная сторона определяет форму вины такого лица (умысел, неосторожность).

Согласимся с С. М. Рукавишниковым, что в ряде случаев антимонопольные органы ограничиваются только установлением вины лица, привлекаемого к административной ответственности. Вопрос формы вины должностного лица в совершении вменяемого ему правонарушения не исследуется, и в тексте постановления по делу об административном правонарушении определение конкретной формы вины должностного лица отсутствует [26].

Ответственности за совершение административного правонарушения предусмотренного частью 1 статьи 7.29, указано в постановлении УФАС, подлежит вне зависимости от формы вины - в связи с ненадлежащим исполнением им как должностным лицом своих служебных обязанностей, которые в данном случае выражались в необходимости выбора законного способа осуществления закупки на оказание услуг [20].

В то же время в большинстве постановлений по делам об административных правонарушениях, вынесенных должностными лицами антимонопольных органов, вопрос формы вины лица в совершении вменяемого ему нарушения исследуется. Как правило, контрольные органы субъективную сторону административного правонарушения характеризуют виной в форме неосторожности, поскольку лицо, привлекаемое к ответственности, не предвидело наступления вредных последствий, хотя должно было и могло их предвидеть [15].

В конкретном случае вина должностного лица, сформулированная судом при рассмотрении жалобы должностного лица, привлеченного к административной ответственности в соответствии с частью 2 статьи 7.29 КоАП, состоит в пренебрежительном отношении к требованиям действующего законодательства о контрактной системе при принятии решения о способе и об условиях определения поставщика (подрядчика, исполнителя). Доказательств того, что им были приняты все зависящие от него меры по выполнению требований законодательства РФ о контрактной системе в сфере закупок, а также доказательств возникновения непреодолимых препятствий в материалах дела не имеется [29].

Наличие неустранимых сомнений в виновности должностного лица, то есть в наличии субъективной стороны состава административного правонарушения, дает основание контрольному органу сделать вывод об отсутствии состава административного правонарушения [14].

Приоритет события административного правонарушения над составом правонарушения

В отдельных актах контрольных органов усматривается смешение понятий объективная сторона административного правонарушения и

событие административного правонарушения, так в постановлении УФАС указано: учитывая, что заказчик заключил два контракта по пункту 5 части 1 статьи 93 в соответствии с Законом, отсюда следует вывод, что объективная сторона административного правонарушения по части 2 статьи 7.29 КоАП в действиях должностного лица отсутствует [18], хотя отсутствует событие правонарушения.

Как было уже рассмотрено, отсутствие и события административного правонарушения и его состава является основанием для прекращения административного производства [2, ст. 24.5].

Но, при этом прекращение дела в связи с отсутствием события административного правонарушения и прекращение дела в связи с отсутствием состава административного правонарушения порождает разные правовые последствия.

Что является первоочередным в производстве по делу об административном правонарушении? Рассмотрим эти схожие понятия (событие правонарушения и состав правонарушения) на примере дела об уголовной ответственности.

Следственный комитет РФ вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении М. – за отсутствием в его действиях состава преступления. По мнению М., отказ в возбуждении дела за отсутствием состава, а не события преступления косвенно указывает на наличие в его действиях дисциплинарного проступка, и обжаловал основания отказа в возбуждении дела в суде, а затем обратился с жалобой в Конституционный суд.

Конституционный суд постановил, что отказ в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии лица состава преступления возможен только при условии предварительного установления наличия и совершения лицом общественно опасного деяния, содержащего объективные признаки преступления (события преступления). Правоприменительные решения по делу М., вынесенные на основании пункта 2 части 1 статьи 24 УПК РФ в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении, подлежат пересмотру [10].

Потому отсутствие события преступления само по себе уже означает отсутствие его состава и исключают привлечение лица к какой-либо юридической ответственности, в то время как отсутствие в деянии лица состава правонарушения может восприниматься как не отрицающее факт участия этого лица в совершении деяния, по которому было возбуждено производство и не препятствует наступлению в будущем негативных для него последствий в виде его привлечения, например, к дисциплинарной ответственности [9].

Опираясь на принцип аналогии права, следует руководствоваться таким же подходом, рассматривая основания для прекращения дела об

административном правонарушении: отсутствие события правонарушения влечет за собой прекращение дела на этом основании и без последующего рассмотрения элементов состава правонарушения. Незаконно прекращать дело на основании отсутствия и события и состава административного правонарушения.

В заключение и в порядке рекомендаций следует сделать следующие выводы:

1. Событие административного правонарушения – это совершенные действия (бездействие), содержащие признаки деяния, за которое КоАП установлена административная ответственность. Состав административного правонарушения – это совокупность установленных законодательством элементов – признаков, характеризующих действие (бездействие) как административное правонарушение.
2. В результате исследования установлен очевидный приоритет события административного правонарушения: отсутствие события административного правонарушения или непричастность к нему лица означают отсутствие предпосылок и для исследования вопроса о наличии состава правонарушения, предусмотренного законом.
3. Постановления о привлечении к административной ответственности должностные лица вправе обжаловать в установленные для этого сроки в районном суде, апелляционной и кассационной инстанциях. Как правило, в Верховный суд должностные лица не обращаются. Должностному лицу, подающему жалобу в суд в связи с оспариванием постановления контрольного органа о привлечении к административной ответственности, следует обратить внимание на обоснование доводов жалобы, в первую очередь, проанализировав доказанность в постановлении о привлечении к ответственности факта события правонарушения, а затем его состава. Суд, рассматривая жалобу, может усмотреть малозначительность административного правонарушения.
4. Локальным актом организации необходимо назначить должностное лицо, ответственное за принятие решения о способе определения поставщика. При отсутствии такого акта, если в организации принято положение о контрактной службе, в нем на основании типового положения о контрактной службе (контрактном управляющем) должна быть возложена функция указание в извещении об осуществлении закупки всей необходимой информации, в том числе, – способа закупки. При этом, контрактный управляющий должен подписывать размещенный в Единой информационной системе документ своей электронной подписью. Если при этом контрольный орган привлекает к ответственности руководителя организации, у него появляются основания для обжалования привлечения в качестве должностного – ненадлежащего лица.
5. Должностному лицу, привлекаемому к административной ответственности, следует знать, что Федеральным законом № 410-ФЗ от 08.12.2020 года, вступившим в силу 19.12.2020, внесено изменение в статью 4.1.1. КоАП, распространив на сотрудников организаций-заказчиков (некоммерческих организаций) правило о замене административного наказания в виде административного штрафа на предупреждение при наличии обстоятельств, предусмотренных частью 2 статьи 3.4 КоАП. Предупреждение устанавливается за впервые совершенные административные правонарушения при отсутствии причинения вреда или возникновения угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, объектам животного и растительного мира, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов РФ, безопасности государства, угрозы чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также при отсутствии имущественного ущерба.
6. С целью избежать привлечения к ответственности за нарушение Закона при закупке у единственного поставщика по пунктам 4, 5 части 1 статьи 93 Закона по признакам так называемого «дробления» сделки рекомендуем не заключать с одним поставщиком, одновременно контракты по одному предмету, с одинаковыми требованиями к закупаемой продукции. При закупке у единственного поставщика (в первую очередь на основании пункта 9 части 1 статьи 93 Закона) до заключения контракта – скомплектовать весь необходимый набор документов, дающих право применения конкретного пункта части 1 статьи 93 Закона.

Литература

1. Барышев С.А. Проблемы систематизации составов административных правонарушений в сфере контрактной системы // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2015. Т. 11. С. 54–57.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».. Законодательство. ВерсияПроф.
3. Обзор практики применения антимонопольного законодательства коллегияльными органами ФАС России (за период с 1 июля 2018 года по 1 июля 2019 года) Утверждено протоколом Президиума ФАС России. П. 7 URL: <https://fas.gov.ru>. (Дата обращения: 21.09.2021).

4. Определение Верховного Суда РФ от 02.03.2021 № 309-ЭС21-215 по делу № А60-59271/2019 // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
5. Письмо ФАС России от 14.11.2019 № ИА/100041/19 «О порядке применения пунктов 4, 5 части 1 статьи 93 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
6. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27.05.2021 по делу № А31-12102/2020 // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
7. Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 21.01.2020 № 16-178/2020 // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
8. Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 17.04.2020 № 16-1054/2020 // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
9. Постановление Конституционного суда РФ от 13.04. 2021 № 13-П // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
10. Постановление Конституционного суда РФ от 15.06.2021 № 28-П // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
11. Постановление Саратовского областного суда от 15.11.2019 № 29-85/2019 // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
12. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.06.2021 № 16-2173/2021 // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
13. Постановление УФАС по г. Москве от 16.02.2016 № 4-7.30-116/77-16 // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
14. Постановление УФАС по г. Москве от 09.06.2016 № 4-7.29-603/77-16 // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
15. Постановление УФАС по Липецкой области от 13.02.2018 № 41-Т-18 // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
16. Постановление УФАС по Мурманской области от 01.09.2015 № 06-04/15-100 // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
17. Постановление УФАС по Мурманской области от 22.10.2020 по делу № 051/04/7.29-288/2020 // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
18. Постановление УФАС по Оренбургской области от 31.08.2015 № 08-13-117/2015 // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
19. Постановление УФАС по Республике Алтай от 27.05.2021 по делу № 004/04/7.29-153/2021 // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
20. Постановление УФАС по Тверской области от 11.05.2018 № 05-5/1-24-2018 // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
21. Постановление ФАС России от 28.02.2018 № ВП-92/17/АК042-18 // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
22. Решение Арбитражного суда Республики Хакасия от 27.02.19 г. по делу № А74-18804/2018 // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
23. Решение Верховного суда Республики Адыгея от 28.02.2018 по делу № 7-52/2018год // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
24. Решение Краснодарский краевого суда от 23.01.2020 по делу № 12-180/20 // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
25. Решение Магаданского областного суда от 22.05.2020 № 12-6/2020 Дело N 7-18/2020 // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
26. Рукавишников С.М. Об установлении формы вины по делам об административных правонарушениях, подведомственным антимонопольному органу // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 3 (128). С. 121–126.
27. Тихомирова Л.А. Нюансы законодательства об административных правонарушениях. Подготовлен для системы «КонсультантПлюс» // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
28. Федеральный закон РФ от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.
29. Решение Челябинского областного суда от 28.02.2019 по делу № 7-280/2019 // СПС «КонсультантПлюс». Законодательство. ВерсияПроф.

References

1. Baryshev S.A. Problemy sistematizatsii sostavov administrativnykh pravonarushenii v sfere kontraktnoi sistemy (Problems of systematization of compositions of administrative offenses in the sphere of the contract system) // Uchenye zapiski Kazanskogo filiala «Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta pra-vosudiya». 2015. Vol. 11. P. 54-57. (In Russian).
2. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ (Code of the Russian Federation on Administrative Offenses) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
3. Obzor praktiki primeneniya antimonopol'nogo zakonodatel'stva kollegial'nyimi organami FAS Rossii (za period s 1 iyulya 2018 goda po 1 iyulya 2019 goda) (Review of the practice of application of antimonopoly legislation by collegial bodies of the FAS of Russia (for the period from July 1, 2018 to July 1, 2019) Utverzhdeno protokolom Prezidiuma FAS Rossii. P. 7 URL: <https://fas.gov.ru>. (Accessed: 21.09.2021). (In Russian).
4. Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 02.03.2021 No. 309-ES21-215 po delu N A60-59271/2019 (Determination of the Supreme Court of the Russian Federation) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
5. Pis'mo FAS Rossii ot 14.11.2019 No. IA/100041/19 «O poryadke primeneniya punktov 4, 5 chasti 1 stat'i 93 Federal'nogo zakona ot 05.04.2013 № 44-FZ «O kontraktnoi sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd» (Letter about the FAS of Russia of 14.11.2019 N IA / 100041/19 «On the pro-cedure for applying paragraphs 4, 5 of part 1 of Article 93 of the Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ) / SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).

6. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 27.05.2021 po delu No. A31-12102/2020 (Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
7. Postanovlenie Devyatogo kassatsionnogo suda obshchei yurisdiktsii ot 21.01.2020 N 16-178/2020 (Resolution of the Ninth Court of Cassation of General Jurisdiction) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
8. Postanovlenie Devyatogo kassatsionnogo suda obshchei yurisdiktsii ot 17.04.2020 No. 16-1054/2020 (Resolution of the Ninth Court of Cassation of General Jurisdiction of 17.04.2020 No. 16-1054/2020) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
9. Postanovlenie Konstitutsionnogo suda Rossiiskoi Federatsii ot 13.04. 2021 No. 13-P (Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13.04. 2021 No 13-P) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
10. Postanovlenie Konstitutsionnogo suda RF ot 15.06.2021 No. 28-P (Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.06.2021 No 28-P) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
11. Postanovlenie Saratovskogo oblastnogo suda ot 15.11. 2019 No. 29-85/2019 (Resolution of the Saratov Regional Court of 15.11. 2019 No 29-85/2019) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
12. Postanovlenie Sed'mogo kassatsionnogo suda obshchei yurisdiktsii ot 24.06.2021 No. 16-2173/2021 (Resolution of the Seventh Court of Cassation of General Jurisdiction of 24.06.2021 No. 16-2173/2021) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
13. Postanovlenie UFAS po g. Moskve ot 16.02.2016 g. No. 4-7.30-116/77-16 (Resolution of UFAS in Moscow of 16.02.2016 N 4-7.30-116/77-16) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
14. Postanovlenie UFAS po g. Moskve ot 09.06.2016 No. 4-7.29-603/77-16 (Resolution of UFAS in Moscow from 09.06.2016 No 4-7.29-603/77-16) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
15. Postanovlenie UFAS po Lipetskoi oblasti ot 13.02.2018 No. 41-T-18 (Resolution of the FEDERALAS in the Lipetsk region of 13.02.2018 No 41-T-18) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
16. Postanovlenie UFAS po Murmanskoi oblasti ot 01.09.2015 No. 06-04/15-100 (Resolution of UFAS in the Murmansk region of 01.09.2015 No 06-04/15-100) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
17. Postanovlenie UFAS po Murmanskoi oblasti ot 22.10.2020 po delu № 051/04/7.29-288/2020 (Resolution of the FEDERALAS in the Murmansk region of 22.10.2020 in case No. 051/04/7.29-288/2020) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
18. Postanovlenie UFAS po Orenburgskoi oblasti ot 31.08.2015 goda No. 08-13-117/2015 (Resolution of the Federal Antimonopoly Service in the Orenburg region of 31.08.2015 No 08-13-117/2015) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
19. Postanovlenie UFAS po Respublike Altai ot 27.05.2021 po delu No. 004/04/7.29-153/2021 (Resolution of the Federal Antimonopoly Service for the Altai Republic of 27.05.2021 in case No. 004/04/7.29-153/2021) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
20. Postanovlenie UFAS po Tverskoi oblasti ot 11.05. 2018 No. 05-5/1-24-2018 (Resolution of the FEDERALAS in the Tver region of 11.05. 2018 No 05-5/1-24-2018) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
21. Postanovlenie FAS Rossii ot 28.02.2018 g. No. VP-92/17/AK042-18 (Resolution of the FAS of Russia of 28.02.2018 No VP-92/17/AK042-18) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
22. Reshenie Arbitrazhnogo suda Respubliki Khakasiya ot 27.02.19 g. po delu No. A74-18804/2018 (Decision of the Arbitration Court of the Republic of Khakassia of 27.02.19 in case No. A74-18804/2018) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
23. Reshenie Verkhovnogo suda Respubliki Adygeya ot 28.02.2018 po delu No. 7-52/2018god (Decision of the Supreme Court of the Republic of Adygea of 28.02.2018 in case No. 7-52/2018god) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
24. Reshenie Krasnodarskii kraevogo suda ot 23.01.2020. po delu N 12-180/20 (Decision of the Krasnodar Regional Court of 23.01.2020. in case N 12-180/20) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
25. Reshenie Magadanskogo oblastnogo suda ot 22.05.2020 No. 12-6/2020 Delo N 7-18/2020 (Decision of the Magadan Regional Court of 22.05.2020 No. 12-6/2020 Case N 7-18/2020) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
26. Rukavishnikov S.M. Ob ustanovlenii formy viny po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh, podvedomstvennym antimonopol'nomu organu (On the establishment of the form of guilt in cases of administrative offenses, subordinate to the antimonopoly authority) //Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii. 2019. No. 3 (128). P. 121-126. (In Russian).
27. Tikhomirova L.A. Nyuansy zakonodatel'stva ob administrativnykh pravonarusheniyakh. Podgotovlen dlya sistemy «Konsul'tantPlyus» // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
28. Federal'nyi zakon RF ot 05.04.2013 No. 44-FZ «O kontraktnoi sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd» (Tikhomirova L.A. Nuances of legislation on administrative offenses. Prepared for the system «ConsultantPlus») // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).
29. Reshenie Chelyabinskogo oblastnogo suda ot 28.02.2019 po delu No. 7-280/2019 (Decision of the Chelyabinsk Regional Court of 28.02.2019 in case N 7-280/2019) // SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf. (In Russian).

Сведения об авторе

Добрецов Григорий Борисович – кандидат исторических наук, доцент по кафедре административного права, старший научный сотрудник НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России (Москва) / 2096900@mail.ru

Information about the author

Dobretsov Grigori – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Administrative Law, Senior Researcher of SRC-1 of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow) / 2096900@mail.ru

УДК 342.591
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.13

А. В. Колесников

ПЕРМАНЕНТНАЯ МИНИМИЗАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ КАК ИММАНЕНТНАЯ ЧЕРТА РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Изучение статуса муниципальных органов власти показывает, что их правовое положение с каждым изменением законодательства о местном самоуправлении все больше зависит от органов государственной власти. Поэтому такой элемент статуса, как гарантии самостоятельности органов, вытекающий из смысла норм ст. 12 Конституции РФ, становится менее выраженным, а реальность самостоятельности органов сводится к минимуму и постепенно становится декларативной. Последние поправки в Конституцию РФ [7] лишь упрощают и заранее легитимируют процесс централизации публичной власти, несамостоятельности и зависимости муниципальных органов от правовых предписаний государства. Они усилили позиции государства в сфере местного самоуправления и ослабили фундаментальность самостоятельности органов, исходящую из положений ст. 12 Конституции РФ. С помощью поправок так же ликвидирован вечно возникающий вопрос о самостоятельности определения структуры органов местного самоуправления, которая как бы существует. Эта самостоятельность сильно ограничена государством. Факт ее наличия призрачен настолько, насколько слабо обеспечена теза, о том, что население России само-

стоятельно и непосредственно осуществляет местное самоуправление. С одной стороны, такой факт делает систему органов публичной власти монолитной и централизованной, а власть более концентрированной. С другой стороны, история нашего государства уже показала недееспособность жесткой централизованной советской модели управления. Поэтому эффективность публичной власти будет зависеть, прежде всего, от правильного, сбалансированного процесса централизации, сопряженного с честным соблюдением конституционных предписаний системной обособленности органов местного самоуправления от органов государственной власти. Это будет способствовать компетенционной разгрузке органов государственной власти и возможности сосредоточиться на решении ключевых государственных задач, возрождению инициативности и контролируемой самостоятельности.

Ключевые слова: органы государственной власти; органы местного самоуправления; организационная обособленность; самостоятельность определения структуры органов; децентрализация; централизация; муниципальное управление.

Andrei Kolesnikov

MINIMIZING THE ORGANIZATIONAL INDEPENDENCE OF MUNICIPALITIES AS AN IMMANENT FEATURE OF THE RUSSIAN MODEL OF PUBLIC POWER IN RUSSIA

The study of the status of municipal government bodies in the system of public power shows that their legal status with each change in the legislation on local self-government increasingly depends on state authorities. Therefore, such an element of the status as guarantees of the independence of bodies, which follows from the meaning of the norms of Article 12 of the Constitution of the Russian Federation, becomes less pronounced, and the reality of the independence of bodies is minimized and gradually becomes declarative. The latest amendments to the Constitution of the Russian Federation only simplify and legitimize in advance the process of centralization of public power, the lack of independence and dependence of municipal bodies on the legal regulations of the state. They strengthened the position of the state in the field of local self-government and weakened the fundamental independence of bodies, proceeding from the provisions of Article 12 of the Constitution of the Russian Federation. With the help of amendments, the ever-arising question of the independence of determining the structure of local self-government bodies, which seems to exist, has also

been eliminated. This independence is severely limited by the state. The fact of its existence is as illusory as the hypothesis that the population of Russia independently and directly exercises local self-government is poorly provided. On the one hand, this fact makes the system of public authorities monolithic and centralized, and the power is more concentrated. On the other hand, the history of our state has already shown the incapacity of the rigid centralized Soviet management model. Therefore, the effectiveness of public power will depend, first of all, on a correct, balanced process of centralization, coupled with honest compliance with the constitutional requirements of the systemic isolation of local self-government bodies from state authorities. This will contribute to the competent unloading of state authorities and the opportunity to focus on solving key state tasks, the revival of initiative and controlled independence.

Key words: state authorities; local self-government bodies; organizational isolation; independence of determining the structure of bodies; decentralization; centralization; municipal management.

Опыт передовых зарубежных государств с различными моделями муниципального управления дает возможность оценить результаты разумной государственной политики децентрализации и децентрализации власти. Во многих странах муниципальный уровень становится надежным самостоятельным партнером государства, содействующим решению многих публичных вопросов, как в области управления, так и в сфере экономики. Зарубежная практика свидетельствует о том, что название органов в которых присутствует слово «самоуправление» не влияет на степень их автономности. Как бы ни назывались органы низового этажа публичной власти, децентрализация эффективна только при наличии организационной, компетенционной и финансово-экономической самостоятельности. При этом способы организации власти и ее формы, компетенция органов и финансовые источники могут определяться государственными органами разного уровня, но сам процесс формирования органов, порядок реализации компетенции и формирование финансово-экономической основы на основе предписанных государством источников – это прерогатива самих муниципалитетов. В противном случае, название, включающее слово «самоуправление» или «муниципальное управление» остается лишь показным названием, но не делает этот уровень власти самостоятельным, а власть децентрализованной и децентрализованной.

В настоящее время система местного управления России имеет двойственные характеристики. С одной стороны, федеральное законодательство вроде бы дает возможность субъектам РФ право выбора модели местного самоуправления и допускают вариативность на муниципальном уровне посредством диспозитивных норм организационного характера, издаваемых региональными законодательными органами. С другой стороны, законодательство субъектов РФ формирует такую конструкцию взаимодействия с муниципальным уровнем, что система местного самоуправления становится слишком централизованной и зависимой от органов государственной власти. Это порождает у представителей управления нижестоящих территориальных уровней страх принятия решения, которое может быть «не одобрено сверху» и вызывает необходимость постоянного согласования ими любых вопросов с вышестоящим уровнем, даже находящихся в компетенции муниципалитетов. Получается, что органы местного самоуправления, являясь формально самостоятельной системой в масштабах конструкции органов публичной власти, не проявляют себя в качестве таковой и все чаще выступают в роли безынициативных, подневольных и зависимых низовых структур государства. Руководство субъектов РФ, в свою очередь, во многом зависимо от «взвешиваний» федеральных органов.

Учитывая, что нормы ст. 12 Конституции РФ являются Основами конституционного строя, ее содержание не было подвергнуто изменениям в рамках масштабных поправок 2020 г. Однако возникает много вопросов к нововведениям в главу 8. Эти положения, в зависимости от дальнейшего развития законодательства, могут стать конкурирующими ст. 12, либо противоречащими ей. Стержневая идея организационного и компетенционного обособления органов местного самоуправления в системе единой публичной власти может стать декларацией.

Часть 3 ст. 132 Конституции РФ порождает ряд конкурирующих положений статье 12 Конституции РФ. Отсутствие возможности объединить государственную и муниципальную власть, закрепленное в ст. 12, преодолено посредством появления понятия «единая система публичной власти». Сама по себе эта норма не предусматривает полное слияние властей, но дает возможность сформировать механизмы максимальной интеграции местного самоуправления в систему государственной власти. При изменении концептуального подхода государственного развития вектора централизации на модель демократизации, эта же норма позволит государству создать иную, более самостоятельную, подвижную модель местного самоуправления, входящую в состав публичной власти, сформированной на принципах партнерства. По мнению некоторых ученых «поправки к Конституции РФ не предполагают, что органы местного самоуправления станут частью единой системы органов государственной власти. Цель изменений – установление более тесного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления» [18, 193 с.]. Однако, на наш взгляд, объединение органов различных систем управления через призму «публичная власть» мало отличается от прямой интеграции органов муниципального управления в систему органов государственной власти. Просто это более завуалированная форма централизации. Часть 1.1 ст. 131 Конституции РФ сделало конституционными уже давно начавшиеся процессы. Новое конституционное право государства на участие в формировании органов и назначении должностных лиц местного самоуправления означает переход от умеренной к усиленной централизации публичной власти.

Организационная самостоятельность определения структуры органов местного самоуправления гарантируется ст. 12 и ч. 1 ст. 131 Конституции РФ. Однако ст. 34 Федерального закона от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 01.07.2021 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [16] (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) передает все вопросы по организации и деятельности органов муниципального управления субъектам РФ.

Казалось бы, что при формировании представительного органа участие государства отсутствует, но это не так. Государственное участие при его формировании менее заметное, но очень влиятельное. Оно определено двумя факторами:

Фактор № 1. В США, Канаде и ряде других государств, не допускается партийное участие в муниципальных выборах. В России, наоборот идет процесс политизации муниципального управления. Появление пропорциональной избирательной системы и фракций в представительном органе сделали этот орган народного представительства очень политизированным. Порог явки на выборы отменен. С 2006 г. отменена графа «против всех» [17]. По мнению С.А. Авакьяна такие нормы «очевидно допускают коррупционную составляющую» [14, с. 312]. В результате отмены графы «против всех» по мнению Н. А. Бобровой «призрачная либерализация обернулась разгромом оппозиции, поскольку была не чем иным, как ловкой электоральной ловушкой, в которой утонуло 22 млн. голосов избирателей, доставшихся в итоге «Единой России» и в меньшей степени партиям системной оппозиции» [1, с. 47]. С 2014 г. [15] эта графа может присутствовать в избирательном бюллетене при проведении муниципальных выборов, но это должно быть отражено в законе субъекта РФ, которые не торопятся ее вводить в свои законы.

Любая политизация, основанная на расширении влияния партии власти, так или иначе, стремится к централизации. Речь идет о централизации органов всех уровней публичной власти, абсолютизации воли руководства, стремлению подчинить различными способами органы муниципального управления. Однако статья 12 Конституции РФ, являясь основой конституционного строя, не позволяет подчинить напрямую муниципальные органы государству. Надо отметить, что такая прямая подчиненность не выгодна самому государству. Ибо в иерархических структурах ошибка нижестоящего звена означает просчет в кадровой и организационной работе вышестоящих звеньев. Наиболее выгодной для государства представляется такая функциональная модель, при которой формально органы местного самоуправления самостоятельны, но при этом лояльны к вышестоящим поручениям, подконтрольны и подотчетны государству. При этом государство должно обладать рычагами ответственности с целью проведения кадровой ротации. Создание такой модели функционального взаимодействия потребовала немало времени. Сегодня эта цель практически достигнута. Остались правовые штрихи. Генри Киссинджер говорил: «Незаконное мы совершаем немедленно, неконституционное требует несколько больше времени» [6, с. 359].

Для построения централизованной системы публичной власти было необходимо решить несколько ключевых задач:

1. Сделать главу муниципального образования фактически полномочным руководителем на своей территории, но чтобы указанная должность была в полной зависимости от главы субъекта РФ. Наличие выборных населением глав муниципальных образований (особенно в крупных административных центрах) часто порождало конфликт между высшими должностными лицами муниципалитета и субъекта РФ. Избранный населением глава муниципального образования, пользуясь поддержкой населения, считал себя самостоятельной фигурой, имеющей свои убеждения и конституционное право на самостоятельность решения вопросов местного значения. Устранение такого противостояния стало одной из узловых задач государства.
2. Создать такую модель представительных органов, которая бы гарантировала рецепцию государственных идей в их решениях, в том числе по удалению неугодных глав муниципальных образований в отставку и снижению роли населения в организации представительной власти.

До 2014 г. создание централизованного механизма управления во главе с высшим должностным лицом субъекта РФ было проблематично. Во-первых, для повышения роли главы муниципалитета необходимо было сформировать необходимые привлекательные правовые условия, при которых он бы одновременно занимал должность главы администрации. Такая возможность до 2015 г. существовала только при условии замещения должности на основе всеобщего равного прямого избирательного права. Но в этом случае доля влияния на него со стороны губернатора субъекта РФ сводилась к минимуму. В связи с этим к 2014 г. «почти 55 % по поселениям, около 45 % по муниципальным районам и городским округам и около 50 % по всем муниципальным образованиям» [9] глав МО избирались населением и возглавляли местную администрацию. В остальных случаях администрацию возглавлял сити-менеджер. Такая система имела свои недостатки. «Узловая проблема здесь – так называемое двуглавие муниципальных образований: одновременное наличие главы муниципального образования и главы местной администрации, которое усложняет выстраивание отношений по вертикали. При этом на практике возникает вопрос: кто главнее – мэр или глава местной администрации (сити-менеджер). Начинается “перетягивание каната”, что отнюдь не идет на пользу дела. Региональные власти теряют ориентиры, становится неясным, кто отвечает персонально за положение дел на территории» [3, с. 155]. Во-вторых, высокая самостоятельность избранного жителями территории главы муниципально-

го образования. Поэтому появление конкурсного способа избрания главы муниципалитета стало прорывом в деле достижения единения власти. Подмена выборов конкурсом не имеет мировых аналогов. Даже законодатель, признавая факт отсутствия мандата от населения, не стал закреплять за главой муниципального образования право руководства представительным органом. А Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ), узаконив конкурсную процедуру «выбора» главы муниципального образования, нарушил свою же позицию, мотивированную в Постановление КС РФ от 22 января 2002 № 2-П [13] в котором сказано: «органы народного представительства должны формироваться на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании».

Дополнительным направлением централизации через политическое влияние стало появление в 2011 г. статьи о фракциях представительных органов. Она, по сути, поставила политические воззрения во главу угла управления муниципальным образованием. Цели и идеи местного самоуправления, насущные проблемы территорий уступили место партийным и номенклатурным устремлениям. Еще в начале 20 века, раздумывая над партийностью, И. А. Ильин делает вывод, что деление на партии неизбежно, так как объединенные единомышленники приобретают большую уверенность, чем разрозненные индивидуалы. Вместе с тем, делая вывод, он приходит к убеждению о вреде духа партийности, и пишет: «Сущность его состоит в том, что люди из честолюбия посягают на власть; ставят часть выше целого; создают атмосферу разлагающей нетерпимости; обращаются в борьбе к самым дурным средствам; становятся зловредными демагогами; превращают партийную программу в критерий добра и зла. Этим духом заражаются одинаково как левые партии, так и правые. Партийный дух создает своего рода массовый психоз в пределах самой партии. Человек, одержимый этим психозом, начинает верить в то, что только его партия владеет истиной, и притом всею истиною и по всем вопросам. Воззрения делаются плоскими, скудными, трафаретными; люди живут в партийных шорах и видят только то, что предусмотрено в партийных брошюрах» [8, с. 78]. Таким способом государство, должности в котором занимают люди из партии большинства, посредством политического устройства, осуществляет руководящее воздействие на представительный орган. Независимые депутаты прекращают постепенно свое существование как вид. А те представители населения, которые все же имеют свое мнение, часто умалчивают о своих воззрениях, боясь потерять депутатский мандат и свое партийное значение.

Фактор № 2. Появление в 2014 г. новых более выгодных государству условий при формировании представительного органа путем делегирования, снизило гражданскую активность и консолидацию жителей.

Такой способ существовал и до 2014 г., но был менее популярен, потому что, во-первых, имел долгую и сложную процедуру согласования изменения прямых выборов на делегирование и, во-вторых, количество делегируемых депутатов было равным от каждого поселения, и не учитывал количество жителей территории. После проведения контрреформы 2014–2015 г., порядок формирования и количество депутатов от одного поселения стали определяться субъектом РФ. Таким образом, учитывая возможность установления субъектом РФ, пропорциональной либо смешанной избирательной системы и наличие фракций в представительных органах, можно предположить, что в представительный орган района будут делегированы депутаты, рекомендованные партией власти и, следовательно, ориентированные на реализацию партийных (государственных), задач, которые не всегда совпадают с муниципальными проблемами и желаниями населения. В 2015 г. по системе делегирования в муниципальных районах было сформировано 529 представительных органов, «что составляет 29 % общего их числа (включая 14 муниципальных районов Республики Крым)» [15]. На начало 2021 г. «из 1603 составов представительных органов муниципальных районов, фактически действовавших по состоянию на 1 января 2021 года в 77 субъектах Российской Федерации, 969 (60,45 %) составов в 53 субъектах Российской Федерации избраны на муниципальных выборах, а 634 (39,55 %) состава в 38 субъектах Российской Федерации сформированы по системе делегирования» [5]. В городских округах с внутригородским делением все представительные органы изначально формируются путем делегирования депутатов из представительных органов внутригородских районов. Из чего следует, что нововведения положительным образом повлияли на развитие делегирования.

Фактически на сегодняшний день без явного вмешательства государства самостоятельно представительным органом решаются следующие вопросы организации:

- определение численности депутатов поселения, городского и муниципального округа и муниципального района в соответствии с требованиями ч. 6, 7 ст. 35 Федерального закона № 131-ФЗ. В остальных видах муниципалитетов численность определяется в соответствии с законом субъекта РФ;
- определяет количество и виды структурных подразделений (исключая фракции).

Самостоятельность муниципального образования в организации местной администрации реализуется лишь в результате самостоятельного определения главой администрации количества и видов структурных подразделений органа, схемы их взаимодействия и утверждения ее структуры представительным органом. При этом ч. 3 ст. 34 Федерального закона № 131-ФЗ формально допускает участие государства и в этих процессах.

Гарантированная самостоятельность населения осталась лишь в самой процедуре голосования на избирательных участках при проведении муниципальных выборов. Человек имеет право самостоятельно поставить галочку в квадрате бюллетеня и бросить его в ящик для голосования.

Постепенное ограничение прав населения на местное самоуправление и самостоятельности органов местного самоуправления стало причиной множества обращений в КС РФ. В одном из своих Постановлений № 30-П [12], применяя метод ступенчатого доказывания, КС РФ узаконил право государства на определение и установление безальтернативной структуры для большинства муниципальных образований.

Право населения на определение структуры органов местного самоуправления в Постановлении 30-П было сведено к утверждению представительным органом устава муниципального образования, дублирующего нормы закона субъекта РФ. Еще у населения осталось право наблюдателя.

Это постановление серьезно повлияло на систему взаимодействия государственной и муниципальной власти. По мнению Первого заместителя Министерства Юстиции РФ Ю.С. Любимова «законы субъектов Российской Федерации, касающиеся вопросов организации местного самоуправления, развивались не только в русле федерального регулирования, ... но также под сильным влиянием правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в Постановлении от 1 декабря 2015 г. № 30-П» [5, с. 46].

Таким образом, все то, что понимается в ч. 6 ст. 34 Федерального закона № 131-ФЗ под структурой определяется и нормативно регулируется федеральными и региональными органами государственной власти. Из этого следует, что гарантии муниципальной организационной самостоятельности в полной степени зависят от законодательства субъектов РФ, которые активно пользуются своими полномочиями для ее минимизации. В этой вязи позволим себе не согласиться с Судьей КС РФ, профессором Н. С. Бондарем. По его «особому» мнению, высказанному в Постановлении № 30-П «в условиях реально складывающейся практики передачи районным и городским органам власти значительного объема государственных полномочий и осуществления ими затрат на их реализацию в объемах, которые нередко достигают третьей части местных бюджетов, муниципальные районы и городские округа характеризуются высоким уровнем интеграции в систему государственно-властных отношений. Это подтверждается и реальным отношением населения к публичной власти на соответствующем территориальном уровне: в сознании граждан, как свидетельствуют социологические исследования, она воспринимается во многом как власть

государственная. Подобное понимание особенностей природы муниципальных образований, относящихся к верхнему территориальному уровню местного самоуправления, означает не столько огосударствление местного самоуправления (как это нередко представляется), сколько усиление единства, взаимопроникновение, взаимовлияние, взаимодействие и, в какой-то мере, слияние муниципальных и государственных начал на соответствующем уровне публично-территориальной организации. Хорошо это или плохо? Главное, что это реальные процессы, которые не противоречат ст. 12 Конституции РФ». На наш взгляд, эта субъективная точка зрения противоречит реальности. Во-первых, местное самоуправление ассоциируется с государственной властью потому, что самоуправление как таковое, так и не получило развитие в законодательстве. В противовес государству (влияние которого на осуществление местного самоуправления уже превысило уровень влияния органов местного самоуправления), население все меньше и меньше участвует в муниципальных процессах. Во-вторых, нарастающий объем переданных государственных полномочий и перераспределения полномочий нельзя назвать двусторонним. Органы местного самоуправления не могут от них отказаться. В-третьих, государство так и не определилось с объемом предметов ведения и полномочий местного самоуправления. В-четвертых, что же, как не огосударствление означают глаголы, высказанные в особом мнении, если даже слияние государственных и муниципальных начал не означает данный процесс? В-пятых, новые конституционные поправки и практика участия государства в формировании органов муниципального управления свидетельствуют о высочайшей степени влияния государства на организацию муниципального управления. В-шестых, если на выполнение государственных полномочий, уходит около трети средств местного бюджета, то, руководствуясь принципом соразмерности государственного участия в организации местного самоуправления объема и степени компетенционного взаимодействия, количество представителей государства в конкурсной комиссии по избранию главы муниципального образования и главы местной администрации, необходимо сократить до 1/3, как это было ранее. Такое соотношение будет соответствовать Постановлению № 30-П, определившему, что государственное участие в формировании органов местного самоуправления не должно быть решающим.

Ранее, как мы уже отмечали, КС РФ неоднократно отстаивал принципы демократии и права населения на самостоятельность. «Однако практика показывает, что Конституционный Суд РФ может содействовать своими решениями и наоборот – усилению авторитарных тенденций» [2, с. 4].

Ярким примером этого, по мнению А.Н. Костюкова, является изменчивость позиций КС РФ, который «кардинально поменял свои ранее высказанные правовые позиции... признав конституционными положения, грубо противоречащие Конституции РФ» [11, с. 32]. Из этого следует, что конституционно определенное организационное обособление и фактическая самостоятельность (или хотя бы частичная организационная автономность) органов местного самоуправления в единой системе публичной власти – это две сущности с разными специфическими свойствами.

В сельских поселениях и маленьких городах возможность выбора модели управления есть, но только через представительные органы и исключительно в рамках тех вариантов, которые закреплены в законах субъектов РФ. Однако современная тенденция к укрупнению муниципальных образований, стремление к созданию городских агломераций в виде слияния поселений в границах крупных городских поселений или городских округов, приведет к серьезному сокращению таких поселений. Примат государства в вопросе определения и формирования органов местного самоуправления противоречит по своей сути ч. 3 ст. 132 Конституции РФ, так как ограничение конституционных прав граждан не может рассматриваться как польза для населения и действие в их интересах, поскольку речь идет не об ограничении противоправных действий, а об ограничении демократии.

Резюмируя вышеизложенное можно сделать вывод, что в отношении определения перечня основных органов общей компетенции и их формирования, участие органов государственной власти достигло апогея. Муниципалитеты не могут претендовать на какую-либо организационную самостоятельность в случае отсутствия у субъекта РФ желания на предоставление таковой в своем законодательстве.

Для оптимизации местного самоуправления, гармонизации законодательства и формирования более эффективной системы местного самоуправления надо провести организационную децентрализацию органов местного самоуправления в единой системе органов публичной власти. Сущность централизованной системы всегда в том, что для решения любого вопроса нижестоящие органы и должностные лица ждут команды со стороны вышестоящих органов. Это затягивает процесс управления, делает его вязким, неоперативным, несвоевременным и малоэффективным. При этом вышестоящие органы должны постоянно заниматься делами нижестоящих структур, вести оперативное руководство ими, создавать сеть органов и должностных лиц, занимающихся координацией работы уровней власти, расширять аппарат и штаты контрольно-надзорных органов, увеличивать финансирование на их содержание.

Это заставляет центральные органы управления отвлекаться от реализации собственной компетенции. В результате вся система публичных органов работает неэффективно. Ответственность органов государственной власти за просчеты муниципальных, отсутствует, хотя последние зачастую лишь выполняют государственную волю.

Организационная основа местного самоуправления требует позитивных конструктивных изменений Федерального закона № 131-ФЗ, объективно отражающих сущность ст. 12, 131 и 132 Конституции РФ в их системном единстве. Следовательно, правовое регулирование порядка формирования и сам процесс формирования органов местного самоуправления необходимо закрепить за муниципальным уровнем. В этой связи применительно к органам местного самоуправления необходимо:

► **1. Внести корректировки в избирательную систему.** Конституционное регулирование многих государств, предусматривает самостоятельное формирование органов местного самоуправления населением. При этом ни самостоятельность, ни демократичность не сказываются на эффективности управления. Например, в ст. 28 Основного закона Федеративной Республики Германия (вместе с «Извлечением из Конституции Веймарской республики от 11 августа 1919») от 23 мая 1949 (в ред. от 29 июля 2009) [10, с. 164–245] устанавливается, что «в землях, округах и общинах народ должен иметь представительство, созданное всеобщими, прямыми, свободными, равными и тайными выборами». Результативность практики применения этой нормы выражается в самостоятельном установлении системы и внутренней структуры органов, самостоятельном формировании органов населением с использованием прямых выборов, самостоятельном (помимо законодательных установок) формировании финансовых средств. Германская автономность местного самоуправления настолько эффективна, что централизованная система управления не нуждается в децентрализации. Значимость местного самоуправления и управления землями вытекает даже из самого строения Основного закона Германии. Как известно, структура конституций осуществляется по принципу «приоритетное в начале». Статья 28 находится в гл. 2 после гл. 1 с основными правами человека и гражданина. Лишь затем идут главы, определяющие статус Бундестага и других федеральных органов. В нашей Конституции РФ все наоборот. Местное самоуправление занимает последнее почетное место в гл. 8.

В отличие от законодательства России (основанного, якобы на свободе передвижения и выбора места жительства), допускающего применение пассивного избирательного права на муниципальных выборах вне места своего жительства,

в провинции Альберта (Канада) для того чтобы избирать и быть избранным в Совет, необходимо быть жителем избирательного округа. Избрание может быть всеобщим по округам, либо выборщиками от всего муниципалитета (п. 4 ст. 148 Закона «О муниципальном управлении» Альберты [20]). Примечательно, что если кворума в Совете нет, то провинциальный министр может распорядиться о том, что оставшиеся советники представляют собой кворум, или назначить временного советника до тех пор, пока не пройдут дополнительные выборы на замещение вакантного места советника (ст. 160). Высшее выборное должностное лицо (мэр) в городах (cities) и поселках городского типа (towns) избирается выборщиками, но муниципальным актом может быть предусмотрен выбор из состава Совета. В поселках (village, summer villages) или районе-округе (municipal districts), наоборот, высшее должностное лицо избирается Советом, а в случае принятия муниципального акта – выборщиками.

По нашему мнению, к выборным должностным лицам и лицам, замещающим муниципальные должности необходимо введение ценза оседлости. Мировая практика показывает, что в интересах муниципального образования активную работу будут вести исключительно жители таких населенных территорий. В Канаде (часть 5 «Советы, советники и комитеты Совета» Закона Альберты (Канада) «О муниципальном управлении»), Финляндии (раздел 71 – «Общее право на избрание» Закона «О местном самоуправлении» [19]), Китае, стать членом совета или занять выборную должность может лишь житель территории, от которой формируется орган местного самоуправления. В Ирландии кандидат должен иметь «место для сна», в Финляндии он должен проживать не менее одного года. В Японии на участки для голосования вправе приходить граждане в возрасте от 20 лет, проживающие на соответствующей территории не менее трех месяцев.

Активное избирательное право также предусматривает место жительства на территории данного муниципального образования законодательством этих стран. В Финляндии (п. 1 ст. 20 Закона) даже иностранец имеет активное избирательное право при условии, что он житель данной территории и перед голосованием проживал в Финляндии в течение двух лет.

Учитывая особенности российской ментальности, нашей политической и управленческой системы, помимо регистрации в муниципальном образовании нужно предусмотреть срок проживания в муниципальном образовании, чтобы не формировать прецедент «мнимого жителя» муниципального образования, поселившегося накануне выборов. Необходимо искоренять систему «ставленников».

Заслуживает внимания и внедрения китайский опыт процедуры выборов в представительный орган. Выборы в сельские комитеты у них проходят тайно, но подсчет голосов происходит открыто сразу после проведения голосования. За результатом подсчета голосов могут наблюдать все желающие. Результаты подсчета объявляются публично и сразу.

Таким образом, для легитимации выборов, возвращения доверия населения, активизации гражданской позиции жителей, оптимизации политической ответственности депутатов и выборных должностных лиц наиболее верным поступком законодателя стало бы:

- возвращение в законодательство графы «против всех кандидатов»;
- отмена на муниципальном уровне пропорциональной избирательной системы и права партии на выдвижение кандидатов;
- введение ограничения для избираемых лиц в виде «ценза оседлости»;
- возвращение права на регулирование в уставе муниципального образования вопросов, закрепленных в абз. 1 ч. 3 ст. 34 Федерального закона № 131-ФЗ;
- отмена трехдневного голосования и введения правила непосредственного подконтрольного населению подсчета голосов и оглашения результатов выборов по участку в день голосования.

► **2. Деполитизировать органы местного самоуправления.** Политическая сущность органа лишает депутатов возможности предпринимать самостоятельные действия без дозволения партийного руководства, которое не хочет брать на себя ответственность за инициативу депутатов местных органов, «спуская на тормозах» предложения, заслуживающие внимания, и акцентируя внимание на инициативах высших политических руководителей, которые в основном рассчитаны на благоустройство территорий и создание мест отдыха, что не всегда совпадает с желаниями населения. Процедура согласования местных политиков своих действий с вышестоящим политическим руководством, как правило, долгая и неоправданная. Партийность мешает депутатам проявлять индивидуальность и оперативность. Необходимо деполитизировать представительные органы муниципального образования и реструктуризировать их состав, ликвидировав партийные фракции. Практика показала, что партии используют все свои финансовые и административные возможности для продвижения своих представителей, отстаивавших в дальнейшем общеполитическую линию, забывая о нуждах непосредственно проживающего на территории муниципалитета населения. Фактически сегодня происходит восстановление советской политико-номенклатурной модели представительства и управления.

Аполитичность местного самоуправления является характерной чертой многих стран англосаксонской семьи. Конституции многих Штатов запрещают политическим партиям участвовать в выдвижении кандидатов и других стадиях избирательного процесса. Такое решение созрело на основе анализа, показавшего неэффективность выполнения муниципальных хозяйственных функций под политическим контролем и выявило неравенство кандидатов на выборные должности. Те кандидаты, которые поддерживались партиями, имели больше шансов на победу, потому что партии оказывали большее финансирование и применяли административный ресурс. В некоторых штатах общины используют даже кумулятивное голосование при формировании совета.

В Канаде члены советов вообще не должны иметь партийной принадлежности. Это не случайность. Любые законодательные изменения,

направленные на децентрализацию, не будут эффективны в политизированной системе управления.

► **3. Формирование внутренних структурных подразделений должны осуществлять сами жители муниципалитетов или их представительные органы без вмешательства органов государственной власти.**

В ином случае продолжающаяся централизация приведет Россию по исторической спирали к суперцентрализованной модели, исключающей гражданскую активность, инициативность и самостоятельность в принятии решений. Все это повлечет отставание государства от зарубежных оппонентов не столько в вопросах развития демократии, сколько в развитии экономики и территорий реального проживания населения страны.

Литература

1. Боброва Н. А. Конституционное право как инструмент управления будущим, или Итоги выборов-2016 // Конституционное и муниципальное право. 2017. №1. С. 45-48.
2. Болдырев О. Ю. Конституционная реформа в России: актуальность, реализация, перспективы. Часть 2. Поправки к Конституции: нерешенные и новые проблемы и вектор дальнейшего реформирования // Конституционное и муниципальное право. 2020. №12. С. 3-8.
3. Васильев В. И. Местное самоуправление на пути централизации и сокращения выборности // Журнал российского права. 2015. №9. С. 149-161.
4. Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2020 год // Министерство Юстиции РФ. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/> (Дата обращения: 12.06.2021).
5. Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации (за 2019 год и первое полугодие 2020 года). Под общей редакцией Первого заместителя Министра юстиции Российской Федерации Ю.С. Любимова URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/> (Дата обращения: 10.04.2021).
6. Душенко К. В. Большая книга афоризмов. Изд. 3-е, исправленное. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 1056 с.
7. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 №1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020, № 11, ст. 1416.
8. Ильин И. А. Яд партийности // Русский колокол. Берлин. 1928. №3. С. 78-81.
9. Информационно-аналитические материалы о развитии системы местного самоуправления в Российской Федерации (данные по состоянию на 1 июня 2015 г.) URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/> (Дата обращения: 08.04.2021).
10. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие / [сост., пер., авт. введ. и вступ. ст. В.В. Маклаков] – 8-е изд., исправл. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 164-245.
11. Костюков А.Н. Народовластие и местное самоуправление: конституционные проблемы реализации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. Красноярск. 2018. № 4 (33). С. 30-37.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 01 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. №2.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 января 2002 № 2-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 69, части второй статьи 70 и статьи 90 Конституции Республики Татарстан, а также пункта 2 статьи 4 и пункта 8 статьи 21 Закона Республики Татарстан «О выборах народных депутатов Республики Татарстан» в связи с жалобой гражданина М.М. Саламова» // Собр. законодательства Рос. Федерации, 2002, № 6, ст. 627.
14. Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы: коллективная монография / С.А. Авакьян, И.П. Кененова, А.С. Ковлер и др.; отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2016. 512 с.
15. Федеральный закон от 04 июня 2014 г. № 146-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации, 2014, № 23, ст. 2931.
16. Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 01.07.2021 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. №40. Ст. 3822; 2021. № 27 (часть 1). Ст. 5117.

17. Федеральный закон от 12 июля 2006 г. № 107-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отмены формы голосования против всех кандидатов (против всех списков кандидатов)» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. №29. Ст. 3125.
18. Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма, ИНФРА-М, 2020. 240 с.
19. Local Government Act (410/2015). URL: <https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/2015/en20150410.pdf> (Дата обращения: 20.09.2020).
20. Municipal Government Act. Chapter M-26. URL: <https://www.qp.alberta.ca/documents/acts/m26.pdf> (Дата обращения: 12.10.2020).

References

1. Bobrova N. A. Konstitutsionnoe pravo kak instrument upravleniya budushchim, ili Itogi vyborov-2016 (Constitutional law as a tool for managing the future, or the Results of the 2016 elections) // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2017. No.1. P. 45-48. (In Russian).
2. Boldyrev O. Yu. Konstitutsionnaya reforma v Rossii: aktual'nost', realizatsiya, perspektivy. Chast' 2. Popravki k Konstitutsii: nereshenyye i novye problemy i vektor dal'neishego reformirovaniya (Constitutional reform in Russia: relevance, implementation, prospects. Part 2. Amendments to the Constitution: unresolved and new problems and the vector of further reform) // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2020. No. 12. P. 3-8. (In Russian).
3. Vasil'ev V.I. Mestnoe samoupravlenie na puti tsentralizatsii i sokrashcheniya vybornosti (Local self-government on the way of centralization and reduction of electability) // Zhurnal rossiiskogo prava. 2015. No.9. P. 149-161. (In Russian).
4. Doklad o rezul'tatakh ezhegodnogo monitoringa organizatsii i razvitiya mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii za 2020 god (Report on the results of the annual monitoring of the organization and development of local self-government in the Russian Federation for 2020) URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/> (Accessed: 12.06.2021). (In Russian).
5. Doklad o rezul'tatakh ezhegodnogo monitoringa organizatsii i razvitiya mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii (za 2019 god i pervoe polugodie 2020 goda) (Report on the results of the annual monitoring of the organization and development of local self-government in the Russian Federation (for 2019 and the first half of 2020) / ed by Yu.S. Lyubimov. Moscow, 2020. 111 p. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/> (Accessed: 10.04.2021). (In Russian).
6. Dushenko K.V. Bol'shaya kniga aforizmov (The Big book of aphorisms). Moscow: EKSMO-Press publ, 2000. 1056 p. (In Russian).
7. Zakon RF o popravke k Konstitutsii RF ot 14 marta 2020 № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoi vlasti» («On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power») // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii, 2020. No.11. Art. 1416. (In Russian).
8. Il'in I. A. Yad partiinosti (The poison of partisanship) // Russkii kolokol. Berlin. 1928. No. 3. P. 78-81. (In Russian).
9. Informatsionno-analiticheskie materialy o razvitiy sistemy mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii (dannye po sostoyaniyu na 1 iyunya 2015 g.) (Information and analytical materials on the development of the local self-government system in the Russian Federation (data as of June 1, 2015)) URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/> (Accessed: 08.04.2021). (In Russian).
10. Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv: Velikobritaniya, Frantsiya, Germaniya, Italiya, Evropeiskii Soyuz, Soedinennyye Shtaty Ameriki, Yaponiya (Constitutions of foreign countries: Great Britain, France, Germany, Italy, the European Union, the United States of America, Japan): textbook. Moscow: Infotropik Media, 2012. P. 164-245. (In Russian).
11. Kostyukov A.N. Narodovlastie i mestnoe samoupravlenie: konstitutsionnye problemy realizatsii (Democracy and local self-government: constitutional problems of implementation) // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. Krasnoyarsk. 2018. No. 4 (33). P. 30-37. (In Russian).
12. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 01 dekabrya 2015 g. № 30-P «Po delu o provere konstitutsionnosti chastei 4, 5 i 5.1 stat'i 35, chastei 2 i 3.1 stat'i 36 Federal'nogo zakona "Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii" i chasti 1.1 stat'i 3 zakona Irkutskoi oblasti "Ob otdel'nykh voprosakh formirovaniya organov mestnogo samoupravleniya munitsipal'nykh obrazovaniy Irkutskoi oblasti" v svyazi s zaprosom gruppy deputatov Gosudarstvennoi Dумы» («The case of checking the constitutionality of parts 4, 5 and 5.1 of Article 35, parts 2 and 3.1 of Article 36 of the Federal Law «On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation» and Part 1.1 of Article 3 of the Law of the Irkutsk Region «On certain issues of the formation of local self-government bodies of municipalities of the Irkutsk Region» in connection with the request of a group of deputies of the State Duma») // Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF. 2016. No. 2. (In Russian).
13. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 22 yanvarya 2002 № 2-P «Po delu o provere konstitutsionnosti chasti vtoroi stat'i 69, chasti vtoroi stat'i 70 i stat'i 90 Konstitutsii Respubliki Tatarstan, a takzhe punkta 2 stat'i 4 i punkta 8 stat'i 21 Zakona Respubliki Tatarstan "O vyborakh narodnykh deputatov Respubliki Tatarstan" v svyazi s zhaloboi grazhdanina M.M. Salyamova» («The case of checking the constitutionality of part two of Article 69, part two of Article 70 and Article 90 of the Constitution of the Republic of Tatarstan, as well as paragraph 2 of Article 4 and paragraph 8 of Article 21 of the Law of the Republic of Tatarstan «On Elections of People's Deputies of the Republic of Tatarstan» in connection with the complaint of citizen M. M. Salyamov») // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii, 2002. Art 6, 627. (In Russian).
14. Protivodeistvie korruptsii: konstitutsionno-pravovye podkhody (Anti-corruption: constitutional and legal approaches): kollektivnaya monografiya / S.A. Avak'yan, I.P. Kenenova, A.S. Kovler i dr.; ed S.A. Avak'yan. Moscow: Yustitsinform, 2016. 512 p. (In Russian).

15. Federal'nyi zakon ot 04 iyunya 2014 g. № 146-FZ «O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon «Ob obespechenii konstitutsionnykh prav grazhdan Rossiiskoi Federatsii izbirat' i byt' izbrannymi v organy mestnogo samoupravleniya» i Federal'nyi zakon «Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossiiskoi Federatsii» («On Amendments to the Federal Law» On Ensuring the Constitutional Rights of Citizens of the Russian Federation to Elect and be Elected to Local Self-government Bodies «and the Federal Law» On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to participate in a Referendum of citizens of the Russian Federation») // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii. 2014. No. 23. Art. 2931. (In Russian).
16. Federal'nyi zakon ot 06 oktyabrya 2003 g. № 131-FZ (v red. ot 01.07.2021 g.) «Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii» («On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation») // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii. 2003. No. 40, Art. 3822. 2021. No. 27 (Part 1). Art. 5117. (In Russian).
17. Federal'nyi zakon ot 12 iyulya 2006 g. № 107-FZ «O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii v chasti otmeny formy golosovaniya protiv vseh kandidatov (protiv vseh spiskov kandidatov)» («On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation regarding the abolition of the form of voting against all candidates (against all lists of candidates)») // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii. 2006. No. 29. Art. 3125. (In Russian).
18. Khabrieva T.Ya., Klishas A.A. Tematicheskii kommentarii k Zakonu Rossiiskoi Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoi vlasti» (Thematic commentary to the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ «On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public Power»). Moscow: Norma, INFRA-M, 2020. 240 p. (In Russian).
19. Local Government Act (410/2015). URL: <https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/2015/en20150410.pdf> (Accessed: 20.09.2020).
20. Municipal Government Act. Chapter M-26. URL: <https://www.qp.alberta.ca/documents/acts/m26.pdf> (Accessed: 12.10.2020).

Сведения об авторе

Колесников Андрей Владимирович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии (Саратов) / kaviras@yandex.ru

Information about the author

Kolesnikov Andrei – Associate Professor, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Chair of Administrative and Municipal Law of the Saratov State Law Academy (Saratov) / kaviras@yandex.ru

УДК 349.6
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.14

Э. С. Навасардова
А. Н. Захарин

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА¹

Статья посвящена анализу законодательства об отходах и ликвидации накопленного ущерба, а также практике применения такого законодательства в странах Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС). Рассмотрена Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 года, участниками которой в настоящее время являются все государства-члены ЕАЭС. Затронут вопрос о влиянии Базельской конвенции на их национальное законодательство. Выявлены законодательные пробелы и недостатки нормативного регулирования обращения с отходами, а также ликвидации накопленного ущерба в каждой из стран ЕАЭС. Определены наиболее удачные правовые новеллы в данной области отношений. Сформулированы рекомендации по их заимствованию другими странами ЕАЭС. В частности, проанализированы нормы нового Экологического кодекса Республики Казахстан (вступил в силу 1 июля 2021 г.), которые

признаны наиболее прогрессивными как по детализации и тщательности проработки, так и по их экологической ориентированности. В статье констатируется, что в ряде стран ЕАЭС наметились общие подходы к регулированию обращения с опасными отходами. Исходя из этого, предлагается усилить роль надгосударственного регулирования данных отношений в рамках ЕАЭС путем развития системы международно-правовых актов и гармонизации национальных законодательных систем стран-участниц Союза по этому вопросу. Особый акцент сделан на полномочиях органов власти в области ликвидации накопленного ущерба. Выявлены существенные проблемы в соответствующем российском законодательстве, а также практике его применения. Сформулированы предложения по их устранению.

Ключевые слова: отходы, ликвидация накопленного ущерба, законодательство, Евразийский Экономический Союз, ЕАЭС

Eleonora Navasardova
Andrey Zaharin

LEGAL REGULATION OF WASTE MANAGEMENT IN THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

The article is devoted to the analysis of waste legislation and the elimination of accumulated damage, as well as the practice of applying such legislation in the countries of the Eurasian Economic Union. The article considers the Basel Convention on the Control of Transboundary Movements of Hazardous Wastes and their Disposal of 1989, to which all the Eurasian Economic Union member states are currently parties. The question of the impact of the Basel Convention on their national legislation has been raised. The legislative gaps and shortcomings of the statutory regulation of waste management, as well as the elimination of accumulated damage in each of the Eurasian Economic Union countries, have been identified. The most successful legal novelties in this area of relations have been identified. Recommendations on their borrowing by other Eurasian Economic Union countries have been formulated. In particular, the norms of the new Environmental Code of the Republic of Kazakhstan (entered into force on July 1,

2021) have been analyzed, which are recognized as the most progressive both in terms of detail and thoroughness of study, and in terms of their environmental orientation. The article states that several Eurasian Economic Union countries have outlined common approaches to regulating the management of hazardous waste. Based on this, it has been proposed to strengthen the role of supranational regulation of these relations within the Eurasian Economic Union by developing a system of international legal acts and harmonizing the national legislative systems of the member states of the Union on this issue. Special emphasis has been placed on the powers of the authorities in the field of liquidation of accumulated damage. Significant problems have been identified in the relevant Russian legislation, as well as in the practice of its application. Proposals for their elimination have been formulated.

Key words: waste, disposal of accumulated damage, legislation, Eurasian Economic Union, EAEU.

Для стран Евразийского Экономического Союза (далее – ЕАЭС) весьма актуальной сегодня является проблема регулирования обращения с опасными отходами, а точнее проблема их обезвреживания, утилизации, вторичного использования [4]. Опасные отходы могут нанести вред не только окружающей среде государства, где они

произведены, но и сопредельным странам. Инвесторы-нерезиденты из стран-участниц ЕАЭС должны обращаться с опасными отходами по законодательству страны, где находится производственный объект, соответственно, подчиняться, технологическим и организационным правилам, в том числе нести бремя уплаты экологических

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 20-511-00015 Бел_а «Правовые проблемы формирования единого эколого-безопасного пространства государств-членов Евразийского экономического союза».

платежей. Достаточно сложно технологически и финансово решить и вопрос ликвидации накопленного ущерба. Кроме того, определенные проблемы возникают при трансграничном перемещении опасных отходов, в том числе из одной страны ЕАЭС в другую. Остановимся на этом вопросе в силу того, что между государствами ЕАЭС уже заключено Соглашение о трансграничном перемещении опасных отходов по таможенной территории Евразийского экономического союза от 09.08.2019 (г. Чолпон-Ата, далее – Соглашение от 09.08.2019), которое, подписано всеми странами-участниками, но пока не вступило в действие [12]. Коллегией Евразийской экономической комиссии принято решение от 18.08.2020 №101 «О единой форме разрешительного документа, применяемого в соответствии с соглашением о трансграничном перемещении опасных отходов по таможенной территории Евразийского Экономического Союза» [11].

В настоящее время на международном уровне экспорт опасных отходов регулируется универсальной Базельской конвенцией от 22.03.1989 о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (г. Базель, далее – Базельская конвенция), ратифицированной Россией и остальными странами ЕАЭС [1]. Данный документ интересен для исследуемой темы по ряду причин и, в первую очередь, в связи со ссылками на него в тексте Соглашения от 09.08.2019.

Базельская конвенция обязывает каждую из стран-участниц принимать надлежащие меры, направленные на обеспечение сведения к минимуму образования отходов на ее территории с учетом социальных, технических и экономических аспектов. Эта конвенция призывает также к экологически обоснованным действиям в процессе обращения с отходами. Конвенция допускает право Стороны запрещать импорт опасных или иных отходов с целью удаления, однако она должна информировать другие Стороны о своем решении. Так, Россия, согласно Постановлению Правительства РФ от 17.10.2015 №1110 «О мерах по обеспечению выполнения Российской Федерацией обязательств, предусмотренных Базельской конвенцией о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением» [9] запрещает импорт опасных отходов в целях их захоронения или сжигания на территории страны. В то же время разрешен ввоз и вывоз из России, а также транзит опасных отходов для использования их в качестве сырья. Для этих целей, согласно Базельской конвенции, определены уполномоченные органы – Министерство природных ресурсов и экологии РФ (организация и координация выполнения требований конвенции и представительские функции); Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (выдача разрешений на ввоз, вывоз и транзит

опасных отходов для использования их в качестве сырья; уведомление соответствующих органов государств, осуществляющих экспорт, импорт или транзит опасных отходов, о намерениях трансграничных перевозках этих отходов). Ряд функций, связанных с выполнением обязательств по конвенции возложен и на иные органы исполнительной власти (Министерство иностранных дел РФ, Федеральная таможенная служба и др.). Аналогичные меры по выполнению требований Базельской конвенции приняты и в других странах ЕАЭС. Например, в Республике Беларусь координатором является Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды.

Что же представляет собой законодательство в области обращения с отходами, в том числе опасными, в этих странах? Как оно имплементирует нормы Базельской конвенции? Есть ли необходимость сближения (гармонизации) или унификации законодательства стран-участниц в этой сфере?

В России определение «отходы» приведено в Федеральном законе от 24.06.1998 №89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» [13]. Трактовка отходов здесь достаточно широка. В ней подчеркивается источник происхождения отходов – процессы производства, выполнения работ, оказания услуг или в процесс потребления. Особо подчеркивается, что к таковым не относится донный грунт. При этом, согласно классификации, отходы делятся на 5 классов, однако к опасным относятся только 4 из них: I класс – чрезвычайно опасные отходы; II класс – высокоопасные отходы; III класс – умеренно опасные отходы; IV класс – малоопасные отходы; V класс – практически неопасные отходы. Согласно ст. 14 ФЗ «Об отходах производства и потребления», данные о составе отходов, оценки степени их негативного воздействия на окружающую среду должны быть отражены в паспорте отходов (таковой составляется в отношении отходов I–IV класса опасности).

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 20.07.2007 №271-З «Об обращении с отходами», под ними понимаются вещества или предметы, образующиеся в процессе осуществления экономической деятельности, жизнедеятельности человека и не имеющие определенного предназначения по месту их образования, либо утратившие полностью или частично свои потребительские свойства [2]. Как представляется, данное определение недостаточно конкретно и не позволяет однозначно идентифицировать именно отходы. Уточнение – «не имеющие определенного предназначения по месту их образования» – позволяет предположить, что «в другом месте» они могут быть пригодны для чего-либо. Не ясно, какова дальнейшая судьба предполагаемых отходов, «не имеющих определенного предназначения по

месту их образования», идет ли речь об их удалении или использовании в качестве вторичного сырья. Надо отметить, что данное определение взято из Модельного закона об отходах производства и потребления (принят в г. Санкт-Петербурге 15.06.1998 Постановлением №11-9 на 11-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ) [5], хотя это уточнение не делает определение более понятным.

Как и в России, в Беларуси существует классификатор отходов, утвержденный постановлением Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды от 09.09.2019 №3-Т. Он достаточно логичен и понятен. В нем все отходы разбиты на разделы и группы, отражающие степень и класс опасности – в частности, биологические, древесные отходы, металлургические шлаки, сьемы и пыль, минеральные шламы, отходы металлов и их сплавов, отходы химических производств и производств, связанных с ними и т. д.

Республика Армения ратифицировала Базельскую конвенцию, и ее Закон от 24.11.2004 «Об отходах» полностью ей соответствует. В развитие норм этого закона в Армении принят ряд подзаконных актов, регулирующих как внутренние (национальные) отношения, так и отношения, связанные с трансграничными перевозками опасных отходов. В частности, принято Постановление Правительства Республики Армения от 08.12.1995 №97 «О регулировании ввоза, вывоза и транзитной перевозки через территорию Республики Армения опасных и других отходов» [8]. Оно устанавливает процедуру подачи заявок, а также осуществление контроля за ввозом, вывозом и транзитом перевозок опасных и других отходов по территории Армении. Установлен уполномоченный орган, выдающий разрешения на транспортировку опасных отходов, – Министерство охраны природы.

Наиболее точно, на наш взгляд, понятие «опасные отходы» дано в Законе Республики Киргизии от 13.11.2001 №89 «Об отходах производства и потребления», где акцентируется состав отходов – веществ, обладающих одним из опасных свойств (токсичность, инфекционность, взрывчатость, воспламеняемость, высокая реакционная способность) и которые присутствуют в таких количествах и в таком виде, что представляют непосредственную или потенциальную опасность для здоровья людей или окружающей среды как самостоятельно, так и при вступлении в контакт с другими веществами [3]. Критерии отнесения опасных отходов к классам опасности содержатся в постановлении Правительства Киргизской Республики от 15.01.2010 №9 «Об утверждении классификатора опасных отходов и методических рекомендаций по определению класса опасности отходов» [7]. Отметим, что Киргизия ориентируется на определение класса опасности в соот-

ветствии с требованиями Базельской конвенции, которая соответственно выделяет 3 таких вида: 1) зеленый – индекс G; 2) янтарный – индекс A; 3) красный – индекс R. Кодирование отходов основывается на основных признаках отходов, их токсикологических, экологических и других характеристиках.

В Казахстане разрабатывается проект Закона «Об отходах». Понятийный аппарат и правила обращения с отходами, в том числе и опасными, регулируются Экологическим кодексом Республики Казахстан. В прежней редакции кодекса понятие «опасные отходы» было идентично законодательному определению в Киргизии. Вступивший в действие в 2021 г. новый Экологический кодекс Казахстана по-иному трактует понятие отходов: под отходами понимаются любые вещества, материалы или предметы, образовавшиеся в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг или в процессе потребления (в том числе товары, утратившие свои потребительские свойства), которые их владелец прямо признает отходами либо должен направить на удаление или восстановление в силу требований закона или намеревается подвергнуть либо подвергает операциям по удалению или восстановлению [14].

Характеризуя законодательство Казахстана в сфере обращения с отходами, следует обратить внимание на требования, предъявляемые к паспорту отходов, который по содержанию отличается высокой информативностью. В отличие, например, от российского паспорта, включающего лишь данные о составе отходов, оценки степени их негативного воздействия на окружающую среду, казахстанский аналог дополнительно содержит сведения, характеризующие процесс образования отходов по месту их происхождения, правила обращения с ними, а также методы их контроля и виды вредного воздействия не только на окружающую среду, но и на здоровье и имущество лиц. Паспорт составляется в отношении опасных отходов из «красного» и «янтарного» списков. То есть отходы, относящиеся к «зеленому» списку, не паспортизируются. В Казахстане был расширен состав сведений, вносимых в паспорт. Например, в нем должны отражаться рекомендуемые способы переработки отходов; необходимые меры предосторожности при обращении с отходами; требования к транспортировке отходов и проведению погрузо-разгрузочных работ; меры по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и их последствий. Полагаем, что такой набор информации наиболее полно характеризует опасные отходы и, что важно, экологически ориентирован.

Несколько лет назад российское законодательство об отходах претерпело серьезные изменения [15]. Изменения, внесенные в российское

законодательство об отходах, ввели ряд новых субъектов данных отношений и, в первую очередь, регионального оператора по обращению с твердыми коммунальными отходами (далее – ТКО) и оператора по обращению с ТКО. Первый представляет собой юридическое лицо, обязанное заключать договоры на оказание услуг по обращению с ТКО с собственником таких отходов, второй – индивидуальный предприниматель или юридическое лицо, которые осуществляют деятельность по сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, захоронению твердых коммунальных отходов. Закон «Об отходах производства и потребления» не проводит четкого разграничения понятий «региональный оператор» и «оператор», однако весьма подробно регламентирует процедуру приобретения статуса регионального оператора. Некоторую ясность вносит Постановление Правительства РФ от 12.11.2016 №1156 «Об обращении с твердыми коммунальными отходами и внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 25.08.2008 №641» [10]. Так, согласно этому документу, региональный оператор может осуществлять предписанные ему манипуляции с отходами как самостоятельно, так и прибегая к привлечению операторов по обращению с твердыми коммунальными отходами. Нормативные акты указывают на характер отношений между этими субъектами, а именно на договор по оказанию услуг по сбору и транспортированию твердых коммунальных отходов. Из документа следует, что операторов может быть несколько, причем каждый из них может выполнять разные действия с ТКО (одни осуществляют сбор и транспортировку, другие – захоронение, утилизацию и т. д.).

В 2019 году состав субъектов обращения с отходами в России был расширен. Введены такие новые виды как: федеральный оператор по обращению с отходами I и II классов опасности; российский экологический оператор; оператор по обращению с отходами I и II классов опасности.

Законодательство иных стран ЕАЭС также ввело институт операторов по обращению с некоторыми видами отходов. Например, согласно ст. 24 Закона «Об обращении с отходами» Республики Беларусь, в целях координации деятельности в сфере обращения со вторичными материальными ресурсами Министерство жилищно-коммунального хозяйства создает государственную некоммерческую специально уполномоченную организацию – оператора в сфере обращения со вторичными материальными ресурсами.

В Казахстане существует институт оператора расширенных обязательств. Это юридическое лицо, которое определяется Правительством для целей реализации принципа расширенных обязательств производителей (импортеров). В Казахстане с производителей (импортеров) взимается

утилизационный платеж. В России аналогичный платеж именуется «утилизационным сбором» и взимается почти за каждое транспортное средство, ввозимое в страну или произведенное на ее территории. В Казахстане оператор осуществляет управление указанными платежами, включая их расходование на основе согласованной с уполномоченным органом в области охраны окружающей среды стратегией развития деятельности, включающей приоритетность использования средств платы производителей (импортеров) на те цели, которые не являются окупаемыми за счет средств, уплачиваемых физическими и юридическими лицами по тарифам за сбор твердых бытовых отходов в населенных пунктах.

В некоторых странах ЕАЭС также регламентируются отношения в области ликвидации накопленного вреда окружающей среде. В Законе «Об охране окружающей среды» Республики Киргизия (ст. 54 «Возмещение ущерба, причиненного экологическим правонарушением») зафиксирована норма, согласно которой в процессе приватизации объектов остаточное загрязнение или ущерб, причиненный окружающей среде в прошлом, до 1992 года, рассматриваются как сфера ответственности государства. В остальных случаях указанную ответственность несут в установленном порядке юридические или физические лица – владельцы объекта-загрязнителя. Данный подход имеет аналогии с ответственностью в сфере обращения с отходами в других странах. Более в данном законе ничего о прошлом экологическом ущербе не говорится.

В Армении отсутствует системный подход к ликвидации накопленного вреда. В Беларуси также отсутствует правовая регламентация возмещения накопленного вреда окружающей среде. Этим странам необходимо восполнить данный пробел в законодательном регулировании.

В Казахстане прошлый экологический ущерб именуется «историческими загрязнениями». Правда, в законодательном использовании этого понятия там наблюдается некоторый хронологический пробел. Об исторических загрязнениях говорилось в ранее действовавших нормативных актах. Например, в Концепции экологической безопасности Казахстана на 2004–2015 гг. (ныне отменена). В этом документе к историческим загрязнениям были отнесены бесхозяйные объекты: нефтегазовые и гидрогеологические скважины, шахты, рудники (в том числе с радиоактивными отходами), хвостохранилища и накопители сточных вод, представляющие реальную угрозу экологической безопасности страны. С отменой указанного акта из законодательства исчезло и понятие об исторических загрязнениях. Указанная дефиниция или хотя бы ее аналоги не назывались ни в прежнем казахском Экологическом кодексе, ни в Стратегическом плане Министерства

экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан на 2017 – 2021 гг. Понятие исторических загрязнений было возвращено в правовое поле этой страны только с принятием нового Экологического кодекса, вступившего в силу в середине 2021 г.

На доктринальном уровне в Казахстане, исходя из анализа распределения права собственности на объекты «исторических загрязнений», их обычно делят на четыре группы. К первой относят объекты, находящиеся в республиканской собственности (это бывшие военные полигоны, места захоронения и складирования пришедших в негодность пестицидов, техногенные минеральные объекты и т.п.). Во вторую группу включают объекты, находящиеся в коммунальной собственности (золошлакоотвалы котельных, скотомогильники, остатки от разрушенных и покинутых населенных пунктов и т.п.). Третья группа – бесхозные объекты (территории бывших промышленных предприятий и их полигоны, неопознанные, оставшиеся после банкротства предприятий). Четвертая группа – объекты, которые находятся на территориях недропользователей. Нельзя сказать, что в Казахстане не принимались меры по ликвидации или минимизации последствий исторических загрязнений. Однако системная работа по данному направлению в полной мере не ведется. Чтобы исправить ситуацию, нужно для начала создать кадастр объектов исторических загрязнений.

В отличие от России, где органы местного самоуправления практически исключены из системы управления отходами (они лишь создают и содержат места накопления ТКО, да и то не во всех случаях), органы местного самоуправления в Казахстане утверждают правила управления бесхозными отходами, признанными за таковые решением суда и поступившими в коммунальную собственность. Прежде действовавший Экологический кодекс Казахстана возлагал на местные исполнительные органы организацию проведения мероприятий по обращению с бесхозными отходами и предотвращению их негативного влияния на окружающую среду и здоровье населения.

Все изменилось с принятием в Казахстане нового Экологического кодекса, где проблемам ликвидации прошлого ущерба посвящен Раздел 6 «Объекты исторического загрязнения». Регламентация ликвидации прошлого экологического ущерба теперь схожа с российскими нормами, но есть и принципиальные отличия.

Согласно ст. 143 нового казахского Экологического кодекса, выявление и оценка объектов исторического загрязнения организовывается местными исполнительными органами районов, городов. В этой норме, в отличие от российской, нет диспозитивности. Можно предположить, что указанная деятельность является обязанностью исполнительных органов местного самоуправления. В этой же статье содержится норма, согласно которой по решению Правительства Казахстана выявление и оценку отдельных объектов исторического загрязнения организует уполномоченный орган в области охраны окружающей среды. В российской редакции, в отличие от цитируемой, подобная норма также диспозитивна. Минприроды России «вправе», но не обязано выявлять и оценивать объекты прошлого экологического вреда. Полагаем, что законодатели государственных участников ЕАЭС могут ориентироваться на законодательство Казахстана, регламентирующее институт ликвидации накопленного вреда окружающей среде как на наиболее прогрессивное.

Подводя итог, можно сделать определенные выводы. Все страны-участницы ЕАЭС присоединились к Базельской конвенции. Начался процесс формирования надгосударственного регулирования отношений в области обращения с опасными отходами. В большинстве стран ЕАЭС существенно обновлена правовая база в исследуемой области отношений. И хотя обнаруживаются общие подходы в стремлении ряда государств (это касается России, Беларуси и Казахстана) урегулировать отношения в области обращения с отходами, наиболее детализированным и экологически ориентированным представляется новое законодательство Казахстана.

Литература

1. Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (заключена в г. Базеле 22.03.1989) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Закон Республики Беларусь от 20.07.2007 №271-З «Об обращении с отходами» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь URL: https://pravo.by/upload/docs/op/H11900186_1559941200.pdf 08.06.2019. 2/2624 (Дата обращения: 12.07.2021).
3. Закон Республики Киргизия от 13.11.2001 №89 «Об отходах производства и потребления» // <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/924> (Дата обращения: 12.07.2021).
4. Захарин А.Н., Нутрихин Р.В. Правовые проблемы формирования единого эколого-безопасного пространства стран-участниц ЕАЭС // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №1. С. 145-152.
5. Модельный закон об отходах производства и потребления (принят в г. Санкт-Петербурге 15.06.1998 Постановлением №11-9 на 11-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Отчет о научно-исследовательской работе «научное обоснование путей решения проблем образования и утилизации отходов» (Итоговый отчет за 2011-2012 год, ТОМ II) URL: <https://kap.kz/file/2019/04/25/otchyot-kazniiek-2012-po-otkhodam-v-rk.pdf> (Дата обращения: 12.07.2021 г.).

7. Постановление Правительства Киргизской Республики от 15.01.2010 №9 «Об утверждении классификатора опасных отходов и методических рекомендаций по определению класса опасности отходов» URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/90963> (Дата обращения: 12.07.2021).
8. Постановление Правительства Республики Армения от 08.12.1995 №97 «О регулировании ввоза, вывоза и транзитной перевозки через территорию Республики Армения опасных и других отходов» URL: <https://textarchive.ru/c-2000740-p21.html> (Дата обращения: 12.07.2021).
9. Постановление Правительства РФ от 17.10.2015 №1110 «О мерах по обеспечению выполнения Российской Федерацией обязательств, предусмотренных Базельской конвенцией о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Правительства РФ от 12.11.2016 №1156 «Об обращении с твердыми коммунальными отходами и внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 25.08.2008 №641» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 18.08.2020 №101 «О единой форме разрешительного документа, применяемого в соответствии с соглашением о трансграничном перемещении опасных отходов по таможенной территории Евразийского Экономического Союза» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Соглашение о трансграничном перемещении опасных отходов по таможенной территории Евразийского экономического союза от 09.08.2019 (г. Чолпон-Ата, далее – Соглашение от 09.08.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
13. Федеральный закон от 24.06.1998 №89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Экологический кодекс Республики Казахстан от 02.01.2021 №400-VI ЗПК URL: adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400 (Дата обращения: 12.07.2021).
15. Navasardova E.S., Makarova T.I., Zaharin A.N., Kolesnikova K.V., Nutrikhin R.V. Regulating Waste Management: National Experience and International Practice // Journal of Environmental Treatment Techniques. 2020. Vol. 8. Issue 4. P. 1574–1580.

References

1. Bazel'skaja konvencija o kontrole za transgranichnoj perevozkoj opasnyh othodov i ih udaleniem (zakljuchena v g. Bazele 22.03.1989) (Basel Convention on the Control of Transboundary Movements of Hazardous Wastes and their Disposal (concluded in Basel 22.03.1989)) // SPS «Konsul'tantPljus». (In Russian).
2. Zakon Respubliki Belarus' ot 20.07.2007 №271-Z «Ob obrashhenii s othodami» (Law of Republic of Belarus of 20.07.2007 No. 271-Z «On the Address with Waste») // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Respubliki Belarus' URL: https://pravo.by/upload/docs/op/H11900186_1559941200.pdf 08.06.2019, 2/2624 (Accessed: 12.07.2021). (In Russian).
3. Zakon Respubliki Kirgizija ot 13.11.2001 №89 «Ob othodah proizvodstva i potreblenija» (Law of the Republic of Kyrgyzstan of 13.11.2001 No. 89 «On industrial and consumption waste») URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/924> (Accessed: 12.07.2021). (In Russian).
4. Zaharin A. N., Nutrihin R. V. Pravovye problemy formirovaniya edinogo jekologo-bezopasnogo prostranstva stran-uchastnic EAJeS (Legal problems of formation of a single ecological-safe space of the EAEU member states) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovaniya. 2021. No 1. P.145–152. (In Russian).
5. Model'nyj zakon ob othodah proizvodstva i potreblenija (prinjat v g. Sankt-Peterburge 15.06.1998 Postanovleniem №11-9 na 11-m plenarnom zasedanii Mezhparlamentskoj assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG) (The model law on industrial and consumption waste (accepted in St. Petersburg 15.06.1998 by Resolution No. 11-9 at the 11th plenary session of Inter-parliamentary assembly of the State Parties of the CIS)) // SPS «Konsul'tantPljus». (In Russian).
6. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «nauchnoe obosnovanie putej reshenija problem obrazovaniya i utilizacii othodov» (Itogovyj otchet za 2011-2012 god, TOM II) (Research Report «Scientific Justification for Solutions to Waste Generation and Management» (2011-2012 Final Report, Vol. II)) URL: <https://kap.kz/file/2019/04/25/otchyot-kazniiek-2012-po-otkhodam-v-rk.pdf> (Accessed: 12.07.2021). (In Russian).
7. Postanovlenie Pravitel'stva Kirgizkoj Respubliki ot 15.01.2010 №9 «Ob utverzhdenii klassifikatora opasnyh othodov i metodicheskikh rekomendacij po opredeleniju klassa opasnosti othodov» (Decree of the Government of the Kyrgyz Republic dated 15.01.2010 No. 9 «On approval of the classifier of hazardous waste and methodological recommendations for determining the hazard class of waste») URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/90963> (Accessed: 12.07.2021). (In Russian).
8. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Armenija ot 08.12.1995 №97 «O regulirovanii vvoza, vyvoza i tranzitnoj perevozki cherez territoriju Respubliki Armenija opasnyh i drugih othodov» (Decree of the Government of the Republic of Armenia of 08.12.1995 No. 97 «On Regulation of Import, Export and Transit Transportation through the Territory of the Republic of Armenia of Hazardous and Other Waste») URL: <https://textarchive.ru/c-2000740-p21.html> (Accessed: 12.07.2021). (In Russian).
9. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 17.10.2015 №1110 «O merah po obespecheniju vypolnenija Rossijskoj Federaciej objazatel'stv, predusmotrennyh Bazel'skoj konvenciej o kontrole za transgranichnoj perevozkoj opasnyh othodov i ih udaleniem» (Decree of the Government of the Russian Federation dated 17.10.2015 No. 1110 «On Measures for Ensuring Performance by the Russian Federation of the Obligations Provided by the Basel Convention on Control of Cross-border Transportation of Hazardous Waste and Their Removal») // SPS «Konsul'tantPljus». (In Russian).
10. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 12.11.2016 №1156 «Ob obrashhenii s tverdymi kommunal'nymi othodami i vnesenii izmenenija v postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 25.08.2008 №641» (Decree of the Government of the Russian Federation dated 12.11.2016 No. 1156 «On the management of municipal solid waste and amending the Decree of the Government of the Russian Federation dated 25.08.2008 No. 641») // SPS «Konsul'tantPljus». (In Russian).
11. Reshenie Kollegii Evrazijskoj jekonomicheskoi komissii ot 18.08.2020 №101 «O edinoj forme razreshitel'nogo dokumenta, primenjaemogo v sootvetstvii s soglasheniem o transgranichnom peremeshhenii opasnyh othodov po tamozhennoj territorii Evrazijskogo Jekonomicheskogo Sojuza» (Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission of 18.08.2020 No. 101 «On a single form of a permit document applied in accordance with the agreement on the transboundary movement of hazardous waste in the customs territory of the Eurasian Economic Union») // SPS «Konsul'tantPljus». (In Russian).

12. Soglasenie o transgranichnom peremeshhenii opasnyh othodov po tamozhennoj territorii Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza ot 09.08.2019 (g. Cholpon-Ata, dalee – Soglasenie ot 09.08.2019) (Agreement on transboundary movement of hazardous wastes in the customs territory of the Eurasian Economic Union from 09.08.2019 (Cholpon-Ata, hereinafter - Agreement from 09.08.2019)) // SPS «Konsul'tantPljus». (In Russian).
13. Federal'nyj zakon ot 24.06.1998 №89-FZ «Ob othodah proizvodstva i potreblenija» (Federal law of 24.06.1998 No. 89-FZ «On Industrial and Consumption Waste») // SPS «Konsul'tantPljus». (In Russian).
14. Jekologicheskij kodeks Respubliki Kazahstan ot 02.01.2021 №400-VI ZRK (Environmental Code of the Republic of Kazakhstan dated 02.01.2021 No. 400-VI ZRK) URL: adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400 (Accessed: 12.07.2021). (In Russian).
15. Navasardova E.S., Makarova T.I., Zaharin A.N., Kolesnikova K.V., Nutrikhin R.V. Regulating Waste Management: National Experience and International Practice // Journal of Environmental Treatment Techniques. 2020. Vol. 8. Issue 4. P. 1574–1580.

Сведения об авторах

Навасардова Элеонора Сергеевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / navasardova@yandex.ru

Захарин Андрей Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / colobichin@yandex.ru

Information about the authors

Navasardova Eleonora – Doctor of Law, Professor, Head of Chair of Environment, Land and Labor right, Law Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / navasardova@yandex.ru

Zaharin Andrey – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Chair of Environment, Land and Labor right, Law Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / colobichin@yandex.ru

УДК 338.2: 340
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.15

Л. В. Постульга

О НЕДОСТАТКАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПЛАНОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

В данной статье рассматриваются проблемы определения места государственных программ в системе документов государственного планирования, проводится исследование характеристик стратегического и текущего планирования и их сопоставление с основными элементами государственных программ, осуществляется сравнительный анализ наиболее распространенных инструментов государственного планирования и программирования. Приводятся выводы и предложения по повышению эффективности государственного программирования как инструмента государственного управления. Рассматриваются конкретные примеры противоречий в законодательстве о государственном программировании, отсутствия взаимосвязки целевых ориентиров документов целеполагания и государственных программ. Делается вывод о том, что базовой причиной низкой эффективности государственного программиро-

вания является отсутствие главного документа целеполагания – Стратегии социально-экономического развития РФ. Высказываются предложения о необходимости корректировки закона о стратегическом планировании, устранения противоречий и пробелов в законодательстве о государственном планировании и программировании, взаимосвязки целевых ориентиров в документах целеполагания и стратегиях уровня макрорегиона и регионов. Данные выводы означают особую научную актуальность данной статьи и могут быть использованы представителями уполномоченных органов государственной власти для решения проблем повышения эффективности государственного планирования.

Ключевые слова: стратегическое планирование, текущее планирование, государственное планирование, государственное программирование, государственная программа.

Liliya Postulga

ON THE DISADVANTAGES OF LEGAL REGULATION OF STATE PROGRAMMING AS A TOOL FOR THE IMPLEMENTATION OF THE PLANNED POLICY OF THE STATE

The article discusses problems of determining the place of state programs in the system of state planning documents, a scientific study of the main characteristics of strategic and current planning and their comparison with the main elements of state programs is carried out, a comparative analysis of the most common tools of state planning and programming performs. Conclusions and proposals for improving the efficiency of state programming as a tool of public administration are presented. Specific examples of contradictions in the legislation on state programming, the lack of interconnection of benchmarks of goal-setting documents and state programs are considered. It is concluded that the main reason for the low

efficiency of state programming is the absence of the main goal-setting document – the Strategy of socio-economic development of the Russian Federation. Proposals are made on the need to adjust the law on strategic planning, eliminate contradictions and gaps in the legislation on state planning and programming, link benchmarks in goal-setting documents and strategies at the level of the macroregion and regions. These conclusions mean a special scientific relevance of the article and can be used by representatives of authorized bodies to solve problems of the effectiveness of state planning.

Key words: strategic planning, current planning, state planning, state programming, state program.

Основным законом, регламентирующим программно-целевой подход в государственном управлении социально-экономической сферой общественной жизни, является Федеральный закон Российской Федерации от 28.06.2014 №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – Закон).

В научном мире его принятие для достижения целей устойчивого развития оценивается положительно. Однако понимая всю его значимость, особенно в сравнении с действовавшим ранее законом о государственном прогнозировании [20], а также рядом рамочных декларативных документов государственного планирования (таких как доктрины, концепции, др.), содержащих лишь

общие принципы государственного управления и отражавших абстрактные цели государственной политики в области социально-экономического развития, необходимо отметить, что и он не лишен целого ряда недостатков, препятствующих созданию эффективной системы государственного планирования и программирования, и требует совершенствования, о чем также отмечается в юридической [6, с. 46; 3, с. 24-29; 5, с. 162-173] и экономической [8, с. 27; 1, с. 23-31; 9, с. 70-83; 18, с. 82–117] научной литературе. Это, в частности, подтверждается и тем фактом, что до настоящего времени ни одна государственная программа в РФ так и не достигла полностью тех целей, для которых принималась (государственные

программы как инструмент планирования применяются уже достаточно давно, однако до настоящего времени так и не смогли показать своей эффективности).

Целью данной работы является комплексный анализ норм Закона, касающихся государственного программирования, а также регламентирующих систему стратегических документов; исследование видов государственного планирования и сопоставление их элементов и характеристик с ключевыми составляющими государственных программ для определения места последних в системе документов государственного планирования; сравнительный анализ наиболее распространенных инструментов государственного планирования и программирования, выработка предложений для повышения эффективности государственного программирования.

Законодатель не стал подробным образом регламентировать в Законе правовой статус государственных программ, ограничившись лишь общими положениями. Так, в нем отсутствует даже определение термина «государственная программа», что, по нашему мнению, является базовым фактором, влекущим неопределенность места государственных программ в системе документов государственного планирования.

На сегодняшний день на подзаконном уровне [10] государственная программа определена как документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам, и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Рассматриваемое определение появилось после принятия Закона, который обозначил программирование в числе одного из процессов (этапов) стратегического планирования, в то время как ранее тем же подзаконным актом государственная программа рассматривалась как система мероприятий и инструментов, обеспечивающих достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития. Примечательно, что кроме добавления характеристики «документ стратегического планирования» в указанный нормативно-правовой акт не были внесены корректировки, качественно образующие либо уточняющие сущность государственной программы, либо отдельные ее характеристики, или добавляющие в нее какие-либо значимые с точки зрения стратегического планирования составляющие.

Практически в таком же виде данное определение представлено в Положении о системе управления государственными программами РФ

(далее – Положение) [13], добавлено лишь уточнение о том, что мероприятия государственной программы направлены, в том числе, и на достижение национальных целей развития Российской Федерации.

Еще одной причиной, которая не позволяет идентифицировать государственные программы именно как эффективный инструмент государственного планирования, является их сложность, объемность и, как следствие, трудность восприятия участниками. А «поверхностная» урегулированность привела к отсутствию обеспечения прозрачности порядка и процедуры разработки государственных программ. Не решило эту проблему и утверждение Правительством РФ вышеупомянутого Положения. К примеру, им предусмотрено (п. 32), что по разработанному перечню государственных программ ответственный исполнитель осуществляет подготовку предложений, касающихся целей, приоритетов и структуры государственной программы, и направляет их в управляющий совет на рассмотрение и одобрение. Однако действующие нормативно-правовые акты в данной сфере не раскрывают порядок, процесс выработки и подготовки таких предложений (порядок и механизм определения конкретных проблем и предложений, путей их решения, целевых показателей). Думается, это также является значимой причиной низкой эффективности государственных программ, поскольку нередко существенные ошибки совершались уже на стадии их разработки. Так, в соответствии с паспортом федерального проекта «Оздоровление Волги» его участниками являются 16 субъектов РФ. При этом бассейн реки Волга расположен на территории 38 регионов. К примеру, в соответствии с Докладами об экологической ситуации в Тульской области за 2018, 2019 гг. Департамента Тульской области качество воды в бассейне реки Волга по ряду показателей ухудшилось по сравнению с показателями 2017 и 2018 гг., и вода характеризуется как «Грязная» либо «Очень загрязненная» [4]. Однако данный регион вообще не является участником рассматриваемого федерального проекта. То есть ошибки в проекте были допущены уже на стадии его разработки и определения участников. Это обуславливает необходимость четкого определения места государственных программ среди инструментов государственного планирования и программирования, подробного правового регулирования порядка и процесса их разработки и принятия.

В рамках данной работы предпринята попытка обосновать отнесение государственных программ к конкретному виду государственного планирования. Классификацию видов государственного планирования можно провести по нескольким основаниям. Так, по уровню планирования можно выделить федеральное, региональное и

местное, а также территориальное и отраслевое планирование. По методике его осуществления – директивное, индикативное, стратегическое. По сфере, на которую оно распространяется, – социальное, экономическое, экологическое, др. Однако для определения места государственных программ в системе документов государственного планирования необходимо также рассмотреть и проанализировать виды планирования исходя из комплексности и долгосрочности поставленных целей. С этой точки зрения государственное планирование можно подразделить на стратегическое и текущее.

Закон определяет стратегическое планирование как деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития и обеспечение национальной безопасности. Из этого следует, что его основной характерной чертой является постановка долгосрочных, масштабных, комплексных целей развития.

Государственная программа включает в себя конкретные мероприятия, сроки их реализации, целевые индикаторы, указание ответственных исполнителей, источников и объемов финансирования. Долгосрочный же характер стратегии придает ей некоторую неопределенность, поэтому в стратегическом документе невозможно указание таких составляющих. В этом, по нашему мнению, заключается основное существенное отличие стратегического планирования и государственного программирования. Также предполагается, что процесс изменения стратегического документа должен быть гибким, в то время как изменение государственной программы является весьма трудоемким и требует разработки законопроекта об изменении бюджета.

Из ранее рассмотренного определения стратегического планирования можно выделить три процесса (этапа), из которых оно состоит, – целеполагание, прогнозирование, планирование и программирование. Государственная программа отнесена Законом к стратегическим документам, разрабатываемым в рамках последнего из выше-названных этапов, на основе документов целеполагания и во их исполнение. Однако на практике целевые индикаторы государственных программ зачастую не соответствуют документам целеполагания, что фактически нивелирует их роль важнейшего инструмента государственного планирования. Например, значение показателя снижения числа городов с высоким и очень высоким

уровнем загрязнения воздуха, предусмотренного Концепцией социально-экономического развития РФ на период до 2020 года (далее – Концепция) («не менее чем в 5 раз»), не соответствует значению, установленному государственной программой «Охрана окружающей среды» (к 2020 г. указанный показатель (показатель 3) имел целевое значение 3,2 (а к концу действия программы в 2024 г. – 3,8). А показатель, характеризующий снижение численности населения, проживающего в неблагоприятных экологических условиях, в Концепции имеет значение «не менее чем в 4 раза», в то время как в рассматриваемой государственной программе (показатель 5) – 3,4 (к концу действия программы в 2024 году – 3,7). Также в Стратегии деятельности в области гидрометеорологии и смежных с ней областях на период до 2030 г. на 2020 г. установлен показатель охвата наблюдений за загрязнением воздуха городов с населением свыше 100 тысяч человек, равный 100 %, а государственная программа к 2020 году имеет целевой индикатор 85,5 % (показатель 3.7 подпрограммы 3).

Да и сами документы целеполагания разного уровня не взаимосвязаны друг с другом и зачастую содержат совершенно разные ориентиры. Цели устойчивого развития должны транслироваться в них по вертикали, тем не менее на федеральном уровне Стратегия социально-экономического развития РФ до настоящего времени не принята. Стратегические цели регламентировались Концепцией социально-экономического развития РФ до 2020 года, разработка которой Законом вообще не предусмотрена. Также Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года (далее – Стратегия макрорегиона), положения которой должны соответствовать, в частности, Указу Президента РФ, устанавливающему национальные цели развития, утвержденному в 2018 году [19], в части корректировки целевых ориентиров не пересматривалась с 2014 года. В свою очередь, показатели рассматриваемой Стратегии не полностью сопоставимы со стратегиями регионов по срокам (Стратегия социально-экономического развития Республики Ингушетия – до 2030 года, Карачаево-Черкесской Республики и Ставропольского края – до 2035 года, Кабардино-Балкарской Республики – до 2040 года), а также по целевым ориентирам. Например, Стратегией макрорегиона выделены такие приоритетные направления, как развитие системы управления утилизацией отходов, строительство полигонов отходов, предприятий по переработке вторичного сырья, контроль над выбросами от промышленных предприятий, совершенствование систем лесопользования и лесоразведения. При этом Стратегия социально-экономического развития Ставропольского края до 2035 года в качестве

приоритетов называет сокращение выбросов в атмосферу, водные объекты, организацию системы их мониторинга, снижение аграрной нагрузки, сокращение твердых коммунальных отходов, исполнение Комплексного плана реализации Климатической доктрины Российской Федерации [7]. Отсюда можно сделать вывод о том, что государственные программы развития как макрорегиона, так и входящих в него субъектов, фактически изначально обречены на провал.

Видится, для того, чтобы государственная программа стала эффективным инструментом, обеспечивающим достижение целей устойчивого развития РФ, требуется утверждение Стратегии социально-экономического развития федерального уровня, которая станет основным целеполагающим документом, а также взаимоувязка установленных ею целей с целями стратегий уровня макрорегионов и регионов.

Понятие текущего планирования в законе отсутствует, однако фактически оно представляет собой деятельность участников государственного планирования по определению промежуточных целей (краткосрочных и среднесрочных) на пути достижения более долгосрочных, комплексных и укрупненных стратегических целей и задач. Текущее планирование ориентировано на выбор эффективных средств для достижения целей стратегии. Для него характерна разработка конкретных мероприятий с указанием ответственных исполнителей, ресурсов и сроков реализации.

Таким образом, государственная программа обладает признаками акта скорее текущего планирования, поскольку представляет собой совокупность конкретных мероприятий и инструментов государственной политики, целевых показателей, исполнителей, ответственных за их достижение, ресурсов и сроков, интегрирует правовой и финансовый аспекты, предполагает проведение регулярной оценки результативности деятельности участников программы.

Безусловно, государственная программа имеет более глобальные цели, чем, к примеру, федеральная целевая программа, а соответственно она более масштабна как по срокам реализации, так и проводимым мероприятиям, и используемым ресурсам. Ее объектом является социально-экономическое развитие и национальная безопасность, в то время как федеральная целевая программа призвана решать более узкие, системные, проблемы. Дополнительно к вышеперечисленным государственная программа использует более широкий перечень инструментов государственного управления: механизм взаимодействия с органами государственной власти, меры государственного регулирования, бюджетное финансирование. Однако это, по нашему мнению, не может являться основанием для перемещения ее из разряда инструментов текущего планирования в разряд стратегических документов.

Еще одной коллизией является состав государственных программ. В соответствии со ст. 28 Закона государственные программы включают подпрограммы, содержащие в том числе ведомственные целевые программы и отдельные мероприятия. При этом на практике в их состав входят также федеральные целевые программы, нацпроекты, федеральные проекты (к примеру, федеральные целевые программы «Юг России (2014-2020 годы)» и «Социально-экономическое развитие Республики Ингушетия на 2010 – 2016 годы» входят в состав государственной программы «Развитие Северо-Кавказского федерального округа», а государственная программа «Охрана окружающей среды» в числе прочих содержит также приоритетный проект «Чистая страна»), хотя законом их включение в государственные программы не предусмотрено. В этом аспекте нормы подзаконных актов входят в противоречие с федеральным законодательством. Так, в соответствии с п. 1 Порядка разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация, «целевые программы включаются в государственные программы» [14], а Порядок разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации, помимо подпрограмм, в их состав включает также федеральные целевые программы [10]. В то же время п. 12 Положения [13] указывает, что государственная программа содержит федеральные проекты, их отдельные мероприятия, ведомственные проекты, комплексы процессных мероприятий. И хотя федеральный закон имеет большую юридическую силу, чем постановление Правительства, и соответственно при возникновении коллизии должны применяться именно его нормы, фактически на практике вышеуказанные положения подзаконных актов применяются приоритетнее норм Закона.

Также нечетко регламентирован в правовом поле вопрос о соотношении государственных программ и национальных проектов. Так, в соответствии с Положением об организации проектной деятельности в Правительстве РФ [15] национальный проект определяется как проект или программа, который обеспечивает достижение целей, установленных Указом Президента РФ [19]. Однако, как установлено в Положении, мероприятия государственных программ так же направлены на достижение, в том числе, этих целей. Должны ли в таком случае национальные проекты включаться в состав государственных программ либо выступать самостоятельным инструментом государственного планирования, из принятых по рассматриваемому вопросу нормативно-правовых актов прямо не следует. Хотя в вышеуказанном Положении об организации

проектной деятельности в Правительстве РФ указано, что разработка национальных проектов осуществляется с учетом принципа включения в паспорт национального проекта, федерального проекта мероприятий, содержащихся в государственных программах РФ, направленных на достижение целей национальных и федеральных проектов, в Законе и подзаконной нормативно-правовой базе, касающейся разработки государственных программ, национальные и федеральные проекты не указаны в качестве составляющей государственной программ.

Таким образом, для повышения эффективности такого инструмента государственного планирования как государственная программа, прежде всего, необходима корректировка законо-

дательной базы, а именно: внесение изменений в Закон о стратегическом планировании в части включения в него определения термина «государственная программа», устранение разночтений и коллизий в указанном законе и подзаконных актах, касающихся правового статуса и состава государственных программ, принятие стратегических документов целеполагания на федеральном уровне, на основании которых в соответствии с Законом должны разрабатываться государственные программы. Четкое и однозначное определение места государственных программ в системе документов государственного планирования должно стать первым этапом на пути повышения эффективности института программирования как инструмента государственного управления.

Литература

- Афиногенов Д. А., Кочемасова Е. Ю., Сильвестров С. Н. Стратегическое планирование: проблемы и решения // Экономическая политика. 2019. № 2. С. 23–31.
- Бабич М. Е. Стратегическое планирование развития курортов Российской Федерации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. №3 (186). С. 103–110.
- Выпханова Г. В., Жаворонкова Н. Г. Государственная экологическая политика и документы стратегического планирования // Экологическое право. 2016. №3. С. 24–29.
- Доклад об экологической ситуации в Тульской области за 2018 год – URL: <https://tularegion.ru/upload/iblock/561/5618b798517364634d275c9d7d702c6e.pdf> (Дата обращения: 21.09.2021).
- Жаворонкова Н. Г., Агафонов В. Б. Тенденции и перспективы совершенствования государственной политики в области экологического развития // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7 (80). С. 162–173.
- Жаворонкова Н. Г. Роль документов государственного стратегического планирования в обеспечении охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 7 (80). С. 42–52.
- Закон Ставропольского края от 27.12.2019 № 110-кз «О Стратегии социально-экономического развития Ставропольского края до 2035 года» URL: <http://www.dumask.ru/law/zakony-stavropolskogo-kрая-postanovleniya-dumy/zakony-stavropolskogo-kрая/item/22915-zakon-stavropolskogo-kрая-ot-27-dekabrya-2019-g-110-kz-o-strategii-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-stavropolskogo-kрая-do-2035-goda.html> (Дата обращения: 21.09.2021).
- Казанцев Н. М. Ляпсусы Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Инновации. 2018. №8. С. 24–32.
- Кулаев А. П., Казак А. А. Стратегическое планирование в Российской Федерации: плюсы, вопросы и проблемы // Вестник НГУЭУ. 2016. № 3. С. 70–83.
- Постановление Правительства РФ от 02.08.2010 № 588 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации» URL: <http://archive.government.ru/gov/results/11649/> (Дата обращения: 21.09.2021).
- Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 309 «Об утверждении государственной программы РФ «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» URL: <https://base.garant.ru/70644202/>
- Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 326 «Об утверждении государственной программы РФ «Охрана окружающей среды» URL: <https://base.garant.ru/70643488/> (Дата обращения: 21.09.2021).
- Постановление Правительства РФ от 26.05.2021 № 786 «О системе управления государственными программами РФ» - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385064/
- Постановление Правительства РФ от 26.06.1995 № 594 «О реализации Федерального закона «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» URL: <https://base.garant.ru/104578/> (Дата обращения: 21.09.2021).
- Постановление Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве РФ» - http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310151/
- Распоряжение Правительства РФ от 03.09.2010 № 1458-р «Об утверждении Стратегии деятельности в области гидрометеорологии и смежных с ней областях на период до 2030 года» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2072841/> (Дата обращения: 21.09.2021).
- Распоряжение Правительства РФ от 06.09.2010 № 1485-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года» - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105643/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (Дата обращения: 21.09.2021).
- Тихомиров Б. И., Френкель А. А. О единой социально-экономической политике и стратегическом планировании // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 4. С. 82–117.
- Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038> (Дата обращения: 21.09.2021).

20. Федеральный закон Российской Федерации от 20.07.1995 № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития РФ» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7264/ (Дата обращения: 21.09.2021).
21. Федеральный закон Российской Федерации от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (Дата обращения: 21.09.2021).

References

1. Afinogenov D. A., Kochemasova E. Yu., Sil'vestrov S. N. Strategicheskoe planirovanie: problemy i resheniya (Strategic planning: problems and solutions) // Ekonomicheskaya politika. 2019. No. 2. P. 23-31. (In Russian).
2. Babich M. E. Strategicheskoe planirovanie razvitiya kurortov Rossiiskii Federatsii Strategic planning of the development of Russian Federation resorts // Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii. 2017. No. 3 (186). P. 103-110. (In Russian).
3. Vypkhanova G.V., Zhavoronkova N.G. Gosudarstvennaya ekologicheskaya politika i dokumenty strategicheskogo planirovaniya (State environmental policy and strategic planning documents) // Ekologicheskoe pravo. 2016. No. 3. P. 24-29. (In Russian).
4. Doklad ob ekologicheskoi situatsii v Tul'skoi oblasti za 2018 god (Report on the environmental situation in the Tula region for 2018) URL: <https://tularegion.ru/upload/iblock/561/5618b798517364634d275c9d7d702c6e.pdf> Zhavoronkova N. G., Agafonov V. B. Tendentsii i perspektivy sovershenstvovaniya gosudarstvennoi politiki v oblasti ekologicheskogo razvitiya (Trends and prospects for improving the state policy in the field of environmental development) // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2017. No. 7 (80). P. 162-173. (In Russian).
5. Zhavoronkova N. G. Rol' dokumentov gosudarstvennogo strategicheskogo planirovaniya v obespechenii okhrany okruzhayushchei sredy i ratsional'nogo ispol'zovaniya prirodnikh resursov (The role of state strategic planning documents in ensuring environmental protection and rational use of natural resources) // Vestnik Universiteta im. O. E. Kutafina (MGYuA). 2017. No. 7 (80). P. 42-52. (In Russian).
6. Zakon Stavropol'skogo kraya ot 27.12.2019 № 110-kz «O Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Stavropol'skogo kraya do 2035 goda» (The Law of the Stavropol Territory of 27.12.2019 No. 110-kz «On the Strategy of socio-economic development of the Stavropol Territory until 2035») URL: <http://www.dumsk.ru/law/zakony-stavropolskogo-kraja-postanovleniya-dumy/zakony-stavropolskogo-kraja/item/22915-zakon-stavropolskogo-kraja-ot-27-dekabrya-2019-g-110-kz-o-strategii-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-stavropolskogo-kraja-do-2035-goda.html> (Accessed: 21.09.2021). (In Russian).
7. Kazantsev N. M. Lyapsusy Federal'nogo zakona № 172-FZ «O strategicheskoy planirovani v Rossiiskoi Federatsii» (Lapses of Federal Law No. 172-FZ «On Strategic Planning in the Russian Federation») // Innovatsii. 2018. No. 8. P. 24-32. (In Russian).
8. Kulaev A. P., Kazak A. A. Strategicheskoe planirovanie v Rossiiskoi Federatsii: plyusy, voprosy i problemy (Strategic planning in the Russian Federation: pluses, questions and problems) // Vestnik NGUEU. 2016. No. 3. P. 70-83. (In Russian).
9. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 02.08.2010 № 588 «Ob utverzhdenii Poryadka razrabotki, realizatsii i otsenki effektivnosti gosudarstvennykh programm Rossiiskoi Federatsii» (Resolution of the Government of the Russian Federation No. 588 of 02.08.2010 «On approval of the Procedure for developing, implementing and Evaluating the Effectiveness of State Programs of the Russian Federation») URL: <http://archive.government.ru/gov/results/11649/> (Accessed: 21.09.2021). (In Russian).
10. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 309 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy RF «Razvitie Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga» (Resolution of the Russian Federation Government No. 309 of 15.04.2014 «On approval of the State Program of the Russian Federation «Development of the North Caucasus Federal District») URL: <https://base.garant.ru/70644202/> (Accessed: 21.09.2021). (In Russian).
11. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 326 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy RF «Okhrana okruzhayushchei sredy» (Resolution of the Russian Federation Government No. 326 of 15.04.2014 «On approval of the State Program of the Russian Federation «Environmental Protection») URL: <https://base.garant.ru/70643488/> (Accessed: 21.09.2021). (In Russian).
12. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26.05.2021 № 786 «O sisteme upravleniya gosudarstvennymi programmami RF» (Decree of the Russian Federation Government No. 786 of 26.05.2021 «On the management system of state programs of the Russian Federation») URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385064/ (Accessed: 21.09.2021). (In Russian).
13. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26.06.1995 № 594 «O realizatsii Federal'nogo zakona «O postavkakh produktsii dlya federal'nykh gosudarstvennykh nuzhd» (Decree of the Russian Federation Government No. 594 of 26.06.1995 «On the implementation of the Federal Law «On the Supply of Products for Federal State Needs») URL: <https://base.garant.ru/104578/> (Accessed: 21.09.2021). (In Russian).
14. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 31.10.2018 № 1288 «Ob organizatsii proektnoi deyatel'nosti v Pravitel'stve RF» (Resolution of the Russian Federation Government No. 1288 of 31.10.2018 «On the organization of project activities in the Russian Federation Government») – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310151/ (Accessed: 21.09.2021). (In Russian).
15. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 03.09.2010 № 1458-r «Ob utverzhdenii Strategii deyatel'nosti v oblasti gidrometeorologii i smezhnykh s nei oblastyakh na period do 2030 goda» (Decree of the Russian Federation Government No. 1458-r dated 03.09.2010 «On approval of the Strategy of Activities in the field of Hydrometeorology and Related areas for the period up to 2030») URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2072841/> (Accessed: 21.09.2021). (In Russian).
16. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 06.09.2010 № 1485-r «Ob utverzhdenii Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga do 2025 goda» (Decree of the Russian Federation Government No. 1485-r dated 06.09.2010 «On approval of the Strategy of Socio-economic development of the North Caucasus Federal District until 2025») URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105643/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (Accessed: 21.09.2021). (In Russian).

17. Tikhomirov B. I., Frenkel' A. A. O edinoi sotsial'no-ekonomicheskoi politike i strategicheskoy planirovani (On the unified socio-economic policy and strategic planning) // Ekonomicheskaya politika. 2017. Vol. 12. No. 4. P. 82-117. (In Russian).
18. Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2018 № 204 «O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda» (Decree of the President of the Russian Federation No. 204 dated 07.05.2018 «On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024») URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038> (Accessed: 21.09.2021). (In Russian).
19. Federal'nyi zakon Rossiiskoi Federatsii ot 20.07.1995 № 115-FZ «O gosudarstvennom prognozirovanii i programmakh sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya RF» (Federal Law of the Russian Federation No. 115-FZ of 20.07.1995 «On State Forecasting and Programs of Socio-Economic Development of the Russian Federation») URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7264/ (Accessed: 21.09.2021). (In Russian).
20. Federal'nyi zakon Rossiiskoi Federatsii ot 28.06.2014 № 172-FZ «O strategicheskoy planirovani v Rossiiskoi Federatsii» (Federal Law of the Russian Federation No. 172-FZ of 28.06.2014 «On Strategic Planning in the Russian Federation») URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (Accessed: 21.09.2021). (In Russian).

Сведения об авторе

Постульга Лилия Валерьевна – аспирант кафедры экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / postulgalv@mail.ru

Information about the author

Postulga Liliya – postgraduate Student, Chair of Environment, Land and Labor right, Law Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / postulgalv@mail.ru

УДК 342.9
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.16

С. М. Рукавишников

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В АСПИРАНТУРЕ

В статье исследуются основные проблемы эффективности системы подготовки научных и научно-педагогических кадров в современных условиях реформирования системы высшего и послевузовского образования Российской Федерации. Интеграция в Болонский процесс имеет ряд преимуществ, однако влечет за собой массу объективных сложностей, неизбежных при проектировании европейского подхода к системе высшего образования на сложившуюся западную систему. Одной из таких сложностей вызвал пересмотр подхода к уровням высшего и послевузовского образования, оказавший заметное и весьма неоднозначное влияние на эффективность действующей системы подготовки кадров высшей квалификации. Становление аспирантуры в качестве очередной ступени высшего образования и установление основной цели образовательного процесса в виде получения квалификации «исследователь. преподаватель-исследователь» взамен прежней основной цели в виде подготовки и защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук означает значительную смену приоритетов института аспирантуры. Представляется, что образовательная компонента

данной системы носит вспомогательный характер, прежде всего, способствуя становлению обучающегося в роли исследователя, а также включая в себя подготовку к ведению учебных занятий на уровне вуза. Вместе с тем, подготовка исследователей как кадров высшей квалификации высоко востребована не только в рядах научно-педагогического сообщества, но также в системе государственного управления областью науки и высшего образования, экспертной, законодательской и иных видах деятельности. И наиболее показательным для рынка труда является наличие у специалиста ученой степени в соответствующей отрасли знаний, но не диплома об окончании аспирантуры, если защита диссертации не стала логичным завершением обучения в ней. Обозначенная проблема требует постепенного, многоуровневого реформирования действующего законодательства, которое должно быть направлено как на верную расстановку акцентов в действующей системе подготовки кадров высшей квалификации, так и их тщательный отбор и последующее стимулирование.

Ключевые слова: аспирантура, система подготовки кадров высшей квалификации, отбор аспирантов, мотивация аспирантов, высшее образование.

Sergey Rukavishnikov

THE PROBLEMS OF THE TRAINING SYSTEM OF SCIENTIFIC AND TEACHING STAFF IN POSTGRADUATE SCHOOL

The article considers the main problems of the efficiency of the system of the preparation of scientific and scientific-teaching staff in contemporary conditions of the reformation of system of higher and postgraduate education in the Russian Federation. The integration into the Bologna process has the number of advantages, but became the reason of the series of objective difficulties, unavoidable under the conditions of the projecting of the European approach to higher education system on the existing post-soviet system. One of a such of difficulties is the reconsideration of the approach to the levels of higher and post-graduate education, which has significantly and disputable influenced to the efficiency of the current system of preparation of high-qualified staff. The establishment of the postgraduate school as another stage of higher education and the definition of the getting of a diploma of "researchist. teacher-researchist" as the main purpose of educational process instead the previous main purpose of the preparation and defense of a candidate's dissertation means the significant change of postgraduate school's priorities. It seems, that the educational component of this

system has the secondary character, by primarily promoting the establishment of a postgraduate student in the role of a researchist, also including the preparation to the teaching process in a university. With that, the preparation of researchist as the high-qualified staff is highly demand not also within the framework of scientific and teaching community, but also in the system of the governing of the field of science and higher education, expert, legislative and other types of activity. And the most markable feature in the labor market is the presence of scientific degree in the relevant field of knowledge, but not the post-graduate school diploma, if the defense did not become the logical finish of study. The indicated problem requires the gradual, multi-stage reformation of the current legislation, which has to be focused to the correct prioritizing in the existing system of preparation of high-qualified staff, their careful selection and further stimulating.

Key words: post-graduate school, the system of preparation of high-qualified staff, selection of post-graduate students, motivation of post-graduate students, higher education.

Одним из важнейших направлений государственного регулирования образовательной деятельности является регламентация системы подготовки научных и научно-педагогических кадров. В 2021 г., объявленном Президентом Российской Федерации Годом науки и технологий, данный

тезис особенно актуален. С одной стороны, названная система выполняет функцию воспроизводства научно-педагогического сообщества, с другой – обеспечивает подготовку новых поколений исследователей, способных решать новые научные задачи в интересах страны.

В рамках глобального реформирования образовательной системы современной России, ознаменовавшего последние годы, нельзя не сказать о существенном пересмотре подхода к правовому регулированию аспирантуры, традиционно представляющей собой ключевую кузницу научных и научно-педагогических кадров. Одним из наиболее заметных решений стало наделение аспирантуры статусом ступени высшего образования, отличным от образовательных программ бакалавриата, специалитета и магистратуры и имеющей своей целью подготовку кадров высшей квалификации. Терминологический анализ данного решения, равно как и соотношение различных уровней высшего образования с точки зрения их целей предлагается оставить за пределами настоящей работы. С точки зрения оценки перспектив государственной регламентации аспирантуры следует, прежде всего, рассмотреть вопрос эффективности существующей системы и проанализировать возможные пути решения актуальных проблем.

Статистические показатели, позволяющие сделать определенные выводы об эффективности аспирантуры, показывают поэтапный рост в период с 1991 по 2010 гг., а также устойчивое падение в период с 2010 по 2017 гг. К примеру, в 1991 г. из 16 322 выпускников аспирантуры 3 105 заканчивали обучение с защитой диссертации; в 2010 г. это соотношение составило 33 763 к 9 611, а в 2017 г. – 18 069 к 2 320 [8, с. 58]. Проблема данного соотношения всегда была актуальна, однако в последнее время, на фоне реформирования правовой базы, регулирующей образовательную систему, стала особенно заметной и очевидной как для многочисленных работников сферы высшего образования, так и для Президента страны [3, с. 8, 10].

Представляется, что во многом такое положение дел объясняется наделением аспирантуры статусом разновидности вузовского образования с соответствующим такому статусу ключевыми целями в виде освоения образовательной программы, прохождения итоговой аттестации, защиты выпускной квалификационной работы и получения диплома, подтверждающего квалификацию «исследователь. Преподаватель-исследователь». Цель же подготовки и защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук презюмируется, параллельно присутствует, но четко не сформулирована и является, очевидно, второстепенной, вопреки основной миссии аспирантуры как института подготовки исследователей.

Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) [1] (далее – Порядок) устанавливает, что контроль качества освоения

аспирантом образовательной программы осуществляется в форме текущего контроля, промежуточной, а также итоговой аттестации; кроме того, научный руководитель контролирует выполнение аспирантом индивидуального учебного плана, содержащего примерные сроки подготовки структурных частей диссертации. Примечательно, что п. 41 указанного Порядка конкретизирует содержание промежуточной аттестации обучающегося, включая в данный процесс «оценивание промежуточных и окончательных результатов обучения по дисциплинам (модулям), прохождения практик, выполнения научно-исследовательской работы». Как видим, прогресс аспиранта в подготовке диссертации поставлен на последнее место.

Кроме того, вызывает вопросы само содержание перечисленных контрольных мероприятий. Теория административного права гласит, что контроль, наряду с проверкой фактического исполнения правила, а также путей и средств его исполнения, предусматривает также и принятие соответствующих необходимых мер [2, с. 207–208]. В то же время, Порядок не содержит описания последствий непрохождения аспирантами перечисленных форм контроля за освоение ими образовательной программы, частью которой, как следует, является и подготовка диссертационного исследования. Исключение содержат лишь положения п. 45, устанавливающие, что непрохождение обучающимся государственной итоговой аттестации или получение на такой аттестации неудовлетворительных результатов, равно как и отчисление из аспирантуры (адъюнктуры) влечет за собой выдачу соответствующей справки об обучении (либо периоде обучения) по образцу, самостоятельно устанавливаемому организацией.

Таким образом, следуя буквальному толкованию положений нормативно-правового акта, аспирант может даже не планировать написание диссертации и даже не начать попыток это сделать в ходе обучения в аспирантуре – это не будет формальным препятствием для прохождения итоговой аттестации. Имеющаяся в образовательном стандарте исследовательская практика и защита выпускной квалификационной работы (примечательно, что такая работа выполняется параллельно с работой над диссертацией), фактически, может быть закрыта посредством отчета аспиранта о подготовке статьи/статей, посвященных теме исследования, что также весьма далеко от подготовки диссертации и становления аспиранта в роли исследователя.

Возникает вопрос мотивации вузов по усилению контроля за аспирантами в форме применения средств воспитательного воздействия. Однако данный вопрос, равно как и вопрос отбора в аспирантуру, во многом решается тем простым обстоятельством, что рост контингента обучающихся, в частности – обучающимся по договорам

об оказании платных образовательных услуг – объективный интерес любого образовательного учреждения. И безоговорочная концентрация вузов на небольшом проценте аспирантов, показывающем реальные навыки исследовательской работы и способности к подготовке и защите кандидатской диссертации, будет означать отказ от значительного контингента обучающихся, влекущий существенные финансовые потери.

Очевидно, что поставленная проблема не имеет разового универсального решения. Однако, ситуация может быть постепенно стабилизирована посредством проведения работы по трем направлениям – в части отбора в аспирантуру, в части контроля за обучением и исследовательской деятельностью аспирантов, а также в части стимулирования аспирантов и их научных руководителей.

На этапе приема в аспирантуру значимым вопросом выступает вопрос мотивации и целей поступающих. Как отмечают исследователи, разработка инструментария оценки мотивации поступающих в аспирантуру развита в отечественной науке слабо, в отличие от уровней школьного и основного высшего образования (бакалавриат, специалитет и магистратура) [7, с. 61]. Вместе с тем, оценка творческого потенциала поступающих, выявление лиц, обладающих совокупностью знаний и навыков, необходимых для подготовки диссертации, а также ориентированных на дальнейшее применение приобретенных в аспирантуре знаний – важнейшая задача, предопределяющая смысл существования аспирантуры, что особенно актуально для заполнения учебных мест, финансируемых из бюджетных ассигнований. С одной стороны, эта работа начинается уже с поступления обучающегося на программу бакалавриата либо специалитета, находя свое выражение в участии обучающегося в студенческих научных конференциях, конкурсах научных работ, работе научных кружков. С другой стороны – не менее важен этап отбора и поступления. Популярная в западных странах практика направления рекомендаций абитуриентам и соискателям различных должностей, актуальная также и в нашем государстве, должна быть развита с ориентиром на построение модели поручительства, в которой научный руководитель берет ответственность за своего аспиранта, давая обязательство сделать все возможное для подготовки нового кандидата наук. Очевидно, что данный принцип не может быть возведен в абсолют, так как подготовка и защита диссертации – длительный, сложный процесс, который может не быть доведен аспирантом до конца по самым разным причинам. В то же время, при оценке работы научного руководителя необходимо учитывать реальную результативность работы, что может найти отражение, в частности, при работе по эффективному трудовому договору, когда заработная плата формируется исходя из конкретных показателей

трудовой деятельности. Кроме того, достойны безусловной поддержки предложения исследователей [5, с. 84] о стимулировании научных руководителей в случае успешной защиты их учеников, что также способно стать сильным стимулом для качественного выполнения такой сложной работы, как научное руководство.

Представляется спорным мнение исследователей о необходимости жестко связать учебу в аспирантуре с формированием кадрового резерва научных и научно-педагогических кадров, в частности – путем зачисления в аспирантуру и докторантуру исключительно сотрудников соответствующих научных и образовательных учреждений [8, с. 65]. С одной стороны, это может спровоцировать нездоровый интерес к замещению самых разных должностей в указанных организациях, с другой – представляется бесспорной востребованность кандидатов наук не только в научно-педагогической, но также в экспертной, законодательной, методической, управленческой и иных видах работы в самых разных сферах [4, с. 91; 6, с. 379-387]. В то же время, образовательное либо научное учреждение, принимающее аспиранта, должно иметь четкое понимание того вида работы, для выполнения которого соискателю необходимо развить в себе исследовательские навыки и защитить кандидатскую диссертацию. Такая подробная аргументация сомнительна для абитуриента, поступающего в вуз для получения первичного высшего образования, но вполне ожидаема и естественна для выпускника вуза, планирующего поступление в аспирантуру.

Кроме того, остро стоит размер стипендий аспирантов, не достигающий в настоящее время даже величины прожиточного минимума. Данное обстоятельство вынуждает совмещать учебу в аспирантуре с работой, зачастую не связанной с исследовательской деятельностью, что снижает эффективность подготовки аспиранта, либо вовсе заставляет выпускника вуза отказаться от планов построения научной карьеры. Повышение размера стипендий, а также установление на федеральном уровне имеющейся в вузах практики премирования защиты диссертации не позднее года после завершения обучения в аспирантуре – реальные рычаги воздействия на повышение эффективности системы подготовки кадров высшей квалификации и залог притока талантливых кадров.

Однако, ключевой предпосылкой позитивных изменений в действующей системе подготовки научных и научно-педагогических кадров должна стать верная расстановка акцентов при регламентации соответствующих образовательных программ, в которой научная составляющая образовательного процесса будет основной, а подготовка и успешная защита диссертации на соискание ученой степени кандидата наук станет фундаментальной целью, имеющей реальное и первостепенное значение.

Литература

1. Приказ Минобрнауки России от 19.11.2013 №1259 (ред. от 17.08.2020) «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования - программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)» (Зарегистрировано в Минюсте России 28.01.2014 №31137) // Российская газета. №31, 12.02.2014; Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения: 15.09.2020).
2. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 352 с.
3. В. В. Путин: нам нужно найти такие решения, которые повысят престиж, научный статус и доходы преподавателей и профессоров в регионах, обеспечат значительный рост качества образования и исследований в вузах // Высшее образование сегодня. №3. 2020. С. 2-10.
4. Гвильдис Т. Ю., Окерешко А. В. Рефлексивная модель стимулирования аспирантов к информальному образованию // Педагогика. Вопросы теории и практики. №1. 2020. С. 89-98.
5. Луценко С. И. Общественный запрос на реформирование системы аспирантуры в Российской Федерации // Общество и экономика. №6. 2020. С. 73-84.
6. Плугарь Д. М., Васильева А. В. Актуальные вопросы подготовки научно-педагогических кадров для органов и организаций прокуратуры Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. № 1-1. 2020. С. 379-387.
7. Терентьев Е. А., Рыбаков Н. В., Бедный Б. И. Зачем сегодня идут в аспирантуру. Типологизация мотивов российских аспирантов // Вопросы образования. №1. 2020. С. 40-69.
8. Тодосийчук А. В. О совершенствовании системы подготовки и аттестации научных кадров // Экономист. №4. 2019. С. 57-67.

References

1. The Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated on 19th November 2013 №1259 edited on 17th August 2020 "Ob utverzhdenii Poryadka organizatsii i osushchestvleniya obrazovatelnoy deyatel'nosti po obrazovatel'nyim programmam vysshego obrazovaniya programmam podgotovki nauchno pedagogicheskikh kadrov v aspiranture (adyunktury) (On the Establishment of the Order of Organization and Realization of the Educational Activity according to the Educational Programs of Higher Education – Programs of the Preparation of Scientific and Teaching Staff in Post-Graduate School (Post-Graduate School in Military College) (Registered in the Ministry of Justice of the Russian Federation on 28th January 2014 № 31137 Russian Gazette. Vol. 31. 12th February 2014; Official web-site for legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Accessed: 15.09.2020). (In Russian).
2. Administrativnoe pravo Rossijskoj Federacii uchebnik dlya bakalavrov pod red. A.Yu. Sokolova (Administrative Law if the Russian Federation: textbook for bachelors) 2-e edition, revised and enlarged. Moscow. Norma, INFRA-M, 2018. 352 p. (In Russian).
3. V.V. Putin: nam nuzhno najti takie resheniya kotorye povysyat prestizh nauchnyj status i dohody prepodavatelej i professorov v regionah obespechat znachitelnyj rost kachestva obrazovaniya i issledovanij v vuzah (V.V. Putin: we have to find such solutions, which will enhance prestige, scientific status and the income of teachers and professors in regions, and will provide the significant growth of the quality of education and research in universities) // Vysshee obrazovanie segodnya. Vol. 3. 2020. P. 2-10. (In Russian).
4. Gvildis T.Yu., Okereshko A.V. Refleksivnaya model stimulirovaniya aspirantov k informalnemu obrazovaniyu (The Reflexive Model of the Stimulating of Post-Graduate Students to Informal Education) // Pedagogika Voprosy teorii i praktiki. Vol. 1. 2020. P. 89-98.
5. Lucenko S.I. Obshchestvennyj zapros na reformirovanie sistemy aspirantury v Rossijskoj Federacii (The Social Request to the Reformation of the System of Post-Graduate School in the Russian Federation) // Obshchestvo i ekonomika. Vol. 6. 2020. P. 73-84.
6. Plugar D.M., Vasileva A.V. Aktualnye voprosy podgotovki nauchno pedagogicheskikh kadrov dlya organov i organizacij prokuratury Rossijskoj Federacii (Actual Issues of the Preparation of Scientific and Teaching Staff for the Bodies and Organizations of Prosecutor's Office of the Russian Federation) // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2020. Vol. 1-1. P. 379-387.
7. Terentev E.A., Rybakov N.V. Bednyj B.I. Zachem segodnya idut v aspiranturu. Tipologizaciya motivov rossijskikh aspirantov (Why People Goes to the Post-Graduate School Today. The Typology of the Motives of Russian Post-Graduate Students) // Voprosy obrazovaniya. 2020. Vol. 1. P. 40-69.
8. Todosijchuk A.V. O sovershenstvovanii sistemy podgotovki i attestacii nauchnyh kadrov (On the Improvement of the System of Preparation and Attestation of Scientific Staff) Ekonomist. 2019. Vol. 4. P. 57-67.

Сведения об авторе

Рукавишников Сергей Михайлович – кандидат юридических наук, докторант кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии (Саратов) / privet085@gmail.com

Information about the author

Rukavishnikov Sergey – PhD in Law, Postdoctoral Student of the Department of Administrative and Municipal Law of the Saratov State Law Academy / privet085@gmail.com

УДК 347.1
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.17

Я. А. Шаповалов

СТАНОВЛЕНИЕ И ДИНАМИКА АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ОБЪЕКТОВ: ЧАСТНОПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Актуальность статьи обусловлена отсутствием научных исследований, посвященных изучению частноправовых аспектов антитеррористической защиты объектов. Традиционно рассматриваемая в рамках публично-правовых юридических наук деятельность по противодействию терроризму не успела найти свое отражение в работах отечественных цивилистов.

Автор данной публикации по-новому подходит к вопросу о том, какими – публично- или частноправовыми – средствами обеспечивается указанная защита на различных этапах общественного развития. Идея автора направлена на поиск и выявление периода становления правового регулирования отношений по антитеррористической защите объектов, выделение его частноправовых аспектов, рассмотрение его динамики в разные исторические периоды развития государства, а также изучение его современного состояния. Решение данных задач является целью настоящего исследования.

Выбранная автором методология обусловлена поставленной целью. Автор использует исторический подход к изучению отношений в сфере антитеррористической защищенности объектов с целью определения этапа формирования правовых средств регулирования указанных отношений. Диалектический метод позволяет проследить изменение и развитие правового регулирования в тот или иной исторический период.

Применение общелогических методов исследования способствуют объективному рассмотрению имеющихся фактов в отдельности и во взаимосвязи с существовавшим в конкретный момент времени состоянием общественных отношений.

В ходе научного поиска было установлено, что правовое регулирование изучаемых отношений было сформировано во второй половине XIX в., имело публично-правовой характер, было обусловлено возросшим уровнем террористических угроз и содержало частноправовой аспект. Автором доказано, что изменение правовых средств регулирования отношений по антитеррористической защищенности объектов находится в зависимости от складывающихся общественных отношений, на основании их анализа были выделены три этапа: «дореволюционный», «советский» и «современный». Обосновано, что современный этап развития гражданского оборота характеризуется сочетанием публично- и частноправовых способов обеспечения изучаемой защиты. Определено, что в качестве основного гражданско-правового средства выступает соответствующего вида договор оказания услуг.

Ключевые слова: антитеррористическая защита объектов, частноправовые аспекты, динамика правового регулирования, развитие гражданского оборота, этапы, терроризм.

Yaroslav Shapovalov

FORMATION AND DYNAMICS OF ANTI-TERRORIST PROTECTION OF OBJECTS: PRIVATE LAW ASPECT

The relevance of the article is due to the lack of scientific research devoted to the investigation of private law aspects of anti-terrorist protection of objects. Traditionally considered within the framework of public law legal sciences, the activity on countering terrorism has not had time to find its reflection in the works of domestic civil scientists.

The author of this publication takes a new attitude to the question of what – public or private – legal means provide this protection at various stages of social development. The author's idea is aimed at finding and identifying the period of formation of legal regulation of relations of anti-terrorist protection of objects, highlighting its private legal aspects, considering its dynamics in different historical periods of the state's development, as well as studying its current state. The solution of these problems is the purpose of this research.

The methodology chosen by the author is due to the goal set. The author uses a historical approach to the study of relations in the field of anti-terrorist protection of objects in order to determine the stage of formation of legal means of regulating these relations. The dialectical method allows us to trace the change and development of legal regulation

in a particular historical period. The use of general logical research methods contributes to the objective consideration of the available facts separately and in relation to the state of public relations that existed at a particular time.

During the scientific search, it was found that the legal regulation of the studied relations was formed in the second half of the XIX century, had a public-legal character, was due to the increased level of terrorist threats and contained a private-law aspect. The author proves that the change in the legal means of regulating relations on the anti-terrorist protection of objects depends on the emerging social relations, based on their analysis, three stages were identified: «pre-revolutionary», «Soviet» and «modern». It is proved that the current stage of the development of civil turnover is characterized by a combination of public and private legal ways to ensure the studied protection. It is identified that the corresponding type of contract for the provision of services acts as the main civil legal mean.

Key words: anti-terrorist protection of objects, private law aspects, dynamics of legal regulation, development of civil turnover, stages, terrorism.

Актуальность темы исследования обеспечения антитеррористической защиты (далее – АТЗ) объектов в рамках гражданского права обусловлена тремя факторами. Первым из них является высокий уровень террористических угроз. Так, по данным Национального антитеррористического комитета только лишь в результате упреждающих мер на территории России в 2020 г. была пресечена деятельность 71 террористической ячейки, задержано свыше 800 лиц, причастных к терроризму [13]. Важность реализации мер по АТЗ объектов подчеркивается печальным опытом совершения противоправных посягательств на материальные (вещи и иное имущество) и нематериальные (жизнь и здоровье) объекты гражданских прав. Как следствие, это привело к невозможности или ограничению оказания образовательных услуг. Примером тому являются деяния, совершенные в Керчи в 2018 г. [10], а также в Казане в мае 2021 г. [12].

Вторым фактором является принятие поправок [20] к Федеральному закону от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (далее – Закон о противодействии терроризму), согласно которым на некоторых участников гражданского оборота были возложены обязанности по выполнению требований к АТЗ объектов, находящихся в их собственности или принадлежащих им на ином законном основании. Фактически, с 2015 г. – с момента принятия изменений [22] в Закон РФ № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон о частной охране) – основным частноправовым средством обеспечения АТЗ объектов является договор оказания соответствующего вида охранных услуг. Однако он не является исчерпывающим и всеобъемлющим гражданско-правовым способом обеспечения указанной защиты.

Как следствие этого, третьим фактором является то, что изменения законодательства поставили перед участниками гражданского оборота неординарные вопросы: во-первых, какими – публично или частноправовыми – способами должна обеспечиваться АТЗ отдельных объектов гражданских прав; во-вторых, кем и с помощью каких средств должна осуществляться эта защита. Это подчеркивает актуальность рассмотрения темы изменения способов обеспечения АТЗ объектов, обусловленных складывающимися общественными отношениями в тот или иной временной период.

Следует отметить, что деятельности по противодействию терроризму посвящены многие научные исследования, выполненные средствами гуманитарных (психологии, социологии) и публично-правовых юридических (уголовного права, криминологии) наук. Однако частноправовой аспект обеспечения АТЗ объектов изучен не был. Таким образом, целью настоящей статьи является

анализ частноправовых аспектов АТЗ объектов на различных этапах общественного развития и состояния правового регулирования изучаемых отношений. Для реализации цели необходимо решить ряд научных задач: 1) выявить период становления правового регулирования отношений по АТЗ объектов и определить их частноправовые аспекты; 2) рассмотреть динамику правового регулирования отношений, складывающихся в сфере изучаемой защиты и определить этапы ее развития; 3) изучить состояние правового регулирования отношений по АТЗ объектов на современном этапе развития гражданского оборота.

Методологическую основу работы составляет обусловленный поставленной целью исторический подход, который позволил изучить становление и развитие исследуемых отношений. Примененные методы диалектики, анализа, синтеза, индукции, дедукции, абстрагирования, аналогии, статистики способствовали установлению закономерностей развития правового регулирования отношений, складывающихся по АТЗ объектов, выделению их основных этапов, что обеспечило формирование представленных выводов.

В контексте решения первой задачи необходимо отметить, что терроризм не является современным явлением, менялись лишь термины и отношение к этому феномену. Его идейные истоки можно обнаружить в различные эпохи. Так, практика насилия и устрашения для достижения социально-политических целей использовалась еврейской группировкой сикариев (от лат. *sicarii* – «кинжальщики») в I в. н. э., дальнейшее развитие терроризм получил у представителей мусульманской секты ассасинов (от араб. «хашшишин» – «потребители гашиша»), а также средневековых тайных обществ Индии и Китая. А во время Великой французской революции террор стал обозначать систему управления и впервые был официально утвержден и морально оправдан в качестве метода борьбы за власть [4, с. 13–14].

Возложение на граждан обязанностей по исполнению публично-правовых функций государства, таких как противодействие совершению преступлений, противопожарная профилактика или обеспечение АТЗ объектов, явление отнюдь не новое. В качестве примера одного из первых частноправовых средств обеспечения АТЗ объектов можно привести хронику регулирования общественных отношений в целях предотвращения и минимизации последствий покушения на объекты гражданских прав в Древнем Риме. Так, после пожара, произошедшего в Риме в 64 г. н. э., император Нерон установил новый порядок застройки города с широкими улицами и каменными невысокими домами. В то время как противопожарные и полицейские функции выполняли когорты вигилов (от лат. *vigilis* – «неустанно бодрствующие») [6, с. 115], на граждан также были возложены

соответствующие обязанности. По свидетельствам современника – историка Тацита, «домовладельцам было вменено в обязанность иметь наготове у себя во дворе противопожарные средства, и ... было воспрещено сооружать дома с общими стенами» [18]. Данные положения хотя и не являются способами обеспечения АТЗ в современном понимании, но этот пример отражает механизм возложения обязанностей на определенный круг лиц в публичном интересе, используемый и в настоящее время.

Российское общество впервые столкнулось с терроризмом в период революционной ситуации во второй половине XIX века. Его предпосылками являлись поражение в Крымской войне, половинчатость аграрной реформы, отсутствие гражданских свобод и острые социальные противоречия [2, с. 67]. Начало этому положило покушение на императора Александра II, совершенное в 1866 г., которое послужило основанием терроризму стать в умах народа вполне приемлемым способом решения социальных и политических проблем [4, с. 78] и дало толчок сначала совершению индивидуальных политических убийств, а затем и формированию законспирированных террористических организаций.

Реакцией государственных органов на происходящие в обществе процессы стала политика репрессий и ограничения гражданских прав. В своем рескрипте император указал на необходимость борьбы с распространяемыми в молодежной среде «противными общественному порядку учениями» [15, с. 547–549]. В результате были ограничены такие гражданские права, как свобода печати – прекращена деятельность журналов «Русское слово» и «Современник», а также свобода оказания образовательных услуг, что стало следствием ужесточения надзора над деятельностью преподавателей высшей школы и студенчества [14, с. 10].

Однако одними ограничениями контрреволюционные меры не могли обойтись. Действия органов политического сыска – административное выдворение «неблагонадежных лиц», обыски и аресты – еще сильнее дестабилизировали обстановку и не являлись эффективным способом противодействия терроризму [19, с. 94–95], а многочисленные акты административно-полицейского назначения не могли стать его правовой основой.

Первым значимым нормативным правовым актом, в котором были объединены направленные на борьбу с революционным террором мероприятия, стало Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия (далее – Положение), утвержденное императором Александром III в 1881 г. в ответ на убийство его предшественника. Оно регламентировало введение положения усиленной или чрезвычайной охраны в местностях, обществен-

ное спокойствие которых нарушено преступными посягательствами против государственного строя, общественной безопасности и собственности. Этим Положением местной администрации в лице генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников вверялись исключительные полномочия. Так, в ведении высших должностных лиц были уголовно-процессуальные и административные полномочия: подвергать лиц заключению в тюрьме, передавать на рассмотрение военного суда дела общеуголовной направленности, закрывать собрания городских и земских учреждений, приостанавливать деятельность печатных изданий и учебных заведений.

В контексте настоящего исследования интерес вызывает положение, которое можно отнести к частноправовым аспектам обеспечения АТЗ объектов. Таковым является право начальствующих лиц по изданию обязательных постановлений относительно обязанности владельцев недвижимости и их управляющих по внутреннему наблюдению на территории их владения, а также относительно способов осуществления такого наблюдения, назначения ответственных за это лиц и других действий, относящихся к превентивным мерам нарушения общественного порядка и государственной безопасности [16, с. 261–266]. За нарушение таких обязанностей могли быть установлены санкции в виде денежного штрафа или ареста.

Несмотря на то, что подобного рода повинности нельзя поставить в один ряд с ныне действующими обязанностями лиц по выполнению требований к АТЗ объектов, следует полагать, что они являются предтечей концепции возложения на участников гражданского оборота обязанностей по обеспечению указанной защиты объектов, реализуемой в современной России. Особенно помогает признать это понимание существовавшей на тот момент действительности – положение усиленной охраны действовало в разных субъектах государства с перерывами вплоть до 1917 г. [11, с. 60–61], а учитывая размытые условия его введения и частые злоупотребления этим, невозможно даже представить реально выполняемый объем обязанностей собственников и владельцев недвижимости по обеспечению АТЗ на их территории.

Таким образом, следует констатировать, что социально-политические противоречия в российском обществе второй половины XIX в. обусловили появление первых правовых средств, направленных на обеспечение АТЗ объектов. Сначала эти средства носили публично-правовой характер, но возлагали некоторые обязанности на субъектов частного права – собственников и владельцев недвижимости. В контексте проводимого исследования появление указанных мер следует признать как становление правового

регулирования отношений по АТЗ объектов, имеющего частноправовой аспект, а сам этап предлагается именовать «дореволюционным».

В части рассмотрения второй задачи публикации следует отметить, что смена государственной власти и политического режима, произошедшая в 1917 г., коренным образом изменила сложившиеся общественные отношения. Господствующей формой хозяйства стала социалистическая система, в связи с этим запрещалась эксплуатация чужого труда в мелком частном хозяйстве [7], и о наличии частного предпринимательства в тот период говорить не приходится.

Наряду с государственной и кооперативно-колхозной собственностью Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. предусматривал личную форму собственности. В нее входили жилой дом, предметы личного потребления, домашнее хозяйство и т.п. Однако личная собственность не могла использоваться для извлечения нетрудовых доходов [5]. Все средства производства – фабрики, заводы, шахты, объекты топливно-энергетического комплекса и транспортной инфраструктуры – входили в состав социалистической собственности и охранялись государственными органами правопорядка. Правовые акты в основном были направлены на защиту от хищения социалистической собственности. Одним из таких является Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», предусматривающее расстрел в качестве наказания за хищение общественного имущества.

Помимо отсутствия предпринимательской деятельности на оставление без правового регулирования отношений по поводу обеспечения АТЗ объектов повлиял факт слабой террористической активности. В стране не было социальных предпосылок для массового распространения терроризма – активные действия органов государственной безопасности и вытеснение «классовых врагов» послужили причиной отсутствия политической оппозиции и свободномыслящих сегментов населения, а происходившие теракты имели одиночный характер [3, с. 43–44]. Несмотря на это, серия терактов за рубежом (расстрел заложников на Олимпийских играх 1972 г. в Мюнхене, последующий захват самолета) побудила европейские правительства создать структуры специального – контртеррористического – назначения. В то же время, попытки угона самолетов, взрывы у правительственных зданий и на транспорте показали неспособность отечественных силовых структур противостоять возрастающей террористической активности. Поэтому в целях противодействия терроризму и обеспечения безопасности граждан и высших должностных лиц была создана Группа «А» Седьмого управления

КГБ СССР, ставшая основной боевой единицей при проведении контртеррористических и антидиверсионных операций.

Таким образом, советский этап развития законодательства характеризуется отсутствием предпринимательской деятельности, свободного рыночного оборота, а социально-политическая обстановка того времени не способствовала массовым террористическим проявлениям. В связи с этим, на участников гражданского оборота обязанности по обеспечению АТЗ объектов не возлагались. Рассматриваемая защита осуществлялась посредством выполнения публично-правовых функций государства органами правопорядка и государственной безопасности, а также специальными подразделениями.

Для решения третьей задачи необходимо проанализировать состояние общественных отношений постсоветского времени. В период трансформации российского государства в 1990-х гг. произошла эскалация террористической деятельности. Активизация борьбы за политическую власть, обострение межнациональных противоречий, распространение сепаратистских настроений сыграли определяющую роль в экспансии терроризма на территории нашей страны [3, с. 48–49]. Военные действия на Северном Кавказе повлекли за собой ряд крупных террористических актов, унесших бесчисленное количество жизней: взрывы в жилых домах в Каспийске (1996 г.), Москве и Волгодонске (1999 г.), на станции московского метрополитена (2004 г.), захват заложников в здании театра в Москве (2002 г.) и школы в Беслане (2004 г.). Эти многие другие теракты заставили пересмотреть взгляды на способы обеспечения АТЗ важных объектов инфраструктуры.

Современный этап развития законодательства характеризуется свободой экономической деятельности, перемещения товаров и услуг, что является одной из основ конституционного строя [8]. Переход от централизованной экономики к рыночной обусловил сначала появление частной охранной деятельности, а затем и возложение обязанностей по АТЗ объектов на некоторых участников гражданского оборота.

Исследователями уже было отмечено, что сторонам договора оказания охранных услуг (далее – ДОУ) необходимо руководствоваться требованиями нормативных правовых актов, которые регулируют борьбу с терроризмом, в частности, решениями антитеррористических комиссий [24, с. 98–100]. Ранее акты таких комиссий, создаваемых и возглавляемых руководителями субъектов РФ (очевидно проведение аналогии с полномочиями губернаторов на дореволюционном этапе), на практике были единственными источниками, регламентировавшими деятельность по АТЗ расположенных на подконтрольной территории объектов инфраструктуры.

На данный момент среди видов охранных услуг Законом о частной охране предусмотрена такая разновидность, как «охрана объектов и (или) имущества, а также обеспечение внутри-объектового и пропускного режимов на объектах, в отношении которых установлены обязательные для выполнения требования к антитеррористической защищенности». Ее выделение обусловлено возложением на основании п. 3.1 ст. 5 Закона о противодействии терроризму на некоторых участников гражданского оборота обязанностей по выполнению требований к АТЗ объектов, принадлежащих им на праве собственности или на ином законном основании. В отношении объектов государственной охраны и других объектов, на которые не распространяется частная охранная деятельность, оказание данного вида услуги не предусмотрено [1; 21].

Требования к АТЗ объектов устанавливает Правительство РФ. Они включают в себя комплекс организационных, охранных, инженерно-технических и трудовых мероприятий, направленных на воспрепятствование совершению террористического акта на объектах спорта, торговли, временного размещения, массового пребывания людей и т.п. При этом существуют более 50 Постановлений Правительства РФ об утверждении подобных требований в отношении различных объектов инфраструктуры, но единый перечень таких объектов законодательством не определен.

Отсутствует и единое понимание о том, кем и каким образом должна обеспечиваться АТЗ. Учеными в данной области выделено три основополагающих подхода [26]. Первый из них присущ субъектам предпринимательства, которые видят противоречия в природе предпринимательской деятельности с осуществлением указанной защиты и аргументируют это наличием правоохранительных органов, реализующих публично-правовые функции государства. Однако согласно взглядам публично-правовых субъектов, юридические и физические лица обязаны выполнять возложенные на них Законом о противодействии терроризму требования. Сторонники третьего подхода отождествляют АТЗ с охранной деятельностью и считают, что заключение ДОУ с частной охранной организацией (далее – ЧОО) является достаточным условием для надлежащего обеспечения АТЗ объекта. Данные противоречия приобрели особо острый характер при подготовке к проведению Чемпионата мира по футболу 2018

года, когда условием эксплуатации опасных производственных объектов стало соблюдение требований к их АТЗ [23].

В литературе уже отмечалось, что ДОУ помимо прочих выполняет и антитеррористическую функцию [17, с. 54–55; 25, с. 522–523]. Однако несмотря на то, что физические и юридические лица являются субъектами противодействия терроризму [9], следует полагать, что частноправовые способы не являются ультимативными мерами в вопросе обеспечения АТЗ объектов. Лишь на основе сочетания публично- и частноправовых средств можно обеспечить реализацию всего комплекса антитеррористических мероприятий.

В заключение настоящего исследования необходимо сделать следующие выводы:

1. Установлено, что первые правовые средства обеспечения АТЗ объектов, возникшие в результате комплекса противоречий в российском обществе во второй половине XIX века, носили публично-правовой характер. Однако и они имели частноправовой аспект в виде наложения обязанностей на собственников и владельцев недвижимого имущества по наблюдению за общественным порядком на их территории.
2. Доказано, что развитие правовых средств обусловлено изменением складывающихся общественных отношений. На преобладание публично- или частноправовых способов обеспечения АТЗ объектов влияют, в частности, такие факторы, как свобода экономической деятельности и уровень террористических угроз. Выявлено, что правовое регулирование отношений по АТЗ объектов прошло три этапа, которые предлагается именовать «дореволюционным», «советским» и «современным».
3. Определено, что современный этап характеризуется синтезом публично- и частноправовых мер, направленных на обеспечение АТЗ объектов. На некоторых субъектах предпринимательства в публичном интересе возложены обязанности по выполнению требований к АТЗ принадлежащих им объектов. Одним из частноправовых способов их реализации является заключение соответствующего вида ДОУ с ЧОО, однако он является лишь элементом комплекса мероприятий по противодействию терроризму, а изучаемые правоотношения требуют дальнейшей научной разработки и правовой регламентации.

Литература

1. Вопросы частной детективной (сыскальной) и частной охранной деятельности: утв. Пост. Правительства РФ от 14 августа 1992 года № 587 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 24.08.1992. № 8. Ст. 506.
2. Гогин А. А. Правовые основы борьбы с терроризмом в дореволюционной России // Символ науки. 2016. № 12–3. С. 67–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-borby-s-terrorizmom-v-dorevoljucionnoy-rossii> (Дата обращения: 16.07.2021).
3. Горбенко А. И. Антитеррористическая безопасность на муниципальном уровне в условиях социокоммуникативных трансформаций российского общества: социологический анализ: дис. ...канд. социол. наук. Краснодар, 2014. 159 с.

4. Горбунов К. Г. Терроризм: социально-психологическое исследование: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 384 с.
5. Закон РСФСР от 11.06.1964 «Об утверждении Гражданского кодекса РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 1964 г. № 24. Ст. 406.
6. Иванов А. А., Бедретдинов Р. Р. Силы и средства охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в древнем Риме // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1. С. 113–117. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sily-i-sredstva-ohrany-obshchestvennogo-poryadka-i-obespecheniya-obshchestvennoy-bezopasnosti-v-drevnem-rime> (Дата обращения: 15.07.2021).
7. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283. 6 декабря.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144. 4 июля.
9. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утв. Президентом Рос. Федерации 5 октября 2009 г. // Российская газета. 2009. № 198. 20 октября.
10. Массовое убийство в Керченском политехническом колледже (2018). URL: <https://ria.ru/20191017/1559803779.html> (Дата обращения: 15.07.2021).
11. Мулукаев Р. С., Малыгин А. Я., Епифанов А. Е. История отечественных органов внутренних дел. Учебник для вузов / Под ред. д.ю.н. Р. С. Мулукаева. М.: NOTA BENE Медиа Трейд Компания, 2005. 336 с.
12. Официальный сайт Национального антитеррористического комитета. URL: <http://nac.gov.ru/kontnterroristicheskie-operacii/v-kazani-vooruzhennyy-prestupnik-otkryl-strelbu.html> (Дата обращения: 15.07.2021).
13. Официальный сайт Национального антитеррористического комитета. URL: <http://nac.gov.ru/press-konferencii-i-brifingi/v-multimedijnom-press-centre-mia-rossiya-segodnya.html> (Дата обращения: 15.07.2021).
14. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. Серия «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 2001. 520 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLI. Отделение первое. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1868. 1081 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. I. СПб.: Государственная типография, 1885. 614 с.
17. Севостьянов В.В. Договорное регулирование предпринимательского отношения по эксплуатации опасных производственных объектов: дис. ...канд. юрид. наук. Грозный, 2019. 211 с.
18. Тацит, Корнелий. Сочинения в двух томах. Том I: Анналы. Малые произведения. Кн. XV. 43. М.: Ладомир, 1993. 443 с.
19. Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России: Полит. процессы, 1871–1880 гг. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. 408 с.
20. Федеральный закон от 23.07.2013 № 208-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам антитеррористической защищенности объектов» // СЗ РФ. 2013. № 30. Ст. 4041.
21. Федеральный закон от 27.05.1996 № 57-ФЗ «О государственной охране» // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2594.
22. Федеральный закон от 31.12.2014 № 534-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 1. Ст. 87.
23. Шаронов С. А. Антитеррористическая защищенность опасных производств как условие осуществления предпринимательской деятельности в преддверии Чемпионата мира по футболу 2018 года // Власть закона. 2018. № 1. С. 61–84.
24. Шаронов С. А. Договор на оказание услуг частной охранной деятельности: дис. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 210 с.
25. Шаронов С.А. Концепция гражданско-правового регулирования охранной деятельности в Российской Федерации: монография. М.: Юстицинформ, 2014. 606 с.
26. Шаронов С. А. Частноправовые аспекты антитеррористической защищенности объектов предпринимательской деятельности: на примере опасных производственных объектов // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 7. С. 108–113.

References

1. Voprosy chastnoj detektivnoj (sysknoj) i chastnoj ohrannoj dejatel'nosti: utv. Post. Pravitel'stva RF ot 14 avgusta 1992 goda № 587 (Questions of private detective (detective) and private security activities: The Government of the Russian Federation of August 14, 1992 No. 587) // Sbranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva RF. 24.08.1992. No. 8. Art. 506. (In Russian).
2. Gogin A. A. Pravovye osnovy bor'by s terrorizmom v dorevoljucionnoj Rossii (Legal foundations of the fight against terrorism in pre-revolutionary Russia) // Simvol nauki. 2016. No. 12-3. P. 67–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-borby-s-terrorizmom-v-dorevoljucionnoj-rossii> (Accessed: 02.06.2021). (In Russian).
3. Gorbunov A.I. Antiterroristicheskaya bezopasnost' na munitsipal'nom urovne v usloviyakh sotsiokommunikativnykh transformatsij rossijskogo obshchestva: sotsiologicheskij analiz (Anti-terrorist security at the municipal level in the conditions of socio-communicative transformations of Russian society: a sociological analysis): thesis. Krasnodar, 2014. 159 p. (In Russian).
4. Gorbunov K. G. Terrorizm: sotsial'no-psikhologicheskoe issledovanie: monografiya (Terrorism: a socio-psychological study) / K. G. Gorbunov. Омск: Publ. by the Омск State University, 2010. 384 p. (In Russian).
5. Zakon RSFSR ot 11.06.1964 «Ob utverzhdenii Grazhdanskogo kodeksa RSFSR» (The Law of the RSFSR of 11.06.1964 «On the approval of the Civil Code of the RSFSR») // Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR of 1964. No. 24. Art. 406. (In Russian).
6. Ivanov A. A., Bedretinov R.R. Sily i sredstva okhrany obshchestvennogo poryadka i obespecheniya obshchestvennoy bezopasnosti v drevnem Rime (Forces and means of protecting public order and ensuring public security in ancient Rome) // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2012. №1. P. 113–117. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sily-i-sredstva-ohrany-obshchestvennogo-poryadka-i-obespecheniya-obshchestvennoy-bezopasnosti-v-drevnem-rime> (Accessed: 01.06.2021). (In Russian).

7. Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Soyuzu Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik (utv. Postanovleniem Chrezvychainogo VIII S'ezda Sovetov SSSR ot 05.12.1936) (The Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (approved by the Resolution of the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the USSR of 05.12.1936) // Izvestiya TsIK SSSR i VTsIK. 1936. No. 283. (In Russian).
8. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020) (The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiiskaya gazeta. 2020. No. 144. (In Russian).
9. Kontseptsiya protivodeistviya terrorizmu v Rossiiskoi Federatsii: utv. Prezidentom Ros. Federatsii 5 oktyabrya 2009 g. (The concept of countering terrorism in the Russian Federation: approved. The president Grew up. Federation on October 5, 2009) // Rossiiskaya gazeta. 2009. No. 198. (In Russian).
10. Massovoe ubiystvo v Kerchenskom politekhnicheskome kolledzhe (Mass murder at the Kerch Polytechnic College) (2018). URL: <https://ria.ru/20191017/1559803779.html> (Accessed: 15.07.2021). (In Russian).
11. Mulukaev R.S., Malygin A.Ya., Epifanov A.E. Istoriya otechestvennykh organov vnutrennikh del. Uchebnik dlya vuzov / ed by R.S. Mulukaev (History of domestic internal affairs bodies. Textbook for universities). Moscow: NOTA BENE Media Trade Company, 2005. 336 p. (In Russian).
12. Ofitsial'nyi sait Natsional'nogo antiterroristicheskogo komiteta (Official website of the National Anti-Terrorist Committee). URL: <http://nac.gov.ru/kontterroristicheskie-operacii/v-kazani-vooruzhennyy-prestupnik-otkryl-strelbu.html> (Accessed: 15.07.2021). (In Russian).
13. Ofitsial'nyi sait Natsional'nogo antiterroristicheskogo komiteta (Official website of the National Anti-Terrorist Committee). URL: <http://nac.gov.ru/press-konferencii-i-brifingi/v-multimediynom-press-centre-mia-rossiya-segodnya.html> (Accessed: 15.07.2021). (In Russian).
14. Politicheskaya politiya i politicheskii terrorizm v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.). Sbornik dokumentov. Seriya «Pervaya publikatsiya» pod red. G. A. Bordyugova (Political police and political terrorism in Russia (the second half of the XIX – early XX centuries). Collection of documents. The series «The first publication» edited by G. A. Bordyugov). Moscow: AIRO-XX, 2001. 520 p. (In Russian).
15. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtroe. T. XLI. Otdelenie pervoe (The complete collection of laws of the Russian Empire. The second meeting. T. XLI. Department one). St. Petersburg.: Type II of the Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1868. 1081 p. (In Russian).
16. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e. T. I (The complete collection of laws of the Russian Empire. The third meeting. Vol. I). Saint Petersburg.: State Printing House, 1885. 614 p. (In Russian).
17. Sevost'yanov V. V. Dogovornoe regulirovanie predprinimatel'skogo otnosheniya po ekspluatatsii opasnykh proizvodstvennykh ob'ektov (Contractual regulation of business relations for the operation of hazardous production facilities): thesis. Grozny, 2019. 211 p. (In Russian).
18. Tatsit, Kornelii. Sochineniya v dvukh tomakh. Tom I: Annaly. Malye proizvedeniya. Kn. XV. 43 (Essays in two volumes. Volume I: Annals. Small works. Book XV. 43). Moscow: Lodomir, 1993. 443 p. (In Russian).
19. Troitskii N. A. Tsarskie sudy protiv revolyutsionnoi Rossii: Polit. protsessy, 1871–1880 gg. (Tsarist courts against revolutionary Russia: Polit. processes, 1871–1880). Saratov: Publ. by the Saratov University, 1976. 408 p. (In Russian).
20. Federal'nyi zakon ot 23.07.2013 № 208-FZ «O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii po voprosam antiterroristicheskoi zashchishchennosti ob'ektov» (Federal Law No. 208-FZ of 23.07.2013 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on issues of anti-terrorist protection of objects») // SZ RF. 2013. No. 30. Art. 4041. (In Russian).
21. Federal'nyi zakon ot 27.05.1996 № 57-FZ «O gosudarstvennoi okhrane» (Federal Law No. 57-FZ of 27.05.1996 «On State Protection») // SZ RF. 1996. No. 22. Art. 2594. (In Russian).
22. Federal'nyi zakon ot 31.12.2014 № 534-FZ «O vnesenii izmenenii v Zakon Rossiiskoi Federatsii «O chastnoi detektivnoi i okhrannoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii» (Federal Law No. 534-FZ of 31.12.2014 «On Amendments to the Law of the Russian Federation «On Private Detective and Security Activities in the Russian Federation») // SZ RF. 2015. No. 1. Art. 87. (In Russian).
23. Sharonov S. A. Antiterroristicheskaya zashchishchennost' opasnykh proizvodstv kak uslovie osushchestvleniya predprinimatel'skoi deyatel'nosti v preddverii Chempionata mira po futbolu 2018 goda (Anti-terrorist protection of dangerous industries as a condition for carrying out entrepreneurial activity on the eve of the 2018 FIFA World Cup) / S. A. Sharonov // Vlast' zakona. 2018. № 1. P. 61–84. (In Russian).
24. Sharonov S. A. Dogovor na okazanie uslug chastnoi okhrannoi deyatel'nosti (Contract for the provision of private security services): thesis. Volgograd, 2006. 210 p. (In Russian).
25. Sharonov S. A. Kontseptsiya grazhdansko-pravovogo regulirovaniya okhrannoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii: monografiya (The concept of civil law regulation of security activities in the Russian Federation). Moscow: Yustitsinform, 2014. 606 p. (In Russian).
26. Sharonov S. A. Chastnopravovye aspekty antiterroristicheskoi zashchishchennosti ob'ektov predprinimatel'skoi deyatel'nosti: na primere opasnykh proizvodstvennykh ob'ektov (Private law aspects of anti-terrorist protection of business objects: on the example of hazardous production facilities) / S. A. Sharonov // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020. No. 7. P. 108–113. (In Russian).

Сведения об авторе

Шаповалов Ярослав Александрович – адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Москва) / yascientist@yandex.ru

Information about the author

Shapovalov Yaroslav – postgraduate student, Moscow University of the Ministry of Interior of Russia named after V.Ya. Kikot (Moscow) / yascientist@yandex.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81'42:791
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.18

П. С. Бирюкова

ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ В КИНОДИСКУРСЕ И ЕГО МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

В неологическом пространстве кинодискурса отдельное место занимают новые лексемы, характеризующие кинокартины с положительной или отрицательной стороны. Эта оценка зависит от различных факторов (актерский состав, качество актерской игры, смысловая составляющая или ее отсутствие в фильме, бюджет картины и т.д.) и дается, как правило, кинокритиками или обычными зрителями – реципиентами кино. Оценка может быть объективной и субъективной, сиюминутной или «проверенной временем». Точкой отсчета при оценке кинофильмов является некий «средний уровень» (нулевая оценка), при сравнении с которым кинокартины характеризуются дерогативно или мелиоративно. В статье рассматриваются две группы англоязычных неологизмов кинодискурса с «аксиологически-интерпретационным» потенциалом, характеризующие жанр / разновидность кинофильма и участников кинодискурса. Источниками неологизмов кинодискурса с оценочным компонентом явились интернет-словари, глоссарии кинотерминов, англоязычные статьи средств массовой информации. Базируясь на дефинициях таких неологизмов кинодискурса, а также интернет-контенте, содержащем данные неологизмы, можно сделать выводы

об отдельных аспектах, влияющих на положительную или отрицательную характеристику кинофильма. Резюмируется, что неологизмы кинодискурса с «аксиологически-интерпретационным» потенциалом обладают манипулятивным свойством, воздействуя на зрительскую аудиторию, влияя на их оценку кинофильма, а также ожидания от картины, что может сказаться не только на популярности и успешной продаваемости фильма, но и, напротив, привести к его провалу в прокате. Не всегда, однако, принадлежность той или иной картины к определенному киножанру с отрицательной характеристикой будут отталкивать зрителя и негативно влиять на окупаемость картины, а наличие положительных героев необязательно привлечет большую аудиторию. Учитывая популярность фильмов и сериалов с так называемыми «трудными героями» и положительно окрашенное контекстное поле неологизма “difficult man”, можно, напротив, заключить, что отрицательные, многогранные персонажи импонируют зрителю гораздо больше, чем целиком положительные экранные типы.

Ключевые слова: кинодискурс, неологизмы, оценочность, трудный герой.

Polina Biryukova

EVALUATIVE COMPONENT OF ENGLISH NEOLOGISMS IN CINEMATIC DISCOURSE AND ITS MANIPULATIVE POTENTIAL

In the neological space of cinematic discourse, a separate place is occupied by new lexemes that characterize films from a positive or negative side. This assessment depends on various factors (the cast, the quality of the acting, the semantic component or its absence in the film, the budget of the film, etc.) and is given, as a rule, by film critics or ordinary viewers – the recipients of the cinema. Evaluation can be objective and subjective, momentary or time-tested. The starting point in evaluating films is a certain “average level” (zero rating), when compared with which films are characterized in a derogative or ameliorative manner. The paper examines two groups of cinematic discourse neologisms with axiological-interpretive potential – characterizing the genre / type of film and the participants of the cinematic discourse. The sources of neologisms of cinematic discourse with an evaluative component were Internet dictionaries, glossaries of film terms, and English-language articles of mass media. Based on the definitions of such neologisms of cinematic discourse, as well as Internet sources containing these neologisms, one can draw conclusions can be drawn about certain aspects

that affect the positive or negative characteristics of the film. It is summarized that the neologisms of cinematic discourse with axiological-interpretive potential have a manipulative property, affecting the audience, influencing their assessment of the film, as well as the expectations of the film, which can affect not only the popularity and sales of the film, but, on the contrary, lead to his failure at the box office. Not always, however, the fact that a picture belongs to a certain cinema genre with a negative characteristic will alienate the viewer and negatively affect the return on investment of the picture, and the presence of positive characters will not necessarily attract a larger audience. Considering the popularity of films and TV series with so-called “difficult men” and the positively colored contextual field of this neologism, we can, on the contrary, conclude that negative, multifaceted characters appeal to the viewer much more than entirely positive screen types.

Key words: cinematic discourse, neologisms, evaluation, difficult man, grindhouse, ham actor, landmark, miscast, revisionistic, slasher, yawner.

Рассмотрение неологизмов в любом типе дискурса представляет плодотворную научную «почву» с неисчерпаемым запасом ресурсов. Новые слова возникают постоянно ввиду стремительных темпов развития современного мира, появления новых феноменов, переосмысления уже существующих. Слова несут на себе печать времени, и лексические новообразования демонстрируют это особенно ярко. Даже очень недолго живущие номинации динамично характеризуют тот или иной период в истории языка и общества. «Неологизмы всегда были и останутся в поле зрения лингвистов, так как их появление в языке – нескончаемый процесс. Поэтому любые проблемы, связанные с неологизмами, всегда актуальны» [11, с. 33].

М. Радченко определяет неологизмы как «новые для данного исторического периода лексические единицы (образованные как с помощью словообразовательных средств данного языка, так и экзогенных словообразовательных элементов) или новые значения старых слов, появляющиеся в языке в связи с возникновением новых реалий и понятий» [12, с. 140]. Неологизмы образуются различными способами, в том числе морфологическим, конверсионным, с помощью блендинга. Порой уже наличествующие лексические единицы приобретают новые, дополнительные смыслы.

Неологизмы кинодискурса – отдельный пласт лексики, по праву заслуживающий внимания ученых-филологов. А. Н. Зарецкая считает, что «кинодискурс – это связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой завершенности фильма экстралингвистическими факторами, такими как креолизованное образование, обладающее свойствами целостности, связности, информативности, коммуникативно-прагматической направленности, медийности и созданное коллективно дифференцированным автором для просмотра реципиентом сообщения (кинозрителем)» [7, с. 8]. Наиболее точным нам представляется определение М. А. Самковой, полагающей, что ««кинодискурс» – более широкое, нежели «кинотекст» понятие, которое включает в себя как кинотекст, так и кинофильм, интерпретацию фильма кинозрителями и тот смысл, что вложили создатели кинофильма, а также всевозможные корреляции с разнообразными видами искусства, например, литература, театр, и с интерактивными системами – телевизионными сериалами, компьютерными играми» [13, с. 136].

В силу ёмкости данного понятия обнаруживается широкий диапазон распространения и употребления кинолексем, в том числе неологического характера.

В рамках данной работы мы рассматриваем оценочный компонент англоязычных неологизмов кинодискурса. Категория оценочности яв-

ляется объектом пристального внимания ученых-лингвистов с конца XX в. Различные аспекты и проявления оценочности освещены в работах Н. Д. Арутюновой [1], Е. Ф. Вольф [4], В. В. Виноградова [3], В.Н. Телия [14], Т. Гоббса [6] и др.

В лингвистике под оценкой принято понимать «общественно закрепленное отношение носителей языка («хороший – плохой», «хорошо – плохо») к внеязыковому объекту и к фактам языка и речи» [15, с. 7].

Оценки могут различаться по объекту оценки (оценки свойств предметов и оценки ситуации, положений дел, процессов, состояний и т. д.), способу оценивания (абсолютные / сравнительные оценки), основанию оценки (рациональные и эмоциональные оценки), аксиологической интерпретации (оценки со знаком «+» и со знаком «-») [5, с. 127–131]. Для нашего исследования особый интерес представляет крайняя разновидность оценки – аксиологически-интерпретационная.

Целью статьи является анализ англоязычных неологизмов в кинодискурсе для выявления в их дефинициях и/или контекстном поле оценочного компонента (положительной или отрицательной характеристики кинофильма).

Изучение кинодискурса, а также неологизмов в кинодискурсе, в том числе их оценочного компонента, является актуальной темой среди современных исследователей. Разные аспекты исследования неологизмов в различных типах дискурса освещены в работах Е. Н. Малюги (2019), В. В. Катерминой, А. М. Прима (2018), Л. В. Рацибурской (2016), В. В. Катерминой, Н. С. Соловьевой (2019), К. Женг (Zhang, 2019), кинодискурса – в работах Т. В. Духовной (2015), В.В. Катерминой, А. А. Линник (2018), Л. Буссо (Busso, 2017), М. А. Самковой (2011), А.Н. Зарецкой (2012).

Материалом исследования послужили современные англоязычные электронные словари, в том числе глоссарии кинотерминов, а также веб-сайты, посвященные обзору кинофильмов.

Приоритетными методами выявления и анализа коннотативно-заряженных неологизмов в кинодискурсе для нас являются метод контекстологического описания и описательный метод. Контекстуальный метод был применен с целью установления особенностей актуализации изучаемых неологизмов в исследуемом типе дискурса; описательный метод – для выявления характерных особенностей рассматриваемых неологизмов в кинодискурсе.

В неологическом пространстве кинодискурса можно выделить группу лексем с «аксиологически-интерпретационным» компонентом [5], в частности заключающих в себе оценку кинофильма с положительной или отрицательной стороны – другими словами, причисляющих кинокартины к разряду «хороших» и «плохих».

Согласно Г. Ф. Гибатовой, «если ценность ориентирована на эталон, то оценка является результатом сравнения с эталоном» [5, с. 130–131]. «Хорошее кино» можно признать «эталоном», который является мерилем при оценке других произведений киноискусства. Однако к какой категории, в таком случае, причислять так называемые «средние» фильмы? Ведь в киноиндустрии немало картин, которые нельзя назвать однозначно плохими или хорошими. В. В. Катермина предлагает рассматривать мелиоративную и дерогативную оценки как полярные, «предполагающие некую “среднюю”, “нейтральную” или “нулевую” оценку, которая выступает в качестве “точки отсчета” при оценочной квалификации объекта» [8, с. 43]. Таким образом, точкой отсчета уже выступают «средние» фильмы, скорее всего, не обладающие явным набором положительных или отрицательных черт, которые есть у «качественных» и «плохих» фильмов соответственно.

В данной работе мы уделим внимание мелиоративной и дерогативной оценкам, позволяющим подразделять кинофильмы на «качественные» и «плохие».

Что же определяет «хорошее кино» и чем оно отличается от «плохого»? Мы полагаем, что те или иные лексемы кинодискурса, устоявшиеся или же неологического характера, а также контекстное поле этих лексических единиц заключают в себе (пусть не всегда исчерпывающий) ответ на эти вопросы.

Рассмотрим неологизмы, характеризующие кинофильмы с положительной или отрицательной сторон, предлагая следующую их классификацию: неологизмы, обозначающие жанры / разновидности кино, и неологизмы, характеризующие участников кинодискурса.

К неологизмам, обозначающим жанры / разновидности кино, относится, например, понятие “landmark film” – a revolutionary film, due to either its technical or performance artistry; those films recognized by the National Film Registry [23] («культовый фильм» – революционный фильм, благодаря своему техническому или исполнительскому мастерству; эти фильмы признаны Национальным реестром фильмов). Данный неологизм называет группу положительно оцениваемых фильмов, что подтверждают такие лексические единицы, как “revolutionary” (“completely new and having a great effect” [19]), “technical or performance artistry” (artistry – “great skill in creating or performing something, such as in writing, music, sport, etc.” [19]). Кроме того, картины “landmark” «признаны» Национальным реестром фильмов. Учитывая данную дефиницию, можно заключить, что на положительную оценку таких кинофильмов влияют техническое и/или исполнительское мастерство, равно как и их уникальность, «революционность».

Другой лексической единицей, обозначающей круг «хороших фильмов», является неологизм “revisionistic” (“refers to films that present an apparent genre stereotype and then subvert, revise, or challenge it; aka deconstruction”) [23] («Ревизионистский» относится к фильмам, которые представляют очевидный жанровый стереотип, а затем подрывают, пересматривают или оспаривают его; также известен как «деконструктивистский фильм»). Исходя из данной дефиниции, можно заключить, что на положительную оценку таких фильмов влияет их потенциал «переворота», вау-эффект посредством «подрыва» стереотипных представлений о развитии сюжета того или иного киножанра.

Таким образом, в обоих приведенных положительно окрашенных неологизмах кинодискурса можно выделить общую черту – «деконструирование» привычных сюжетных линий.

Существует ряд неологизмов кинодискурса, очерчивающих круг «плохих фильмов». К таким, например, относится лексема yawner (since 1942, [32]) – a slang term, meaning a boring film [23] («йонер» (фильм, вызывающий зевоту) – сленговый термин, означающий скучный фильм).

Понятие “Slasher film” (since 1978, [32]) (aka splatter films) обозначает обычно малобюджетный фильм (cheaply-made film) (часто в жанре ужасов), предназначенный для подростковой аудитории, утрированно кровавый (deliberately made to contain gory <...> deaths), без саспенса и стройного сюжета (without any build-up, style or suspense), с серийным убийцей в роли антагониста [23].

Если фильм-yawner – просто скучная картина, то фильм-slasher (или splatter) отличает несколько негативных параметров: “cheaply-made”, “deliberately made to contain gory <...> deaths”, “without any build-up, style or suspense”.

Другим неологизмом, очерчивающим круг «плохих фильмов», является Trash cinema – “includes exploitation and sexploitation films – low-budget horror and science fiction, shoestring sex comedies and softcore pornography, which are typically dismissed as the lowest, most formulaic and sometimes most dangerously corrupting manifestations of film production” [25] (включает в себя эксплуатационное и сексплуатационное кино – малобюджетные фильмы жанров хоррор и научная фантастика, дешевые эротические комедии, которые, как правило, считаются низкопробными, шаблонными, бросающими тень на киноиндустрию).

Такие лексические единицы, как “low-budget”, “shoestring” (a small sum of money; capital inadequate or barely adequate to the needs of a transaction [29]), “lowest”, “formulaic” (“containing or consisting of fixed and repeated groups of words or ideas” [19]), “dangerously corrupting” (corrupt – to change from good to bad in morals, manners, or actions [29]) характеризуют подобные фильмы негативно.

Похожей лексемой является “grindhouse film” – понятие, используемое для описания фильма, который жертвует традиционными концепциями кинопроизводства (sacrifices the traditional film-making concepts), такими как хорошая актерская игра, развитие персонажей, качественное производство, творческая режиссерская работа (creative directing) и понятный план сюжета в пользу секса, крови, наготы, насилия и других шокирующих тем (sex, gore, nudity, violence and other shocking themes) [38]. Лексическая единица “grindhouse” существовала уже, по крайней мере, в 1930-х гг., однако встречалась крайне редко до момента выхода одноименного кинофильма К. Тарантино и Р. Родригеса в 2007 году [24].

Совместный проект «сдвоенного» фильма (double-feature film) режиссеров Квентина Тарантино и Роберта Родригеса под названием «Грайндхаус» (“Grindhouse”, 2007) провалился в прокате (“landed with a thud”) [20]. Упомянутые режиссеры отличаются оригинальностью и профессионализмом, однако их двойная картина потерпела крах. Причиной тому, по мнению Тарантино, было отсутствие у людей представления об эксплуатационном кино и фильмах-double-feature (“I think me and Robert just felt that people had a little more of a concept of the history of double features and exploitation movies. No, they didn’t. At all”) [22]. Режиссеры взяли за основу клишированные приемы, присущие фильмам-грайндхаус и эксплуатационному кино в принципе, и попытались представить их оригинальным образом, однако зрители, имея скудное представление о подобных фильмах (возможно ввиду того, что они не пользовались популярностью и считались второсортными), не смогли по достоинству оценить работу Тарантино и Родригеса. Данный пример неудачи проекта вышеупомянутых режиссеров – иллюстрация того, как влияет оценочный компонент, содержащийся в кинолексеме, на восприятие фильма аудиторией. О лингвистическом механизме пропаганды, предполагающем использование «эмоционально-оценочной лексики с целью воздействия на массы и формирования общественного сознания» упоминается в монографии В.В. Катерминой [8, с. 42].

Другой лексемой, обозначающей группу «плохих фильмов», является неологизм “schlock film” – of very poor quality, esp. as a result of being made with insufficient funds or too quickly [38], they have no artistic or social value [21]. Таким образом, шлак-фильмы также отличаются недостатком бюджета, отсутствием художественной ценности.

В данном ряду стоит также упомянуть лексическую единицу “spaghetti western” (since 1969, [32]) – a western, low-budget B-movie filmed in Italy (or Spain) during the 60s, usually characterized by low production values, sparse dialogue [23] (малобюджетный фильм жанра вестерн категории В (малобюджетный, непопулярный фильм), снятый

в Италии (или Испании) в 60-х годах, обычно характеризующийся низкой производственной ценностью, скудными диалогами). Данный неологизм содержит, помимо эстетической оценки, этническую, противопоставляющую картины, созданные американцами (традиционный вестерн) и итальянцами (либо испанцами – спагетти вестерн).

Другой разновидностью фильмов, снятых за небольшой бюджет и содержащих этнический компонент является “ozploitation” – “a genre of low-budget films produced in Australia, chiefly during the 1970s and 1980s” [40] (жанр малобюджетных фильмов, снятых в Австралии, в основном в 1970-х и 1980-х годах).

Часто сцены, демонстрируемые на экране, пропагандируют нездоровый образ жизни или даже эстетизируют его. Примером могут служить фильмы или видео, объединенные лексемой “smoxploitation” – “describes movies or videos that eroticize the act of smoking a cigarette” [39] (описывает фильмы или видео, которые эротизируют акт курения сигареты). “Since the video’s debut last fall, scores of fans have forked over \$34.95 (US) to watch Paula puff. She is part of a smoldering underground of video companies that make and peddle “smoxploitation” films – movies that feature fully clothed, attractive women who do nothing but smoke” [26] (С момента дебюта видео прошлой осенью множество фанатов потратили более 34,95 долларов США, чтобы посмотреть, как Пола выпускает дым. Это короткометражка тлеющего подполья видеокомпаний, снимающих и продающих фильмы «smoxploitation»). Такие картины демонстрируют полностью одетых, привлекательных женщин, которые ничего не делают, а только курят). Эротизация данной вредной привычки на экране популярна и в настоящее время. Курят Жюли в «Три цвета: синий» (1993), Миа в «Криминальном чтиве» (1994), Вирджиния Вульф в «Часах» (2002), дымит Ларита в «Легком поведении» (2008), красиво выпускает дым Ава в «Городе грехов» (2014), курит Кэрл в одноименном фильме (2014), не расстается с сигаретой и Ванесса в «Страшных сказках» (2014-2016). Эстетизируется и мужское курение. Феминный компонент, присутствующий в дефиниции электронного словаря WordBueno, нивелируется, делая курение актом унисекс: “a genre of fetish films that focus on a person smoking a cigarette” [40] (жанр фетиш-фильмов, показывающих человека, курящего сигарету). Например, в сериалах «Острые козырьки» (2013-...) и «Настоящий детектив» (2014-2019) сигарета в зубах – неотъемлемый атрибут брутального мужчины.

Негативное влияние фильмов smoxploitation на зрителей, однако, в дефиниции не упоминается, а в контекстном поле затрагивается чрезвычайно поверхностно. Так, например, в работе Роберта Сильверберга “Reflections and Refractions”

«красивое курение» отрицательно сказывается лишь на здоровье и внешнем виде актрис: “The actresses – many of whom aren’t smokers in real life, and say that they get pretty glassy-eyed and green around the gills after a long grim day before the camera – are trained in such arcane technical skills as ‘snap inhale’...”, “What we have here, in fact, is a brand new kind of fetishism <...> [that] substitutes the passion and fever that arises from watching a pretty woman suck combustion products into her lovely and irreplaceable lungs” [35]. Такие лексемы, как “glassy-eyed” (с остекленевшими глазами), “green around the gills” (нездоровый, бледный), “grim” (мрачный, зловещий) и “irreplaceable” (невосстановимый, незаменимый) имеют отрицательную коннотацию. В целом же, контекстное поле данной лексемы имеет скорее положительную окраску, указывая на “rebellious and defiant nature of women who are so free of inhibition and social restraint that they are willing to flaunt on video their defiance of today’s taboo against lighting up” [35]. Данный факт сигнализирует об опасности, на наш взгляд, так как подобная эстетизация и эротизация этой вредной привычки оказывает манипулятивное воздействие на зрителей, возможно, и не призывая курить, однако заставляя воспринимать курение как нечто привлекательное, бросающее вызов общественному мнению.

Некоторые неологизмы, характеризующие участников кинофильма, также содержат оценочный компонент. Так, например, лексическая единица “ham actor” (hamfatter), (unskilled actor who overacts [37]), обозначающий неумелого актера, который переигрывает, содержит в себе негативную «аксиологически-интерпретационную» оценку. Такой участник кинодискурса будет характерен для «плохих», низкопробных фильмов. Наличие таких актеров, воплощающих задуманный режиссером-автором образ в фильме, не может остаться незамеченным зрителем и, безусловно, будет влиять на его общее восприятие кинокартины. Прямо противоположное воздействие на зрителя оказывает талантливый актер: «художественный образ, созданный на экране, имеет особую способность воздействовать на сознание человека. Он заставляет поверить в себя, поднять дух, вселить надежду» [10, с. 102].

Говоря об актерском составе низкопробного кинофильма, пользуются также лексемой “miscast” (“refers to an actor / actress who is completely wrong, untalented, or unbelievable for the role he or she has been cast in” [23]). Помимо негативной оценки актера с профессиональной точки зрения, данный неологизм указывает на несовместимость актера с ролью. Так, например, главный редактор “The Hollywood Reporter”, давая интервью ABC News: Nightline, отзываясь о телеведущей Мэгган Келли следующим образом: “This is just a really unfortunate situation on all grounds.

You know, I think Megyn Kelly is an undeniable talent as a broadcaster, but seems she was miscast in this role and then made a big misstep” [16] (Это просто действительно неудачная ситуация по всем признакам. Знаете, я думаю, что Мэгган Келли – неоспоримо талантливая телеведущая, но, похоже, она не подходила на эту роль, а затем совершила большую ошибку).

Относительно участников качественной кинокартины стоит упомянуть Matinee idol (an actor popular as a romantic figure among women [21]), то есть популярный в особенности в женских кругах актер. Этим понятием начали пользоваться в конце XIX века и сейчас употребляют все реже. Его заменили лексемы “headliner”/“topliner” (the principal performer in a show [29]), “movie star” (a very popular and successful movie actor [19]).

Оттолкнуть зрителя может не только непрофессионализм актеров, но и наличие в кинокартине непривлекательных персонажей. Одним из них является “Mary Sue” (Мэри Сью) – “a female character invented by the author who is so perfect as to be annoying” [27] (женский персонаж, придуманный автором, который настолько совершенен, что раздражает). «К таким персонажам можно отнести Рэй в «Звездных войнах» (2015), Гермиону в «Гарри Поттере» (2001-2011), Нину в «Черном лебеде» (2010)» [9, с. 10]. Гендерный антипод Мэри Сью – “Marty Stu” (также “Gary Stu”) – seemingly perfect character with no flaws, or who always overpowers other characters [38] (кажущийся идеальным мужской персонаж без недостатков, который всегда побеждает других персонажей). «Примерами таких персонажей можно назвать Уолтера в «Разрисованной вуали» (2006), Эдварда Каллена в «Сумерках» (2008), Эдди в фильме «Джуманджи: Новый уровень» (2019)» [9, с. 11]. Как видим, в дефиниции “Marty Stu” не содержится явного негативного подтекста, однако такая лексема, как “seemingly” настораживает, равно как и подобная безупречность героя.

Занимательно, что Мэри Сью порой используется как гендерно нейтральное наименование персонажей: “Several bloggers have claimed that Blomkvist, whose career parallels that of his author, is Larsson’s ‘Mary Sue’, an alter ego too beloved to be truly flawed” [34] (Несколько блоггеров заявили, что Блумквист, чья карьера параллельна карьере его автора, – это «Мэри Сью» Ларссона, альтер-эго, слишком любимый персонаж, чтобы быть несовершенным).

Однако не всегда при просмотре фильма, который чем-то не угодил зрителю, последний спешит выключить телевизор. В данном случае кинореципиент “hate-watches” (“to watch a TV show, movie, or actor that one vigorously dislikes. Also: hatewatch. – hate-watcher” [39] (смотреть телешоу, фильм или игру актера, который сильно не нравится)). Делается это обычно с целью обсуждения

с друзьями, а также на просторах социальных сетей недостатков того или иного фильма, никудышной игры актера или по другим причинам: "I have gotten all the joy I can from watching it – which is the joy of knowing I would hate watching it and being right" [30] (Я получил всю возможную радость от просмотра – и это радость от осознания того, что я знал, что мне это не понравится и был прав).

Неологизм "difficult man", введенный в кинодискурс Бреттом Мартином в 2013 г., используется для обозначения привлекательного антигероя ("likeable anti-hero") [28]. «Подобный эффект встречается в фильмах, раскрывающих глубину отрицательного персонажа, рассказывающих его историю. Данное понятие используется нечасто и может быть принято за окказионализм, однако упоминание его обнаруживается в таких популярных новостных ресурсах, как The New York Times [33], The Guardian [36], The New Republic [17]. Этот факт позволяет исключить понятие "difficult man" из числа окказионализмов» [2, с. 4]. На данных новостных площадках "difficult man" рассматривается именно как привлекательный антигерой, завоевавший внимание публики своей неоднозначностью, многогранностью. Зрителей, проявляющих симпатию к подобным героям, называют "bad fans" ("the loyal viewer, often a guy, who views antiheroes as heroes" [31]). «Как видно из определения, зачастую «плохими фанатами» являются также мужчины, что позволяет сделать вывод о маскулинном характере данного ТВ-контента с позиции участников кинодискурса (персонажей, зрителей, создателей телесериала)» [2, с. 5–6].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в работе исследованы две группы англоязычных неологизмов кинодискурса – характеризующие жанр / разновидность кинофильма и участников кинодискурса. На основании проанализированных коннотативно заряженных англоязычных неологизмов кинодискурса и научной литературы можно сделать следующие выводы:

- в составе дефиниций и/или контекстного поля некоторых англоязычных неологизмов кинодискурса присутствует положительная, отрицательная или нулевая оценка. Для нашего исследования интерес представляют первые две категории оценок, способствующих классификации кинофильмов на «плохие» и «качественные». Точкой отсчета выступают «средние» фильмы, не обладающие явным набором положительных или отрицательных черт, которые есть у «качественных» и «плохих» фильмов соответственно;
- оценочный компонент в составе неологизмов обладает манипулятивным потенциалом, способным воздействовать на массы, формировать общественное мнение. Подобное влияние может быть опасно, если на экране эстетизируются, например, вред-

ные привычки. Так, «красивое курение» в исполнении «привлекательных женщин» (attractive women) воспринимается как «протест» (rebellion), «вызов» (defiance) общепринятым табу и приносит лишь «закадровый» вред курящим актрисам, покидающим съемочную площадку со «стеклянными глазами» (glassy-eyed) и «нездоровым видом» (green around the gills).

- «хорошие», «качественные» кинофильмы (revisionistic, landmark) характеризуются наличием таких положительно окрашенных лексем, как «революционный» (revolutionary), «признанный» (recognized), «подрыв» общепринятых представлений о жанре (subvert, revise, or challenge the genre), «техническое и исполнительское мастерство» (technical or performance artistry);
- дефиниции и контекстное поле «плохих» кинокартин (slasher, yawner, spaghetti western, grindhouse, trash, exploitation, etc.) содержат такие дерогативные лексемы, как плохая актерская игра (ham actor), малый бюджет (cheaply-made, shoestring, low-budget, made with insufficient funds), неудачный подбор актера(ов) на определенную роль (miscast), «скудные диалоги» (sparse dialogue), «отсутствие саспенса и стройного сюжета» (without any build-up, style or suspense), а также отсутствие художественной или социальной ценности (have no artistic or social value);
- «плохие» фильмы необязательно предполагают отсутствие к ним интереса публики: случается, что зрители намеренно смотрят контент, который им не нравится по каким-либо причинам, чтобы в дальнейшем обсудить негативные аспекты в режиме онлайн или в реальной беседе. Таким образом неологизм "hatewatch" содержит в своем дефиниционном и контекстном поле полярные коннотативно заряженные лексемы «радость» и «ненависть» (the joy of knowing I would hate watching it);
- отрицательные персонажи (difficult men) могут нравиться публике в силу своей разработанности, многогранности, неоднозначности. Это еще один неологизм, наряду с вышеупомянутым "hatewatch", в котором заключены полярные коннотативно окрашенные элементы (likeable anti-hero). Слишком положительные персонажи (Mary Sue, Marty Stu), напротив, скорее вызовут раздражение зрителей, что подтверждает присутствие в дефинициях данных наименований персонажей такие негативно окрашенные лексемы, как "annoying", "seemingly perfect". Контекстное поле данных неологизмов указывает на неправдоподобность таких персонажей (too beloved to be truly flawed).

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1982. С. 5–23.
2. Бирюкова П.С. Особенности кинодискурса «трудного героя» (“difficult man”) // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: сборник научных трудов. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. С. 4–9.
3. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове: Учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 256 с.
5. Гибатова Г. Ф. Аксиология в языке // Вестник ОГУ. 2011. № 2(121). С. 127–132.
6. Гоббс Т. Сочинения в 2-х т. Т. 1 / Пер. с лат. и англ.; Сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В. В. Соколов. М.: Мысль, 1989. 622 с.
7. Зарецкая А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: монография. Челябинск: Абрис, 2012. 192 с.
8. Катермина В. В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков): монография. М.: ФЛИНТА, 2016. 222 с.
9. Катермина В. В., Бирюкова П.С. Гендерно-окрашенные англоязычные неологизмы в кинодискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2020. № 2. С. 44–52.
10. Кузнецова О. В. Проблемы кинообслуживания на целине: статистика и повседневность // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 2. С. 98–104.
11. Липириди С. Х., Катермина В. В. Лингвокультурологические аспекты изучения новой лексики в условиях глобализации // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. № 4. С. 31–39.
12. Радченко М. Словообразовательные неологизмы в современном русском и хорватском языках // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Серия 2, Языкознание. 2009. № 2(10). С. 140–144.
13. Самкова М. А. Кинотекст и кинодискурс: к проблеме разграничения понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1(8). С. 135–137.
14. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 142 с.
15. Хидекель С. С., Кошель Г. Г. Оценочный компонент лексического значения слова // Иностранные языки в школе. 1981. № 4. С. 7–10.
16. ABC News: Nightline: Facing controversy. Megyn Kelly's comments about blackface. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (Дата обращения: 05.09.2021).
17. Bennett L. Against antiheroes // The New Republic. 2013, August 18. URL: <https://newrepublic.com/article/114346/anti-antihero-against-cultural-buzzwords> (Дата обращения: 02.09.2020).
18. Brett M. Difficult Men: Behind the Scenes of a Creative Revolution: From The Sopranos and The Wire to Mad Men and Breaking Bad. 2013. URL: <https://ru.scribd.com/book/190955918/Difficult-Men-Behind-the-Scenes-of-a-Creative-Revolution-From-The-Sopranos-and-The-Wire-to-Mad-Men-and-Breaking-Bad> (Дата обращения: 02.09.2020).
19. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (Дата обращения: 01.07.2020).
20. Collider. URL: <https://collider.com/quentin-tarantino-grindhouse-failure-reason-why/> (Дата обращения: 01.07.2020).
21. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (Дата обращения: 01.07.2020).
22. Empire. April, 2020. URL: <https://www.empireonline.com/movies/features/empire-30-quentin-tarantino-answers-your-questions/> (Дата обращения: 01.07.2020).
23. Film Terms Glossary. URL: <https://www.filmsite.org/filmterms4.html> (Дата обращения: 01.07.2020).
24. Fisher A., Walker J. Grindhouse: cultural exchange on 42nd Street and beyond. NY: Bloomsbury Academic. 2016. 280 p.
25. Hunter I. Q. British trash cinema, 2013. URL: https://www.academia.edu/5273445/British_Trash_Cinema (Дата обращения: 01.07.2020).
26. Hwang S. L. Drag queens. The Wall Street Journal, January 31, 1996. URL: <https://www.southcoasttoday.com/article/19960203/NEWS/302039945> (Дата обращения: 29.05.2021).
27. Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (Дата обращения: 17.06.2021).
28. Martin B. Difficult Men: Behind the Scenes of a Creative Revolution: From The Sopranos and The Wire to Mad Men and Breaking Bad. Penguin books, 2014. 320 p.
29. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (Дата обращения: 01.07.2020).
30. Miller S. The Joy of the Hate-Watch. The New York Times, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/05/18/style/hate-watch-joy.html> (Дата обращения: 05.09.2021).
31. Nussbaum E. The female bad fan. The New Yorker. URL: <https://www.newyorker.com/culture/cultural-comment/female-bad-fan> (Дата обращения: 01.07.2020).
32. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (Дата обращения: 01.07.2020).
33. Schwarzbaum L. No More Mr. Nice Guys // The New York Times. 2013, July 12. URL: <https://www.nytimes.com/2013/07/14/books/review/difficult-men-by-brett-martin.html> (Дата обращения: 02.09.2020).
34. Seltzer S. The Girl with the Dragon Tattoo: Why we should cheer Lisbeth Salander. The Christian Science Monitor, 2010. URL: <https://www.csmonitor.com/Commentary/Opinion/2010/0728/The-Girl-with-the-Dragon-Tattoo-Why-we-should-cheer-Lisbeth-Salander> (Дата обращения: 05.09.2021).
35. Silverberg R. Reflections and Refractions. Nonstop Press; Revised and expanded edition, 2016. URL: https://books.google.ru/books?id=HZ8BAGAAQBAJ&pg=PT254&lpg=PT254&dq=smoxploitation+silverberg&source=bl&ots=06ZWta_hEk&sig=ACfU3U3qaB0X61MBwzxUEMPp4M76YEOvW&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwiVidLh6f7yAhVMmIsKHx3C9EQ6AF6BAGCEAM#v=onepage&q=smoxploitation%20silverberg&f=false (Дата обращения: 05.09.2021).
36. Tait Th. Difficult Men: From The Sopranos and The Wire to Mad Men and Breaking Bad by Brett Martin – review // The Guardian. 2013, September 18. URL: <https://www.theguardian.com/books/2013/sep/18/difficult-men-brett-martin-review> (Дата обращения: 02.09.2020).
37. The Free Dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (Дата обращения: 01.07.2020).

38. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (Дата обращения: 01.07.2020).
39. Word Spy: The Word Lover's Guide to New Words URL: <https://www.wordspy.com> (Дата обращения: 29.05.2021).
40. WordBueno. URL: <https://wordbueno.com/word> (Дата обращения: 17.06.2021).

References

1. Arutyunova N. D. Aksiologiya v mekhanizmah zhizni i yazyka (Axiology in the mechanisms of life and language) // Problemy strukturnoj lingvistiki. Moscow: Nauka, 1982. P. 5–23. (In Russian).
2. Biryukova P. S. Osobennosti kinodiskursa «trudnogo geroya» ("difficult man") (Features of cinematic discourse of a "difficult man") // Filologicheskie nauki v XXI veke: aktualnost, mnogopolyarnost, perspektivy razvitiya: sbornik nauchnyh trudov. Krasnodar: KubSU publ., 2020. P. 4–9. (In Russian).
3. Vinogradov V. V. Russkij yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove: Ucheb. posobie dlya vuzov (The Russian language: Grammatical teaching about the word). Moscow: Vyssh. shk., 1986. 640 p. (In Russian).
4. Volf E. M. Funkcionalnaya semantika ocenki (Functional semantics of evaluation). Moscow: Nauka, 1985. 256 p. (In Russian).
5. Gibatova G. F. Aksiologiya v yazyke (Axiology in the language) // Vestnik OGU. 2011. No. 2 (121). P. 127–132. (In Russian).
6. Gobbs T. Sochineniya (Works) In 2 Vols. Vol. 1 / translated by. V.V. Sokolov. Moscow: Mysl, 1989. 622 p. (In Russian).
7. Zaretskaya A. N. Osobennosti realizacii podteksta v kinodiskurse: monografiya (Features of the implementation of the subtext in cinematic discourse). Chelyabinsk: Abris, 2012. 192 p. (In Russian).
8. Katermina V. V. Nominacii cheloveka: nacionalno-kulturnyj aspekt (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov): monografiya (Nominations of a person: national-cultural aspect (based on the Russian and English languages)). Moscow: FLINTA, 2016. 222 p. (In Russian).
9. Katermina V. V., Biryukova P. S. Genderno-okrashennye angloyazychnye neologizmy v kinodiskurse (Gender-colored English-language neologisms in cinematic discourse) // Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2020. No 2. P. 44–52. (In Russian).
10. Kuznecova O. V. Problemy kinoobslužhivaniya na celine: statistika i povsednevnost (Problems of cinema service on virgin lands: statistics and everyday life) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2017. No 2. P. 98–104. (In Russian).
11. Lipiridi S. Kh., Katermina V. V. Lingvokulturologicheskie aspekty izucheniya novoj leksiki v usloviyah globalizacii (Linguocultural aspects of the study of new vocabulary in the context of globalization) // Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2019. No 4. P. 31–39. (In Russian).
12. Radchenko M. Slovoobrazovatelnye neologizmy v sovremennom russkom i horvatskom yazykah (Word-formation neologisms in modern Russian and Croatian languages) // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Seriya 2, Yazykoznanie. 2009. № 2(10). P. 140–144. (In Russian).
13. Samkova M. A. Kinotekst i kinodiskurs: k probleme razgranicheniya ponyatij (Film text and cinematic discourse: on the problem of differentiating concepts). Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2011. No 1(8). P. 135–137. (In Russian).
14. Teliya V. N. Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic (The connotative aspect of the semantics of nominative units). M.: Nauka, 1986. 142 p.
15. Khidekel S. S., Koshel G. G. Ochenochnyj komponent leksicheskogo znacheniya slova (Estimated component of the lexical meaning of the word) // Inostrannye yazyki v shkole. 1981. No 4. P. 7–10. (In Russian).
16. ABC News: Nightline: Facing controversy. Megyn Kelly's comments about blackface. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (Accessed: 05.09.2021).
17. Bennett L. Against antiheroes // The New Republic. 2013, August 18. URL: <https://newrepublic.com/article/114346/anti-antihero-against-cultural-buzzwords> (Accessed: 02.09.2020).
18. Brett M. Difficult Men: Behind the Scenes of a Creative Revolution: From The Sopranos and The Wire to Mad Men and Breaking Bad. 2013. URL: <https://ru.scribd.com/book/190955918/Difficult-Men-Behind-the-Scenes-of-a-Creative-Revolution-From-The-Sopranos-and-The-Wire-to-Mad-Men-and-Breaking-Bad> (Accessed: 02.09.2020).
19. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (Accessed: 01.07.2020)
20. Collider. URL: <https://collider.com/quentin-tarantino-grindhouse-failure-reason-why/> (Accessed: 01.07.2020)
21. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (Accessed: 01.07.2020)
22. Empire. April, 2020. URL: <https://www.empireonline.com/movies/features/empire-30-quentin-tarantino-answers-your-questions/> (Accessed: 01.07.2020)
23. Film Terms Glossary. URL: <https://www.filmsite.org/filmterms4.html> (Accessed: 01.07.2020)
24. Fisher A., Walker J. Grindhouse: cultural exchange on 42nd Street and beyond. NY: Bloomsbury Academic. 2016. 280 p.
25. Hunter I.Q. British trash cinema, 2013. URL: https://www.academia.edu/5273445/British_Trash_Cinema (Accessed: 01.07.2020)
26. Hwang S.L. Drag queens. The Wall Street Journal, January 31, 1996. URL: <https://www.southcoasttoday.com/article/19960203/NEWS/302039945> (Accessed: 29.05.2021).
27. Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (Accessed: 17.06.2021).
28. Martin B. Difficult Men: Behind the Scenes of a Creative Revolution: From The Sopranos and The Wire to Mad Men and Breaking Bad. Penguin books, 2014. 320 p.
29. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (Accessed: 01.07.2020).
30. Miller S. The Joy of the Hate-Watch. The New York Times, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/05/18/style/hate-watch-joy.html> (Accessed: 05.09.2021).
31. Nussbaum E. The female bad fan. The New Yorker. URL: <https://www.newyorker.com/culture/cultural-comment/female-bad-fan> (Accessed: 01.07.2020).
32. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (Accessed: 01.07.2020)
33. Schwarzbaum L. No More Mr. Nice Guys // The New York Times. 2013, July 12. URL: <https://www.nytimes.com/2013/07/14/books/review/difficult-men-by-brett-martin.html> (Accessed: 02.09.2020).

34. Seltzer S. The Girl with the Dragon Tattoo: Why we should cheer Lisbeth Salander. The Christian Science Monitor, 2010. URL: <https://www.csmonitor.com/Commentary/Opinion/2010/0728/The-Girl-with-the-Dragon-Tattoo-Why-we-should-cheer-Lisbeth-Salander> (Accessed: 05.09.2021).
35. Silverberg R. Reflections and Refractions. Nonstop Press; Revised and expanded edition, 2016. URL: https://books.google.ru/books?id=HZ8BAgAAQBAJ&pg=PT254&lpg=PT254&dq=smoxploitation+silverberg&source=bl&ots=06ZWta_hEk&sig=ACfU3U3qaB0X61MBwzxUEMPp4M76YEoOVw&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwiVidLh6f7yAhVMmlsKHxe3C9EQ6AF6BAgCEAM#v=onepage&q=smoxploitation%20silverberg&f=false (Accessed: 05.09.2021).
36. Tait Th. Difficult Men: From The Sopranos and The Wire to Mad Men and Breaking Bad by Brett Martin – review // The Guardian. 2013, September 18. URL: <https://www.theguardian.com/books/2013/sep/18/difficult-men-brett-martin-review> (Accessed: 02.09.2020).
37. The Free Dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (Accessed: 01.07.2020)
38. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (Accessed: 01.07.2020)
39. Word Spy: The Word Lover's Guide to New Words URL: <https://www.wordspy.com> (Accessed: 29.05.2021).
40. WordBueno. URL: <https://wordbueno.com/word> (Accessed: 17.06.2021).

Сведения об авторе

Бирюкова Полина Сергеевна – ассистент и соискатель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета (Краснодар) / biriukova.polina@mail.ru

Information about the author

Biryukova Polina – Assistant and applicant for PhD, Chair of English Philology, Kuban State University (Krasnodar) / biriukova.polina@mail.ru

УДК 81'42
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.19

Н. Ю. Фанян

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АРГУМЕНТАТИВНОГО ДИСКУРСА В ПРЕДИСЛОВИИ ПОВЕСТИ АНДРЕ ЖИДА «ИММОРАЛИСТ»

В статье предлагается опыт интерпретации авторского предисловия (АП) одного из знаковых произведений мировой литературы как актуальная интегративная филологическая проблема. В ней показывается логика перехода от литературоведческих («чистый роман») вопросов к лингвистическому аспекту исследования. Объект изучения – авторское предисловие как жанр художественного дискурса (ХД). Цель исследования – выявить элементы, обуславливающие специфику реализации функций мини-текста. Новизна работы заключается в исследовании предисловия как композиционного элемента произведения в аргументативном аспекте. Авторский вклад состоит в применении собственно авторской модели к объекту анализа. Данная модель включает категории аргументативного пространства (эпистемический контекст, каузальность, модальность); а также двойное понимание аргументации – в узком (как процесс приведения доводов) и широком (как константа, онтологическая обоснованность) смысле. В узком смысле аргументация находит выражение в различных формах: рассуждение как тип текста; когнитивные элементы аргументативного процесса в дискурсе (гипотеза, концевисс, уточнение); различные синтаксические приемы – «аргументативные весы», двойное отрицание, параллельные конструкции. Делается вывод о взаимосвязи узкого и широкого понимания аргументации на основе

единства трех понятий – «объяснение – оценка – осмысление». «Объяснение» и «оценка» в узком смысле характеризуют аргументативный процесс («за» и «против»), а в широком – манифестируют объективность на основе дистанцированности. «Осмысление» в единстве двух предыдущих этапов указывает на специфику реализации намерения «доказывать», отсутствие которого – в завязке и развязке – создает раму предисловия. В широком смысле анализируемое предисловие характеризуется как жанр, выполняющий не воздействующую, а ориентирующую функцию к пониманию творческого кредо объективного / неангажированного писателя. Этому способствует выраженная пластичность диалогических отношений между участниками дискурса – великим французским автором и его потенциальными (далее – реальными) читателями, способными стать ему равными партнерами в конструировании релевантной для себя картины мира. Делается вывод о позиции автора как художника, способного таким образом вовлечь в диалог максимальное количество читателей: она может восприниматься двойко – и как отстранение автора от своего художественного пространства, и как приглашение к совместному путешествию.

Ключевые слова: аргументативный дискурс, художественный дискурс, мини-текст, лингвоаргументативный анализ, ориентирующая функция.

Nelly Fanyan

THE SPECIFICS OF ARGUMENTATIVE DISCOURSE REPRESENTATION IN THE PREFACE TO A SHORT NOVEL BY ANDRE GIDE “THE IMMORALIST”

The article represents the experience of interpreting the author's preface (AP) of one of the most significant pieces of world literature as an actual integrative philological problem. It shows the logic of the transition from literary issues (“pure novel”) to the linguistic aspect of the study. The object of study is the author's preface as a genre of artistic discourse (AD). The purpose of the study is to identify the elements that determine the specifics of the implementation of the functions of the mini-text. The novelty of the work is the study of the preface as a compositional element of the work within the argumentative aspect. The author's comprises the application of the author's own model to the object of analysis. This model includes the categories of argumentative space (epistemic context, causality, modality), as well as a dual understanding of argumentation -- in its narrow (as a process of putting forward arguments) and broad (as a constant, ontological validity) meanings. In a narrow sense, argumentation finds expression in various forms: reasoning as a type of text; cognitive elements of the argumentative process in discourse (hypothesis, concessive, clarification); various syntactic techniques – “argumentative balance”, double negation, parallel constructions. The conclusion is made about the correlation between narrow and broad types of understanding of argumentation based

on the unity of three concepts – “explanation – evaluation – comprehension”. “Explanation” and “evaluation” in the narrow sense characterize the argumentative process (“for” and “against”), and in its broad sense they manifest objectivity based on distance aspect. “Comprehension” in the unity of two previous stages indicates the specifics of the implementation of the intention to “prove”, the absence of which – in the beginning and within the ending – creates the framework of the preface. In a broad sense, the analyzed part of a novel is characterized as a genre that performs not an influencing, but an orienting function to understand the creative credo of an objective / unbiased writer. This is facilitated by obvious flexibility of dialogical relations between the participants of the discourse – a great French author and his potential (hereinafter – real) readers, who are able to become equal partners in constructing a relevant picture of the world for themselves. The conclusion is drawn about the position of the author as an artist who is able to engage the maximum number of readers in the dialogue: it can be perceived in two ways – as a withdrawal of the author from his artistic space and as an invitation to a mutual journey.

Key words: argumentative discourse, artistic discourse / discourse of art, mini-text, linguistic argumentative analysis, orienting function.

В глубокой античности находим прецедентный мотив. В предисловии к сборнику «Человек читающий. HOMO LEGENS...» Святослав Бэлза отмечает: «Часто цитируемый латинский афоризм “Книги имеют свою судьбу” приводится обычно в усеченном виде, тогда как продолжение его гласит: “...в зависимости от восприятия (буквально: “головы”) читателя”» [5, с. 20]. В крылатом выражении, характеризующем Homo legens, выражен когнитивно-дискурсивный аспект. Homo legens дополняет типологию человека (homo sapiens / sentiens / ludens / (e)loquens / faber / sociologicus / psychologicus / agens / argens), описанную и обобщенную в области гуманитарного знания (о “homo argens” – «человек аргументирующий» см.: [18]).

В филологии – в литературоведении, в лингвистике, как правило, отношение между участниками художественного дискурса (ХД) – автором и адресатом – в основном представляется в «единстве выражения и убеждения»: «В литературном речевом акте всегда можно заметить стремление автора не просто навязать читателю свой тезаурус, т. е. дать определенное число сведений о мире, но внушить ему те ценностные ориентиры, которые он, “отправитель речи”, художник, творец, личность и член общества, считает важными для других людей и тем самым для себя самого» [16, с. 106, 124].

Неоднозначность понимания отношения между участниками ХД объясняется дифференцированным подходом к понятию «адресат», к выявлению такой его ипостаси как «наадресат» (реальный адресат): «абсолютно справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени... В разные эпохи и при разном миропонимании этот наадресат и его идеально верное ответное понимание принимают разные конкретные и идеологические выражения (бог, абсолютная истина, суд беспристрастной человеческой совести, народ, суд истории, наук и т. п.)» [3, с. 305–306]. Данный тип адресата «всегда индивидуален в том смысле, что его сознание, жизненный опыт, особенности восприятия определяются (ограничиваются) конкретной исторической эпохой или социальной ситуацией» [16, с. 114].

Наадресат как реальный адресат формируется, исходя из понятия «потенциальный адресат» выборочно и сообразно своим переживаниям и картине мира. При этом одно и то же произведение актуализируется в перспективе понимания его достоинств – их увеличения либо уменьшения в процессе воспринимательно-конструктивной деятельности читателя [7, с. 74].

Пластичность взаимоотношений участников ХД понимается через аналогичное толкование художественного текста, который «формирует действительность, обрабатывая образы, которые существуют внутри читателя». При этом коммуни-

кация между участниками ХД проходит в два этапа: «наивной перцепции», «когда читатель напрямую воспринимает описываемую жизнь как некое воплощение реальности», и «конгениальности», «когда происходит диалог читателя и автора» [8, с. 232]. Интерпретация текста разделяется на три явления, взятых интегративно: объяснение (отражает отношение между реальностью и интертекстовым пространством, в процессе которого происходит уподобление концептов), оценка (в результате которого определяется значимость текста), осмысление (сопоставление деталей, образующих текст, выявление авторского намерения в тексте) [8, с. 234]. Обобщение существующих концепций относительно взаимосвязи понятий текста и дискурса приводит к следующему неопровержимому мнению: «в настоящее время акцент ставится на созидатель, творческой роли не только говорящего, но и слушающего» [13, с. 84]. Рассмотрим обозначенные положения применительно к поставленной нами проблеме.

О творчестве писателя. Обратимся к творчеству Андре Жида, всемирно известного французского писателя, удостоенного Нобелевской премии 1947 года, которая фактически явилась признанием завершения его литературного пути. Для сравнения: «Имморалист» написан в 1902 г., напечатан в Париже в 1921 г. Книга – о проблеме, возникающей между наукой и жизнью, природой вещей и условностями, умом и сердцем, знанием и мнением/ верой.

Творчество Андре Жида в целом в литературной критике получило неоднозначное толкование. Комплексный анализ, складывающийся из экстралингвистических (речь идет об эволюции, ангажированности художника) и лингвистических (речь идет о мастерстве писателя) факторов, нацелен на разъяснение сложившегося противоречивого образа признанного во всем мире автора. В первой (экстралингвистической) позиции художник слова – представитель плеяды французских писателей, которые «переболели» «симпатией к Советской России» в своих поисках создания «нового человека», а затем и разочаровались в ней [19, с. 9–10]. При этом среди антиклерикальных авторов того времени его творчество характеризуется как «гедонистический», «атеистический эстетизм» [19, с. 12]; а в литературном процессе XX века – как вклад в истинное и современное понимание романа как «жанра критического и не только критикуемого»: “Les exemples de Gide ... suscitent une véritable conscience du roman qui marque profondément le siècle et dans laquelle s’affirme la modernité du roman français, genre critique et non seulement critiqué” [21, p. 26].

Во второй (лингвистической) позиции противоречивость манифестируется аналогично. Достаточно сравнить несколько фрагментов из одного

источника – «Нулевой степени письма» Ролана Барта, в котором находим как хвалебную составляющую (1), так и жесткую критику (2):

(1) «великое традиционное письмо, письмо Жида, Валери, Монтерлана и даже Бретона, означало, что форма, во всей ее весомости и несравненном великолепии одеяний, есть ценность, не подвластная Истории, наподобие ритуального языка священнослужителей» [2, с. 88].

И ранее, на предыдущих страницах, Ролан Барт, ищущий основы основ письма, литературного творчества, выстраивает своеобразную концепцию «литературной экономики», предлагает любопытную типологию писателей, среди которых находим и имя Андре Жида:

(2) «начал складываться образ писателя-работника, запирающегося в своей легендарной башне, подобно ремесленнику в мастерской, и принимающегося отделывать, шлифовать, полировать, оправлять форму совершенно так же, как ювелир превращает данный ему материал в произведение искусства. Изо дня в день, в полном одиночестве проводит он за этим занятием долгие часы, наполненные упорным трудом: такие писатели как Готье (пишущий на рассвете у себя в спальне), Жид (удобно устроившийся за своей конторкой), образуют своего рода ремесленный цех во Французской Словесности, где сама работа над формой есть знак принадлежности к корпорации» [2, с.83]. Жид характеризуется как «писатель без стиля» (стиль – это «одиночество писателя», «безразличного для общества», которое «смотрит сквозь него»; «форма без назначения; его толкает некая сила снизу, а не влечет к себе известный замысел свыше») [2, с. 55].

Обозначив основные принципы актуализации ХД, определив экстралингвистический и лингвистический позиции творчества писателя, обратимся к интерпретации предисловия книги, понимаемого как мини-текст, выполняющего определенную функцию для вовлечения читателя в художественное пространство писателя. Наш подход может вызвать следующее опровержение: для подобного вывода необходимо знание о том, что всякий/каждый читатель начинает знакомство с произведением с его предисловия (что происходит не всегда). В нашем понимании, читатель не может пройти мимо предисловия. К тому же в отдельных изданиях некоторые произведения имеют более одного предисловия, написанного к соответствующему изданию, в которых отражается эволюция взглядов автора, изменение некоторых его позиций, что должно ещё больше заинтриговать читателя.

В данной части мы конкретизируем метод исследования, а также обосновываем выбор материала исследования. Исходя из выдвинутого нами положения о двоякой сущности аргументации в естественно-языковой области, понимае-

мой в узком и широком смысле [18], попытаемся охарактеризовать специфику аргументативного дискурса на материале предисловия к повести «Имморалист». В узком смысле, аргументация – это неограниченный во времени и пространстве процесс репрезентации аргументов в традиционном понимании; в широком – она реализуется как «аргументативность», т. е. как константа в пропозициональном содержании высказывания, как обоснованность абстрактного универсального порядка, регулируемая принципом уместности. Аргументативный подход в качестве базового, имея онтологическую заданность, наилучшим образом обосновывает постановку проблемы изучения сути любого вида дискурса. Универсальность аргументативной модели заключается в ее действенности в качестве концептуальной модели, обусловленной ограниченным набором компонентов, а также в перспективности для семантического анализа различных типов текстов (дискурсов), в т. ч. и художественного [17]. Единство узкого и широкого толкования аргументации позволяет нам рассмотреть выраженность рационального и иррационального начал, эксплицитные и имплицитные аспекты анализируемого феномена.

В качестве материала служит жанр «предисловие». Интерес к предисловию определяется расширением понимания процессов интеграции и дифференциации текстовых / дискурсивных композиционных единиц. С ростом дискурсивных исследований возрос интерес к различным мини-частям художественного текста как элементов художественного дискурса (ХД): подзаголовок, эпиграф, посвящение и др. Особый интерес в функциональном аспекте в поле затекстовых единиц представляло заглавие произведения – в большей степени в дискурсе СМИ, чем в ХД. Основная функция названных композиционных структур текста – дискурсоформирующая. В поле нашего зрения – экспликация механизма конструирования предисловия сообразно дискурсивным компонентам (автор, читатели, цель, стратегии, ценности, хронотоп, основной концепт) с точки зрения аргументативного подхода как релевантного метода исследования для «аргументативно заряженного» мини-текста к повести «Имморалист».

Проблема, по сути, определяется как междисциплинарная в области филологии – литературоведении и лингвистике. В первом случае речь идет о жанровых формах в литературе; во втором – об изучении жанра как дискурсивного феномена в пространстве дискурса художественного. В целом же проблема связана с возросшим в настоящее время интересом к толкованию понятия «жанр» в различных видах дискурса.

Исследование предисловия как жанра (мини-текста) в данной статье обосновано в двух аспектах – универсальном и индивидуальном.

Общее, универсальное значение понятия актуализируется в зафиксированных словарных статьях, а индивидуально-авторское – в конкретном предисловии (мини-тексте) к произведению, указывающем на перспективу восприятия читателем идейного содержания основного текста. При этом авторский голос в подобном мини-тексте реализуется на основе общих представлений о функции предисловия. Рассмотрим проблему в двух обозначенных аспектах.

В Толковом словаре «предисловие» определяется в общем виде для любого вида текста/ дискурса как «Вводная статья к какому-н. сочинению» [15, с. 597]. Применительно к художественному дискурсу анализируемое понятие «предисловие» имеет следующие дифференцированные варианты: «литературное предисловие» [9]; «авторское предисловие» [11]. «Литературное предисловие» имеет общее значение в пространстве ХД. «Авторское предисловие» указывает на дифференциацию предисловия в индивидуально-авторском аспекте. В целом в контексте различных частей художественного произведения, а именно – имя автора, заглавие и подзаголовок произведения, посвящение и эпиграф, оглавление и комментарии, послесловие – предисловие в равной степени входит в так называемую «раму произведения», выполняя «организующую роль» в плане обеспечения его внутреннего единства, которая исходит от автора [10, с. 848]. Нетрудно заметить в дефиниции предисловия интеграцию универсального и индивидуально-авторского начал. В контексте заданной проблемы мы, разумеется, будем говорить об «авторском предисловии». Наш интерес к предисловию «Имморалиста» в аргументативном аспекте на первом этапе базируется на своеобразной актуализации принципа «единство выражения и убеждения» в коммуникации между участниками ХД – автора и адресата [16]. Согласно данному принципу, автор – «авторитетный / активный руководитель» читателя [3, с. 180]. Адресат «творит вместе с автором или помимо автора, но по его подсказке» [12, с. 11]. Предисловие же есть «изготовка» к нарративу: «рассказчик принимает на себя индивидуальную ответственность за все, что имеет сказать, и постольку обязан обосновать особыми доводами важность своей темы и правомерность своего к ней подхода» [1, с. 61]. Анализ предисловия к «Имморалисту» подтверждает специфическое назначение «изготовки» к повествованию.

Применим обоснованный нами семантический метод анализа аргументативной модели (АМ). Базовый критерий – выявление двоякой сущности аргументации – узкой и широкой. Дополнительные факторы – характер актуализации категориальных элементов АМ (эпистемический контекст, каузальность, модальность). Аргументативный аспект выявляет необходимость различения

понятий «доказывать» и «убеждать». Кратко: 1) «доказывать» (приводить доводы, аргументы); относится к области логики, описывается формулой «минус интенциональность»; 2) «убеждать» – актуализирует интенциональность; относится к области прагматики [18]. Применительно к ХД vs ХТ в лингвистике текста vs дискурса в коммуникации «писатель – читатель» речь идет в основном об убеждении читателя [см.: 16 и др.] как классическом выражении миссии художника.

Позаппный анализ предисловия повести «Имморалист» позволяет выявить его специфическую актуализацию. Рассмотрим композиционную структуру предисловия. Начало зачина звучит как констатация, претендуя на объективное выражение положения дел, как обобщение всего труда: «Выдаю эту книгу за то, что она есть» /1/ [6, с. 7].

Однако примыкающая к ней фраза усилена метафорой, выражающей противоречивые чувства и воплощающей муки художественного творчества: «Это плод, полный горького пепла; она подобна колоковникам пустыни, которые растут на сожженной почве и лишь сильнее разжигают жажду, но на золотых песках не лишены красоты» /2/ [6, с. 7].

Зачин указывает на одновременное присутствие рационального /1/ и иррационального /2/ в рассуждении, подчеркивая уместность единства предметно-логического и метафорического в художественном творчестве [14].

Предисловие имеет последовательную архитектуру. После зачина следуют два абзаца, в которых, как на чашах весов, решается судьба книги и героя. Автор рассуждает, выдвигает доводы, примериваясь к первой фразе зачина, предлагая альтернативные варианты – «за» и «против».

Второй и третий абзацы предваряются параллельными конструкциями («Если бы я вздумал выдать а) своего героя за образец /3/ б) эту книгу за обвинительный акт против Мишеля» /4/) [здесь и далее: 6, с. 7], формирующими каузальную рамку.

В следственной части приведенных аргументов автор указывает на несостоятельность обоих подходов (/3/ и /4/). Исходя из этого, первая фраза следующего четвертого абзаца закрепляет «уже-сказанное» (см. /1/), с точки зрения объективного отношения: «Но я не хотел делать эту книгу ни обвинительным актом, ни похвальным словом – и воздержался от суда» /5/.

Заметим, что в данной части автор синтаксически и семантически обобщает высказанное во втором и третьем абзацах, опровергая оба аргумента посредством двойного отрицания «ни... ни...». Здесь же Жид посредством дейксиса («теперь») рассуждает о положении дел в литературе, соблюдая доверительный тон писателя, не идущего на поводу у читателя, и не зовущего его за собой (прием аргументативных весов – «ни за, ни против»; «за... или...»):

«Теперь публика уже больше не прощает автору, если он, описав какой-нибудь поступок, не высказывается ни за, ни против него; даже больше – хотели бы, чтобы в течение самой драмы он стал на чью-либо сторону, определенно высказался бы за <...> или <...>» /6/.

Следующее высказывание четвертого абзаца, на наш взгляд, может рассматриваться как кульминационная часть предисловия: в ней наблюдается концентрация мнения автора, сопровождаемого комментарием в скобках с соответствующим синтаксическим оформлением:

«Разумеется, я не утверждаю, что нейтральность (я чуть было не сказал: нерешительность) есть знак великого ума; но я думаю, что многие великие умы испытывали отвращение к... выводам и что правильно поставить проблему не значит считать ее заранее разрешенной» /7/.

В целом в данном фрагменте можно констатировать аргументативную поливалентность модальности в следующих позициях:

- а) модальное слово («разумеется»), вводящее и закрепляющее осторожное выражение мнения («я не утверждаю, что ...»);
- б) шаткость в рассуждении относительно понятия «нейтральность»;
- в) комментарий в скобках с вводом понятия «нерешительность»;
- г) ввод модальности полагания («думаю») с коннектором противопоставления («но»);
- д) синтаксический надлом, выраженный многоточием, тем самым акцентирующий важность соответствующего отношения к понятию «вывод»;
- е) наконец, параллельный ввод понятия «проблема» с квалификатором «правильно».

Следующий, пятый абзац представляет собой своего рода краткую дефиницию понятия «проблема». В шестом абзаце дается развернутое толкование понятия «проблема». Амбивалентная характеристика понятия «проблема» иллюстрирует наше понимание аргументации – в широком и узком смысле.

В широком понимании – аргументативность как константа в акте высказывания, как обоснованность, соотносится с краткой дефиницией понятия «проблема»: «Я против желания употребляю слово “проблема”. По правде сказать, в искусстве нет проблем, достаточным разрешением которых не было бы само произведение искусства» /8/ [здесь и далее: 6, с. 8].

Таким образом, разрешение проблемы в искусстве, согласно Андре Жиду, равно самому произведению искусства. В этой позиции утверждается метафизическое начало аргументативности в качестве обоснованности, в данном случае, существования самого произведения. Такой подход, с одной стороны, указывает на порочный круг без

начала и конца, на круг, в котором концентрируются различные мнения, мимо которых проходит автор, показывая «отвращение к... выводам».

В узком понимании – аргументация как процесс приведения доводов в защиту чего-л. соотносится с развернутым определением понятия «проблема» в шестом абзаце. Поскольку, согласно Жиду, слово «проблема» употребляется против его желания, то рассуждение о ней соответственно вводится им условным подчинительным союзом «если», что позволяет объективировать рассуждение посредством допущений, альтернативных мнений. Таким образом, происходит обсуждение проблемы определения:

«Если под словом “проблема” подразумевать “драму”, я скажу, что драма, которая описывается в этой книге, несмотря на то, что она разыгрывается в душе моего героя, достаточно обща, чтобы не оставаться замкнутой в единичной истории Мишеля» /9/.

В данном контексте проблема равна драме; а драма героя оценивается амбивалентно – в единстве общего и единичного посредством concessивного коннектора «несмотря на то, что...». Жид не претендует на изобретение этой “проблемы”: «она существовала до моей книги, и, торжествует или гибнет Мишель, “проблема” продолжает существовать, и автор не приписывает себе ни торжества, ни поражения» /10/.

Объективность Жид фиксируется в константности проблемы: «она существовала <...> и продолжает существовать»; а также в амбивалентном представлении сути проблемы: «торжествует или гибнет», «ни торжества, ни поражения». Шестой абзац, таким образом, есть классическое понимание «проблемы», с точки зрения объективного наблюдателя.

В седьмом абзаце условный союз «если» альтернативно дифференцирует ситуацию драмы в конкретном /11/ и общем /12/ контексте: «Если некоторые тонкие умы усмотрели в этой драме только описание странного случая, а в герое только больного человека» /11/; «если они не признали, что несколько очень насущных и общечеловеческих мыслей могут заключаться в ней» /12/.

Далее, саморефлексия над процессом творчества подводит автора к выводу об ответственности, которая сводится к признанию собственной вины, конкретизированной до понятия неловкости: «– в этом не виноваты ни мысли, ни драмы, но лишь сам автор, то есть его неловкость – несмотря на то, что он вложил в эту книгу всю свою страсть, все слезы и все старания» /13/.

Высокий аргументативный потенциал данного абзаца складывается из следующих компонентов: употребление двойного отрицания («ни мысли, ни драмы»); ограничительной частицы («но лишь»); уточнения («то есть»), выполняющего металингвистическую функцию; concessива («несмотря на

то, что»); повторов единиц одного порядка, данных в перечислении («всю свою страсть, все слезы и все старания»).

Особое место в данном абзаце отводим понятию «неловкость», нехарактерному для определения творческого процесса. Его употребление – дополнительный аргумент к формированию доверительного отношения между автором и его потенциальными читателями. Оно закрепляет ситуацию естественного действия, которое смягчает дистанцию между эстетикой жизненного контекста и теоретическими воззрениями об эстетическом кредо, т. е. уподобляет жизнь и творчество, реальное и воображаемое.

В следующей части седьмого, предпоследнего абзаца в полной мере разворачивается экспликация сути творчества художника:

«Но реальная значительность произведения и интерес к нему публики нынешнего дня – вещи совершенно различные. И я думаю, что без особенного самомнения можно предпочесть опасность в первый день не заинтересовать вещами /а/, воистину интересными, – тому, чтобы привести в кратковременный восторг публику /б/, лакомую до безвкусицы /в/» /14/.

В данном фрагменте аргументативная модель манифестируется в позициях, приближающих к выходу из ситуации «аргументативные весы», т. е. к четкому выражению собственного мнения:

- а) перечисленные компоненты перекрестно реализуются в единицах дискурса, одновременно эксплицируя несовместимость аргументов при помощи контрадикторного коннектора «но», а также использования наречия «совершенно» при прилагательном «различные»;
- б) ценности актуальны как объективные («реальная значительность произведения») и субъективные («интерес к нему публики»), читатели характеризуются в контексте времени («публика нынешнего дня»);
- в) выражение мнения («И я думаю, что...») осуществляется с экспликацией контрадикторных альтернативных доводов («можно предпочесть опасность в первый день не заинтересовать вещами» /а/ и «привести в кратковременный восторг публику» /б/) с четким указанием на личный выбор (предпочтение) /а/ в сфере пересечения ценностей и стратегий с учетом адресата («публику, лакомую до безвкусицы» /в/);
- г) твердость мнения – непоколебимость в рассуждении относительно выражения предпочтения актуальна в понятии «опасность»; реализуется посредством такого модального квалификатора, как вводное обстоятельство образа действия («без особенного самомнения»); а также с помощью модального квалификатора («воистину интересными»),

указывающего на стремление к объективности; снятие проблемы, выраженной в приеме «аргументативные весы».

Иной ракурс интерпретации творчества Андре Жида находим у Ролана Барта относительно понятия «опасность»: «нетрудно представить себе авторов, предпочитающих безопасность (курсив наш. – Н. Ф.), которую сулит им мастерство, одиночеству, на которое обрекает их стиль. Так, Андре Жид, извлекающий благодаря своей ремесленнической манере удовольствие из современной обработки классического этоса <...> являет собой самый тип писателя без стиля» [2, с. 55]. К тому же, по Барту, употребление местоимения «я» – фактор, придающий «повествованию интонации мнимодоверительной откровенности», согласно «хитроумному замыслу некоторых произведений Жида» [2, с. 68]. Допускаем, что к их числу Ролан Барт относит предисловие «Имморалиста». Там, где мы усмотрели доверительный тон, Барт слышит «интонацию мнимодоверительной откровенности». Читая предисловие, следуя за аргументацией автора, я (Н. Ф.) говорю: «Верю». Можно ли рассматривать сей факт как результат воздействия со стороны Андре Жида на подобных нам (Н. Ф.) надресатов? В данном контексте актуально понятие дискурсивной истины в качестве базисной единицы АМ. Ответ на данный вопрос, на наш взгляд, находится в перспективной интерпретации, связывающей предисловие и сам текст произведения.

Завершается предисловие следующим кратким и емким абзацем, в котором актуализируется развязка идейной направленности, творческого кредо писателя, выраженного в стремлении к объективному описанию, точнее – живописанию, претендующему на большую долю реализма: «В общем, я не пытался ничего доказывать, а лишь хорошо живописать и правильно освещать свою живопись» /15/.

Художественная литература приравнивается к живописи. Автор направляет читателя к тексту произведения, в котором сочетаются все композиционные типы текста (дискурсивные формы) – повествование, описание, рассуждение. Предисловие же воплощено в форме рассуждения.

В последнем абзаце акцентируется понимание аргументации в широком смысле, т. е. как отсутствие необходимости доказывать что-либо. Объективный взгляд на творческий процесс характеризуется фактом принадлежности писателя к «чистому роману» / «роман романа» (*roman pur* / *roman du roman*) [21, р. 23]. Жид «иронически дистанцируется от психоанализа»: *«Gide se tient dans une distance ironique de la psychanalyse»* [21, р. 45]. При этом глубину неоднозначного понимания морали Жид выражает метафорически: «Нет произведения искусства без сотрудничества дьявола» [цит. по: 19, с. 803].

Жид – бесстрашный экспериментатор, на первый взгляд – беспечный наблюдатель, на самом деле – моральный и эмоциональный стратег. Однако при этом такое видение проблемы творчества характеризует кредо писателя как феномен прежде всего ценностного, а не стратегического порядка (живописание без намерения доказывать и убеждать). Разумеется, сам подход можно квалифицировать как стратегию. Однако приоритетом в данном случае является моральный аспект, о чем свидетельствует предыдущий абзац /14/, в котором Жид указывает на собственное предпочтение /а/. Эстетический идеал писателя фокусируется на ценностном аспекте. Об этом свидетельствует соотечественник и литературный поклонник Андре Жида: «Жид из породы великих моралистов. Его творчество восходит к Руссо. В одиннадцать лет он со страхом и трепетом, как об этом говорится в “Если зерно не умрет”, воскликнул: “Я не такой, как все”. Отсюда позднее, думает он, пришло к нему желание понять самого себя, понять свое отличие от других и противопоставить новую мораль той, что цтили в буржуазном мире, к которому он принадлежал» [4, с. 24].

О ценностном аспекте как центральном звене в творчестве Андре Жида высказывается и Натали Каррот: “La vie à laquelle, en fin de compte, tout en art se ramène (cette “intensité de vie” qui, “décidément, disait Gide, fait la valeur d’une chose”), a abandonné des formes si pleines de promesses, et s’est transportée ailleurs” [20, p. 374] / «Жизнь – а именно к ней в конечном итоге сводится все в искусстве (та «интенсивность жизни», которая, по словам Андре Жида, «составляет ценность вещи») – покинула формы, некогда столь многообещающие, переместилась» [20, с. 201].

По свидетельству Д. Виара, начиная с 1931 года, Жид сетовал на отсутствие в эту эпоху литературных моделей, вызывающих энтузиазм. Сложилось впечатление, что роман разошелся с героикой: “Dès 1931, Gide déplorait que l’époque ne donne pas lieu à quelques modèles littéraires susceptibles d’enthousiasme: le roman semblait avoir divorcé de toute fascination pour l’héroïsme” [21, p.60]. Отсюда – обращение к «чистому роману», выдвигающему логичное требование дистанцированности и объективности. Исходя из этого,

аргументативный аспект в анализируемом авторском предисловии, в нашем понимании, актуален в широком (как константа) смысле как объективная данность.

I. Аргументативный дискурс анализируемого АП манифестируется в двух смыслах: узком (как процесс) и широком (как константа). В широком понимании константность (аргументативность) выражена имплицитно, характеризует авторское кредо как имманентную сущность, завязанную на экзистенциальных смыслах. В узком – актуальны различные эксплицитные формы выражения: тип текста «рассуждение»; выдвижение аргументов «за» и «против» посредством условного союза («если..., если...»), приема «аргументативных весов» («за... или...»), двойного отрицания («ни..., ни...») в параллельных конструкциях; ограничительной частицы («но лишь»), уточнения («то есть»), concessiva («несмотря на то, что»).

II. Анализ АП позволил сделать следующие выводы, согласно триаде «объяснение – оценка – осмысление»: 1) аргументация в узком смысле демонстрирует традиционное объяснение, заданное в альтернативных позициях «за» и «против»; а в широком смысле акцентирует объяснение, тяготеющее к объективности, построенное на дистанцированности; 2) оценка актуальна относительно рассуждений, с точки зрения морального аспекта, реализована в представлении доводов «за» и «против», в основном тяготеет к нейтральности; 3) осмысление содержит в комплексе два предыдущих этапа, эксплицируя присутствие ориентирующей функции, отсутствие намерения «доказывать», реализованное в завязке и развязке, создающих раму предисловия. В целом предисловие выполняет ориентирующую функцию в осмыслении конкретного произведения, что позволяет вовлечь в диалог максимальное количество надресатов. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация: с одной стороны, автор в предисловии отстраняется от текстового пространства, с другой стороны, интригует нас, вовлекая в него.

Литература

1. Аверинцев С. С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (Противостояние и встреча двух творческих принципов) // Вопросы литературы. 1971. №8. С. 40–68.
2. Барт Р. Нулевая степень письма // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 50–96.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцев. М.: Искусство, 1979. 423 с.
4. Бреннер Жак. Моя история современной французской литературы / Предисл., пер. с фр., коммент. О.В. Тимашевой. М.: Высш. шк., 1994. 352 с.
5. Бэлза Святослав. Человек пишущий и человек читающий // Человек читающий. HOMO LEGENS. Писатели XX в. о роли книги в жизни человека и общества / сост. С.И. Бэлза. М.: Прогресс, 1983. С. 9 – 20.
6. Жид Андре. Имморалист // Избранные произведения. Пер. с фр. / Сост., послесл. Л. Токарев. М.: Панорама, 1993. 512 с. (Серия «Лауреаты Нобелевской премии»).

7. Ингарден Р. Литературное произведение и его конкретизация // Исследования по эстетике. М., «Издательство иностранной литературы». 1962. С. 72 – 91.
8. Кудряшов И. А. Художественный стиль и интерпретация текста: образность, экспрессивность, детализация // Лингвистика будущего: новые тенденции и перспективы: Материалы Международной научной конференции. 1-2 ноября 2019 года. Майкоп: Изд-во АГУ, 2019. С. 232–235.
9. Лазареску О. Г. Литературное предисловие: вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII – XIX вв.): монография. М.: МПГУ, 2007. 378 с.
10. Ламзина А. В. Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. С. 848 – 853.
11. Ларионова А. Н. Авторское предисловие как жанр («Мои литературные и нравственные скитальчества» А. А. Григорьева) // Вестник Череповецкого гос. ун-та. Филологические науки. 2015. №1. С. 44–47.
12. Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества / РАН, Ин-т рус. лит. СПб.: БЛИЦ, 1999. 191 с.
13. Манаенко Г. Н. Смыслы дискурса vs значения текста // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. О. А. Сулейманова. М.: ЛЕЛАНД, 2018. С. 83–108.
14. Общая риторика / Ж. Дюбуа [и др.] / пер. с фр. яз. Е.Э. Разлоговой, Б.П. Нарумова, общ. ред. и вступ. ст. А. К. Авеличева. М.: Прогресс, 1986. 392 с.
15. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Российская Академия Наук. Институт русского языка; Российский фонд культуры. М.: АЗЪ, 1993. 960 с.
16. Степанов Г. В. Язык. Литература. Поэтика. М.: Наука, 1988. 382 с.
17. Фанян Н. Ю. Аргументативная модель семантического анализа текста / дискурса // Когнитивно-дискурсивные исследования в языке и речи: монография / под ред. В.В. Катерминой. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. С. 116–143.
18. Фанян Н. Ю. Многомерность аргументации: проекция на лингвистическую область: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2000. 234 с.
19. Французская литература 1945 – 1990. М.: Наследие, 1995. 928 с.
20. Sarraute Nathalie. L'ère du soupçon // Tropismes. L'ère du soupçon // Саррот Натали. Тропизмы. Эра подозрения. / Пер. с фр. / вступ. ст. А. Таганова. М.: Полиформ-Талбури, 2000. 448 р.
21. Viart Dominique. Le roman français au XX siècle. P.: Hachette livre, 1999. 158 p.

References

1. Averintsev S.S. Grecheskaya "literatura" i bliznevostochnaya "slovestnost" (Protivostoyaniye i vstrescha dvukh tvorsheskikh printsipov) (Greek "literature" and Middle Eastern "literature" (Confrontation and meeting of two creative principles) // Voprosy literatury. 1971. No.8. P. 40–68. (In Russian).
2. Bart R. Nulevaya stepen' pis'ma (Zero degree of writing) // Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu / translated by G.K. Kossikov. Moscow: Progress, 2000. P.50–96. (In Russian).
3. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorstchestva (Aesthetics of verbal creativity) / Sost. S.G. Bocharov, primech. S. S. Averintsev. Moscow: Iskustvo, 1979. 423 p. (In Russian).
4. Brenner Zhak. Moya istoriya sovremennoy frantsuzskoj literatury' (My history of modern French literature). Moscow: Vyssh. shk., 1994. 352 p. (In Russian).
5. Belza Svyatoslav. Chelovek pishushchij i chelovek chitayushchij (A person writing and a person reading) // Chelovek chitayushchij. HOMO LEGENS. Pisateli XX v. o roli knigi v zhizni cheloveka i obsche i obschestva / compiler S.I. Belza. Moscow: Progress, 1983. P. 9–20. (In Russian).
6. Zhid Andre. Immoralist (The Immoralist) // Izbrannye proizvedeniya. / translator and compiler L. Tokarev. Moscow: Panorama, 1993. 512 p. (Seriya "Laureaty Nobelevskoy premii"). (In Russian).
7. Ingarden R. Literaturnoe proizvedenie i ego konkretizatsiya (Literary work and its specification) // Issledovaniya po estetike. Moscow, 1962. P. 72–91. (In Russian).
8. Kudryashov I. A. Khudozhestvennyy stil' i interpretatsiya teksta: obraznost', ekspressivnost', detalizatsiya (Artistic style and text interpretation: figurativeness, expressivity, specification) // Lingvistika buduschego: novye tendentsii i perspektivy: Mater'aly Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 1-2 noyabr'a 2019 goda. Majkop: ASU publ., 2019. P. 232–235. (In Russian).
9. Lazaresku O. G. Literaturnoye predisloviye: voprosy istorii i poetiki (na materyale russkoj literatury XVIII – XIX vv.) (Literary preface: questions of history and poetics (based on the material of Russian literature of the XVIII – XIX cc.)): monografiya. Moscow: MPSU publ., 2007. 378 p. (In Russian).
10. Lamzina A. V. Rama proizvedeniya (The frame of the work) // Literaturnaya entsiklopediya terminov i pon'atij. Moscow, 2001. P. 848–853. (In Russian).
11. Larionova A. N. Avtorskoye predisloviye kak zhanr (The author's preface as a genre) ("Moyi literaturnye i nraivstvennyye skital'chestva" A. A. Grigor'eva) // Vestnik Cherepovetskogo gos. un-ta. Filologicheskiye nauki. 2015. No. 1. P. 44–47. (In Russian).
12. Likhach'ov D. S. Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva (Essays on the philosophy of artistic creativity). St.Petersburg: BLITS, 1999. 191 p. (In Russian).
13. Manaenko G. N. Smysly diskursa vs znacheniya teksta (Discourse Meanings vs Text Values) // Diskurs kak universal'naya matritsa verbal'nogo vzaimodeystviya / ed by O.A. Sulejmanov. Moscow: LELAND, 2018. P. 83 – 108. (In Russian).
14. Obschaya ritorika (General rhetoric) / Zh. D'ubua [i dr.] / translated by Ye.E. Razlogovoj, B.P. Narumov, ed by A. K. Ave-licheva. Moscow: Progress, 1986. 392 p. (In Russian).
15. Ozhegov S. I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka (Explanatory dictionary of the Russian language): 72500 slov i 7500 frazeologicheskikh vyrazhenij / Rossijskaya Akademiya Nauk. Institut russkogo yazyka; Rossijskij fond kul'tury. Moscow: AZ, 1993. 960 p. (In Russian).
16. Stepanov G. V. Yazyk. Literatura. Poetika. (Language. Literature. Poetics.) Moscow: Nauka, 1988. 382 p. (In Russian).
17. Fanyan N. Yu. Argumentativnaya model' semanticheskogo analiza teksta / diskursa (Argumentative model of semantic analysis of the text / discourse) // Kognitivno-diskursivnye issledovaniya v yazyke i rechi: monografiya / ed by V. V. Ka-termina. Krasnodar: KSU publ., 2017. P. 116–143. (In Russian).

18. Fanyan N. Yu. Mnogomernost' argumentatsii: proyeksiya na lingvisticheskuyu oblast' (Multi-dimensionality of argumentation: projection on the linguistic domain): monografiya. Krasnodar: KSU publ., 2000. 234 p. (In Russian).
19. Frantsuzskaya literatura 1945 – 1990 (French literature 1945 – 1990). Moscow: Naslediye, 1995. 928 p. (In Russian).
20. Sarraute Nathalie. L'ère du soupçon (The Era of Suspicion) // Tropismes. L'ère du soupçon // Sarrot Natali. Tropismy. Era podozreniya. / Per. s fr. / vstup. st. A. Taganova. Moscow: Polinform-Talburi, 2000. 448 p.
21. Viart Dominique. Le roman français au XX siècle (French novel in the XX c.). P.: Hachette livre, 1999. 158 p.

Сведения об авторе

Фанян Нелли Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии Кубанского государственного университета (Краснодар) / nellyfanyan@mail.ru

Information about the author

Fanyan Nelly – Doctor of Philology, Professor, Chair of French Philology, Kuban State University (Krasnodar) / nellyfanyan@mail.ru

УДК 81'42:659
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.20

Д. М. Храбскова
И. В. Томичева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖАНРА ПАСТИШ В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ РЕКЛАМНОГО МЕДИА-ДИСКУРСА

Изучение иностранного языка предполагает овладение новым языковым кодом, но это также вход в новое коммуникативное сообщество, культурно определяемое его словесными жанрами. Доступ к знаниям – это вход в научные сообщества, имеющие собственные дискурсивные формы для изложения, обсуждения и распространения знаний. Образовательная деятельность несет ответственность за восприятие обучающимися «дискурсивного смещения», которое представляет собой обучение. Обучающимся современных вузов необходимо овладеть дискурсивными формами, не являющимися частью их непосредственного коммуникативного опыта.

Изучение взаимосвязи между литературой и рекламой предполагает глубокое понимание их места в культурной практике.

Современный рекламный жанр широко использует скриптуральные матрицы самых разных дискурсивных жанров. Особое предпочтение отдается пастишу и пародии.

Рассматривая феномен современных переписываний, не стоит претендовать на решение сложной проблемы определения пастиша, а скорее необходимо подчеркнуть валоризацию во французском контексте таких процессов, как имитация и транспозиция, предполагающих связь традиций и новых концепций. Пастиш

следует рассматривать как практику, позволяющую исследовать жанровые границы. Эта практика принимает форму игры, рассчитанную на участие получателя рекламного сообщения.

С момента появления пастиш становится частью социальной и институциональной вселенной, таким же произведением, как и любое другое. В современной рекламе использование пастиша допускается во имя свободы выражения, при условии отсутствия риска смешения с гипотекстом, а также присутствие у имитатора юмористического замысла, исключающего как намерение, так и возможность причинения вреда.

В данной статье речь идет о демонстрации эффективности использования вторичного литературного жанра, пастиша, в интертекстуальной практике рекламного медиа-дискурса. Появление этой формы подражания при обучении французскому языку как иностранному представляется как оригинальный способ обновления традиционной педагогической практики имитации текста и, одновременно, повышения учебной мотивации обучающихся посредством увлекательного живого соприкосновения с разнообразными дискурсивными жанрами.

Ключевые слова: пастиш, литература, реклама, жанры дискурса, вторичный литературный жанр, медиа-дискурс.

Danutan Khrabskova
Irina Tomicheva

USAGE OF PASTICHE GENRE IN INTERTEXTUAL PRACTICE OF ADVERTISING MEDIA DISCOURSE

Foreign language learning presupposes the acquisition of language code but it is also an entrance to a new communicative community which is culturally defined by its verbal genre. Access to knowledge is an admission to scientific communities which have their own discursive forms for presentation, discussion and allocation of knowledge. The educational activity is responsible for learners' perception of "discursive fusion" which is a process of education. Contemporary higher school learners ought to master discursive forms which are not a part of their immediate communicate experience.

The study of relationships between literature and advertising presumes deep understanding of their location in a cultural practice.

Contemporary advertising genre widely uses scriptural matrixes of completely different discursive genres. Particular preference is given to pastiche and parody.

In considering the phenomenon of modern rewriting one should not claim the decision of a difficult problem of pastiche definition. It is more necessary to emphasize valorization of such processes as imitation and transposition assuming the relation of traditions to new conceptions in French context.

Pastiche should be considered as a practice which allows inquiring genre borders. This practice takes the form of a game intended to participation of an advertising message receiver.

Beginning from the point of emergence pastiche became a part of social and institutional universe, the same piece of work and any other. In contemporary advertising the usage of pastiche is allowed in the name of free expression on condition that the risk of the fusion with hypotext is absent as well as an imitator has a humorous plan excluding either intention or possibility to harm anybody.

The article concerns the demonstration of didactical usage efficiency of secondary literary genre, pastiche, in an intertextual practice of advertising media discourse. The emergence of this form of imitation in the course of the French language learning as a foreign one is an original means of a traditional pedagogical practice renovation of text imitation and, at the same time, the increase of learner's motivation with the help of amusing live contact with various discursive genres.

Key words: pastiche, literature, advertising, genres of discourse, secondary literary genre, media discourse.

Статья посвящена изучению продуктивности использования жанра пастиш при работе над навыками письма на французском языке как иностранном в рекуррентной интертекстуальной практике современного рекламного дискурса. В частности, предлагается модель описания рекламного пастиша, основанная на классическом определении литературного пастиша, а также некоторые направления работы с обучающимися на занятиях по французскому языку. Актуальность исследования определена ростом интереса к вопросам функционирования механизма интертекстуальности в рекламном дискурсе, связанного с динамичностью современной рекламы. Внимание уделяется вербальной функциональной нагрузке прагматических аспектов интертекстуальности современной французской рекламы как инструмента создания креативного рекламного продукта. Материалом исследования послужили образцы современной французской рекламы, основанные на обращении к прецедентам. Как основной был выбран метод интертекстуального анализа. Гипотеза заключается в интертекстуальности процесса, сосредоточенного на подражании дискурсивным жанрам из различных лингвистических областей, не совпадающей с общей схемой рекламы, которая стимулирует творческие способности обучающегося и приводит его в увлекательный контакт с разнообразием текстуальных жанров. В процессе имитации в рекламе небольших объявлений, планов городов, газетных заголовков и т.д., мобилизуется общий навык, необходимый для распознавания и интерпретации стратегии. Адресованная массовому потребителю, реклама, как правило, обращается к произведениям с высокой степенью узнаваемости [5].

В последние десятилетия на основе теории жанров Михаила Бахтина понятие жанра дискурса было возведено в ранг учебной единицы. Преподавание родного или иностранного языка равнозначно признанию важности социального измерения действительности языка, поскольку, как указывает Бахтин, «только контакт языка с действительностью, который происходит в высказывании, порождает искру экспрессии: ее нет ни в системе языка, ни в объективной, вне нас существующей действительности» [7, с. 294].

С учётом этого обстоятельства изучение жанрового пастиша, способного пробудить у обучающихся интерес к разнообразию дискурса, способствует формированию активных и компетентных читателей и авторов текстов. По мнению В.Е. Чернявской интертекстуальность – «процесс “разгерметизации” текстового целого через особую стратегию соотнесения одного текста с другими текстовыми / смысловыми системами и их диалогическое взаимодействие в плане и содержания, и выражения» [6, с. 190].

Представление о формировании и развитии различных жанров, изменениях их коммуникативных и социокультурных функций, варьировании способов их лингвистического выражения можно почерпнуть в исторической жанрологии. Рекламный дискурс, представленный широким жанровым разнообразием, является результатом его развития, будучи формой социальной лингвистической практики. Появление новых коммуникативных сфер и расширение рамок дискурса является следствием стремительного развития средств коммуникации, что влечёт за собой вовлечение в процесс коммуникации новых актантов и рост вторичных жанров. В сферу рекламного дискурса входит широкий спектр вторичных жанров художественного, афористического и пародийного дискурсов, представляющих собой освещение его наиболее существенных атрибутов. Возрастание игровой функции рекламного дискурса характеризует его развитие в период постмодернизма, находя отражение в юмористической, пародийной тональности. В качестве важнейшего игрового рекламного жанра следует выделить требующий разгадки пастиш.

Теоретический экскурс, необходимый для научной контекстуализации, ведет навстречу с имитационной практикой, возраст которой составляет, по меньшей мере, четыре столетия. Заимствованный из итальянского языка *pasticcio* («паштет»), термин пастиш впервые появился в VII веке в терминологии живописи. Как литературная практика, термин устанавливался медленно по причинам, связанным как с его широким значением, близким к пародии, так и с его уничижительным значением, близким к плагиату. Только в современную эпоху пастиш вошел в историю литературы, лишившись негативного оттенка гротескного подражания.

Путаница с пародией не лишена оснований. Интертекстуальные практики, пародию, бурлеск, шарж, пастиш, объединяет производимый ими комический эффект. Однако, будучи связанным с пародией, пастиш отличается от нее по целому ряду признаков. Если классическая пародия – термин происходит от греческого *parôdia* («петь рядом») – заключается в трансформации исходного текста путем изменения его темы с сохранением стиля, то техника пастиша заключается в имитации стиля автора, причем ссылка на точный исходный текст не всегда очевидна.

Смысловые эффекты, вытекающие из этого, также различны. В пародии преобразование определенных компонентов исходного текста – сюжета, персонажей, морали – ведет к отклонению от его первоначального смысла: отрицательные персонажи заменяют положительных, классические сцены высмеиваются, а мораль ниспровергается. В пастише цель подражания заключается не столько в изменении авторского стиля, хотя

пародийный эффект явно присутствует, сколько в увлекательной игре переписывания известных авторов «à la manière de», которое только подчёркивает восхищение ими автором пастиша.

Известные примеры пародии и пастиша помогают лучше уловить это различие. В пьесе *Le Chapelain Décoiffé* (1664–1665) Буало, Расин и Фюрьетьер пародируют знаменитую пьесу Корнеля Сид (1636), превратив действие первого акта в своеобразное состязание между писателями, венцом которого стала сцена срывания парика, заменяющая сцену с пощёчиной в исходном тексте. Комический эффект и сатирическая направленность очевидны. Известным примером «серьезного» литературного пастиша является произведение Марселя Пруста *Pastiches et mélanges* (1935). Основываясь на деле о мошенничестве, широко освещенном в прессе, Пруст переносит стиль известных авторов, таких как Бальзак, Флобер и другие, на вымышленные рассказы о деле Лемуана. С Прустом статус пастиша как маргинальной литературы – «второго уровня», по определению Женетт, – сменился статусом упражнения в эстетичном и образовательном стиле. Вместе с пастишем появляется трансцендентное измерение любого литературного произведения.

Начиная с XVIII в. судьба, интертекстуальных практик, пастиша и других форм литературы, долгое время находившихся в тени из-за их бурлескного характера, совершенно изменилась. Уже в эпоху романтизма подтверждение уникальности произведения отражает стремление сохранить наследие литературы. В 1960-х гг. структуралисты, такие как Юлия Кристева и Ролан Барт, расширили это понимание, объявив о главенстве текста над условиями создания произведения (автор, школа, жанр). Впоследствии негативная коннотация пастиша, а priori характеризовавшая его, была рассеяна, чтобы разъяснить сам способ существования литературы в виде системы, объединяющей произведения во времени. Даниэль Сангсю утверждает, что сам факт принятия текста в качестве цели уже сам по себе является признанием, и интертекстуальные практики чаще всего свидетельствуют о дани уважения к первоисточникам».

Как указывает Жерар Женетт, для того, чтобы пастиш полностью выполнил свою функцию, то есть был оценен по достоинству, исходный текст должен быть известным и признанным читателями. Интертекстуальные практики мобилизуют мета-литературную компетенцию, другими словами, знание о том, как функционируют литературные практики, что выходит за рамки автономии литературного текста, отстаиваемой формалистическими подходами. Это «условие чтения», по мнению Женетта, требует предварительного формирования модели общей компетенции [2]. Именно понятие литературного жанра, от кото-

рого некогда отказались романтики, вновь появляется для утверждения принадлежности любого текста к генеративным схемам, играющим, в свою очередь, роль смысловых ориентиров. Согласно высказыванию ученика Барта Антуана Компаньона, жанр – это норма, условие, общие положения, а не содержание; любое произведение принадлежит к жанру, понимаемому как свод правил, предшествующих созданию произведения и определяющий его восприятие [8].

Для иллюстрации посреднической функции жанра в осмыслении и обучении работе с литературными дискурсивными практиками, возьмем для примера пастиш пера Марселя Пруста в стиле романа Бальзака.

L’Affaire Lemoine dans un roman de Balzac

Bien plus, l’homme qui était alors à la tête de la plus colossale affaire de diamants de l’Angleterre s’appelait Werner, Julius Werner. Werner! ce nom ne vous semble-t-il pas évoquer bizarrement le Moyen Âge? Rien qu’à l’entendre, ne voyez-vous pas déjà le docteur Faust, penché sur ses creusets, avec ou sans Marguerite? N’implique-t-il pas l’idée de la pierre philosophe? Werner! Julius! Werner! Changez deux lettres et vous avez Werther. Werther est de Goethe. Certes, peu de personnes compriront la réponse que Lemoine fit aux gendarmes venus pour l’arrêter. “Quoi? l’Europe m’abandonnerait-elle?” s’écria le faux inventeur avec une terreur profonde. Le mot colporté le soir dans les salons du ministre Rastignac y passa inaperçu. «Cet homme serait-il devenu fou?» dit le comte de Granville étonné. L’ancien clerc de l’avoué Bordin devait précisément prendre la parole dans cette affaire au nom du ministère public, ayant retrouvé depuis peu par le mariage de sa seconde fille avec le banquier du Tillet la faveur que lui avait fait perdre auprès du nouveau gouvernement son alliance avec les Vandenesse, etc.

Уже в самом названии угадывается жанр романа. Если вслед за Бахтиным определить жанр как «относительно устойчивые типы высказываний» [7: 265], характеризующиеся стилистикой (лексическими, фразеологическими и грамматическими средствами), первообразной темой и композиционной структурой, то текст пастиша должен соответствовать тем же элементам, что и текст романа. Дело Лемуана, реальное событие, произошедшее в 1908 году, затрагивает дорогу для писателя тему – человеческую комедию. Пруст сохраняет отображение амбиций и нечестности французского инженера Лемуана, «ayant faussement prétendu avoir découvert le secret de la fabrication du diamant et ayant reçu, de ce chef, plus d’un million» [11, с. 11]. Отмечается характерный для Бальзака стиль, характеризующийся выбором точных терминов и тщательностью правки, высмеянный в тексте пастиша посредством чрезмерного использования вопросительных

предложений. Композиционная структура также свидетельствует о жанре романа с повествованием, описаниями и репликами персонажей.

Текст содержит интертекстуальные ссылки, связывающие вымышленное произведение с литературным наследием – известные персонажи романов, такие как Растиньяк, Гранвиль и другие (Бальзак), Вертер (Гете) и Фауст (Томас Манн, по мотивам немецкой народной сказки). А также экстратекстуальную ссылку: упоминание о деле Лемуана, опубликованном как новость во французской прессе. Все это призвано продемонстрировать недвусмысленное отношение патиша Пруста к понятию жанра, понимаемого в данном случае как категория медиации между произведением и читателем. Очевидно, что именно предварительное знакомство с жанром «роман Бальзака» обеспечивает эффект, которого добивался Пруст. Женетт объясняет это на примере произведения *Le Chapelain décoiffé*, говоря о том, что можно читать это произведение, не зная Сида, но невозможно воспринять и оценить одного, не имея в виду другого. Условие чтения начинается с определения жанра и восприятия, а, следовательно, существования произведения [2].

Участившиеся случаи появления интертекстуальных практик в рекламном дискурсе во многом отражают тенденцию постмодернизма – эпохи, отмеченной глубокими социально-экономическими изменениями, влияющими на образ жизни людей. Постмодернизм – это трудноопределимый феномен, являющийся результатом сочетания целого ряда факторов, таких как раздробленность общества, чувство эфемерности, гетерогенность, плюрализм, парадокс, ощущение гиперреальности, подражательные техники, обращение к прошлому.

В основе этих изменений лежит массовое внедрение технологий в повседневную жизнь людей, сталкивающихся со стремительным развитием средств массовой информации и развлечений: радио, телевидения, кино, Интернета. Развивается общество развлечений, с раннего возраста знакомое с рекламой. Потеря влияния церкви и гибель идеологий объясняются характерным безразличием человека эпохи постмодернизма.

Для создателей рекламы появилась идеальная возможность завоевать лояльность лишенных идеалов потребителей. Чётко отслеживая поведение современного человека, реклама пытается воспроизвести в своем дискурсе новые ценности: юмор, фантазию, игру. Появляется новый вид рекламы, основная цель которого заключается во взаимоучастии бренда и потребителя. Эта стратегия становится всё более очевидной, поскольку постмодернистский потребитель все меньше и меньше воспринимает явно убеждающий язык рекламы. В XXI веке эта тенденция ещё больше расширена благодаря новым способам выражения – рекламному пастишу, китчу – широ-

ко эксплуатирующим аллюзии и намеки на общую культуру, косвенные пути для передачи, казалось бы, простых сообщений.

Создание рекламы на основе уже имеющегося наследия приводит в результате к появлению совершенно нового творения. Рекламный пастиш можно определить, как игривое подражание одному или нескольким жанрам из различных дискурсивных областей – журналистики, искусства, политики, сферы здоровья, профессиональной области и т.д. Пастиш – это подражание не стилю автора, а исходному стилю дискурсивного жанра. Создателям рекламного продукта стоит обратить особое внимание на корректность подбора имитируемого текста, т.к. нарушение этого условия может повлечь за собой снижение эффективности рекламного сообщения: резидент целевой аудитории не опознает интертекстуальное вкрапление и, соответственно, не разгадает замысел рекламного посыла. Признание имитируемого жанра является фундаментальным шагом в общественном признании вымысла, созданного рекламой [3]. В основе стратегии лежит устанавливаемое взаимное соучастие между производителем рекламы и её потребителем.

По мнению М. В. Терских, «использование интертекстуальных включений в тексте рекламы выполняет ряд функций: аттрактивную, персуазивную, эстетическую, игровую, делимитативную, что обуславливает увеличение эффективности рекламного текста» [5, с. 78] Существует два основных типа включения пастиша в рекламный текст: стратегия «микс» или «гибридизация» и стратегия «камуфляж». Проанализируем два примера.

Рисунок 1: Жанр пастиша типа «микс»: реклама Crédit Agricole

В рассматриваемой рекламе банка Crédit Agricole частично имитируется жанр «рекламы продуктов питания» – исключительный случай, сосуществования двух жанров на одной семиотической плоскости. Имитируемый жанр «рекламы шоколада» и имитирующий жанр «рекламы

страхового банка» находятся в одной и той же текстуальной жанровой плоскости. Пастиш заключается в рекуперации стиля и композиционной структуры, типичной для рекламы продуктов питания. Например, используются фразы в «Avec de vrais morceaux de nets d'impôts dedans» и «Recommandé pour la croissance de votre épargne». Что касается композиционной структуры, то наблюдается сохранение составляющих рекламного текста: вербального, визуального и пластического (миндальный цветовой оттенок, размер и формат символов).

Рисунок 2. Жанр пастиша «камуфляжного» типа: реклама Чупа Чупс

В рекламе бренда сладких леденцов Чупа Чупс имитирующий жанр скрывается за имитируемым жанром – первой полосой газеты Matin Plus. Сцена рекламного дискурса «паразитирует»

на имитируемом жанре. В результате, читается именно пастиш, хотя юридическое упоминание, помещенное в верхней части страницы, обязывающее рекламу объяснять ее коммерческую цель, помогает разоблачить используемую стратегию.

Этот тип пастиша отличается от предыдущего большей схожестью пастишем литературным. Как и в пастише Пруста, стиль и композиционная структура жанра «газетного заголовка» остаются неизменными, в то время как тема адаптирована к коммерческой функции рекламы леденцов Chupa Chups.

Как видно, смысл использования пастиша заключается в его связи с имитируемым жанром – гипотекстом, что позволяет подчеркнуть эффективность его использования для отработки навыков письма в процессе обучения французскому языку. Эта гипотеза подкрепляется констатацией стимулирующего характера этой интертекстуальной практики для повышения знаний обучающихся о разнообразии существующих жанров.

Упражнения в «стиле» восходят к временам Древнего Рима. Педагог и мастер риторики Квинтилиан обучал своих учеников подражать известным авторам. Использование пастиша имеет четкую педагогическую цель в работе над навыками письма, поскольку деятельность по переписыванию текста мобилизует когнитивные процессы, необходимые для текстуализации (мета-рефлексия, планирование и т. д.). В то же время стимулируется освоение языковых механизмов (синтаксических, лексических, семантических). В обучении иностранному языку с использованием пастиша сочетаются требования к обучению технике письма и подход к изучению типов текстов и литературных жанров [10].

Работа с рекламным пастишем способствует знакомству обучающихся с новыми дискурсивными жанрами, разнообразными и необходимыми для формирования читателей и профессиональных создателей специализированных текстов. Изучение жанра пастиша имеет практическую значимость для актантов, сознательных и способных к взаимодействию в современном мире. Эта деятельность протекает в спонтанной форме, что является желанной целью в контексте изучения иностранных языков.

В следующей таблице приведены несколько направлений работы с пастишем в рекламе.

Таблица

Методы обучения работе с пастишем в рекламе

Транспозиция на синтаксическом и лексическом уровнях		Транспозиция на текстуальном уровне	
Языковые игры		Переписывание	
слоган	газета, предвыборный плакат, поговорки	Жанр подражания	Подражаемый жанр
		средства по уходу за волосами	репортаж
		политическая агитлистка	киноафиша
описание продукта	стикер (post-it), письмо, запись из словаря, тест из журнала	молочные продукты (йогурт)	календарь
		телекоммуникационная компания	телеграмма

В дополнение к эффективности в работе над обучением письму техника рекламного пастиша имеет отношение к межкультурному подходу, т.к. использование дискурсивных практик позволяет обновлять знания, ограниченные целевой культурой. Межкультурное взаимодействие является ключевым моментом обучения, возможностью осознать неизбежное и постоянное присутствие своеобразия и оригинальности на занятиях по иностранному языку.

Приведённый выше анализ рекламы Cr dit Agricole, может помочь обучающемуся осмыслить креативность возможных языковых игр на французском языке. В рекламе Chupa Chups аргумент, использованный для продвижения продукта, а именно вступление в силу закона о борьбе с курением во Франции в январе 2008 г., позволяет обучающемуся быть в курсе текущих французских событий, а также предугадать решение проблемы запрета на курение: леденец Chupa Chups фактически претендует на замену сигарет.

Интертекст, являясь универсальным механизмом активной, перерабатывающей, культурной памяти, представляет собой активную эксплуатацию, продолжение и развитие прошлого опыта, один из самых значительных культурологических факторов человеческой эмпирии.

Понимание интертекстуальных включений зависит не столько от эрудированности получателя рекламы, сколько от смысловой стратегии самой рекламы. При сплетении вуалирования и неизменного раскрытия требуется дешифровка интертекста как условия разъяснения его скрытого смысла. Работа с пастишем как классической литературно-педагогической практикой имеет особую актуальность. Подобный вид работы требует знания его истории в рамках литературной традиции и процесса его становления в современной рекламе. Основная цель состоит в демонстрации возможности активного использования всего богатства и разнообразия традиционных стилистических упражнений, сосредотачивая особое внимание на разнообразии дискурсивных жанров.

Литература

1. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2000. 248 с.
2. Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени. М.: Науч.мир, 1982. 76 с.
3. Иванюк Б. П. Генезис и эволюция жанра: версия обоснования // Жанрологический сборник. Выпуск 1. Елец, 2004. С. 3–11.
4. Олянич А. В. Рекламный дискурс и его конститутивные признаки // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / Науч. ред. Т.Н. Колокольцева. М.: Флинта – Наука, 2011. С. 10–38.
5. Терских М. В. Инструменты интертекстуальности в дискурсе социальной рекламы // Научный диалог. 2017. №9. С. 69–80.
6. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Директ-Медиа, 2014. 267 с.
7. Bakhtine M. Esth tique de la cr ation verbale: Les genres du discours. Paris: Gallimard, 1984. 448 p.
8. Compagnon A. Th orie de la Litt rature: la notion de genre. Cours de M. Antoine Compagnon [Электронный ресурс] URL: <http://www.fabula.org/compagnon/genre.php> (дата обращения 26.07.2021)
9. Klauber V. Dictionnaire des genres et notions litt raires: Pastiche. Paris: Encyclop dia Universalis/L'Harmattan, 2001. 977 p.
10. Lugrin G. G n ricit  et intertextualit  dans le discours publicitaire de presse  crite. Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Wien: Peter Lang, 2006. 487 p.
11. Proust M. Pastiches et m langes. Paris: Gallimard, 1935. 294 p.

References

1. Dement'ev V. V. Nepryamaya kommunikatsiya i ee zhanry (Indirect communication and its genres). Saratov: SSU publ., 2000. 248 p. (In Russian).
2. Zhenett Zh. Palimpsesty: literatura vo vtoroi stepeni (Palimpsests: literature in the second degree). Moscow: Nauchnii mir, 1982. 76 p. (In Russian).
3. Ivanyuk B.P. Genezis i evolyutsiya zhanra: versiya obosnovaniya (Genesis and evolution of the genre: a version of the rationale) // Zhanrologicheskii sbornik. Issue 1. Elets, 2004. P. 3–11. (In Russian).
4. Olyanich A. V. Reklamnyi diskurs i ego konstitutivnye priznaki (Advertising discourse and its constitutive features) // Reklamnyi diskurs i reklamnyi tekst: kollektivnaya monografiya / ed by T.N. Kolokol'tseva. Moscow: Flinta – Nauka, 2011. 296 p. (In Russian).
5. Terskikh M. V. Instrumenty intertekstual'nosti v diskurse sotsial'noi reklamy (Tools of intertextuality in social advertising discourse) // Nauchnyi dialog. 2017. No. 9. P. 69–80. (In Russian).
6. Chernyavskaya V. E. Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost' (Text linguistics: polycodality, intertextuality, interdiscursivity). Moscow: Direkt-Media, 2014. 267 p. (In Russian).
7. Bakhtine M. Esth tique de la cr ation verbale: Les genres du discours. Paris: Gallimard, 1984. 448 p.
8. Compagnon A. Th orie de la Litt rature: la notion de genre. Cours de M. Antoine Compagnon [Электронный ресурс] URL: <http://www.fabula.org/compagnon/genre.php> (Accessed: 26.07.2021)
9. Klauber V. Dictionnaire des genres et notions litt raires: Pastiche. Paris: Encyclop dia Universalis/L'Harmattan, 2001. 977 p.
10. Lugrin G. G n ricit  et intertextualit  dans le discours publicitaire de presse  crite. Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Wien: Peter Lang, 2006. 487 p.
11. Proust M. Pastiches et m langes. Paris: Gallimard, 1935. 294 p.

Сведения об авторах

Храбскова Данута Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романской и классической филологии института филологии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь) / creativity2@mail.ru

Томичева Ирина Валентиновна – старший преподаватель кафедры романской и классической филологии института филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь) / irene.irene.70@mail.ru

Information about the authors

Khrabskova Danuta – PhD in Philology, Associate Professor, Head of Chair of Romance and Classical Philology, Institute of Philology, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky (Simferopol) / creativity2@mail.ru

Tomicheva Irina – senior lecturer, Chair of Foreign Languages, Institute of Philology, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky (Simferopol) / creativity2@mail.ru

УДК 811.161.1
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.21

Н. А. Царева

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ИДИОСТИЛЯ Б. Л. ПАСТЕРНАКА

В статье характеризуются базовые признаки идиостиля великого русского поэта XX века Б. Л. Пастернака. Анализ осуществляется с учетом антропогенного подхода к тексту на основе изучения авторитетных изысканий в области дискуртологии, стилистики, лингвистики текста, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, филологического анализа, стиховедения, философии и других направлений современного научного знания. Автор работы строит свои рассуждения с учетом того, что сам «строй» образов, мыслей, чувств, звуков и есть то «рациональное зерно», которое мотивирует постановку вопроса о специфике авторского идиостиля как субъективного, индивидуально ощущаемого конструирования текстового пространства. Рассматривая пастернаковский поэтический текст как имманентно организованную художественную структуру, автор статьи не без оснований считает, что сам стиховой ряд создает условия, способствующие формированию синтаксических отрезков, в составе которых проявляются «колеблющиеся признаки значений» и «затемненные смыслы» именованных явлений мира. Художник поэти-

ческого слова получает в этом случае не только полную свободу выбора и основной атрибутики денотата, и ее деталей, и обстоятельств, сопутствующих раскрытию признаков обозначаемого, но и возможность создать в пространстве текста новые номинационные структуры, содержащие элементы метакомментария, включающие субъективно-оценочные моменты, фиксирующие авторское присутствие в тексте. В статье отмечается, что употребление Б. Л. Пастернаком синтаксической номинации как структуры «остановленного мгновения» поэтического бытия связано с выявлением глубинной семантической связности его элементов. Рассуждения, содержащиеся в статье, подводят читателя к выводу о том, что по мере созревания лирического героя Пастернака наблюдается трансформация соотношения текста и метатекста, вызванная изменениями в проявлении индивидуального авторского мировосприятия.

Ключевые слова: Б. Л. Пастернак, идиостиль, поэтическая картина мира, стиховой ряд, эстетико-эвристическое измерение, внутренняя форма, синергия, синтаксическое наименование, катарсис, живая энергия бытия.

Nina Tsareva

ON THE SPECIFIC FEATURES OF THE POETIC IDIOSTYLE OF B. L. PASTERNAK

The article describes the basic features of the idiomstyle of the great Russian poet of the twentieth century B. L. Pasternak. The analysis is carried out taking into account the anthropogenic approach to the text based on the study of authoritative research in the field of discourse, style studies, text linguistics, cultural linguistics, cognitive linguistics, philological analysis, verse studies, philosophy and other areas of modern scientific knowledge. The "structure" of images, thoughts, feelings, sounds "is that" rational kernel "that motivates the question of the specificity of the author's idiomstyle as a subjective, individually felt construction of a text space. Considering Pasternak's poetic text as an immanently organized artistic structure, the author of the article believes, not without reason, that the line of poetry itself creates conditions conducive to the formation of syntactic segments, in which "fluctuating signs of meanings" and "darkened meanings" of naming world phenomena appear. In this case, the artist of the poetic word receives not only complete freedom of choice

and the main attributes of the denotation, its details and the circumstances accompanying the disclosure of the signs of the signified, but also the opportunity to create new nominal structures in the text space containing elements of meta-commentary, including subjective-evaluative moments, fixing the author's presence in the text. The article notes that the use of syntactic nomination by BL Pasternak as the structure of the "frozen moment" of poetic life is associated with the identification of the deep semantic coherence of its elements. The reasoning contained in the article leads the reader to the conclusion that as the lyrical hero Pasternak matures, there is a transformation in the ratio of text and metatext caused by changes in the manifestation of the author's individual perception of the world.

Key words: B. L. Pasternak, idiomstyle, poetic picture of the world, line of poetry, aesthetic-heuristic dimension, inner form, synergy, syntactic naming, catharsis, living energy of being.

В создании поэтической картины мира важнейшую роль играет автор, реализующий свои эстетические интенции, которые во многом определяются уровнем интеллектуального «напряжения» его творчества. Индивидуальный и неповторимый «дискурсивный голос» поэта как языковой личности, по словам И.И.Чумак-Жунь, «пропускается через мир творящего сознания, субъективного по своей внутренней духовности, и оформляется автором-творцом в тексте – яв-

лении художественной авторской событийности» [26, с.27]. Подобный подход к поэтической картине мира, равно как и к поэтическому тексту и дискурсу, соответствует такому описанию идиостиля автора, которое предполагает выявление глубинного замысла, отражающего творческие искания художника слова.

Со временем величие языковой личности Б. Л. Пастернака-художника становится все более очевидным. В пространстве русской лирики

XX столетия его авторский стиль резко выделяется как особый, по словам Р. Якобсона, "объектный язык", на котором говорят о внешнем мире [27, с. 201]. Специфика творческой индивидуальности Пастернака требует осмысления наиболее значимых научно-исследовательских подходов к оценке уникальности авторского способа языкового самовыражения. Не менее важно при этом учитывать особенности той теоретической платформы, которая сформировалась в филологии, рассматривающей в русле современной антропоцентрической парадигмы идиостилевую интерпретацию художественного, в том числе

Исследование индивидуальной лингвотипологии языковой личности, создающей художественный дискурс, опирается на традиции, заложенные в общей лингвистике, стилистике, лингвопоэтике и семиотике текста (Б. М. Эйхенбаум, В. М. Жирмунский, М. М. Бахтин, Ю. Н. Тынянов, В. В. Виноградов, В. Г. Винокур, А. И. Ефимов, Ю. М. Лотман, С. С. Аверинцев, В. П. Григорьев, К. Э. Штайн, В. И. Карасик и др.), нарратологии (В. Я. Пропп, Б. О. Корман, Н. А. Кожевникова, О. Людвиг и др.). Кроме того, в рассматриваемом ракурсе представляются важными данные когнитивных и дискурсивных подходов к структуризации текста (Т. А. ван Дейк, В. Кинч, Т. М. Николаева, Н. И. Болдырев и др.). Особо учитываются положения и выводы, которые содержатся в работах, связанных с исследованием художественного типа поэтической индивидуальности автора [21; 5; 6; 7; 10; 15; 16; 26; 4 и др.].

В концепциях художественного типа текста, опирающихся на категории «нелинейного плана» (целостность и концептуальность) [см., например: 15], зачастую недостаточно внимания уделяется не только диахронической динамике авторского текста как следствию творческой эволюции художника, но и субъективному фактору – индивидуализации стиля автора. Между тем совершенно очевидно, что «адекватный анализ индивидуального стиля автора представляет больше ценности, чем просто подсчет лингвистически выделенных единиц» [24, с. 136]. Имеется в виду не просто «абстрагирование от текстов конкретных писателей» [23, с. 96], а погружение в глубинные пласты авторского идиостиля, выявление его уникальности и имманентной специфики. Поэтому предлагаемая Е.Г. Фоменко концепция «лингвотипологии художественного текста», строящаяся «на базовых понятиях, к которым относится идиостиль писателя, заключенный в пространство всех своих художественных текстов» [там же], и требующая обязательной опоры на «типовую модель художественного текста, проводником которой этот идиостиль писателя является» [там же], не всегда применима к объяснению индивидуальной, сугубо специфической и

неповторимой манеры творческого письма такого ярко выраженных поэтического феномена, каким является Б. Пастернак.

Современное стилеведение рассматривает идиостиль как «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка... <> Идиостиль – это совокупность именно речетекстовых характеристик отдельной языковой личности, тем не менее формирующихся под воздействием всей экстралингвистической основы...» [11, с. 95]. Однако если при характеристике идиостиля как «посредника между конкретным текстом и его автором» руководствоваться только коммуникативно-стилистическими принципами анализа, то воплощение образа автора художественного текста как языковой личности будет определяться в основном вербально-семантическим, когнитивным и мотивационно-прагматическим факторами [10]. Соответственно, характеристика знаковой презентации формирующихся в сознании автора представлений о мире, его картине и ее фрагментах ограничится тремя привычными измерениями – семантикой, синтактикой и прагматикой. «За кадром» остается еще одно измерение, которое В.П. Григорьев предложил называть «эстетико-эвристическим» [6, с. 676] и которое свойственно именно поэтическому тексту, обладающему колоссальной нравственно-эстетической энергетикой [9; 2 и др.].

Целесообразно видеть в идиостиле открытую динамическую систему глубинных текстопорождающих механизмов свободного и имманентного самовыражения художника слова, отличающая его от других авторов (В. П. Григорьев, А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов, С. Т. Золян и др.). Так, по мнению В. П. Григорьева, «описание идиостиля должно быть устремлено к выявлению глубинной и семантической категориальной связности его элементов, воплощающих в языке творческий путь поэта, к сущности его явной и неявной рефлексии над языком» [6, с. 134]. Авторский выбор индивидуальных средств выражения смыслов маркирован намерением наиболее адекватно выразить свое представление о картине мира и ее элементах. В этом случае логично решается вопрос о соотношении идиолекта и идиостиля как глубинной (смысл) и поверхностной (текст) структур в организации цепочки зависимостей в тексте [8 и др.].

Мы считаем, что в рамках антропоцентрического подхода к поэтическому тексту необходимо учитывать синергию (греч. *συνεργία* – сотрудничество, содействие, помощь, соучастие, сообщничество) как фактор открытия автором антропогенного ресурса текста и – шире – дискурса в процессе творческого познания мира. (Ср. иной подход к понятию синергетичности поэтического текста, основанный на определении самоорга-

низирующихся экзистенциальных смыслов: [17]). Раскрывая в лирическом дискурсе свое индивидуальное начало и реализуя метапрагматические установки, языковая личность автора в итоге приходит к открытию для себя и для читателя того нового, что составляет специфику идиостилической дискурсивности как субъективного, присущего только данному поэту «погружения в жизнь». Это происходит благодаря специфике стиховой структуры высказывания, которая способствует тому, что усложняется сама форма обозначения денотатов и воплощения авторского образного представления о мире, его фрагментах и их деталях.

В самом деле, в стихотворении «Дорога» Пастернак говорит о нравственной составляющей бытия - «прямой магистрали», том Пути как универсальном Божественном векторе движения (духовного развития), который предписан Свыше, определяя и цель жизни.

*А цель ее в гостях и дома –
Всё пережить и всё пройти,
Как оживляют даль изломы
Мимоидущего пути.*

Синтагма «изломы мимоидущего пути» показательна употреблением деривата-атрибута с префиксоидом мимо-. Этот авторский окказионализм глубоко семиосимволичен, поскольку придает особую смысловую значимость предназначенному судьбой жизненному пути, не зависящему от воли человека и дарующего ему «изломы», которые необходимо преодолеть. Это и символ испытаний, и стимул жить, развиваться, расти – *per aspera ad astra*. Этот «мимоидущий» путь – условие синергического движения, результат которого – познание как откровение, как постижение того, что открывается в итоге жизни: «В каждом куске мрамора... заключаются... головы, достойные резца... Праксителя. Ведь все они делаются путем скалывания. <...> То, что изваялось, находилось внутри (выделено нами – Н. Ц.)» [25, с. 48].

Возвращаясь к употребляемой Пастернаком синтагме «изломы мимоидущего пути», отметим, что она выступает в роли синтаксической номинации - производного номинационно-синтаксического семиозиса [3]. Это – сложное именование антропогенного характера, которое запечатлело остановленное автором мгновение проявления «энергии сущности вещи» [12, с. 152]). Формирование авторских единиц синтаксической номинации в тексте соответствует тому, о чем говорит Ю. Н. Тынянов, анализируя специфику поэтического дискурса и определяя главные ресурсы поэзии, создающие условия для проявления авторской индивидуальности. Это, в первую очередь, единство и теснота стихового ряда (стихотворной строки), что предопределяет «особо тесное взаимодействие между объединенными в нем словами» и перегруппировку соотношения «стихового ряда и грамматического единства; слово, будучи

результантой двух рядов, словом речевым и словом метрическим, динамизируется (усложняется, становится затрудненным); то же можно сказать и о предложении» [21, с. 87].

Динамическое равновесие структурно-семантической и ритмической значимости слова в стиховом ряду смещается в сторону ритма, усиливаясь фактором рифмы, и слова в составе поэтического языка, в условиях «сукцессивности» – последовательного развертывания поэтического материала, получают, по мнению этого исследователя, «некую «кажущуюся семантику». При такой «бессодержательности» основной признак значения может вносить крайне мало нового, может быть даже совершенно не связан с общим «смыслом» текста. Но зато могут выступить определяемые теснотой ряда «колеблющиеся» признаки значения» [21, с. 88]. Актуализация интенсивности ««колеблющиеся» признаков значения» усиливает эмоциональную окрашенность поэтического языка, снижает его коммуникативную значимость, ослабляя привычные семантические связи слов. Согласно Ю. Н. Тынянову, «образ - своим отрывом от предметности и возникновением колеблющихся признаков за счет основного, моментом семантического осложнения – является специфической формой развертывания стихового материала» [21, с. 90].

«Деформация семантического момента» в поэтическом тексте открывает возможность по-новому взглянуть на само синтаксическое членение его значимых отрезков. В первую очередь это относится к именованию фрагментов поэтической картины мира. Очевидна прямая связь между сукцессивностью в условиях тесноты стихового ряда и созданием условий для формирования синтаксических отрезков, в составе которых формируются «колеблющиеся признаки значений» и «затемненные смыслы». Главное же то, что отдельные слова в стиховом ряду, отрываясь от предметности и становясь «бессодержательными», тяготеют друг к другу в синтаксическом пространстве стихотворной строки. Возникают условия для формирования сложных номинативных речевых знаков, соответствующих «тесноте», «сжатию» и сукцессивности стихового ряда. Для идиостиля Пастернака использование энергетики синтаксической номинации вполне естественно и органично, поскольку отвечает самому духу его поэзии как способа художественно-эстетического познания мира в его природной, естественной целостности. Для Пастернака характерно целостное, укрупненное, подчас монументально-величественное и торжественное восприятие поэтической картины мира – не в ее отдельных корпускулах и деталях, а в их образном синтезе, когда отдельный денотат за счет авторского вскрытия глубинных смыслов во внутренней форме своей синтаксической номинации обретает монументальность своего природного начала:

*Глухая пора листопада,
Последних гусей косяки.
Расстраиваться не надо:
У страха глаза велики.
Пусть ветер, рябину заняв,
Пугает ее перед сном.
Порядок творенья обманчив,
Как сказка с хорошим концом.
Ты завтра очнешься от спячки
И, выйдя на зимнюю гладь,
Опять за углом водокачки
Как вкопанный будешь стоять.
Опять эти белые мухи,
И крыши, и святочный дед,
И трубы, и лес лопухий
Шутом маскарадным одет.
Все обледелено с размаху
В папахе до самых бровей
И крадущейся росамохой
Подсматривает с ветвей.
Ты дальше идешь с недоверьем.
Тропинка ныряет в овраг.
Здесь инея сводчатый терем,
Решетчатый тес на дверях.
За снежной густой занавеской
Какой-то сторожки стена,
Дорога, и край перелеска,
И новая чаща видна.
Торжественное затишье,
Оправленное в резьбу,
Похоже на четверостишье
О спящей царевне в гробу.
И белому мертвому царству,
Бросавшему мысленно в дрожь,
Я тихо шепчу: «Благодарствуй,
Ты больше, чем просят, даёшь».*

(«Иней»)

В поэтическом тексте стихотворения «Иней» за счет необычно представленных авторских деталей создается символический образ торжества величественного покоя «белого мертвого царства» природы, засыпающей на зиму, чтобы непременно воскреснуть весной и своим возрождением уподобиться Спасителю: «Христос воскрес из мертвых, смерти смерть поправ и сущим во гробех живот даровав» (Из молитвы).

Рассматриваемый лирический текст – яркая иллюстрация того, как Пастернак средствами синтаксической номинации формирует комплексные речевые фрагменты поэтической картины мира. Сжатие стихового ряда не только открывает возможность рождения номинационной связанности синтаксических отрезков, но и позволяет автору активизировать внутренние глубинные ресурсы так называемой «трансформированной» тропики.

Здесь уместно вспомнить тыняновскую мысль о возникновении в условиях «сжатия» и «тесноты» стихового ряда «колеблющихся» признаков значения: «В метафоре и сравнении сталкивают-

ся основные признаки значений, частично вытесняя друг друга» [21, с. 88–89]. Пастернаковский текст подтверждает эти наблюдения. Здесь мы видим своеобразную трансформацию сравнений в метафоры в условиях сукцессивности стихотворной строки. Возникающие образные именованья представлены не только отдельными словами, но в первую очередь расчлененными синтагмами Ср.: а/ белые мухи; б/ лес лопухий/ Шутом маскарадным одет; в/ Все обледелено с размаху/ В папахе до самых бровей/ И крадущейся росамохой/ Подсматривает с ветвей; г/ инея сводчатый терем; д/ Решетчатый тес на дверях; е/ За снежной густой занавеской/ Какой-то сторожки стена; ж/ Торжественное затишье, / Оправленное в резьбу,/ Похоже на четверостишье/ О спящей царевне в гробу.

Подобная трансформация тропики выражает образность, рождающуюся за счет отдельных привычных деталей, атрибутивных признаков и перерастающую в непривычный индивидуально ощущаемый, субъективный и имманентный образ – фрагмент поэтической картины мира. Сама её нестандартность, нетривиальность авторского ракурса восприятия свидетельствует о ярко выраженном антропогенном характере средств ее репрезентации, что делает уникальным идиостиль Пастернака как языковой личности. В тексте стихотворения «Иней» это смещение тропики происходит в семантико-коннотативном пространстве отдельной образной детали. В то же время, к примеру, в тексте стихотворения «Сосны» для подобной трансформации поэту требуется образное перемещение в иной пейзажный контекст: из соснового леса – на морское побережье. Однако и в одном, и в другом тексте динамизация семантической значимости лексического материала создает все условия для возникновения на основе речевого пространства поэтического текста целостных синтаксических наименований.

Идиостиль Пастернака подтверждает тот факт, что в поэтическом тексте имя предмета, соотносясь с определенным концептом и будучи представлено посредством открытия его внутренней формы, выражается через атрибутику познаваемого объекта. Материализуя её, поэтическое слово, направленное прежде всего на «познание живых энергий бытия», приобретает и проявляет «некую «кажущуюся семантику»», о чем говорит Ю.Н. Тынянов, уже в составе динамической единицы номинации – производного номинационно-синтаксического семизиса [3, с. 121 и след.]. Формирование единиц синтаксической номинации как нельзя лучше соответствует сжатию и сукцессивности стихового ряда.

Размышляя об идиостиле Б. Л. Пастернака как особого, уникального поэта, можно продолжить цитировать В. П. Григорьева, который в результате исследования языка поэзии последних веков и

авторского идиостиля поэта пришел к выводу об «уверенно назревавшем концептуальном сдвиге к новой парадигме не только в словесном искусстве, но и в лингвистике и филологии – о полном признании необходимого всей культуре (ее практикам и теориям) четвертого, так сказать, всеохватывающего и всепроникающего, эстетико-эвристического измерения языка» [7, с. 676]. Вместо экспрессемы как единицы поэтического языка, или «упорядоченного множества» ее поэтических контекстов, исследователь вводит эвристику, характеризующую, однако, только «сильные контексты слова» в языке поэзии. Думается, пастернаковский текст относится к подобным «сильным» контекстам.

Индивидуальный стиль Б. Л. Пастернака действительно не укладывается в рамки предлагаемых идиостиольных схем и моделей. Лучше всех, на наш взгляд, это мотивирует Н. А. Фатеева, которая, характеризуя динамику идиостиля Б. Л. Пастернака, обращает внимание на следующее: «Именно к идиостилю Пастернака более всего подходят слова Р. Барта [1983, 310] о том, что «стиль – некий феномен растительного развития, проявление вонне органических свойств личности». «Органика» дает себя знать прежде всего в том, что в мире поэта происходит нейтрализация почти всех оппозиций как во внешнем, так и во внутреннем пространстве» [22, с.110–111]. По мысли этого авторитетного пастернаковеда, все оппозиции проявления человеческого интеллекта, его культуры получают разрешение в «сказочном времени», когда «хроникально-историческое развитие уравнивается хроникально-циклическими механизмами» [там же]. Напомним, что, согласно Ю.М. Лотману, к этим оппозициям относятся уровни сознания: детское – взрослое, мифологическое – историческое; мышления: иконическое – словесное; а также действие – повествование; стихи – проза; ритм – аритмия, симметрия – асимметрия и другие. Интересно, что в одной из «других» оппозиций ученый рассматривает корреляцию «художественная проза – поэзия», кладя в основание их разграничения такие отсутствующие в поэзии свойства, как «сегментированность, дискретность, линейность» [14, с. 8; 12].

«Сказочное время» как четвертая координата поэтического пространства – не есть ли это то самое четвертое измерение текста как знака, о котором говорит В. П. Григорьев, рассматривая, по сути дела, экспрессию поэтического текста в «сильных контекстах» – пастернаковский именно такой! – как «эстетико-эвристическое измерение языка»? Видимо, в подобном измерении и проявляется та яркая черта идиостиля Пастернака, которую он сам считает «неслыханной простотой»: «В родстве со всем, что есть, уверясь /И знаясь с будущим в быту./Нельзя не впасть к концу, как в ересь./В неслыханную простоту» [19, с. 302].

Здесь явная перекличка с пушкинским стремлением «приблизить поэтический слог к благородной простоте...» [20, с. 58].

Что же касается состояния ощущения поэтом остановленного мгновения бытия живой красоты и возведенного художником в «постоянный поэтический признак», то мысль Пастернака об этом высказана им, в частности, в 1929 году в книге лирической прозы «Повесть», когда персонаж повести начинающего писателя Сережи, по имени Игрек, рассуждает: «И опять всякий раз ... появляются описанья и уподобленья невиданной магниточувствительности. Это – образы, то есть чудеса в слове, то есть примеры полного и стрелоподобного подчинения земле (выделено нами – Н. Ц.). И значит, это – направленья, по которым пойдет их завтрашняя нравственность, их устремленность к правде. ... и живую красоту он понял как предельное отличие существования от несуществования. В том-то и новизна его, что эту разницу, мыслимую не более мгновенья, он удержал и возвел в постоянный поэтический признак» [19, с. 126].

Рассматривая идиостиль Б. Л. Пастернака как неразрывное единство стиха и прозы (что, по словам, И. П. Смирнова, оправдано тем, что «переходы рубежа между поэзией и прозой были для Пастернака путями, на которых он контролировал и рефлексировал смысл своего творчества» [22, с. 7]), Н. А. Фатеева обращает внимание на представление поэта о таланте как о даре жизни, с ее вечным движением, динамикой всего сущего, получающего именование. «Живая энергия» определяет рост всего сущего, движение к свету и открытие новых граней в привычных именовании предметов и явлений мира. И мерилем эстетической и нравственной энергетики поэтического текста, воплощенной в именовании вещей и явлений, которые становятся фрагментами авторской картины мира, может считаться только душа поэта как «объект интеллектуальной интуиции» (Гуссерль). Гармоническая организация стихового ряда, основанная на определенном ритмическом интонационном рисунке, способствует тому, что в именовании энергия сущности вещи «достигает своего полного определения. <> ...имя и есть расцветшее и созревшее сущее <> Имя – как максимальное напряжение осмысленного бытия вообще – есть также и основание, сила, цель, творчество и подвиг...всей жизни...» [12, с. 152–153]. Пастернаковский текст подтверждает эти слова. Поэт опирается на процесс выражения именовании не только лексической, но и синтаксической формой, – последняя вербально закрепляет внутреннюю форму номинации, открывающую поэту в атрибутике синергически познаваемого объекта. Мы отчетливо видим, как стиховой ряд способствует за счет сукцессивного развертывания пространства синтаксических номинаций в тексте употреблению поэтических именовании как «живых» энергем.

Интуитивно ощущаемый художником способ поэтического самовыражения – «принцип самой формы... самотождественное различие... <>... оно применимо к отдельно возникшему целому, в котором все подчиненные моменты не тонут и не исчезают, но остаются самими собой (выделено нами – Н. Ц.)» [13, с. 634]. Не только слово, но и его расчлененные аналоги – описательные наименования являются знаками вербализации имени, атрибутивными «ключами» к познанию его сущности и сущности энергии бытия обозначенного именем (ср.: иней). У Пастернака именование органически синтезирует реальное и образно-поэтическое бытие.

«Примеры полного и стрелоподобного подчинения» принципу земной тяги в остановленных поэтическим взором мгновениях бытия мы находим в производных авторского семиозиса как результате «максимального напряжения осмысленного бытия», цепочка которых в пространстве всего текста переносит нас в то «эстетико-эвристического измерения языка» (В. П. Григорьев), когда авторский метатекст уступает место надтексту – духовной ипостаси поэтического творчества, которая образует высший слой стихотвор-

ного пространства, идентифицирующего каждого автора как языковую личность и интегрирующего нашу духовную энергию.

Вопрос о специфике поэтического идиостиля Б. Л. Пастернака является, пожалуй, одним из наиболее сложных и противоречивых вопросов пастернаковедения в целом, представляющего сегодня огромный пласт как собственно научных – литературоведческих, лингвистических, философских исследований, так и работ научно-популярного, публицистического плана. Более того, многие труды написаны на стыке филологических и гуманитарных направлений, что вполне понятно, – настолько сложна, многогранна и грандиозна языковая личность одного из лучших художников русского слова XX века.

Дальнейшее рассмотрение специфики поэтического идиостиля Б. Л. Пастернака требует учета уникальности языковой личности этого художника русского слова. В тех случаях, когда речь идет о творческой индивидуальности такого неординарного поэта, как Б. Л. Пастернак, – многие универсальные модели и схемы «речетекстовых характеристик» требуют если не корректировки, то непременно корректной интерпретации, поскольку их объектом становится живая ткань текста великого Мастера.

Литература

1. Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика / сост. Ю. С. Степанов. – М.: Радуга, 1983. С. 306–349.
2. Буров А. А. Когниолингвистические вариации на тему русской языковой картины мира. Монография. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2003. 361 с.
3. Буров А. А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке / под ред. проф. К.Э. Штайн. Ставрополь-Пятигорск: Изд-во СГУ, 2012. 400 с.
4. Буров А. А. Булат Окуджава: штрихи к лингвистическому портрету. Монография. Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2018. 159 с.
5. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 239 с.
6. Григорьев В. П. Грамматика идиостиля В. Хлебникова. М.: Наука, 1983. 225 с.
7. Григорьев В. П. Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка: Избр. работы: 1958–2000-е годы. М.: Языки славянской культуры, 2006. 813 с.
8. Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст. / Предисл. М.Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
9. Казарин Ю. В. Поэтический текст как система. Монография. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. 260 с.
10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. М.: Наука, 1987. 261 с.
11. Котюрова М. П. Идиостиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 95–99.
12. Лосев А. Ф. (а) Философия имени // Лосев А. Ф. Самое само: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс. 1999. С. 29–204.
13. Лосев А. Ф. (б) Самое само // Лосев А. Ф. Самое само: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс. 1999. С. 423–634.
14. Лотман Ю. М. Феномен культуры // Семиотика культуры. Труды по знаковым системам. Тарту: Изд-во ТГУ. 1978. С. 3–17.
15. Лукин В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М.: Ось-89, 2005. 559 с.
16. Маслова Ж. Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Тамбов, 2011. 44 с.
17. Муратова Е. Ю. Синергетический анализ поэтического текста // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 2. С. 53–57.
18. Пастернак Б. Л. Избранное. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы / вступ. статья Д. С. Лихачева. М.: ХЛ, 1985. 623 с.
19. Пастернак Б. Л. Избранное. В 2-х т. Т. 2. Проза. Стихотворения / вступ. статья Д. С. Лихачева. М.: ХЛ, 1985. 559 с.
20. Пушкин А. С. О поэтическом слове // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 7: Критика и публицистика. Л.: Наука, 1978. С. 58.
21. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка // Вавилон: Вестник молодой литературы. Вып. 2 (18). М.: АРГО-РИСК, 1993. С. 86–90.
22. Фатеева Н. А. Поэт и проза: Книга о Пастернаке. Предисловие И.П. Смирнова. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 400 с.
23. Фоменко Е. Г. Проблемы лингвотипологического описания идиостиля писателя // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 2. С. 95–102.
24. Хэллiday М. А. К. Лингвистическая функция и литературный стиль // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1980. Вып. 9. С. 116–147.

25. Цицерон М. Т. Философские трактаты / пер. М. Рижского. М.: Наука, 1985. 382 с.
26. Чумак-Жунь И. И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков. М.: Директ-Медиа, 2014. 302 с.
27. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

References

1. Bart R. Nulevaya stepen' pis'ma (Zero writing degree) // Semiotika / compiler YU.S. Stepanov. Moscow: Raduga, 1983. P. 306–349. (In Russian).
2. Burov A. A. Kogniolingvisticheskie variacii na temu russkoj yazykovoj kartiny mira (Cogniolinguistic variations on the Russian language picture of the world). Monografiya. Pyatigorsk: PSU publ., 2003. 361 p. (In Russian).
3. Burov A. A. Substantivnaya sintaksicheskaya nominaciya v russkom yazyke (Substantive syntactic nomination in Russian) / ed by K. E. SHtajn. Stavropol'-Pyatigorsk: SSU publ., 2012. 400 p. (In Russian).
4. Burov A. A. Bulat Okudzhava: shtrihi k lingvisticheskomu portretu (Bulat Okudzhava: strokes for a linguistic portrait). Monografiya. Pyatigorsk: PSU publ., 2018. 159 p. (In Russian).
5. Vinogradov V. V. O teorii hudozhestvennoj rechi (On the theory of artistic speech). Moscow: Vysshaya shkola, 1971. 239 p. (In Russian).
6. Grigor'ev V. P. Grammatika idiostilya V. Hlebnikova (V. Hlebnikov's idiosstyle grammar). Moscow: Nauka, 1983. 225 p. (In Russian).
7. Grigor'ev V. P. Velimir Hlebnikov v chetyrehmernom prostranstve yazyka: Izbr. raboty: 1958–2000-e gody (Velimir Hlebnikov in the four-dimensional space of language). Moscow: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2006. 813 p. (In Russian).
8. Zholkovskij A.K., Shcheglov Yu.K. Raboty po poetike vyrazitel'nosti: Invarianty – Tema – Priemy – Tekst (Works on the poetics of expressiveness: Invariants - Topic - Techniques - Text). / foreword by M.L. Gasparov. Moscow: Progress, 1996. 344 p. (In Russian).
9. Kazarin Yu. V. Poeticheskij tekst kak Sistema (Poetic text as a System). Ekaterinburg: USU publ., 1999. 260 p. (In Russian).
10. Karaulov YU.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' (Russian language and linguistic personality) / ed by D.N. SHmelev. Moscow: Nauka, 1987. 261 p. (In Russian).
11. Kotyurova M. P. Idiostil' (Idiosstyle) // Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka. Moscow: Flinta; Nauka, 2003. P. 95–99. (In Russian).
12. Losev A.F.(a) Filosofiya imeni (Philosophy of the name) // Losev A.F. Samoe samo: Sochineniya. Moscow: EKSMO-Press. 1999. P. 29–204. (In Russian).
13. Losev A. F. (b) Samoe samo // Losev A. F. Samoe samo: Sochineniya. Moscow: EKSMO-Press. 1999. P. 423–634. (In Russian).
14. Lotman Yu.M. Fenomen kul'tury (The phenomenon of culture) // Semiotika kul'tury. Trudy po znakovym sistemam. Tartu: TSU publ., 1978. P. 3–17. (In Russian).
15. Lukin V. A. Hudozhestvennyj tekst: osnovy lingvisticheskoy teorii. Analiticheskij minimum (Fiction text: the foundations of linguistic theory. Analytical minimum). Moscow: Os'-89, 2005. 559 p. (In Russian).
16. Maslova Zh. N. Poeticheskaya kartina mira i ee reprezentaciya vu yazyke (Poetic picture of the world and its representation in language): thesis. Tambov, 2011.44 p. (In Russian).
17. Muratova E. Yu. Sinergeticheskij analiz poeticheskogo teksta (Synergistic analysis of poetic text) // Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2012. No. 2. P. 53–57. (In Russian).
18. Pasternak B. L. Izbrannoe (Selected). In 2 Vols. Vol. 1. Stihotvoreniya i poemyy / foreword by D. S. Lihachev. Moscow: HL, 1985. 623 p. (In Russian).
19. Pasternak B.L. Izbrannoe (Selected). In 2 Vols. Vol. II. Proza. Stihotvaoreniya / foreword by D.S. Lihacheva. Moscow: HL, 1985. 559 p. (In Russian).
20. Pushkin A. S. O poeticheskom sloge (About the poetic syllable) // Pushkin A.S. Sobr. soch. In 10 Vol. Vol.7: Kritika i publicistika. Leningrad: Nauka, 1978. P. 58. (In Russian).
21. Tynyanov Yu. N. Problema stihotvornogo yazyka (The problem of poetic language) // Vavilon: Vestnik molodoj literatury. Issue. 2 (18). Moscow: ARGO-RISK, 1993. P. 86–90. (In Russian).
22. Fateeva N.A. Poet i proza: Kniga o Pasternake (Poet and Prose: The Book of Pasternak) / forward by I.P. Smirnova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 400 p. (In Russian).
23. Fomenko E. G. Problemy lingvotipologicheskogo opisaniya idiostilya pisatelya (Problems of linguistic and logical description of the writer's idiosstyle) // Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2006. No. 2. P. 95–102. (In Russian).
24. Hellidej M. A. K. Lingvisticheskaya funkciya i literaturnyj stil' (Problems of linguistic and logical description of the writer's idiosstyle) // Novoe v zarubezhnoj lingvitike. 1980. Issue. 9. P. 116–147. (In Russian).
25. Ciceron M. T. Filosofskie traktaty (Philosophical treatises) / translated by M. Rizhskii. Moscow: Nauka, 1985. 382 p. (In Russian).
26. Chumak-Zhun' I.I. Poeticheskij tekst v russkom liricheskom diskurse konca XVIII – nachala XXI vekov (Poetic text in Russian lyric discourse of the late 18th - early 21st centuries). Moscow: Direkt-Media, 2014. 302 p. (In Russian).
27. Jakobson R. Lingvistika i poetika (Linguistics and poetics) // Strukturalizm «za» i «protiv». Moscow: Progress, 1975. P. 193–230. (In Russian).

Сведения об авторе:

Царева Нина Александровна – аспирант кафедры словесности и педагогических технологий филологического образования института переводоведения, русистики и многоязычия Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / tsnina@list.ru

Information about the author

Tsareva Nina – postgraduate student, Chair of Literature and Pedagogical Technologies of Philological Education, Institute of Translation Studies, Russian Studies and Multilingualism, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / tsnina@list.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 93 (0)
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.22

А. П. Беликов

Книга о забытом учёном [Рец. на: Казаров С. С. Профессор Ростовского Педагогического института Алексей Иванович Иванов: жизнь и творчество. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. – 96 с.]

Alexandr Belikov

A Book about the Forgotten Scientist [Review: Kazarov S.S. Professor of the Rostov Pedagogical Institute Alexey Ivanovich Ivanov: life and work. Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University, 2019. - 96 p.]

Характерной особенностью последних десятилетий стал интерес к незаслуженно забытым учёным прошлого века. Творчество таких исследователей пришлось на драматические переломные моменты в жизни страны. Две революции 1917 г., последовавшая за ними Гражданская война, разруха, ломка всей жизни и её устоявшегося уклада. Затем – репрессии, Великая Отечественная война, восстановление экономики, бытовые лишения, тяготы, и относительно недолгий «благополучный» период конца 1960-х-середины 1980-х гг. Все эти пертурбации роковым образом отразились не только на быте и повседневности многих перспективных учёных, но и на их научном творчестве, когда они либо совсем отстранялись от науки, либо вынуждены были резко менять сферу своей научной деятельности.

Сколько талантливых людей тогда погибло, и сколько не состоялось научных открытий и написанных хороших книг – мы никогда уже так и не узнаем. Нелегко приходилось и тем, кто сумел уцелеть в эту сложную эпоху. Один из таких учёных – Алексей Иванович Иванов (1890 – 1976), вклад которого в византинистику, на наш взгляд, до сих пор не оценен в должной мере.

Рецензируемая монография состоит из Введения («К истории одного поиска. Вместо Введения»), четырёх глав, Заключения, скромного Списка литературы об учёном, и значительно более пространного списка трудов самого А. И. Иванова, и двух качественно выполненных фотографий.

«К истории одного поиска. Вместо Введения» [1, с. 4-6] – автор рассказывает, почему у него возник интерес к А.И. Иванову, о котором он первоначально получил взаимоисключающую информацию от тех, кто лично общался с этим человеком.

Именно это и побудило С.С. Казарова предпринять собственное объективное и беспристрастное исследование жизненного пути заведующего кафедрой Всеобщей истории Ростовского педагогического института в предвоенный период.

Работа над этой небольшой, но насыщенной фактами и аналитикой монографией затянулась на несколько лет. И прежде всего потому, что публикаций о жизни А. И. Иванова оказалось слишком мало, а к тому же все они лишены какого бы то ни было историографического анализа его научного наследия. Эту задачу пришлось взять на себя самому автору книги, что потребовало тщательного изучения всех работ заинтересовавшего его учёного. Недостаток информации о личности самого Иванова потребовал общения с людьми, которые могли поведать хоть что-то важное об этом: его коллегами, учениками, знакомыми. Так был налажен сначала письменный контакт и с Ксенией Михайловной Антич, урождённой Миллер, дочерью известного археолога М. А. Миллера (1889–1968), работавшего в своё время в Ростовском педагогическом институте. Из этого «порой трудного общения с ней» [1, с. 4], начавшегося с острой полемики, а закончившегося дружескими отношениями, когда во время туристической поездки в Германию С. С. Казаров специально посетил Мюнхен для личной встречи с ней – стал вырисовываться совсем другой образ будущего героя книги. И стали понятнее побудительные мотивы некоторых его поступков.

Следующая сложность заключалась в том, что без архивных документов невозможен жанр «научной биографии» [1, с. 5], избранный автором. И ему, помимо всего прочего, удалось поработать не только в Архиве Санкт-Петербургской Духов-

ной Академии (АСПБДА), но и в архиве УФСБ по Ростовской области – без чего эта книга просто не могла бы состояться.

В лучших традициях отечественной историографии, этот раздел книги заканчивается словами глубокой благодарности автора всем тем, кто помог её появлению на свет [1, с. 5–6].

Глава I «Годы учения. Первые шаги в науке» [1, с. 7–8] довольно кратко охватывает период до 1921 г. Родившийся в 1890 г. в селе Смердово Ивановской области (здесь мы вынуждены отметить, что такой области тогда не было), Алексей Иванович Иванов в 1905 г. окончил Шуйское Духовное училище первым учеником. А в 1911 г. – уже Владимирскую Духовную семинарию, так же первым учеником.

В 1915 г. он окончил Петроградскую Духовную академию первым магистрантом, и был оставлен при Академии на два года стипендиатом для подготовки магистерской диссертации [1, с. 7]. Даже этот краткий перечень ступеней образования будущего учёного многое о нём говорит: несомненные способности, усидчивость, глубокие знания, что отмечено и в характеристике, выданной ему после окончания Владимирской Духовной семинарии. Он в совершенстве владел древнегреческим, латынью, немецким и французскими языками. Будучи ещё студентом Петроградской Духовной академии, он прошёл стажировку в Константинопольском Археологическом институте, который являлся признанным центром византистики.

Наряду с духовным, А. И. Иванов получил и светское образование: с 1915 по 1917 гг. посещал занятия в Петроградском Историко-архивном институте, а с 1916 по 1918 гг. в качестве вольнослушателя прошёл курс обучения на историко-филологическом факультете Петроградского университета [1, с. 8].

Таким образом, получив прекрасное образование, имея явную склонность к научной деятельности, А.И. Иванов рано сформировался именно как византист, притом его больше интересовало не само богословие как таковое, а именно история византийской церкви.

Казалось бы, всё складывалось в высшей степени благополучно для молодого исследователя. Но дальше исторические судьбы страны весьма негативно отразились на личной и научной судьбе учёного. Защита подготовленной магистерской диссертации «Патриарх Константинопольский Кирилл Лукарис и его время» так и не состоялась из-за закрытия Петроградской Духовной академии, а сам текст её был утерян научным руководителем магистра И.И. Соколовым во время его поездки на Юг.

Чтобы иметь средства к существованию, ещё с 1915 г. Алексей Иванович преподавал в гимназиях, а затем школах Петрограда. После октября

1917 г. перспективный молодой учёный оказался востребованным. Ни церковная история, ни даже история Византии новую власть совершенно не интересовала.

Глава II «На родной Владимирщине (1921–1932)» [1, с. 9–35]. В 1921 году А. И. Иванов переехал во Владимир, к сожалению, автор не раскрыл причины и обстоятельства этого переезда. Видимо, понимая, что заниматься любимым делом, историей византийской церкви стало невозможно, Алексей Иванович решил переориентироваться на краеведение, поощрявшееся советской властью, а реально заняться им можно было только в родных и хорошо известных ему местах. Интерес к прошлому своего края у него имелся и прежде, но, очевидно, отказ от близкой его сердцу истории Византии дался ему не просто и болезненно. Мы полагаем, вероятно, это стало ещё одной причиной его неприятия октября 1917 г., которое он вплоть до 1942 г. никогда не афишировал.

Приступив к работе на должности инструктора по охране памятников и старины во Владимирском губернском отделе народного образования, добросовестный и знающий сотрудник быстро стал заведующим подотделом искусства, а затем – первым директором созданного при его активном участии Владимирского губернского музея [1, с. 9].

Но вскоре случилась первая неприятность: в 1925 г. в музее и картинной галерее при нём произошли крупные кражи экспонатов. Какова была степень вины в этом самого директора музея, насколько он был в состоянии обеспечить безопасность вверенных его попечению предметов искусства, в монографии, к сожалению, не раскрыто. Но оргвыводы последовали незамедлительно: «сначала ему объявили выговор, а затем в 1926 г. сняли с должности директора музея» [1, с. 10].

После этого до 1931 г. он занимал должность товарища (т. е. помощника – А. Б.) председателя Владимирского губернского научного общества по изучению родного края. Далее автор довольно подробно анализирует публикации А. И. Иванова по истории крестьянского движения и краеведению Владимирской губернии [1, с. 10–33]. Написаны они были «в духе времени», но, насыщенные фактическим материалом, информативной ценности не утратили и поныне. Отметим дополнительно, что во всех этих работах он показал хорошее знание археологии и методов археологического анализа. И присоединимся к сомнению С. С. Казарова в том, насколько в действительности герой его исследования был охвачен «революционными идеями» и вооружён марксистской идеологией [1, с. 14]. Представляется очевидным, что имеющиеся в статьях А. И. Иванова утверждения о «классовой солидарности» крестьян и их осознанном «выборе союза с рабочим классом» для борьбы с эксплуататорами [1, с. 13] были лишь вынужденной данью времени и не отражали его личные убеждения.

И в порядке уточнения добавим – удивившие автора книги слова из статьи А.И. Иванова, опубликованной в 1924 г. об «октябрьском перевороте» 1917 г. [1, с. 16] никоим образом не показывают антисоветские убеждения последнего. Дело в том, что вплоть до десятилетней годовщины октябрьских событий сами идеологи партии именovali их именно «октябрьским переворотом». Только с 1927 г. они стали «Великой Октябрьской социалистической революцией».

Вторая неприятность, постигшая А. И. Иванова на родной Владимирщине, оказалась намного серьёзнее первой и полностью исходящей из реалий того времени. В 1931 г. в сборнике под красноречивым названием «Против вредительства в краеведческой литературе» была опубликована разгромная рецензия на его совершенно нейтральную небольшую книгу о местной изразцовой промышленности [1, с. 32–34].

Учитывая развернувшуюся борьбу с «буржуазными элементами» и теорию «об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму», озвученную И. Сталиным на объединенном пленуме ЦК и ЦКК 16 апреля 1929 г., практически сразу после публикации столь зловещей рецензии на его книжку А. И. Иванов был арестован. Ему предъявили список обвинений из 10 пунктов, самым абсурдным из которых было «активное участие в контрреволюционной группировке краеведов» [1, с. 34]. Подчеркнём ещё раз – учёный вёл себя предельно лояльно, публиковал только то, что «следовало линии партии», но это не спасло его от нелепых обвинений и ареста.

К счастью, в самом начале 1930-х гг. репрессии ещё не развернулись в полную силу и тогда наказания за подобные «преступления» были ещё сравнительно мягкими. В конечном счёте, Алексею Ивановичу зачли срок предварительного заключения с июля по ноябрь 1931 г. и отпустили на свободу. Что он пережил за эти пять месяцев следствия, можно лишь догадываться. «Но страх перед карательными органами советской власти, который с этого времени поселился в его душе, он сохранил на всю жизнь» [1, с. 35].

В своей автобиографии, хранящейся в АС-ПбДА, А. И. Иванов писал, что с 1921 по 1931 гг. работал доцентом во Владимирском пединституте и сельскохозяйственном учебном комбинате [1, с. 35], но, к сожалению, никакой информации об этом автору рецензируемой работы найти не удалось. Но отсюда следует, что наряду с исследовательской работой, у Алексея Ивановича был и серьёзный опыт преподавания, чем он занимался, начиная с 1915 г.

Однако родная Владимирщина оставила в памяти Алексея Ивановича не только плохое: здесь он женился. И этот брак оказался на редкость прочным и счастливым, здесь же родились две его дочери. Но после освобождения из-под ареста Ивановы

покинули Владимир навсегда [1, с. 35]. Понятно, что они не рискнули оставаться там, где глава семьи уже попал в поле зрения местных органов НКВД, вполне возможно, что этот отъезд спас его от повторного ареста здесь уже в 1935–1937 гг.

Глава III «А. И. Иванов в Ростове-на-Дону (1932–1943 гг.)» [1, с. 36–57]. Покинув Владимир, Алексей Иванович год отработал в Ярославском Пединституте, а в 1932 г. оказался в Ростове-на-Дону, на должности старшего научного сотрудника Северо-Кавказского Горского научно-исследовательского института краеведения.

Имеющийся опыт краеведческой работы позволил ему сразу же активно приступить к исследованиям местной тематики, разумеется, с классовых позиций и с цитатами из статей В. И. Ленина [1, с. 36]. Иначе в то время было просто невозможно. Понимая, что история византийской церкви остаётся для него недоступной, вынужденный приспосабливаться к существующим реалиям, он совершенно с нуля стал разрабатывать докторскую диссертацию на тему «Чечня и Дагестан в 60–70-х гг. XIX в.».

В 1935 г. Северо-Кавказский Горский НИИ был переведён в Пятигорск, а Алексей Иванович остался в Ростове-на-Дону, полностью сосредоточившись на работе в местном Пединституте. В 1937 г. ВАК по совокупности опубликованных работ присвоил ему учёную степень кандидата исторических наук. Добавим, что тогда это было довольно распространённой практикой.

Как преподаватель, он был высокопрофессионален, но требователен, по отзыву одного из его студентов – «сухарь, формалист, весьма до тошен» [1, с. 37]. Учитывая недостаток учебной литературы, А. И. Иванов в кратчайший срок подготовил и издал десять небольших книжечек по всеобщей истории, начиная от раннего Средневековья и до XVIII в. Разумеется, это требовало разносторонних знаний и глубокой общеисторической подготовки, но Алексей Иванович сумел так подать учебный материал, что эти брошюры долгие годы были востребованы несколькими поколениями студентов.

С осени 1939 г. при кафедре Всеобщей истории была открыта аспирантура, и вскоре у Алексея Ивановича было уже четыре аспиранта по истории средних веков. Продолжая подготовку докторской диссертации, он опубликовал несколько статей по истории Чечни и Дагестана, полных идеологических штампов, присущих тому времени, и многочисленных ссылок на классиков марксизма-ленинизма [1, с. 38]. Но по методам работы он оставался именно настоящим исследователем, широко используя архивные материалы, самостоятельно реконструируя сам ход событий, делая собственные выводы и широкие обобщения.

К 1941 г. докторская диссертация была написана, и предоставлена рецензентам, которые дали положительное заключение. Нет сомнений,

что она была бы успешно защищена. Но, как это ни странно, рукопись повторила судьбу так и не защищённой магистерской диссертации: начавшаяся Великая Отечественная война сначала задержала защиту, а потом сделала её вообще невозможной, так как её текст был безвозвратно утерян. Но главный трагизм всей жизненной ситуации, в которой оказался А. И. Иванов, заключался не только в этом.

Судя по всему, вынужденный постоянно приспособливаться к меняющейся ситуации, он насмотренно относился к советской власти [1, с. 50]. Добавим, постоянно ломая себя таким приспособлением, он и не мог испытывать ни малейших симпатий к ней. Очевидно, он не мог и не хотел жить так, и трудно согласиться с С. С. Казаровым, что у А. И. Иванова имелись какие-то сомнения по поводу перехода на сторону фашистских оккупантов [1, с. 50]. Скорее, вернее то, что сам же автор книги чётко сформулировал – «...приход немцев рассматривался им как освобождение от большевистской диктатуры» [1, с. 50].

В августе 1942 г. он не стал эвакуироваться из Ростова-на-Дону, и добровольно перешёл на службу к фашистам. Предательство всегда остаётся предательством, но, на наш взгляд, А. И. Иванов не только преступник, но и жертва. Здесь не только вина, но и беда этого человека. Достоинством книги является то, что, не впадая ни в обвинительный уклон, ни в апологетику, автор пытается объективно разобраться, что же толкнуло учёного на такой шаг.

И приходит к выводу, что главной причиной стал страх. Супруга А. И. Иванова Варвара Дмитриевна сама лично со страхом говорила матери К. М. Антич (урождённая Миллер), что Алексей Иванович «...попович, хоть бы до этого не докопались». Более того, его отец был репрессированным священником, что семья тщательно скрывала [1, с. 7, прим. 4]. Именно поэтому во всех автобиографиях А. И. Иванов писал, что родился в крестьянской семье [1, с. 7].

По свидетельству близких, все 1920–1930-е гг. он жил в атмосфере постоянного страха из-за своего происхождения, из-за ареста 1931 г., из-за той обстановки массовых репрессий, которая охватывала всю страну. Как глубоко религиозный человек, он не мог спокойно воспринимать антирелигиозную пропаганду новой власти. Кроме того, как примерный семьянин, он чувствовал себя ответственным не только за себя, но и за судьбу своей семьи. По нашему мнению, он просто устал бояться, он не был врагом России, но стал врагом большевиков, а вернее – его сделали таким. Это не оправдывает его поступок, но объясняет побудительные мотивы.

С августа 1942 по февраль 1943 г. он состоял сотрудником Отдела народного образования Ростова-на-Дону на оккупированной территории. Он

искренне поддерживал призыв генерала Власова об объединении всех народов России для борьбы с большевизмом [1, с. 56], был автором антисоветских статей, на разного рода совещаниях призывал к усилению борьбы против коммунистической власти [1, с. 55]. В феврале 1943 г. семья Ивановых покинула город вместе с отступающими немецкими войсками. В конечном счёте, они оказались в Чехословакии, где 24 сентября 1945 г. А. И. Иванов был арестован органами СМЕРШ и этапирован в следственный изолятор МВД по Ростовской области.

В том же году он был приговорён к 15 годам тюремного заключения. Остаётся полной загадкой, почему срок заключения ему был сокращён до пяти лет, а затем, после отбытия наказания, он и вовсе был амнистирован. Версия С. С. Казарова, что этому способствовали усилия Варвары Дмитриевны Ивановой, делавшей всё возможное и невозможное для облегчения участи мужа [1, с. 57] нам представляется недостаточно убедительной. Скорее, ему помогли высшие иерархи РПЦ, с которыми он обучался в Петроградской Духовной академии, что упоминает и сам автор книги [1, с. 59].

Так коренным образом изменилась судьба профессора А. И. Иванова, «он потерял работу, навсегда был утрачен уже готовый к защите текст его докторской диссертации, на пять лет лишился свободы и был выключен из нормальной человеческой жизни» [1, с. 57].

Глава IV «Под покровительством РПЦ. Завершающий период преподавательской и научной деятельности» [1, с. 58–87]. После освобождения и амнистии А. И. Иванов до 1952 г. работал библиотекарем Патриаршей библиотеки Московской Духовной академии в Загорске. В 1950 г. стал доцентом по кафедре византологии и греческого языка Московской Духовной академии. Там же в 1956 г. он защитил магистерскую диссертацию на тему «Критические издания Греческого Нового Завета и общепринятый Православной церковью текст», после чего был утверждён Святейшим Патриархом в учёной степени магистра богословия и звания профессора. И в том же году он стал профессором кафедры Византологии Ленинградской Духовной академии [1, с. 61].

Опять отметим, что столь успешное продвижение по службе было бы невозможным без покровительства высших лиц церковной иерархии, в том числе и самого Святейшего Патриарха Алексия.

Солидная педагогическая нагрузка сочеталась со значительной общественной и воспитательной работой. Учитывая высокий научный авторитет Алексея Ивановича и его опыт преподавательской и руководящей работы, он выполнял отдельные важные поручения, например, был командирован в Одессу для проверки постановки учебного дела в Одесской Духовной семинарии [1, с. 62].

В 1960 г. он успешно защитил докторскую диссертацию на тему «История византийской церкви» и был утверждён в учёной степени доктора Церковной истории. Автор книги, что представляет для нас особый интерес, представил развёрнутый анализ основных положений диссертации [1, с. 66–75]. К сожалению, по независящим от него причинам, С. С. Казаров не смог ознакомиться со вторым томом диссертации, и этот том до сих пор ждёт научного анализа и комментирования.

В Предисловии своего труда А. И. Иванов дал подробный обзор историографии своей темы, притом не только российской, но и зарубежной. Далее последовательно прослеживается состояние Восточной церкви от первых христианских императоров до эпохи Юстиниана. Важно отметить, что кроме того здесь присутствует нестандартный подход Алексея Ивановича, рассматривающего такие аспекты византийской культуры IV–VI веков, как искусство, памятники архитектуры и мозаики, наука и литература, богословие, история, космография, поэзия, сборники – обычно лишь кратко затрагиваемые в работах по истории византийской церкви.

Глубоко освещены вопросы кризиса империи в VI–VII вв., по мнению А. И. Иванова вторжения и переселения славян сыграли важную роль в «обновлении дряхлеющего организма империи» [1, с. 67], уделено внимание такому сложному аспекту, как взаимоотношения Константинопольского патриархата с Римом.

Подробно рассмотрены иконоборчество и павликианство, а также другие ереси, включая их зарождение, идеологию и последующие судьбы.

Анализируется духовная культура VII–IX веков, образование, литература и искусство, а также личности представителей богословской науки и историков. Алексей Иванович утверждает, что духовная и культурная связь Руси с Византией была крепче, чем обычно принято считать [1, с. 68], а ослабление внимания к уже погибшей Византийской империи наступило лишь в эпоху Петра I, начавшего решительное сближение с Западной Европой.

Привлекательна общая методологическая установка диссертации: церковную историю нельзя изучать в отрыве от гражданской [1, с. 69]. Поэтому мы полагаем, что эта работа остаётся важной не только для истории церкви, но и византинистов вообще. Широта взглядов А. И. Иванова проявляется и в том, что он уверен: история византийской церкви не должна рассматриваться оторвано от других христианских церквей, особенно Западной Римской и славянских церквей во всём их своеобразии.

Автор диссертации настаивает на том, что история должна заниматься изучением жизни народа, а не отдельных только личностей, и призывает дать целостную картину церковной и культурной жизни всего византийского общества.

Довольно жёсткую позицию он занимает по отношению к отрицательной, неизменно агрессивной политике папства к Православному Востоку, особенно после разделения церквей [1, с. 70]. И, напротив, отмечает благотворную роль, которую сыграло в судьбе Византии и Греческой церкви славянство вообще и в частности, особенно Православная Русь. На наш взгляд, всё же это является некоторой идеализацией далеко не всегда простых взаимоотношений Руси с Византией.

Отдельно рассматривается дискуссионный вопрос о причинах живучести Восточной Римской империи. Выводы автора заслуживают внимания, он полагает, что входившие в состав империи восточные страны, бывшие эллинистические монархии, отличались более мощными экономическими ресурсами, чем Запад. Здесь сохранились крупные развитые города, и существовали давние традиции сильной императорской власти [1, с. 71].

Далее следует рассмотрение взаимоотношений церкви и государства и борьбы с ересями. Интересен вывод о том, что противостояние церкви лжеучениям имело позитивный характер, поскольку потребовало усиленной работы богословской мысли. Перед церковью не только стояла задача опровергнуть еретические учения, но и дать точное определение тем истинам христианской веры, которые подверглись искажениям. Всё это делалось не усилиями отдельных лиц, а коллективной деятельностью христианской церкви, выражением которой стали вселенские соборы [1, с. 71].

Прослежен долгий и сложный процесс перехода от античной светской философии к православному богословию [1, с. 72]. Подчёркивается богатство и разнообразие тем литературы V–VI вв., ставших, по мнению автора, временем высокого подъёма церковного научного и литературного творчества [1, с. 73].

Первый том диссертации содержит много интересных и оригинальных выводов Алексея Ивановича об истории не только византийской церкви, но и государства, общества, культуры Византии от Константина Великого до отпадения Западной Церкви от Вселенской.

Даже этот, слишком краткий обзор некоторых положений работы показывает, насколько основательно и комплексно А. И. Иванов подошёл к раскрытию темы своей диссертации.

Практически сразу же после защиты диссертации благополучная и устоявшаяся жизнь А. И. Иванова опять подвергается очередным резким изменениям, и опять – по причине изменившейся политической ситуации в стране. С конца 1950-х – начала 1960-х гг. начинается новый период наступления Советского государства на религию и церковь. Религия вновь стала «опиумом для народа», а церковь – помехой на пути строительства коммунизма. Началась борьба за

умы и души советских людей [1, с. 76], становящихся всё более и более религиозными, чего партия не могла допустить.

С. С. Казаров подробно описывает механику очередной антирелигиозной кампании, начавшейся, как всегда, с возмущённых писем в прессу «трудящихся», озабоченных «засильем церкви». Последовали гневные статьи о том же в центральных газетах [1, с. 76–78]. Необходимо было ударить и по преподавательскому составу Духовных Академий, и тут вследствие недавней судимости самым слабым звеном и оказался Алексей Иванович. Припомнили службу у фашистов, упрекнули в религиозной пропаганде... И даже обвинили 70-летнего профессора в блуде и аморальных поступках, что вызвало возмущение всех, кто близко знал этого примерного семьянина из старой патриархальной семьи, более полувека прожившего душа в душу с единственной за всю его жизнь супругой.

Не желая компрометировать своим присутствием Духовную Академию, Алексей Иванович уходит на пенсию. Но это не означало его ухода из науки и прерывания контактов с самим учебным заведением. А руководство Академии, несмотря на усиливавшееся давление со стороны властей, даже сохранило за ним две маленькие комнатки, в которых он проживал ранее [1, с. 79].

В этот период им были написаны две апологетические брошюры о религиозной политике Советского государства, одна из них – в соавторстве. Совершенно очевидно, что сделано это было по прямому приказу «сверху», нужно было грамотно в расчёте на широкую аудиторию верующих изложить основы законодательства в отношении религии и церкви, в обмен А. И. Иванов получал «забвение» его прошлого [1, с. 84]. Поняли это и его коллеги, не изменившие своего отношения к профессору.

Последним научным трудом Алексея Ивановича стала очень основательная монография о литературном наследии Максима Грека, изданная в 1969 г., но несколько не утратившая своего научного значения. Всего рассмотрено 365 произведений Максима Грека, 164 из которых являются неизданными [1, с. 84–86].

В последние годы жизни А. И. Иванов работал над статьёй о Дионисии Ареопагите, но ослабленное здоровье не позволило её закончить. За два года до смерти он практически полностью утратил зрение, страшным ударом для него стала смерть супруги в 1975 году, и сам он ушёл из жизни 4 октября 1976 г.

В ЗаклЮчении [1, с. 88–90] автор книги пишет, что главной целью своей работы считал показать, насколько сложной была эпоха, в которую жил А. И. Иванов, и стремление понять этого человека, уяснить мотивы его поступков и поведения. На наш взгляд, С. С. Казаров с этой задачей успешно справился.

На с. 91–94 содержится список публикаций о профессоре Иванове (7 номеров) и 33 номера опубликованных работ самого Алексея Ивановича.

На с. 95 помещены две фотографии: А. И. Иванов с участниками археологической экспедиции 1939 года, и – автор книги С. С. Казаров со своей супругой Н. А. Казаровой в гостях у К. М. Антич, которая смогла рассказать много малоизвестного о персонаже этой книги (Мюнхен, август 2011 года).

Книга хорошо издана, на обложке – фотография А. И. Иванова, видимо, переснятая из его личного дела.

Алексей Иванович Иванов всю свою жизнь в душе оставался именно византинистом. Учитывая все сложные перипетии его нелёгкой судьбы, плодотворно византийскими сюжетами он смог заняться только после 1950 г. Но при этом труды его практически забыты современными исследователями. И потому, что, казалось бы, они рассматривают историю только церкви – хотя на самом деле это не так, и по той причине, что он был осуждён за коллаборационизм.

В личном письме автору рецензии С. С. Казаров с горечью написал, что, судя по внешнему виду диссертации А. И. Иванова, хранящейся в библиотеке Санкт-Петербургской Духовной Академии, отпечатанной на машинке на пожелтевших листах бумаги, с вписанными от руки иностранными словами – она редко попадает в руки учёных.

Но – «Воссоздать образ человека и историка – значит вернуть из небытия и его труды, которые сегодня оказались практически забыты» [1, с. 88].

К положительным качествам монографии С. С. Казарова следует отнести её чёткую структуру, практически исчерпывающий охват источников, стремление тесно увязать жизнь его героя с реалиями той эпохи, понять побудительные мотивы всех поступков А. И. Иванова, строго объективное отношение к самим этим поступкам. Вместе с тем, можно высказать и некоторые критические замечания. На наш взгляд, недостаточно внимания уделено воссозданию именно психологического портрета учёного. В биографии Алексея Ивановича имеются лакуны, связанные с его работой во Владимирском и Ярославском педагогических институтах. Остаётся непонятной степень его личной вины в хищении некоторых экспонатов из вверенного его попечению Владимирского губернского музея. Была ли им, как директором музея, в должной степени обеспечена их сохранность, или же у него просто не было такой возможности. Впрочем, эти вопросы во многом объясняются состоянием источников.

В целом же, рецензируемая книга не только глубоко анализирует жизненный путь А. И. Иванова и его труды, но и раскрывает тему «судьба человека на фоне его эпохи», что придаёт ей дополнительный интерес.

К сожалению, небольшой тираж книги делает её малодоступной читателю, по этой причине мы постарались более подробно изложить её содержание.

Литература

1. Казаров С. С. Профессор Ростовского Педагогического института Алексей Иванович Иванов: жизнь и творчество. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. 96 с.

References

1. Kazarov S. S. Professor Rostovskogo Pedagogicheskogo instituta Aleksey Ivanovich Ivanov: zhizn i tvorchestvo (Professor of the Rostov Pedagogical Institute Alexey Ivanovich Ivanov: life and work). Rostov-on-Don; Taganrog: SFU publ, 2019. 96 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Беликов Александр Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / abelikov@rambler.ru

Information about the author

Belikov Alexander – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Foreign History, Political Science and International Relations, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / abelikov@rambler.ru

ЮБИЛЕИ

УДК 929Шаповалов

М. Е. Колесникова
Н. В. Терещенко

УНИВЕРСИТЕТ КАК СУДЬБА: К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ШАПОВАЛОВА

Marina Kolesnikova
Nikolay Tereshchenko

UNIVERSITY AS DESTINY: TO THE 75TH BIRTH ANNIVERSARY OF PROFESSOR V.A. SHAPOVALOV

30 июля исполнилось семьдесят пять лет известному историку, талантливому педагогу и организатору науки, общественному деятелю, заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации, доктору социологических наук, профессору Владимиру Александровичу Шаповалову. Юбилей ученого прекрасный повод не только для выражения искренних чувств и пожеланий, это хороший повод взглянуть на пройденный путь и определить дальнейшие перспективы. В профессоре В.А. Шаповалове удивительным образом соединились самые разные достоинства: дар историка и крупного организатора науки

и образования – с богатым жизненным опытом и житейской мудростью, масштабность замыслов и свершений – с умением найти подход к каждому человеку, высокая требовательность и организованность – с доброжелательностью и душевной теплотой. Его яркая биография тесно переплетается с историей страны, являя образец трудолюбия, беззаветной любви и преданности университету, которому он служит почти 40 лет.

Владимир Александрович родился в 1946 г. в совхозе «Коммунар» Красногвардейского района Ставропольского края, в семье рабочего. Здесь прошли его детские годы, сформировалось

ответственное отношение к труду, которое и сегодня вызывает восхищение у всех, кто знает профессора В. А. Шаповалова. Всего в жизни он добился самостоятельно, собственными силами. Окончив в 1964 г. Коммунардовскую среднюю школу, целеустремленный юноша поступил на историко-филологический факультет Ставропольского государственного педагогического института. Учеба в вузе была началом большого пути и определила последующую жизнь. Являясь своеобразной «кузницей кадров» для политики, силовых структур и хозяйственной сферы, исторический факультет всегда был силен высокой профессиональной подготовкой своих студентов, формировал их нравственные качества, воспитывал патриотов своей Родины. Будучи способным студентом, отличником учебы, Владимир Александрович активно занимался общественной деятельностью, являясь членом бюро ВЛКСМ факультета, делегатом ряда комсомольских конференций. В студенческие годы сформировалась активная гражданская позиция, которая и сегодня заметно отличает профессора В. А. Шаповалова. Тогда же определились и его научные интересы, связанные с историей образования и молодежной тематикой. Вся последующая жизнь и деятельность Владимира Александровича, так или иначе, всегда была связана с молодежью, с воспитанием подрастающего поколения.

В 1968 г. по окончании института он был направлен на работу в Кавказскую среднюю школу Прикубанского района Карачаево-Черкесской автономной области учителем истории и обществоведения. Оттуда был призван в ряды вооруженных сил. Службу проходил в г. Москве. После демобилизации работал инструктором отдела пропаганды и культурно-массовой работы Ставропольского краевого комитета ВЛКСМ. В период с 1970 по 1972 г. проходил обучение на факультете комсомольской работы в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ, которую закончил с отличием. Затем была работа инструктором отдела пропаганды и культурно-массовой работы Ставропольского краевого комитета ВЛКСМ.

В 1972 г. В. А. Шаповалова избирают первым секретарем Ленинского райкома ВЛКСМ г. Ставрополя, а в 1974 г. – первым секретарем Ставропольского горкома ВЛКСМ, через год – вторым секретарем Ставропольского краевого комитета ВЛКСМ. В эти годы он организатор многих краевых форумов молодежи Ставрополя, участник международных и всесоюзных молодежных конференций, в том числе делегат XVIII съезда ВЛКСМ.

В ноябре 1978 г. В. А. Шаповалов переходит на партийную работу и избирается секретарем Ленинского райкома партии г. Ставрополя. Ему приходилось заниматься различными вопросами жизнедеятельности вузов и других образовательных учреждений, широким спектром обществен-

ной и политической жизни, хозяйственного и культурного строительства. В эти годы выработался его стиль руководства, доминирующими чертами которого являются демократичность, высокая культура общения с подчиненными, тактичность, корректность, требовательность.

Работа над повышением эффективности социально-экономического комплекса района требовали специальных знаний. Всегда стремясь к достижению самых высоких результатов в выполнении порученного, к совершенствованию своего профессионализма, Владимир Александрович в 1979 г. заочно оканчивает экономический факультет Ставропольского государственного сельскохозяйственного института.

В марте 1982 г. приказом Министерства образования Российской Федерации В. А. Шаповалов был назначен на должность проректора по международным связям Ставропольского государственного педагогического института. Это стало началом научно-педагогической деятельности, которая навсегда связала Владимира Александровича со Ставропольским государственным университетом (ныне Северо-Кавказский федеральный университет).

Работа с иностранными студентами была сложной и ответственной, требовала дипломатичности, терпения, принципиальности, поиска новых, эффективных методов работы, творческого отношения к делу и высокой ответственности. Всем этим обладал проректор по международным связям В. А. Шаповалов. Он по-прежнему вел большую общественную работу, являясь членом секции по пропагандистской работе с иностранными студентами Совета ректоров вузов края, руководителем страноведческого семинара для преподавателей института, работающих с иностранными студентами, заместителем председателя совета по профилактике правонарушений и т. д. Одновременно занимался педагогической деятельностью, читал лекции и вел занятия по дисциплинам кафедры политической истории, где работал до 2012 г., пройдя путь от старшего преподавателя до профессора.

В эти годы В. А. Шаповалов активно начал заниматься научными исследованиями. В 1982 г. он поступил в заочную аспирантуру Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина (ныне МПГУ), досрочно закончил её в 1984 г. с защитой диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В 1988 г. ему было присвоено ученое звание доцента, а в 1992 г. – профессора.

В конце 1989 г. он уже работал в должности проректора по учебно-воспитательной работе Ставропольского государственного педагогического института, а в мае 1990 г. был избран ректором института. С этого момента начинается новый этап в истории института – создание классического университета на Ставрополье.

В. А. Шаповалов сразу проявил себя как творческий и умелый организатор, обладающий высокой способностью к анализу, умением видеть перспективы развития и формулировать приоритетные направления деятельности. Системный, научно выверенный подход к управлению вузом, как единой и динамично развивающейся системой, позволил решить ряд крупных организационных задач. Уже на первом этапе были созданы: кафедра информационных технологий в образовании и управлении, что оказалось стратегически верным решением; отделение по подготовке юристов и практических психологов (впоследствии они стали самостоятельными факультетами); начался переход на 2 – уровневую модель подготовки специалистов. Ректор В. А. Шаповалов поддержал инициативу историков и в 1993 г. на историческом факультете Ставропольского государственного педагогического института одним из первых в стране была введена многоуровневая система обучения (бакалавриат, специалитет, магистратура) по направлению и специальности «История» [2, 9].

В 1994 г. заслуги вуза были оценены Минпросом РФ, и он был переименован в Ставропольский государственный педагогический университет. По инициативе и непосредственном личном участии В. А. Шаповалова в педагогическом университете была разработана и начала реализовываться программа обновления содержания высшего профессионального образования, совершенствовалась технология обучения, осуществлялась компьютеризация учебного процесса. Вводились новые учебные планы, образовательно-профессиональные программы, учебно-методические материалы. Ориентируясь на интересы людей, учитывая их запросы и нужды, профессор В. А. Шаповалов смог завоевать высокий авторитет среди профессорско-преподавательского состава и студентов, объединить всех для достижения общей цели – создание классического университета [4, 16].

Ставропольский государственный университет (СГУ) был создан 28 февраля 1996 г. Постановлением Правительства Российской Федерации (№ 189) на базе Ставропольского государственного педагогического университета и филиала Московской государственной юридической академии. Непосредственным организатором и первым ректором Ставропольского государственного университета был профессор В. А. Шаповалов. Он успешно руководил претворением в жизнь программы развития университета как регионального центра образования, науки и культуры.

Благодаря поддержке Ученого совета, ректората и всего коллектива на Ставрополье был создан классический университет в сложное, стремительно текущее, переходное время, когда шла смена старых и поиск новых экономических и об-

щественно-политических приоритетов, когда катастрофически не хватало средств, а нужно было не только укреплять материально-техническую базу, создавать научные центры и лаборатории, внедрять новые информационные технологии, но и перестраивать содержание и технологию образования. Это было трудное, но интересное время в жизни вуза, время определения стратегии развития, время свершений.

Университет, руководимый профессором В. А. Шаповаловым, по праву считался одним из самых престижных и динамично развивающихся вузов Южного федерального округа, был принят в Ассоциацию классических университетов России, занимал достойное место среди лучших классических университетов страны (в 2010 г. 14-е место в рейтинге среди 90 классических университетов). СГУ был вузом, который обеспечивал в крае подготовку специалистов по наибольшему количеству естественнонаучных, гуманитарных специальностей и направлений и ряду инженерных специальностей в сфере наукоемких технологий.

В 2010 г. в состав университета входили 12 факультетов, 90 кафедр, в том числе 8 базовых (4 – при Южном научном центре РАН; 2 – при Специальной астрофизической обсерватории РАН; 1 – при Институте нефти и газа РАН; 1 – при Северокавказском научном центре института проблем региональной экономики РАН). Филиалы университета имелись в Буденновске, Георгиевске, Светлограде; представительства – Кисловодске, Элисте, Черкесске, Минеральных Водах. Университет располагал 6 учебными корпусами, 3 спортивными залами, 4 общежитиями на 2000 мест. В его структуре работала Астрофизическая обсерватория; Технопарк «Наукоемкие технологии»; Инновационно-технологический центр коллективного пользования «Нанотехнологии и наноматериалы»; Отдел социально-политических проблем Кавказа Южного научного центра РАН; Северо-Кавказское кадастровое бюро Минобрнауки России; Ставропольский региональный центр информатизации; Региональный научно-методический центр патриотического и гражданского воспитания; Региональный центр подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в области инфокоммуникационных технологий и информационной безопасности; Региональный центр тестирования; Инновационный центр научно-методического обеспечения гуманитарных дисциплин вариативной части ГОС ВПО; Институт педагогического образования; Центр мониторинга послевузовского профессионального образования; Центр менеджмента качества и информационно-аналитического обеспечения; Центр содействия трудоустройству; Центр довузовской подготовки и профориентации; Центр тестирования профессионального образования; Центр дополнительного образования; Культурный

центр; ТВ-центр; Редакция «Университетской газеты»; Издательско-полиграфический комплекс.

Научная инфраструктура университета включала 8 научных школ мирового уровня; 40 научных направлений, осуществляющих научные исследования по приоритетным направлениям науки, техники и технологии Российской Федерации; 21 учебно-научный и научно-образовательный центр, 31 проблемную научно-исследовательскую лабораторию, 11 студенческих научно-инновационных объединений. Подготовка кадров высшей квалификации осуществлялась в аспирантуре по 67 научным специальностям, докторантуре по 15 научным специальностям. При университете действовали 11 диссертационных советов по 33 научным специальностям, в том числе – 8 докторских.

Органичным элементом научно-образовательной инфраструктуры и образовательного пространства являлись 9 музеев университета, созданных по инициативе ректора СГУ, профессора В.А. Шаповалова (музей истории СГУ; Археологический музей; Виртуальный музей компьютерной лингводидактики; Гематологический музей с лабораторией микроскопических исследований; Геологический музей; Зоологический музей; Музей истории ставропольской журналистики; Музей истории книги; Музей региональной литературы и литературного краеведения). Музеи располагали мультимедийными возможностями, собственными электронными ресурсами, включенными в Единую музейную информационную систему с дистанционным доступом к тематическим экспозициям. Музеи университета выполняли информационно-образовательную функцию и являлись базами студенческих практик, местами проведения фундаментальных и прикладных инновационных исследований, в том числе и в области истории конкретной науки.

Университет осуществлял обучение студентов и переподготовку специалистов по 84 специальностям и направлениям высшего профессионального образования, 8 дополнительным квалификациям, которые охватывали практически весь спектр современного университетского образования. Для удовлетворения образовательных потребностей молодежи в вузе реализовывалось более 90 специализаций, которые систематически обновлялись в соответствии с потребностями рынка труда.

В 2010 г. в Ставропольском государственном университете обучалось 18 тысяч студентов (на очной, заочной формах обучения и экстернате). Учебный процесс и научную работу обеспечивал коллектив преподавателей и ученых, в составе которого было 144 доктора наук, профессора и 648 кандидатов наук, доцентов.

Эффективная структура подготовки специалистов и кадров высшей квалификации, материально-техническая база, использование информаци-

онных технологий в образовательном процессе и научных исследованиях, создавали необходимые условия для удовлетворения самых разнообразных образовательных потребностей молодежи, способствовали реализации творческих способностей каждого студента.

Деятельность профессора В. А. Шаповалова как организатора образования и науки известна не только в крае и России, но и за рубежом [22]. Он использовал современные методы управления научным и образовательным процессами. Последовательно работал над созданием высоко технологичной научной и образовательной базы Ставропольского государственного университета. Во время его работы ректором, в результате реализации университетской Программы подготовки кадров высшей квалификации, число докторов наук, за 10 лет, увеличилось более чем в 2,5 раза; выросло и число специальностей (от 16 до 50), в том числе были открыты такие необходимые региону специальности, как «Журналистика», «Юриспруденция», «Менеджмент», «Налого и налогообложение», «Организация и технология защиты информации», «Компьютерная безопасность», «Клиническая психология»; был создан редкий для классических университетов факультет искусств; появился ряд новых структурных подразделений, обеспечивающих внедрение наукоемких технологий в образование (Ставропольский региональный центр информатизации Минобразования России, Северо-Кавказское региональное кадастровое бюро Минобразования России, Региональный центр Федерации интернет-образования и др.). Правительство Ставропольского края определило СГУ в качестве головной организации в регионе по подготовке и переподготовке сотрудников государственных органов управления и других кадров в области информатизации и сетевых технологий.

Для удовлетворения потребностей регионального рынка в качественных образовательных услугах, обеспечения конкурентоспособности выпускников, В. А. Шаповалов, ориентировал трудовой коллектив на совершенствование внутривузовской системы управления и обеспечения качества профессионального образования и структуры университета; внедрение информационных технологий в управление, образовательный и научно-исследовательский процесс; расширение номенклатуры специальностей высшего профессионального образования в соответствии с потребностями региона [20].

Под руководством профессора В. А. Шаповалова с 2001 г. началась успешная реализация «Комплексной информационной системы управления и мониторинга качества учебного процесса» [5]. Информационная система, разработанная учеными университета, была удостоена бронзовой медали на Международной выставке

«Инновации 2004». По заданию Минобразования России в рамках реализации проекта «Создание на базе Ставропольского государственного университета регионального центра по мониторингу системы послевузовского профессионального образования» специалистами университета был разработан соответствующий программный комплекс («Аспирантура (докторантура)», «Диссертационный совет», «Служба анализа и статистики»), позволивший осуществлять постоянный мониторинг деятельности СГУ в области послевузовского профессионального образования.

В 2005 г. после реконструкции была открыта научная библиотека СГУ [3, с. 1, 4–5]. Ее реконструкцию инициировал В. А. Шаповалов. Была создана рабочая группа, в которую вошли специалисты центра информатизации, был изучен международный и отечественный опыт создания и работы университетских научных библиотек. Информационная инфраструктура библиотеки СГУ, выполненная компанией Hewlett-Packard, была признана лучшим техническим решением 2005 г. среди научных библиотек мира.

Будучи ректором, В. А. Шаповалов ставил перед коллективом университета задачи разработки и создания инновационной продукции для сферы образования, аграрного, промышленного и других секторов экономики Северного Кавказа [21]. В 2006 г. под его редакцией было выпущено справочно-информационное издание «Научно-инновационная деятельность Ставропольского государственного университета», в котором было представлено свыше 100 инновационных разработок ученых университета в различных областях науки и техники: физика, химия, биология, химическая и биологическая технология, экология, информационные технологии и защита информации, история, филология, педагогика и методика преподавания дисциплин и др.

В условиях модернизации российского общества, профессор В. А. Шаповалов активно участвовал в различных совещаниях ректоров и научной общественности, делился своим опытом и мнением, дискутировал на страницах научных и периодических изданий, высказывал свою точку зрения на реформы, подчеркивал необходимость приоритета модернизации образования, которая являлась социокультурной основой для всех последующих реформ в стране. Важнейшей задачей для себя и своих коллег по университету он считал определение роли и места классического университета в социокультурном контексте полиэтнического региона, каким является Северный Кавказ [18, 19].

При поддержке и непосредственном участии Владимира Александровича в университете активно развивались научные исследования, посвященные этносоциальным и этнодемографическим проблемам региона. Их значимость и результаты

отмечали не только ведущие российские ученые, но и зарубежные коллеги, с которыми университет осуществлял тесное научное сотрудничество (университеты штатов Вирджиния и Айова США; Фрайбургский университет и Кельнский институт международных и восточных исследований Германии; университет Бордо, Гаврский университет и Сорбонский институт восточных цивилизаций Франции; Тбилисский университет и др.).

В СГУ был наработан уникальный опыт сотрудничества с 20 структурными подразделениями РАН, РАО и РАМН. Это институты социально-политических исследований, социологии, психологии, проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, специальная астрофизическая обсерватория РАН и др. Владимир Александрович настроил коллектив на сотрудничество с Южным научным центром РАН и вклад ученых университета был по достоинству оценен. Впервые в истории вуза, совместно с ЮНЦ РАН, при университете были открыты отдел социально-политических проблем Кавказа и лаборатория биоресурсов, биологически активных веществ и новых материалов.

При нем вуз обрел свои главные отличительные знаки – символы: герб, флаг, гимн. А у студентов появилась Клятва, которую они принимают, вливаясь в большую и дружную студенческую семью Ставропольского государственного университета.

Уважительное отношение к коллегам и тем, кто оказывает содействие в развитии университета, нашло отражение в учреждении, по инициативе Владимира Александровича, почетных званий: «Заслуженный профессор СГУ» и «Почетный профессор СГУ». В период его ректорства стали издаваться библиографические сборники и библиография ученых Ставропольского государственного университета.

Год за годом складывался мощный научный, интеллектуальный и творческий потенциал, формировались традиции и опыт подготовки высококласных специалистов, которые бережно сохраняются и преумножаются сегодня в Северо-Кавказском федеральном университете – уникальном учебном заведении, созданном в 2012 г. в рамках реализации приоритетного национального проекта «Образование» как новый вид высшего учебного заведения, интегрированный комплекс образования, науки и бизнеса, центр инновационно-технологического развития и подготовки кадров международного уровня, призванный организовать и координировать в Северо-Кавказском федеральном округе работы по сбалансированному обеспечению крупных программ социально-экономического развития региона.

Северо-Кавказский федеральный университет был создан в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 18 июля 2011 г.

№ 958 и распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2012 г. № 226-р на базе трех крупнейших вузов Ставрополья – Северо-Кавказского государственного технического университета, Ставропольского государственного университета, Пятигорского государственного гуманитарно-технологического университета.

Свою лепту в разработку проекта создания федерального университета на Северном Кавказе внес и коллектив Ставропольского государственного университета под руководством профессора В. А. Шаповалова. В 2010 г. рабочей группой была подготовлена Концепция создания Северо-Кавказского федерального университета, многие положения которой были реализованы при создании СКФУ.

С 2012 г. В. А. Шаповалов работает профессором кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета. В преподавательской деятельности применяет инновационные, в т. ч. информационные, образовательные технологии. В течение многих лет Владимир Александрович осуществляет руководство педагогической практикой студентов историков на базе гимназии № 25 г. Ставрополя.

С 2013 г. по настоящее время профессор В. А. Шаповалов является председателем Общественного совета при министерстве образования Ставропольского края. Совет обеспечивает взаимодействие министерства с общественными объединениями и различными некоммерческими организациями, способствует повышению гласности и прозрачности деятельности министерства. В.А. Шаповалов инициирует вопросы актуальной повестки дня заседаний совета, связанные с независимой оценкой качества условий осуществления образовательной деятельности государственных организаций Ставропольского края; повышением эффективности психологического сопровождения учителей; реализацией в крае федерального проекта «Учитель будущего» национального проекта «Образование; проведением процедуры ЕГЭ в системе образования края; профилактикой девиантного поведения несовершеннолетних; развитием волонтерского движения.

Как ученый и педагог В. А. Шаповалов обладает огромной научной эрудицией, обширным исследовательским кругозором, потрясающей работоспособностью. Высокая требовательность к себе, ответственность за результаты своей работы, их критическая оценка – все это присуще ему. Гражданская позиция профессора В. А. Шаповалова во многом основывается на его глубинной вере в Россию, в ее историю и ее будущее. Являясь патриотом России, он верит в ее величие, считает, что она никогда не теряла его. Он живет и работает на благо великой страны.

В течение многих лет В. А. Шаповалов являлся членом Совета по экономической и общественной безопасности края, который в условиях сложной оперативной ситуации в Северо-Кавказском регионе был важным совещательным органом при Губернаторе Ставропольского края.

Профессору В. А. Шаповалову дважды была оказана честь выступить доверенным лицом кандидата в Президенты Российской Федерации В.В. Путина, что нашло поддержку и одобрение населения Ставропольского края на выборах, как в 2000 г., так и в 2004 г. За проведенную работу Владимир Александрович дважды получал благодарственные именные письма от Президента Российской Федерации.

Владимира Александровича постоянно интересуют и общие социально-экономические и политические проблемы прошлого и современности, проблемы высшей школы, всего российского образования и образовательной системы края, отдельные, порой даже частные вопросы исторической науки.

Сфера его научных интересов – социологические, философские и исторические проблемы высшего образования, отечественная история. Будучи, историком по базовому образованию и по духу, он и в социологических исследованиях опирается на обширный сравнительно-исторический материал. Исторические факты для него – эта та основа, на которой строится любое исследование, вот почему и своих учеников, студентов, аспирантов и докторантов, он ориентирует на постоянный поиск, отбор и критический анализ исторических источников.

Он автор и соавтор многочисленных научных работ и учебных пособий по различным аспектам истории, философии и социологии образования, проблемам регионального образования, этносоциальным проблемам России. Среди них: «Очерки истории Ставропольского педагогического института» (1991) [11], «История Отечества. Учебное пособие» (1992), «Этносоциальные проблемы России» (в соавторстве) (1994) [1], «Социокультурные аспекты информатизации образования» (1996), «Высшее образование: современные модели, перспективы развития» (1996) [15], «Высшее образование в социокультурном контексте» (1997) [14], «Этнические проблемы современной России: социально-философский аспект анализа» (в соавторстве) (1997), «Политология в вопросах и ответах: Учебное пособие для вузов» (в соавторстве) (1999), «Социология. Краткий тематический словарь» (в соавторстве) (2001), «Социология молодежи. Учебное пособие» (в соавторстве) (2001) и др. [23] Под его редакцией было подготовлено более 60 научных изданий. Эти работы являются значительным вкладом в отечественную науку, подтверждением фундаментальных научных основ его деятельности.

По инициативе В. А. Шаповалова, при его авторском и научном редакторском участии были подготовлены и изданы фундаментальные коллективные монографии «Край наш Ставрополье: Очерки истории» (1999) [7], «История городов и сел Ставрополья: краткие очерки» (2002) [6] и «Энциклопедический словарь Ставропольского края» (2006) [24].

Им был поддержан оригинальный проект кафедры истории и теории журналистики по подготовке и изданию к 65-летию Великой Победы книги публицистических текстов, подготовленных студентами, аспирантами и преподавателями университета на основе воспоминаний их близких о Великой Отечественной войны [10]. Три книги, объединенные общим названием, «Никто из нас войну забыть не сможет» – это не только дань памяти людям, которые спасли мир и отстояли родину, это и сохранение для будущих поколений малейших крупиц памяти о том трагическом и героическом времени. Это и дань уважения и признательности ветеранам войны за их ратный подвиг.

Профессор В. А. Шаповалов являлся членом редакционного совета по изданию еще одного уникального издания – «Красной книги Ставрополья» (2002). К 190-летию М. Ю. Лермонтова под его редакторством вышла коллективная монография «Лермонтовский текст. Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова. Антология» [8]. Он поддержал и проект по изданию Антологии «Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса», включающего четыре тома метапоэтических текстов русских поэтов со времен Симеона Полоцкого до наших дней, выступив его руководителем [12].

Деятельность профессора В. А. Шаповалова по достоинству оценена научной общественностью России: он избран в состав Академии социальных наук, Академии информатизации, Международной академии наук высшей школы и Академии гуманитарных наук.

Научная деятельность В. А. Шаповалова посвящена всестороннему изучению социокультурных детерминант высшего образования, влияния культурных традиций России на становление отечественной высшей школы, разработке моделей и перспектив развития высшего образования в России и за рубежом. Его докторская диссертация, успешно защищенная в 1997 г. была также посвящена социокультурным детерминантам высшего образования.

Под руководством профессора В. А. Шаповалова изучаются, выводятся на новый уровень и получают реальное воплощение на практике основные традиции университетского образования – фундаментальность, научность, энциклопедичность. Результаты исследований докладываются на международных, всероссийских и региональных научных конференциях, посвященных проблемам высшей школы, ее реформированию.

Профессор В. А. Шаповалов активно работает в области подготовки кадров высшей квалификации. Он – научный руководитель аспирантов и соискателей, научный консультант докторантов, с которыми щедро делится своим богатым опытом ученого и педагога. Разрабатываемые его учениками проблемы связаны с историей университетского образования, изучением традиций классических университетов России, подготовкой кадров, рассмотрением роли и места университетов в обществе. Под его руководством были защищены кандидатские диссертации О. В. Терещенко «Становление и развитие классического университета в России в XIX–XX вв.» (2002) и Г. А. Перковской «Развитие исторического образования в университетах России во второй половине XVIII – начале XX вв.» (2005), докторская диссертация Е. Ю. Любушкиной «Общественные организации Дона и Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX веков: становление и региональная специфика» (2012).

В период с 1994 г. по 2012 г. он возглавлял диссертационный совет по историческим наукам, который с 2001 г. работал как докторский; являлся членом докторского диссертационного совета по философским, социологическим и политическим наукам, действующим при СГУ.

За заслуги в научной, образовательной и управленческой деятельности профессор В. А. Шаповалов награжден орденами «Знак Почета» (1978) и Почета (1997), знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2000), знаком отличия Северо-Кавказского военного округа «За службу на Кавказе», почетной грамотой Северо-Кавказского федерального университета и другими наградами. За заслуги в обучении и воспитании, личный вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (2004), а за вклад в подготовку кадров для Карачаево-Черкесской республики – «Заслуженный деятель науки Карачаево-Черкесской республики» (2005).

Его манера общения располагает к нему собеседников, будь то убежденный сединой профессор или студент. Во многом благодаря ему на кафедре истории России Гуманитарного института СКФУ сложилась та атмосфера доброжелательности, научного сотворчества и поиска, которая способствует развитию творческого потенциала преподавателей и студентов, формированию их профессиональных и нравственных качеств. Студенты доверяют ему, а он в свою очередь верит, как и прежде, в студентов, в то, что они внесут достойный вклад в будущее процветание России.

В нем все поражает и притягивает: и широчайшая эрудиция, и огромный жизненный опыт, и цельность натуры, и прекрасный ораторский

талант. Сразу оказываешься в плену его обаяния и открытого, умного, проникновенного взгляда. Умение слушать людей, располагать их к себе, давать ощущение надежной устойчивости, прочности, защищенности – все это присуще Владимиру Александровичу. Остроумие, доброта, справедливость – неотъемлемые черты его личности. Но главными его качествами являются великолепный организаторский талант и служение научной истине, ответственность перед наукой и обществом, все

то, что определяли и определяют выбор целей, нравственных идеалов и ценностей профессора Владимира Александровича Шаповалова.

Студенты, аспиранты и профессорско-преподавательский коллектив Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, коллеги, друзья и ученики поздравляют Владимира Александровича с юбилеем! Желают крепкого здоровья, благополучия и многих лет плодотворной работы на благо науки и образования!

Литература

1. Авксентьев А. В., Шаповалов В. А. Этносоциальные проблемы России. Ставрополь: Кн. изд-во, 1994. 88с.
2. Аникеев А. А., Шаповалов В. А. О постановке исторического образования в Ставропольском педагогическом институте // Непрерывное педагогическое образование. 1994. Вып. 4. С. 36–42.
3. Березняк А. Л. Университет начинается с библиотеки [Об открытии новой научной библиотеки Ставропольского государственного университета. О деятельности ректора, профессора В.А. Шаповалова] // Академия. Еженедельник науки и образования Юга. № 17(252). 14 мая 2005. С. 1–5.
4. Ветров Ю. П., Крещенко И. Н., Шаповалов В. А. Идея университета (Классический университет на Ставрополье: обоснование необходимости, направление развития) // Вестник Ставропольского государственного педагогического университета. 1995. № 3. С. 3 – 11.
5. Информационные технологии в обучении и научных исследованиях: Материалы научно-методической конференции «XXI век – век образования» / отв. ред. В. А. Шаповалов. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. 256 с.
6. История городов и сел Ставрополья: краткие очерки / зам. пред. ред. коллегии проф. В. А. Шаповалов, Науч. ред. проф. Д. В. Кочура и проф. А. А. Кудрявцев. Ставрополь: Кн. изд-во, 2002. 702 с.
7. Край наш Ставрополье: Очерки истории / науч. ред. проф. Д. В. Кочура и проф. В. П. Невская. Ставрополь: Шат-гора, 1999. 528 с.
8. Лермонтовский текст. Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова: Исслед. 1900–2004-х гг. Антология / [сост. К. Э. Штайн]; под ред. В. А. Шаповалова, К. Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2004. 895 с.
9. Магистратура в предметной области «История» / сост. А. А. Аникеев; Ред. В. А. Шаповалов. Ставрополь: СГПИ, 1994. 53 с.
10. Никто из нас войну забыть не сможет. Вып. 1–3. / под ред. профессор В. А. Шаповалов. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010.
11. Очерки истории Ставропольского педагогического института / редкол.: В. А. Шаповалов (пред.), А. А. Аникеев (зам. пред.), Д. В. Кочура и др. Ставрополь: Кн. изд-во, 1991. 112 с.
12. Три века русской метапоэтики: легитимация дискурса: Антология в 4 т. / руководитель проекта В. А. Шаповалов; Науч. ред. К. Э. Штайн. Ставрополь: Издательство СГУ, 2005.
13. Шаповалов В. А. Высшее образование в системе культуры. Ставрополь: СГУ, 1996. 96 с.
14. Шаповалов В. А. Высшее образование в социокультурном контексте. М.: Высшая школа, 1997. 413 с.
15. Шаповалов В. А. Высшее образование: современные модели, перспективы развития. Ставрополь: СГУ, 1996. 76 с.
16. Шаповалов В. А. Проблемы перехода в классический университет в новых социально - экономических условиях // Вестник Ставропольского государственного педагогического университета. 1996. № 4. С. 3 - 8.
17. Шаповалов В. А. Социокультурные детерминанты высшего образования. Автореферат дисс... д-ра социол. наук. Ростов-на-Дону, 1997. 40 с.
18. Шаповалов В. А. Конфликтологические исследования – приоритетное направление современных обществоведческих исследований // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18. Этническая и региональная конфликтология. М.-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С. 3 – 14.
19. Шаповалов В. А. Классический университет: роль и место в полиэтничном регионе // Научная мысль Кавказа. 2004. № 3. С. 79–83.
20. Шаповалов В. А. Развитие Ставропольского государственного университета в условиях модернизации образования и формирования нового финансово-правового поля. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. 92 с.
21. Шаповалов В. А. Роль классических университетов в развитии образования и науки // Вестник Ставропольского государственного университета. 2004. № 39. С. 5–13.
22. Шаповалов Владимир Александрович // Историки России XX века: Биобиблиографический словарь / А.А. Чернобаев (автор-составитель). Т. 2. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2005. С. 523.
23. Шаповалов Владимир Александрович: биобиблиографический указатель / сост. доц. М.Е. Колесникова. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. 52 с.
24. Энциклопедический словарь Ставропольского края / гл. ред. В. А. Шаповалов. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. 458 с.

УДК 929Краснова

Е. П. Тельменко
И. В. Крючков**МЕДИЕВИСТИКА КАК ПРИЗВАНИЕ: К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА
ИРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ КРАСНОВОЙ**Elena Telmenko
Igor Kryuchkov**MEDIEVAL STUDIES AS VOCATION: ON THE ANNIVERSARY
OF PROFESSOR I. A. KRASNOVA**

Так сложилось, что круглые даты в сознании людей обладают особым значением – это время подведения итогов очередного этапа жизни и одновременно рождения новых планов движения вперед. 2021 г. стал юбилейным в жизни одного из ведущих отечественных ученых-итальянистов, доктора исторических наук, профессора Ирины Александровны Красновой.

Ирина Александровна окончила Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского в 1973 г. В то время заведующим кафедрой истории Средних веков исторического факультета университета был Соломон Моисеевич Стам (1913–2010 гг.) – выдающийся историк-медиевист, разработавший оригинальную концепцию истории средневекового города, «фундаментальные идеи» которой «открыли новые горизонты изучения самых различных аспектов городской истории средневековья на материале различных стран и регионов» [2, с. 16]. Именно в «стамовский период» ведущим направлением научных исследований медиевистов кафедры становится изучение истории средневекового города, на базе

университета начинает издаваться межвузовский сборник «Средневековый город» (по решению Министерства высшего образования, 1970 г.), и саратовская школа урбанистов занимает значимое место в отечественном научном сообществе.

Помимо этого, работы М. М. Стама в области изучения Ренессанса, а также его преподавательская деятельность, способствовали формированию нового направления научных исследований возглавляемой им кафедры – истории культуры итальянского Возрождения, а также стали стимулом для научных изысканий многих ученых – выпускников Саратовского университета. Так, доктор исторических наук, профессор Ирина Яковлевна Эльфонд, однокурсница Ирины Александровны, начинавшая с изучения культуры итальянского гуманизма, а затем посвятившая себя исследованиям истории политической мысли Франции XVI в., отметив в одной из своих статей, что 60-е гг. XX в. стали временем усиления подготовки отечественных специалистов по истории культуры Возрождения, вспоминала студенческие годы в Саратове, где «с середины

60-х гг. систематически проводились спецсеминары по истории итальянского Ренессанса». Автор публикации описала принципы построения таких занятий: «С. М. Стам ставил перед студентами два типа проблем для исследования, подходил дифференцированно; часть студентов получала темы, посвященные одному крупному (как правило, одной из величайших фигур) деятелю Итальянского Возрождения (мои однокурсницы работали над художественным наследием великих художников Леонардо (Л. Белошицкая), Рафаэля (Т. Терина)). Перед другими ставились для изучения проблемы более общего, теоретического характера: социальная психология раннего Возрождения (И. Краснова), отдельные направления в историографии (В. Постников), особенности флорентийского гражданского гуманизма». В итоге, из этого «спецсеминара» вышло три специалиста по Возрождению – два доктора исторических наук (И. А. Краснова и И. Я. Эльфонд) и кандидат (В. А. Постников), из предшествующего – доктор исторических наук Н. И. Девятайкина» [31, с. 148–149]. Также, оставившие воспоминания о своем Учителе, выпускники Саратовского университета, с благодарностью вспоминают ту школу, которую они прошли у Соломона Моисеевича по поиску и умению препарировать источники и анализировать современную (в том числе, зарубежную) научную литературу [29]. От себя же стоит добавить, что, и об этом свидетельствует пример Ирины Александровны, этот свой опыт организации научной деятельности ученики С. М. Стама продолжают передавать и своим подопечным.

После окончания университета, как правило, молодые специалисты направлялись по распределению в различные места СССР, в которых существовала потребность в кадрах высшей школы. Так Ирина Александровна оказалась в Средней Азии, затем в Чечено-Ингушском государственном университете, и далее – в Ставропольском государственном педагогическом институте (с 1996 г. Ставропольский государственный университет, в 2012 г. вошедший в состав Северо-Кавказского федерального университета). Далее последовали годы аспирантуры в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина, где под руководством доктора исторических наук, профессора Александры Андреевны Кирилловой была подготовлена кандидатская диссертация, посвященная социальной психологии флорентийского популизма в XIV–XV вв., защита которой состоялась в 1983 г. [21].

Таким образом, избрав в качестве основного объекта своих научных исследований городское общество Флоренции XIII–XV вв., Ирина Александровна сосредоточилась на изучении особенностей повседневного сознания его жителей. В фокусе пристального внимания ученого оказались, прежде всего, представители торгово-предпри-

мательских слоев города на Арно – специфика их образа жизни и мышления. Результаты научных изысканий в этой области были обобщены сначала в вышедшей в 1995 г. монографии, а затем в защищенной в 1998 г. в Московском государственном университете докторской диссертации, – научным консультантом во время работы над ней стал доктор исторических наук, профессор Лидия Михайловна Брагина, – в которых социальная психология «деловых людей Флоренции» XIV – XV вв. рассматривалась сквозь призму их профессиональной деятельности и повседневного существования; принадлежности к определенным, традиционным и новым, сообществам; участия в политике республики (находившейся в процессе перехода от коммуны к территориальному государству под властью Медичи); и, наконец, религиозных практик, когда причислявшие себя к ортодоксальной церкви горожане, осуществляли индивидуальные поиски путей спасения души, формируя собственное понимание веры [10; 11].

Публикации источников и научных статей (в известных каждому историку изданиях «Средние века», «Диалог со временем», «Адам и Ева», ЭНЖ «История»); участие во множестве международных и всероссийских конференций; сотрудничество представителями различных школ медиевистики – московской (Институт всеобщей истории РАН, кафедра истории Средних веков МГУ), петербургской, саратовской ...; участие в крупномасштабных проектах по изданию коллективных монографий, энциклопедий, сборников научных статей (здесь трудно перечислить все, но, как представляется, достаточно упомянуть вышедший в четырех томах в 1999–2000 гг. «Город в средневековой цивилизации Западной Европы» [5; 9; 18; 19; 20]; изданную в 2007 – 2011 гг. энциклопедию «Культура Возрождения» [26, с. 84–86; 27, с. 169–170, 239–240, 469–470, 471–473, 566–567, 643–646; 28, с. 96 – 99]; опубликованную в пяти книгах в 2006–2007 гг. хрестоматию «Гендерная история Западной Европы» [1; 3; 30]; сборники статей, подготовленные Комиссией по культуре Возрождения Научного совета по истории мировой культуры РАН, составившие серию изданий, отражающих современное состояние исследований, посвященных различным аспектам европейской культуры эпохи Ренессанса (например, Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М., 1997; Культура Возрождения и власть. М., 1999; Человек в культуре Возрождения. М., 2001; Миф в культуре Возрождения. М., 2003; Театр и театральность в культуре Возрождения. М., 2005) [7; 13; 16; 15; 22]; вышедшую в свет в 2011 г. коллективную монографию «Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время» [12; 14]) – казалось бы, все это лишь «сухие» факты, но за ними – сомнения, гипотезы, открытия... и снова, поиск источников, их новое прочтение.

Работа с книжными и рукописными фондами Национальных центральных библиотек Флоренции и Рима, книгохранилища «Риккардиана» (Флоренция); контакты с итальянскими учеными, а также многолетнее взаимодействие с коллегами по цеху – отечественными медиевистами, исследователями Ренессанса, приводят к новым научным результатам, обобщением которых стала еще одна, опубликованная в 2018 г. монография Ирины Александровны «Флорентийское общество во второй половине XIII–XIV в.: гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари». В этом фундаментальном труде показана трансформация социальных отношений внутри коммуны, исследованы процессы взаимодействия разных слоев общества города на Арно, их противостояния и конвергенции (в том числе, различных вариантов синтеза). При этом, автор научного труда предложил своим читателям взглянуть на происходящие во флорентийском социуме изменения глазами самих горожан. Использование просопографического метода позволило создать коллективные биографии и выявить определенные типы – «добрый купец»; феодальный синьор – враг коммуны; добрый городской рыцарь; анализ исторических источников дал возможность «воспроизвести не только социальные идентичности и попытки самоидентификаций горожан Флоренции в обществе», но и «переживания», связанные с трансформацией социального статуса семьи или индивида в городе (например, процесс урбанизации феодального рода Кастильонкьо, выразившийся в их «двойственной социальной идентичности»). Благодаря книге Ирины Александровны читатели обрели возможность постигнуть процессы, происходящие в этом политическом и культурном центре Тосканы, слыша голоса представителей различных социальных групп, проникая в их образ жизни, стиль мышления и характер переживаний. Научный стиль и одновременная легкость письма, насыщенность книги яркими примерами, иллюстрирующими сложные процессы «социокультурной “переплавки” разных слоев общества» Флоренции, сделали текст книги интересным не только для специалистов, но и доступным для неискушенных читателей [23].

Изучение Ириной Александровной флорентийского общества – целостной и одновременно сложной системы, состоящей из множества элементов (отдельных индивидов с различающимся социальным статусом, входивших различные группы городского социума), способствовало появлению публикаций источников и статей, посвященных не только мужскому населению города на Арно, но и их дочерям, женам и вдовам (стратегиям их поведения в различных жизненных ситуациях, а также внутренним переживаниям); не только светским лицам, но и духовным наставникам горожан (Джованни Доминичи, Антонин Флорентийский, Джироламо Савонарола) [4; 6; 8; 24; 25; 17].

В 1998 г. у Ирины Александровны появилась возможность научного руководства аспирантами по специальности 07.00.03. – Всеобщая история (история средних веков), и ее ученики также обратились к исследованию различных сторон жизни Флоренции XIII–XV вв.: проблем богатства и бедности в общественной мысли Италии XIV – первой половины XV в. (А. Б. Гордиенко); личности и общества в биографической и автобиографической традиции Флоренции XIV – первой трети XVI вв. (Л.Н. Величко (Куприченко); женщин в обыденном восприятии представителей городской среды Италии XIV–XV вв. (И. А. Ануфриенко); места знати и рыцарства в городской среде Флоренции XIII–XV вв. (В. В. Тимченко); роли проповедника Джироламо Савонаролы в реформировании флорентийского общества в кон. XV в. (Е. П. Тельменко).

Без сомнения, все, кто прошел «школу» Ирины Александровны, – будь то занятия по дисциплине «История Средних веков», написание курсовых и дипломных работ, или же непрерывный диалог со своим руководителем во время проведения диссертационного исследования, – единодушны в том, что в их жизни появился «Учитель, о котором мечтает каждый увлеченный историей человек». Даже те, кто не избрал своим профессиональным поприщем медиевистику, спустя годы вспоминают лекции, притягивающие студентов «потрясающей способностью» Ирины Александровны «интересно и доходчиво объяснять самый сложный материал», ее манерой «придать изложению темы драматическую напряженность или неожиданную парадоксальность», когда «отрывки из скандинавских саг или ехемпла средневековых проповедников, умело вплетенные в ткань повествования, заставляли нас забыть о конспектировании, просто сидеть и слушать», а имена представителей отдаленной эпохи «переставали, благодаря её таланту, быть просто пунктами библиографического списка». Умение работать с историческими источниками, навыки историографического анализа – все это оттачивалось (как и в настоящее время) на семинарских занятиях и спецкурсах, посвященных средневековой культуре, а затем эпохе Ренессанса. О последних стоит сказать особо: был период, когда означенные спецкурсы не включались в учебный план и не формировали учебную «нагрузку» преподавателя, и тем не менее, Ирина Александровна жертвовала своим свободным временем и силами для их проведения. Практиковавшиеся на этих занятиях коллективные обсуждения тех или иных явлений и процессов в западноевропейском обществе и его культуре, отдельных представителей эпохи, затем продолжались участниками семинара в личном общении (и сейчас, проходя мимо аудиторий, где идут спецкурсы по Средневековью, можно услышать бурную полемику студентов накануне семинаров), поскольку, как верно отметила одна из учениц Ирины Александровны –

Д. М. Омельченко, «это был “вызов”, на которые мы, слушатели, жаждали дать “ответ”, соревнуясь между собой в способности сделать это убедительно»¹. Уникальной педагогической находкой Ирины Александровны также стала организация «КВН по истории Средних веков» – театрализованных представлений, основанных на осмыслении исторических источников, в которых принимали участие студенты второго курса: работа над сценарием выступления и подготовка вопросов соперникам, изготовление декораций, подбор костюмов и реквизита – все это сплачивало группу и весь курс; а мероприятие, на которое собирались студенты и преподаватели исторического факультета, дарило незабываемые впечатления и укрепляло чувство принадлежности к одной корпорации. И все это, повторимся, проводилось несмотря на исключительную занятость Ирины Александровны – к научным и учебным занятиям прибавились и другие обязанности.

¹ Мы выражаем огромную признательность за помощь в написании этого раздела статьи ученикам И. А. Красновой – научному сотруднику Санкт-Петербургского института истории РАН, к.и.н. Д. М. Омельченко; заведующему отделом этнографии Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве, к.и.н. А. Б. Гордиенко; сотрудникам кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений ГИ СКФУ – доценту, к.и.н. В. Н. Садченко, доценту, к.и.н. В. Н. Величко (Куприченко).

В 1997 г. Ирина Александровна возглавила кафедру истории Древнего мира и Средних веков (влившуюся, после образования СКФУ в ныне действующую кафедру зарубежной истории, политологии и международных отношений), сплотив вокруг себя увлеченных своим делом историков: профессор, доктор исторических наук В. П. Невская, профессор, доктор исторических наук А. П. Беликов, профессор, доктор исторических наук Н.М. Нарыкова, доцент, кандидат исторических наук С.А. Польская; свои первые шаги в профессии преподавателя здесь сделали В. Н. Садченко, Л.Н. Величко (Куприченко), Е. П. Тельменко, А.Б. Гордиенко, Д.М. Омельченко. Кроме того, Ирина Александровна входит в состав Диссертационного совета при СКФУ по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальностям отечественная и всеобщая история, а также исполняет обязанности Ученого секретаря совета.

И ныне, заслуженный профессор СКФУ, Ирина Александровна, продолжает движение вперед, сочетая интенсивное и плодотворное научное творчество с педагогической деятельностью, заряжая своей энергией коллег и студентов. Нам выпала огромная честь поздравить от имени друзей, коллег и учеников Ирину Александровну Краснову с юбилеем и от души пожелать ей крепкого здоровья, новых творческих начинаний и свершений. Будьте, и впредь, бодры и энергичны, какой Вы остаетесь и какой мы Вас любим и ценим.

Литература

1. Веспасиано да Бистиччи. Алессандра де Барди / пер. И. А. Краснова // Гендерная история Западной Европы: Хрестоматия / составители Л. П. Репина, А. Г. Суприянович. Книга III. М.: ИВИ РАН, 2006. 186–217.
2. Галямичев А. Н. Медиевистика в Саратовском университете: основные вехи истории // Средневековый город: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Науч. кн., 2007. Вып. 18. С. 3–22.
3. Джованни Доминичи. Наставления в семейных делах / пер. И. А. Краснова // Гендерная история Западной Европы: Хрестоматия / Составители Л. П. Репина, А. Г. Суприянович. Книга III. М.: ИВИ РАН, 2006. 144 – 147.
4. Краснова И. А., Пастельняк О. Г. Проповедник и его духовные дочери. Антонин Флорентийский. Письма // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: Издательство ЛКИ, 2008. Вып. 23. С. 331 – 389.
5. Краснова И. А. Брак и семья в городе: Флоренция XIV – XV веков // Город в средневековой цивилизации Зап. Европы. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма. М.: Наука, 1999. С. 213–220.
6. Краснова И. А. Вдовы и жены изгнанников Флоренции // De mulieribus illustribus. Судьбы и образы женщин средневековья. СПб.: Алетейя, 2001. С. 29–60.
7. Краснова И. А. Влияние культуры Возрождения на духовную жизнь флорентийцев // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М.: Наука, 1997. С. 40–49.
8. Краснова И. А. Горожанки Флоренции между семьей и монастырем: индивидуальный выбор, брачные стратегии и социальное принуждение // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: КРАСАНД, 2010. Вып. 31. С. 125–153.
9. Краснова И. А. Деловой человек Флоренции: занятия, круг общения, общественное сознание // Город в средневековой цивилизации Зап. Европы. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан. М.: Наука, 1999. С. 101–117.
10. Краснова И. А. Деловые люди Флоренции XIV–XV вв. Ставрополь – М.: Изд-во СГПУ, 1995. Ч. 1. – 108 с.; Ч. 2. – 162 с.
11. Краснова И. А. Деловые люди Флоренции XIV–XV вв.: занятия, образ жизни и обыденное сознание: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03. М., 1997. 853 с.
12. Краснова И. А. Должности и потестарные институты во Флоренции // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред.: Т.П. Гусарова. М.: КДУ, 2011. С. 302–332.
13. Краснова И. А. Идея гражданского единства и власть во Флоренции XIV – XV вв. // Культура Возрождения и власть. М.: Наука, 1999. С. 17–26.
14. Краснова И. А. Милан: должности и потестарные функции // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред.: Т.П. Гусарова. М.: КДУ, 2011. С. 333–355.
15. Краснова И. А. Миф о флорентийской свободе в биографиях дома Строцци // Миф в культуре Возрождения. М.: Наука, 2003. С. 98–118.

16. Краснова И. А. Образ жизни и строй чувств женщин в итальянских проповедях эпохи раннего Возрождения // Человек в культуре Возрождения. М.: Наука, 2001. С. 65–78.
17. Краснова И. А. Политическое устройство Флоренции в представлении Джироламо Савонаролы (по трактату «Управление Флоренцией») // Средние века. М.: Наука, 1994. Вып. 57. С. 137–157.
18. Краснова И. А. Пополаны и гранды во Флоренции // Город в средневековой цивилизации Зап. Европы. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. М.: Наука, 2000. С. 100–111.
19. Краснова И. А. Представления о свободе у флорентийских горожан // Город в средневековой цивилизации Зап. Европы. Т. 4. Extra muros. Город, общество, государство. М.: Наука, 2000. С. 79–83.
20. Краснова И. А. Принципы выборности во Флоренции XIV – XV веков // Город в средневековой цивилизации Зап. Европы. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. М.: Наука, 2000. С. 57–67.
21. Краснова И. А. Социально-психологическая характеристика флорентийского пополанства XIV – XV веков: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. М., 1983. 278 с.
22. Краснова И. А. Театрализованные формы ритуалов политической повседневности во Флоренции XIV – первой трети XV вв. // Театр и театральность в культуре Возрождения. М.: Наука, 2005. С. 11–27.
23. Краснова И. А. Флорентийское общество во второй половине XIII–XIV вв.: гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 494 с.
24. Краснова И. А., Ануприенко И. А. Воспитание женщины в городском социуме Флоренции XIV – XV вв. // Человек в культуре античности, средних веков и Возрождения. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2006. С. 99–22.
25. Краснова И. А., Ануприенко И. А. Замужняя женщина и хозяйка дома во Флоренции XIV – начала XV вв.: судьба Маргариты Датини // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2006. № 12. С. 264–273.
26. Культура Возрождения: энциклопедия. В 2 т. / ред. кол.: Н.В. Ревякина (отв. ред.), О.Ф. Кудрявцев (зам. отв. ред.) и др. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 1, А-К. 863 с.
27. Культура Возрождения: энциклопедия. В 2 т. / ред. кол.: О.Ф. Кудрявцев (отв. ред.), Н. В. Ревякина (зам. отв. ред.) и др. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 2. Кн. 1, Л-П. 662 с.
28. Культура Возрождения: энциклопедия. В 2 т. / ред. кол.: О.Ф. Кудрявцев (отв. ред.), Н. В. Ревякина (зам. отв. ред.) и др. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 2. Кн. 2, Р-Я, А, S. 709 с.
29. Негуляева Т. М. Первый спецсеминар С. М. Стама по истории города // Средневековый город: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 2006. Вып. 17. С. 64–72.
30. Письма Маргариты Датини / пер. и коммент. И. А. Краснова, И.А. Ануприенко // Гендерная история Западной Европы: Хрестоматия / составители Л. П. Репина, А. Г. Суприянович. Книга III. М.: ИВИ РАН, 2006. 147–186.
31. Эльфонд И. Я. Изучение проблем культуры Возрождения в отечественной науке 60-х–80-х гг. XX в. // Средневековый город: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 2006. Вып. 17. С. 143–158.

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2021. № 3

Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал /
гл. ред. И. В. Крючков. – 2021. – № 3. – 182 с.

– Свободная цена –

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка И. В. Бушманова

Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 22.10.2021

Дата выхода в свет 29.10.2021

Формат 60x84 1/8	Усл. п. л. 21,16	Уч.-изд. л. 20,68
Бумага офсетная	Заказ 216	Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2